Smirdin, A. F.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

9

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ

СОЧИНЕНІЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЯ

ДОЛГОРУКАГО

(Князя Ивана Михайловича.)

Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 18 Мая 1848 года.

Ценсоръ *Никитенко.*

БЫТІЕ СЕРДЦА МОЕГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ III^му ИЗДАНІЮ.

Бывали часто большія происшествія отъ мелкихъ причинъ. Одинъ иностранный писатель занимался собраніемъ многихъ событій, свидѣтельствующихъ сію истину, и выдалъ книгу, которую всякой читывалъ въ ребячествѣ. Мы, живущіе въ настоящее время, отвергнемъ ли противоположность сего замѣчанія, и не признаемся ли, что часто отъ большихъ причинъ родятся мелкія происшествія? Напр. «Не сгори Москва, не растерзай Французъ всѣхъ библіотекъ въ столицѣ» я бы не печаталъ снова моихъ произведеній. По качеству, довольно бы для нихъ чести таскаться по свѣту и въ томъ нещеголеватомъ видѣ, въ какомъ представляется второе ихъ изданіе (чего для меня больше?); но и того почти вовсе нѣтъ. Для публики это не накладъ; но пріятели мои иначе объ этомъ судятъ, и я приношу имъ здѣсь новую жертву моего послушанія и пріязни.

Первое изданіе моихъ стиховъ, вышедшее въ 1802, году и второе въ 1808, были посвя-

щены женскому полу. Тогда страсти молодыхъ лѣтъ хотя уже не такъ пылко горѣли въ сердцѣ моемъ, однако еще не гасли, и я увлекался живостью моего воображенія далеко, можетъ быть, за предѣлы дозволеннаго. Принеся два раза женщинамъ дань пристрастія моего къ нимъ и плодъ восхищеній, я недавно простился съ ними на бумагѣ и, посвятя имъ же переводъ Филибера, изъявилъ въ предисловіи полную мою признательность сей очаровательной половинѣ человѣческаго рода, которой я обязанъ былъ столь многими счастливыми воспоминаніями въ жизни моей. Полно занимать ихъ собою! полно заниматься самому ими! Пора вспомнить, что я вторую половину столѣтія проживаю — и остаться при одномъ къ нимъ уваженіи.

Приступая нынѣ къ третьему и, вѣроятно, къ послѣднему изданію моихъ стихотвореній и собравши въ немъ все, что я написалъ въ теченіе разныхъ возрастовъ жизни, я хочу сдѣлать книгу мою памятникомъ благодарности — сего превосходнѣйшаго чувствованія изъ всѣхъ тѣхъ, коими Природа снабдила человѣческое сердце; и предъ кѣмъ явлю я его нынѣ столь обильно, какъ не предъ Московскимъ Университетомъ, которому я столь много и толикократ-

но въ жизни моей сталъ обязанъ? Ему должно посвятить труды мои! ему приношу сей вве-ренный мнѣ отъ него талантъ! — Онъ бѣденъ былъ отъ природы, воздѣланъ мною худо; но по крайней мѣрѣ я его не закопалъ, какъ рабъ лѣнивый, и сіе одно да будетъ цѣною моею предъ симъ Святилищемъ Наукъ! —

Въ семъ намѣреніи я руководствуюсь уже не тѣми восторгами, кои съ языка срывали и сливали съ пера льстивыя привѣтствія обворожительныхъ страстей; одна умилительная и глубокая признательность правитъ настоящимъ моимъ поступкомъ, и заблужденію нѣтъ никакого мѣста.

Назвавъ книгу мою *Бытіе моего сердца*, я привожу себѣ на память все бытіе мое моральное, и вездѣ нахожу непрерывающуюся нить благодѣяній ко мнѣ отъ Университета.

Подъ сѣнію его я озарился первыми лучами умственнаго свѣта. Въ немъ провелъ юность и выпущенъ на поприще жизни гражданской. Въ немъ обучался туне. — Тамъ благотворная душа *Шувалова*, назидательныя попеченія *Мелиссино*, плодовитый геній *Хераскова* образовали умъ и сердце Россіянъ! Память ихъ покровительства и благоволенія ко мнѣ снидетъ со мною во гробъ! — Тамъ искусные воздѣ-

мнѣ готовило свои злоключенія! И тогда, когда я могъ, подражая огорченному чувству Порфироноснаго Пѣснопѣвца, съ воплемъ изрещи: «*Ближніе мои далече мене сташа*» и тогда кто протянулъ мнѣ дружескую руку? кто притупилъ жало злобы? кто смягчалъ язву собственнаго отчаянія? Ты, ты, мой Университетъ! Хладнокровно взирая на коловратность отношеній мірскихъ, онъ удостоилъ меня новой чести, только увеличенной тѣмъ, что елико паче униженъ я былъ въ своей собратіи, — и нарекъ меня Почетнымъ Членомъ учрежденнаго въ немъ Общества Любителей Россійской Словесности. Новая заря для меня возсіяла! новое солнце изъ бури для меня проглянуло! Скромность одна налагаетъ на уста мои печать — и я, воздавъ хвалу умершимъ, не смѣю распространять ее на живыхъ, дабы злая догадка досадителей моихъ не отнесла искренняго чувства къ одной лести, недостойной моего пера.

Такъ поступалъ со мною Университетъ во всѣ эпохи жизни моей, всегда равно, и въ счастіи и въ несчастіи, въ ведро и въ туманъ, въ торжествѣ и въ уничиженіи: — и я ли забуду сію златую колыбель моего моральнаго младенчества?

Я знаю болѣе, нежели какой бы то ни было критикъ остроумный, или насмѣшливый, или ядовитый, написать можетъ, что мои сочиненія очень недостаточны и что вообще вся книга не стоитъ особеннаго вниманія. Соглашаюсь со всѣми рецензентами прошедшими, нынѣшними и будущими, — знаю, что еслибъ, по примѣру иныхъ, я принялся обработывать мои произведенія и убрать ихъ почище, можетъ быть, изъ толстой одной книги пустяковъ я бы вырѣзалъ нѣсколько страницъ посредственнаго, и болѣе бы угодилъ разборчивымъ читателямъ; но силюсь привести въ извиненіе себя въ томъ, что я дѣйствовалъ иначе, на зло принятымъ правиламъ, по одному собственному своему произволу, слѣдующее простое мое разсужденіе. Оно можетъ показаться ошибочно—я въ этомъ спорить не стану—но *мое*; ибо я люблю быть всегда *Я*, не заимствуя чужихъ нарядовъ.

Еслибъ я издавалъ книгу классическую, еслибъ хотѣлъ свои сочиненія сдѣлать образцовыми для другихъ, какъ *наприм.* въ стихахъ *Ломоносовъ*, *Державинъ*, *Мерзляковъ*, а въ прозѣ *Карамзинъ*, тогда бы я привлекъ на себя самую правильную критику; ибо кто учитъ другихъ, тотъ долженъ показать, что онъ самъ основательно выучился. Но я не одинъ уже

разъ увѣрялъ публику и непрестанно твердить ей стану то же: что я писалъ не для образованія системы новаго вкуса, а собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится. Я никого не назидаю, никому не даю уроковъ, не ищу прозелитовъ. Читать и писать были всегда мои двѣ стихіи, и ими я живу морально, такъ, какъ и всѣ люди живутъ воздухомъ по естеству. А что писать и читать, и какъ, въ этомъ я слѣдовалъ собственнымъ моимъ побужденіямъ. Пусть винятъ мой слогъ!! — Эпиграфъ заглавной въ книгѣ доказываетъ, что я этимъ не огорчаюсь, лишь бы не порицали моихъ чувствъ, моихъ правилъ, моей нравственности.

Вотъ основа въ моихъ сочиненіяхъ, которую я старался сдѣлать неприкосновенною, прочною! — и смѣю льстить себя надеждой, что укоризны меня не достанутъ. Что же надлежитъ до узоровъ, я ихъ охотно отдаю на жертву кому угодно. По мнѣнію моему, въ такомъ случаѣ лучшее дѣло не покупать и не читать книги, которая нехороша, которая не похожа ни на чью, которая не соображена ни съ римскими, ни съ греческими древними красотами и проч. и проч. Вотъ и все! — А сердиться за что? А браниться, называя ругательства кри-

тикою, позвольте откровенно молвить, и того хуже. Упрямаго автора не исправишь, а себя лишь надорвешь. — Публикѣ барыша мало — самому себѣ живой накладъ.

Смотря на всѣ книги и на свою съ этой точки зрѣнія, я очень мало поправлялъ мои стихотворенія — и въ 3 изданіи также много стараго вздора оставилъ, какъ и въ прежнихъ двухъ, да еще и много новаго прибавилъ; потому что я въ стихахъ моихъ хотѣлъ сохранить всѣ оттѣнки чувствъ своихъ, видѣть въ нихъ, какъ на картинѣ, всю исторію моего сердца, его волненія, перемѣну въ образѣ мыслей, ходъ ихъ въ разныхъ возрастахъ жизни и постепенное развитіе малыхъ моихъ способностей. Я ни одной бездѣлки, ни одного стиха не вымаралъ потому, что всякой напоминаетъ мнѣ какое-либо или происшествіе, или мысль, или чувство, которое на меня дѣйствовало тогда и тогда; словомъ, мнѣ пріятно себя находить ребенкомъ, мальчикомъ, мужемъ совершеннымъ и наконецъ старикомъ, — и видѣть, какою ниткою разсудокъ мой отъ 15 лѣтъ и до 50 прокладывалъ себѣ пути къ счастью въ томъ глубокомъ лабиринтѣ, что анатомисты назвали *сердцемъ*. Вотъ ключъ той оригиналь-

ности, которую моимъ сочиненіямъ изволятъ многіе приписывать!

—Конечно, предосудительно для великаго творца эпопеи или трагедіи стать выше общаго мнѣнія и попрать деспотически всѣ правила принятаго вкуса; но не ужли и *Феклу* пѣть надобно такимъ же размѣромъ, какимъ пѣвали трубадуры своихъ красавицъ? Отъ этой неволи Боже насъ избави!

И такъ, принеся нынѣ, какъ бѣдный пѣвецъ, убогія мои пѣсни на алтарь Аполлона, я почту себя чрезмѣрно награжденнымъ, если мудрые служители его благосклонною улыбкою продолжатъ во мнѣ то блаженное вдохновеніе Природы, которымъ красится всякая судьба, счастливится всякое уединеніе! — Такъ! Поэзія есть забава молодости, краса средняго возраста жизни и единственная отрада въ старости; и я, испытавъ сію истину, особенно въ послѣднемъ ея видѣ, готовъ признательно сказать, склонясь къ западу дней моихъ:

«Тотъ вѣкъ златой провелъ, кто лирою своей,
«Не славой возгремѣлъ, былъ нуженъ для друзей.

БОГУ.

Mon coeur peut s'égarer, mais il est plein de toi.

ГИМНЪ

ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

—

Боже мой! кому иному
Я хвалы въ сей день воздамъ?
Лишь Тебѣ, Творцу благому,
Воскурю днесь ѳиміамъ.
Въ горній храмъ къ Тебѣ да внидетъ,
Славы жертвенникъ обыдетъ,
И Ты мудрости щитомъ,
Какъ спасалъ меня донынѣ,
Такъ и въ новой сей годинѣ
Сохрани отъ золъ мой домъ!

Ты, мнѣ жизни даръ пославши,
Мой животъ наполнилъ благъ;
Къ Христіанству мя призвавши,
Утвердилъ въ немъ первый шагъ.
Ты мою наставилъ юность,
Вольнодумцевъ наглу буйность
Отъ разсудка отвратилъ,
И, житейскихъ бѣдъ въ награду,
Брака далъ познать отраду
И дѣтьми благословилъ.

Ты страстей тревогамъ лютымъ
Не далъ смертно поражать;
Мыслямъ, гордостью надутымъ,
Запретилъ мой духъ смущать.
Въ день, когда на брань стремился,
Щитомъ вѣры ополчился,
Ты со мною былъ тогда;
При дверяхъ чертоговъ царскихъ
И среди трапезъ боярскихъ
Обрѣталъ меня всегда.

Когда мерзкія внушенья
Врагъ мой сѣялъ на меня
И, подъ игомъ люта мщенья,
Сокрушенъ ужъ падалъ я;
Когда други не познали
И родные одаль стали —
Ты одинъ меня спасалъ;
Человѣка немощь зная,
Грѣхи юности прощая,
Сѣть коварства разорвалъ.

Ты, Свои святы законы
Мнѣ на сердцѣ впечатлѣвъ,
Противъ тѣхъ, кто любитъ стоны,
Воспалилъ мой лютый гнѣвъ.
И когда я подвизался,
Сильныхъ рогъ сломить старался,
Ища истины одной,
Люди мнѣ грозили бѣдствомъ;

Но Ты, совѣсти посредствомъ,
Рекъ: — дерзай! се Азъ съ тобой.

Не мечтая быть несчастнымъ
По сравненію съ царемъ,
Чту предъ тѣмъ свой рокъ прекраснымъ,
Кто меня бѣднѣй во всемъ.
Боже! дай, чтобы въ смиреньи
Я мечталъ себя въ сравненьи
Не съ носящими виссонъ,
Но туда стремилъ бы очи,
Гдѣ съ полдёнъ и до полночи
Голодъ, скорбь, недугъ и стонъ!

Сколько въ свѣтѣ тѣхъ несчастныхъ,
Для которыхъ все—бѣда;
Въ недостаткахъ повсечасныхъ
Нѣтъ имъ къ радости слѣда.
А мнѣ Богъ, даруя пищу,
Далъ еще, что̀ дать и нищу,
И всего на нужду есть.
Между добрыми сердцами
Еще я могу друзьями
Безъ ошибки двухъ, трехъ счесть.

Боже мой! кому жъ иному
Мнѣ хвалу въ сей день воздать?
Не вѣмъ Богу я чужому
Колѣнъ, сердца преклонять.
Ты, всевѣдущее Око!
Ставь отъ золъ меня далеко;

Ты бо вѣси, сколь я слабъ.
Усмири коль вознесуся,
И да съ правды не споткнуся,
Помня вѣкъ, что я Твой рабъ.

АКРОСТИХЪ.

Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка.

Блаженъ, кто Божества щедроты ощущаетъ,
Умъ дерзкій обуздавъ, на Бога уповаетъ,
Душою чтитъ Его, всей мыслію любя,
И съ жребіемъ своимъ вручилъ Ему себя!
Изъ тмы создавый свѣтъ вселенной всей Зиждитель,
Морей и суши Царь! будь дней моихъ хранитель!
Я истины прямой стези всегда ищу;
Гнушаясь всякой лжи, правдивымъ быть хочу.
О! сколь погрѣшно я законъ Твой разумѣю,
Суетъ мірскихъ оплетъ расторгнуть не умѣю;
Пріятности любви вкушая льстивый ядъ,
Обманутъ всякой день я чаяньемъ отрадъ;

Дражайшею мечтой плѣняясь ежечасно,
Неволею влекомъ туда, гдѣ сердце страстно;
Единственно ему стремяся угождать,
Блаженствомъ чту въ любви всечасно воздыхать,
Ловя, какъ-будто тѣнь, минуты безполезны.
Ахъ! слабъ я предъ Тобой однимъ—лить токи слезны;
Господство чувствамъ давъ и умъ разсѣявъ весь,
О чемъ, о чемъ пекусь я, пресмыкаясь здѣсь?
Судьбу, а не себя, напрасно укоряю,
Лукавства весь сосудъ до-суха испиваю;
Отъ счастія далёкъ, хотя бѣгу за нимъ:
Все страхъ въ душѣ моей — все тма глазамъ моимъ.
Ей, тако я живу, жить иначе не зная;
На благости Твои, Всесильный, уповая,
Незыблему на нихъ надежду воспріявъ,
О, Боже! отъ Тебя жду новый умъ и нравъ.
Отторгни, разорви несовершенства узы!
Ты можешь, Боже! все: въ Твоей рукѣ союзы,
Непостижимо персть связавшіе съ душой
И сущіе въ борьбѣ всегда между собой.
Не зрѣть въ Тебѣ Отца, но судію лишь строга,
Есть мука всѣхъ лютѣй; — коль сладко видѣть Бога
Источником всѣхъ благъ, началомъ райскихъ дней,
Душевныя тоски отрадой чтить своей.
О, Боже! всяка тварь—песчинка предъ Тобою!
Владѣя тмой міровъ, владѣешь Ты судьбою

Естественныхъ страстей предѣлы сохраня,
Ко мнѣ всещедрый взоръ и слухъ свой преклони,
Адъ сердца утоли — и успокой меня!

РАЗМЫШЛЕНІЕ О СМЕРТИ.

Rendons graces à la nature
Et remettons lui sans murmure
Ce que nous en avons reçu.

—

Напрасно, мню я, человѣки
Боятся смертнаго часа,
Напрасно льютъ они слезъ рѣки,
Когда ихъ времени коса
Какъ листъ осенній бреетъ съ поля,
На что Всевышняго есть воля;
Что въ чинъ природы введено,
То вредно быть для насъ не можетъ!
И такъ, вотще всѣхъ насъ тревожитъ,
Что намъ кончаться суждено.

Представимъ мы, что между нами
Еще живутъ Адамъ и Ной,
Царей украшенныхъ вѣнцами
Вообразимъ огромный строй,

Всѣхъ странъ вождей побѣдоносныхъ,
Тирановъ сильныхъ и несносныхъ,
И сей одушевленный гадъ,
Который чернью называютъ
И тысячами вдругъ считаютъ
Въ ревижскихъ сказкахъ наугадъ.

Увы! куда бъ тогда дѣваться
Такому множеству людей?
Вселенна бъ стала колебаться
Отъ массы движущихся въ ней.
Тогда не царства межъ собою,
Одна чета съ другой четою,
За пай земли сразясь до слезъ,
Кровей исполнили вселенну,
Воспламенили въ ней геенну,
Затмили дымомъ сводъ небесъ.

Наслѣдства всѣ бъ исчезли права,
И каждый сталъ насильствомъ жить;
Одна естественна управа
Законы вздумала бъ чертить,
Для жилъ пространства бы не стало,
Для пищи злака было мало
И для питья воды въ моряхъ;
Съ людьми звѣрь хищный бы сразился,
На общихъ пажитяхъ кормился,
Дѣлилъ овраги съ нимъ въ лѣсахъ.

Но смерть всему предѣлы ставитъ:
Враждамъ опредѣляетъ срокъ,

Среди злодѣйствъ злодѣя давитъ,
И страшенъ всѣмъ послѣдній рокъ.
Земля, свои храня законы,
Скрываетъ труповъ милліоны,
Межъ тѣмъ, какъ новый родъ растетъ;
И тамъ, гдѣ предковъ гробы тлѣютъ,
Потомки ихъ пшеницу сѣютъ,
Живой на мертвомъ хлѣбъ свой жнетъ.

Отецъ владѣлъ и наслаждался,
Родилъ дѣтей — пригрѣлъ, соблюлъ;
Птенцы вспорхнули, онъ скончался,
Свершивши подвигъ свой — уснулъ.
Угодно такъ Творцу правдиву,
Чтобъ всякъ изъ насъ шалашъ свой, ниву
Другому здѣсь передавалъ;
Чтобъ все изъ бренія раждалось,
Среди теченія кончалось,
И міръ въ себѣ себя мѣнялъ.

Войдемъ во храмину страдальца,
Со всѣхъ несчастнаго сторонъ —
Бѣднякъ не можетъ тронуть пальца,
Въ немъ признакъ жизни: только стонъ —
Когда бы смерть ему не льстила,
Какая бъ въ немъ душевна сила
Могла снести такой животъ?
Но сляченъ, бѣдствуетъ всечасно,
И смерть, мгновенье столь ужасно,
Онъ зритъ наполненнымъ красотъ.

Заглянемъ въ страшныя темницы,
Гдѣ стража, не воздремля, бдитъ,
Гдѣ мрачны обвиненныхъ лица
Грызенье совѣсти томитъ;
Тамъ жизнь есть образъ муки вѣчной,
Какой въ щедротахъ безконечной
Ни въ адѣ Богъ не сотворилъ:
Какъ странникъ ждетъ въ степи прохлады,
Такъ узникъ чаетъ той отрады,
Чтобъ дни его Творецъ свершилъ.

Куда бы кто изъ насъ укрылся
Отъ злобы хитраго врага,
Когда бы самъ онъ не страшился,
Что сломитъ смерть ему рога?
Летитъ и дѣйствуетъ злонравный;
Но въ самый тотъ моментъ тщеславный,
Когда куетъ весь міръ, тиранъ,
И даже небо сдвинуть хочетъ,
Плутонъ во адѣ серпъ свой точитъ,
Махнулъ — и трупъ восхитилъ вранъ.

И такъ, судебъ опредѣленье,
Чтобъ тлѣну смертью былъ предѣлъ;
Отнюдь не зло, — благотворенье
Для утомленныхъ нашихъ тѣлъ.
Чего жъ такъ много мы боимся?
Исчезнетъ страхъ, коль убѣдимся,
Что Пастырь добрый насъ пасетъ,
Который все на пользу строитъ,

И старца на одрѣ покоитъ,
И въ люлькѣ дѣтище блюдетъ.

Одинъ порокъ для насъ опасенъ;
И чѣмъ онъ больше въ жизни льстить,
Тѣмъ, ближе къ гробу ставъ, ужасенъ,
И узы плоти тяготитъ.
Но если сердце благородно
Питаетъ чувство превосходно,
Любовью къ вѣчности горя,
Тогда сей свѣтъ, сколь ни плѣняетъ,
А смерти мигъ всегда бываетъ
Какъ утра краснагô заря.

[illegible]

МЕРТВЫМЪ.

[illegible]

De mortuis aut bene, aut nihil.

Объ мертвыхъ иль добро реки, или молчи.

НА КОНЧИНУ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ.

—

Зри смертнаго предѣлъ—и слезы лей, Царица!
На хижину и тронъ Всевышняго десница
Равно простерла скорбь, недуги и печаль.
Въ порфирѣ ты—все мать и дщери мертвой жаль!
Давно-ль она цвѣла?—давно ли на престолѣ,
Избранная судьбой жить въ радостнѣйшей долѣ,
Возвысила вѣнецъ душевной добротой,
Цѣной ея купя всѣхъ подданныхъ покой?
Часъ рока наступилъ, и мечъ его ужасный,
Чтò смертью мы зовемъ, сей жизни врагъ всечасный
Ей тлѣнію гробовъ быть жертвою обрекъ;
Средь благъ земныхъ, во прахъ низверженъ человѣкъ!

О, лютое души родительской мученье!
Какое, кто тебѣ предложитъ утѣшенье?
Какой витійства слогъ удобенъ врачевать
Того, кто осужденъ плодъ чрева потерять?
Марія! плачь; земля Твоимъ стенаньямъ внемлетъ
И само Небо ихъ со благостью пріемлетъ.
Россія! возрыдай; не изъ обряда льстя.
Гласъ сердца вопіетъ: она — твое дитя!
Забудешь ли, что та, чей жребій совершился,
Чей духъ, отъ тѣла взятъ, на небо преселился,
Въ твоихъ странахъ родясь, воспитана, взросла
И Россіянкой быть своимъ трофеемъ чла?
Забудешь ли ея въ тебѣ благотворенья,
Въ наитіе судьбы, въ жестоки искушенья?
По качествамъ души, превыше трона ставъ,
Хранила Вѣры долгъ, отечества уставъ;
Въ чужія племена союзомъ увлеченна,
Ей родина была повсюду драгоцѣнна;
Съ участіемъ о ней пріемля добру вѣсть,
Чадъ Сѣвера хвалу себѣ вмѣняла въ честь.
И вспомни, наконецъ, что имя той носила,
Чьей славою громка твоя донынѣ сила!
Екатерина тамъ въ Екатеринѣ зритъ
Низшедшій отъ нея духъ кротости и видъ;
Праматеринымъ дѣлъ издѣтства бывъ свидѣтель,
И внука возвела на тронъ свой добродѣтель!
Природа въ колыбель ей всѣ дары дала,
А генія печать отъ Неба пріяла;
Но смертнаго, увы! суть кратки дни блаженства

И рано ль скрыть отъ насъ сей образъ совер-
шенства!

Такъ скрылась ты отъ глазъ, но вѣкъ жива
въ сердцахъ!
Да будетъ о тебѣ услышанъ въ небесахъ
Плачъ матери твоей, въ молитвѣ сокрушен-
ной,
Супруга тяжкій вздохъ, въ тоскѣ уединенной,
И тайный сей глаголъ, понятный только тамъ,
Гдѣ Богъ — единъ есть Царь, весь міръ — единъ
есть храмъ!
Стонъ горестныхъ сиротъ въ странѣ, тебѣ под-
властной,
Исторженныхъ тобой изъ участи злосчастной,
Уступитъ ли въ слезахъ отечество твое?
Родимый градъ Петровъ, гдѣ воды, камень — все,
Младенческихъ твоихъ годовъ воспоминанье
Златого вѣка намъ животворитъ преданье!
Москва, къ которой ты, средь лучшихъ жизни
лѣтъ,
Приближась къ ней, была восторга всѣхъ пред-
метъ,
Науки, письмена, художества свободны
Потомству предадутъ твой Геній превосход-
ный.
Чрезъ долгой рядъ вѣковъ, въ молвѣ земныхъ
судьбинъ,
Сольются имена тѣхъ двухъ Екатеринъ,
Изъ коихъ во Второй духъ творческій познали,
Подобіе Ея жъ въ послѣдней обожали.

А Ты, смиривъ чело предъ промысломъ Творца,
Страдающая мать! подъ тяжестью вѣнца
Щитъ Вѣры восприми, собравъ душевны силы,
И дщерей въ лѣпотѣ трикратныя могилы
Какъ жертву принеси покорности своей
Небесному Царю, владѣющу землей!
Чѣмъ выше насъ Ты здѣсь, тѣмъ ближе къ взору Бога;
А горести — къ Нему вѣрнѣйшая дорога.
Очищенна душа, въ горнилѣ лютыхъ бѣдъ,
Паритъ на небеса подъ знаменемъ побѣдъ.
Воззри! коль широка россійскихъ странъ ограда!
Владыка ихъ — Твой Сынъ! народъ — Твои же чада!
Ихъ мысли, чувства, взоръ къ Тебѣ обращены;
Всѣ блага ихъ въ Твоей судьбѣ заключены;
Хвала летитъ изъ устъ, отъ всѣхъ сердецъ любима,
А подданныхъ любовь—за гробомъ діадима!! —

НА КОНЧИНУ

Митрополита московскаго Платона.

Скончался велій Мужъ — россійскій Златоустъ,
Сіонскій вертоградъ явился мраченъ, пустъ;

Уже пріяла въ снѣдь готовая пещера
Скудельный храмъ того, кого взрастила Вѣра!
Безсмертная душа на небеса паритъ,
У гроба въ тишинѣ Унынье присѣдитъ,
И прахъ его кропя чувствительной слезою,
Святителя блажитъ, любимаго Москвою.
Четыредесять лѣтъ Христовъ подвижникъ сей,
Владычна Дома стражъ, наставникъ былъ царей.
Умолкла проповѣдь, которой всѣ плѣнялись,
И князи, и рабы, и старцы умудрялись;
Вѣщаніямъ его желали всѣ внимать,
Изъ устъ его текла рѣкою благодать;
Каѳедры не сквернилъ онъ лестью фарисейской,
Языкъ его былъ мечъ на брани здѣсь житейской;
Единому Творцу какъ вѣрный рабъ служилъ,
А ближнему, какъ другъ, животъ свой посвятилъ;
Напитанный прямымъ Евангельскимъ ученьемъ,
Онъ крестъ различныхъ золъ умѣлъ носить съ терпѣньемъ;
Любилъ величить Домъ небеснаго Царя,
И всё, что̀ ни стяжалъ, повергъ у Алтаря;
Пѣлъ Богу сладку пѣснь во храмахъ и пустынѣ;
И руки простиралъ со трепетомъ къ святынѣ!
Въ училищѣ — отецъ, въ бесѣдѣ — любословъ,
Въ обители — монахъ, а въ кельѣ — философъ;
Грядущаго искалъ средь временнаго града;
Зря волка на пути, не бѣгалъ прочь отъ стада:
И Богъ, смутя врага, не попустилъ его
Ступить на мирный прахъ Левита своего.
Се нынѣ день насталъ душевныя свободы!

Путь узкій совершивъ, кинв физу здѣсь природы
И смертное сіе, въ безсмертье облекись,
О, Пастырь мудрый нашъ! въ Едемѣ водворись;
Нетлѣнной жизни зря десницу совершенну,
На лонѣ праотцевъ наслѣдуй мзду блаженну!
А вы воздайте дань Владыкѣ своему,
Смиритеся предъ нимъ, простите все ему!
Еще въ послѣдній разъ, служители церковны!
Составьте въ честь ему печальный ликъ духовный.
Реките въ полный слухъ, — и вамъ воеплещетъ свѣтъ:
Владыкъ соборъ великъ, — но, ахъ! Платона нѣтъ!

На кончину дочери моей, Княж. М... И....

Того, что сдѣлалъ Богъ, нельзя перемѣнить;
Онъ самъ, хотя великъ, не склоненъ измѣнить
Порядку естества, уставленну отъ вѣка,
Создавшій тлѣнный міръ и перстна человѣка.
Въ законѣ положилъ непостижимъ Творецъ
Ничтожество вещамъ и существамъ конецъ.
Ужель изъ ничего извлекъ онъ всю вселенну,
Постылую въ бѣдахъ, и въ счастьи драгоцѣнну,

На то, чтобъ всякая тварь уставъ природы въ ней
Могла перемѣнять по прихоти своей? —
О, нѣтъ! о Богѣ такъ напрасно помышляемъ,
Великимъ чтимъ Его, а малымъ представляемъ;
Одинъ лишь смертный жить не можетъ безъ того,
Чтобы вокругъ себя не шевелить всего;
Нѣтъ мыслей въ немъ, ни чувствъ отъ суеты свободныхъ.
Не такъ свой правитъ міръ Владыка земнородныхъ;
Онъ твердъ, какъ адамантъ, въ могуществѣ своемъ;
Заботъ житейскихъ чуждъ и нѣтъ неправды въ Немъ.
Назначивъ небу кругъ, землѣ ея движенье,
Безъ слабости глядитъ на жертвоприношенье.
Все въ свѣтѣ естеству покорно быть должно;
Терпѣть и уповать — вотъ всё, что̀ намъ дано!
Коль бросимся въ огонь — конечно, обожжемся,
Коль сунемся въ потокъ — водою захлебнемся;
Здоровый атеистъ удобенъ жить сто лѣтъ,
А праведникъ больной и въ поль не доживетъ;
И такъ мы, относя подобныхъ намъ въ могилу,
Вотще винимъ Небесъ содѣйствующу силу;
Какіе соки намъ дадутъ отецъ и мать,
Такъ будемъ поздно жить, иль рано умирать.

Богъ дѣйствуетъ на духъ и подвиги душевны,
А плоть — гнилой сосудъ, вещественныя скверны,
Творецъ взялъ изъ земли и куклу сотворилъ;

Расшибся истуканъ — прахъ въ землю возвратилъ;
Тамъ паки изъ него, чудеснымъ измѣненьемъ,
Земля питаетъ міръ другимъ произведеньемъ;
А если вѣру дать, что каждый человѣкъ
Не иначе вершитъ физическій свой вѣкъ,
Какъ въ часъ, самимъ Творцемъ на то опредѣленный,
То, Господи! прости мой ропотъ дерзновенный—
Возможно ли Тебя жестокимъ намъ не чтить,
Когда велишь жену и чадо хоронить,
Когда любви союзъ священный расторгаешь,
Безъ жалости отца дѣтей его лишаешь?
Нѣтъ! вѣрить не хочу, не буду никогда,
Чтобъ Богъ, Которымъ я живу, дышу всегда,
Богъ мира и щедротъ, предъ Кѣмъ благоговѣю,
Со трепетомъ служу, понять недоумѣю,
Велѣлъ вокругъ меня семейству умирать,
А мнѣ все пережить и слезъ не осушать?

. . . .

Натура! ты одна въ страдательномъ стремленьи
Безъ умысла творишь подобныя явленья;
Лишаешь насъ отцовъ, супругъ и даже чадъ,
Не зная никакихъ въ пути своемъ преградъ;
Какимъ ударомъ ты меня не поразила?
Всѣ стрѣлы скорби злой, всѣ въ грудь мою вонзила:
Лишила ты отца — я сирымъ быть узналъ;
Сестру ты отняла — я въ дружбѣ возстеналъ,
Все мало — ты жены явила мнѣ кончину,
И бѣдъ, какимъ нѣтъ словъ, влекла меня въ пучину;

Чуть, чуть духъ перевелъ въ сообществѣ дѣтей,
И *Машеньку* взростя, сталъ видѣть уже въ ней
Тотъ образъ божества, что мать ея казала,
Когда въ ея душѣ моя свой рай вкушала, —
Какъ вдругъ свое дитя въ могилѣ я узрѣлъ!
Остыла въ жилахъ кровь — я весь оцѣпенѣлъ;
Всѣ громы ярыхъ бѣдъ въ меня, какъ въ цѣль, попали!
Чѣмъ, Небо, долженъ я Тебѣ кромѣ печали? —
О, ужасъ естества, какого выше нѣтъ!
Родитель еще живъ, а чадо уже мретъ!
Откуда, изъ какихъ ущелинъ мрачныхъ ада
Бѣда бѣжитъ въ мой домъ, какъ вихорь полный смрада?
Тебѣ, мой Богъ! Тебѣ, слезяся день и ночь,
Повѣдаю тоску, что я не вижу дочь, —
Природѣ долгъ плачу розрывомъ узъ тѣлесныхъ;
Но Ты, душъ нашихъ Царь, во областяхъ небесныхъ
Съ Евгеніей въ раю Марію водвори,
И долу на меня взоръ милости простри!
Увѣрь мой слабый умъ, сколь вѣрить онъ удобенъ,
Что язвы сердца Ты уврачевать способенъ,
И такъ, какъ спасъ Ты ихъ, соединя съ Собой,
Спаси меня и всѣхъ оставшихся со мной!!

На кончину Ивана Ивановича Шувалова.

Шуваловъ! и твоей скончался жизни день!
Ночь смертна на тебя свою простерла тѣнь!
Твой духъ, оставя персть и образъ свой тѣлесный,
Паритъ превыше сферъ, проникнувъ сводъ небесный.
Блаженная душа! лети въ эдемскій рай,
И добрыхъ дѣлъ во мзду часть праведныхъ вкушай!
Скончавъ въ юдоли сей путь жесткій, скоротечный,
Въ селеніи благихъ животъ наслѣдуй вѣчный!
Суетъ мірскихъ испивъ обильну чашу здѣсь,
Познай, коль краше ихъ стократъ небесна весь!
Узри лицемъ къ лицу Зиждителя вселенной:
Се таинственный къ намъ обѣтъ Его безцѣнной;
Услыши стройный хоръ безплотныхъ всѣхъ чиновъ,
Поющихъ сладку пѣснь: Осанна, Саваоѳъ!

Но если, тлѣнну здѣсь совлекши плоти ризу,
Удобенъ ощутить, что̀ дѣлается низу,
Внемли, что о тебѣ Россіяне рекутъ,
Любимцы Музъ гласятъ, витіи вопіютъ:
Протектора, увы! наставника лишенно,
Святилище Наукъ въ унынье погруженно;

Водимый въ немъ твоей бреждивою рукой,
Учитель, ученикъ, омыты всѣ слезой.
Внемли, чтó о тебѣ питомецъ твой слагаетъ!
Не красну слогомъ рѣчь, онъ душу изливаетъ,
Колмкой милостью обязанъ онъ тебѣ;
Ты съ юныхъ лѣтъ въ его участвовалъ судьбѣ.
Склони отъ горнихъ странъ твой взоръ къ его
печали!
Достоинства твои всегда его плѣняли.
Но если при тебѣ еще не славилъ ихъ,
Кто зналъ бы, что не лесть вина похвалъ та-
кихъ?
Доколѣ человѣкъ на свѣтѣ мочь являетъ,
То всякъ языкъ его блажитъ и восхваляетъ;
Когда же взятъ твой духъ, Шуваловъ, отъ
земли,
Прими моихъ слезъ дань и истину внемли!
Ты подвигъ совершилъ честнаго человѣка,
Усердіемъ къ добру полезенъ былъ понвѣка;
Царямъ ты былъ слуга и царства сынъ прямой;
Не случаемъ однимъ, ты высился душой;
Путями идучи единой только чести,
Не жадничалъ ты быть кумиромъ подлой лести.
Ко славѣ бранной рокъ не клалъ тебѣ слѣда;
Блаженства тамъ не зрѣлъ, гдѣ чья-нибудь бѣда.
Чужихъ земель людей на распри вызывая,
Великимъ быть не мнилъ, кровь ближнихъ про-
ливая;
Среди своихъ гражданъ любя добро творить,
Соотчичей своихъ старался просвѣтить.
Отцовъ и матерей судьбу взыскавъ убогу,

Ты чадъ ихъ воспиталъ, далъ къ счастью имъ
дорогу.
Устроилъ для наукъ великъ въ столицѣ храмъ;
Благословляемъ былъ и вѣчно будешь тамъ;
Свидѣтели тому — обширно Россовъ царство,
Духовные чины, мѣщане и боярство,
Сколь пользы имъ принесъ нашъ университетъ!
Въ какихъ здѣсь должностяхъ его питомцевъ
нѣтъ!
Служитель Вѣры въ немъ и пастыри учились;
Въ Ѳемидиныхъ дворцахъ чиновники явились;
Ученыхъ видимъ въ немъ сословіе мужей,
Имѣемъ мы витій, піитовъ и врачей:
Вотъ вѣчной чести плодъ! за гробомъ онъ не
вянетъ.
Тебя, Шуваловъ! симъ Россъ славить не пре-
станетъ.
Колико произвелъ ты нравственныхъ людей,
Толико въ ихъ сердцахъ имѣешь алтарей!
Блаженъ тотъ міра край, отлично счастье граду,
Которому Богъ далъ такихъ мужей въ отраду!
Коснусь я, сколько зрѣлъ тебя въ твоей семьѣ:
Ты благъ и кротокъ былъ, тебя любили всѣ.
Не скажетъ про тебя злодѣй. скрипя зубами,
Ядъ аспидовъ лія коварными устами,
Что сдѣлать не умѣлъ ты зла, или не могъ:
Убойся, клевета! отмститъ тебѣ самъ Богъ!
Нѣтъ, память въ родъ и родъ тѣхъ красныхъ
дней пребудетъ,
Никто о томъ сказать потомству не забудетъ,
Что нѣкогда бы могъ Шуваловъ погубить;

Но въ чувства, въ сердце, въ духъ не могъ онъ
зла вмѣстить.
Не ставилъ онъ ума въ томъ крайня совершен-
ства,
Чтобъ счастье сдать свое на счетъ чужихъ бла-
женства;
Чтя Бога и умомъ и сердцемъ завсегда,
Нечестія стезей не шелъ ты никогда.

Прости, почтенный мужъ! прости, мой бла-
годѣтель!
Прими достойну мзду за Вѣру, добродѣтель!
Я въ жертву приношу одну лишь грусть мою,
И сердца въ простотѣ вѣщаю рѣчь сію:
Мой вздохъ и капля слезъ твой гробъ не укра-
шаетъ,
Но въ горнихъ тѣхъ странахъ, гдѣ духъ твой
обитаетъ,
Не ставятъ ни во что тѣхъ почестей земныхъ,
Чѣмъ гордость рядитъ прахъ несчастныхъ
жертвъ своихъ.
Я, въ бѣдномъ словѣ семъ воздавъ благодаренье,
Всевышнему творю теплѣйшее моленье,
Да твой, въ нетлѣнье вшедъ изъ тлѣнныхъ здѣсь
оковъ,
Почіетъ въ Богѣ духъ во вѣки всѣхъ вѣковъ!—

На кончину Г. Горича.

Когда гласъ радости повсюду раздается,
О благѣ Россіянъ вездѣ несется слухъ,
Невольно изъ очей моихъ токъ слезный льется;
Изъ радости въ печаль преходитъ вдругъ мой
духъ.

Очаковъ взятъ — сіе всѣ чувства восхищаетъ!
Въ немъ Горичъ умерщвленъ — сіе зоветъ къ
слезамъ.
Сей истинный герой въ землѣ опочиваетъ,
Лишенъ отрады внять сплетаемымъ хваламъ.

Среди юнѣйшихъ лѣтъ во бранѣхъ навыкая,
Не титловъ лишь однихъ военныхъ онъ искалъ:
Прямымъ героемъ стать всѣхъ паче благъ желая,
Врагамъ Россіи мстить онъ яростно пылалъ.

Безстрашно Горичъ днесь къ Очакову стремился,
Принесъ Россіи въ даръ храниму жизнь для ней;
И крѣпость одолѣвъ, на ней лишь утвердился,
Какъ рокъ пресѣкъ его теченье хвальныхъ дней.

Оружіе любя, любилъ и добродѣтель;
Бывъ добрый человѣкъ, коварствъ гнушался онъ.
Я лично его зналъ, и самъ тому свидѣтель,
Что честности ему всегда былъ святъ законъ.

Хоть смерть его славна, а жаль его неложно:
Оплакан всѣми сынъ отечества прямой;
Но жизни возвратить ему уже не можно,
А звуку торжества противенъ стихъ такой.

Пусть любящій его печаль тѣмъ облегчаетъ,
Что Горичъ доблестью безсмертье получилъ;
Что общая молва всѣхъ странъ о немъ вѣщаетъ:
Онъ славный вѣкъ провелъ, и славну смерть
вкусилъ!

На кончину Ф. М. Толстова.

Познавши здѣшнихъ странъ мечтательно бла-
женство,
Окончилъ ты, Толстой! недолголѣтній вѣкъ;
Прямого счастья днесь познаешь совершенство:
Безсмертенъ сталъ ты тамъ—здѣсь былъ лишь
человѣкъ.

Кто милости творилъ, обиду ненавидя;
Кто могъ, и не хотѣлъ на ближняго возстать;
Кто, счастья надъ собой утѣхи лестны видя,
Надменности умѣлъ соблазны отражать:

Тому по смерти въ рай назначена дорога. —
Ты былъ таковъ, Толстой! лети въ объятья
Бога,
И буди отъ Него стократно награжденъ!

А вы, супруга, сынъ, друзья, его лишенны!
Коль истинной къ нему любовью воспаленны,
Престаньте слезы лить . . . теперь-то онъ блаженъ!

На кончину Ф. И. Глѣбова.

Не гордость, людямъ въ изумленье,
Поставила здѣсь камень сей;
Его воздвигло сокрушенье,
Любовь жены — и жаръ дѣтей.

Онъ тѣло Глѣбова скрываетъ,
Который въ правдѣ вѣкъ изжилъ,
И правды сей молва вѣщаетъ,
Что добръ, уменъ и честенъ былъ.

Возвышенъ чувствомъ и душою,
Усерденъ царству и царямъ,

Былъ, жертвуя самимъ собою,
Роднымъ родной — и другъ друзьямъ.

Блаженна душъ такихъ дорога!
Оставя сей плачевный край,
Идутъ онѣ въ объятья Бога.
Здѣсь плоти гробъ — тамъ духа рай!

На кончину П. Ф. Глѣбова.

Оставя мать, жену, дѣтей,
На небо Глѣбовъ преселился,
Къ Создателю природы всей
Отъ нашихъ глазъ навѣкъ сокрылся.

Здѣсь видимъ мы въ могильномъ снѣ
Твоей лишь плоти измѣненье;
Тамъ духъ твой въ сладкой тишинѣ
Вмѣстилъ ужъ Бога лицезрѣнье.

Кто честь и нравы сохранилъ,
Свершилъ тотъ вмалѣ долги лѣта;
А ты отечество любилъ
Превыше всѣхъ сокровищъ свѣта:

И Богъ потомство здѣсь твое
Соблюлъ родившей тя въ отраду;
Она ему отецъ, мать, все. . . .
Ей рай за то готовъ въ награду!

На кончину В. М. Жукова.

Вчера я былъ съ тобой, и на ночь лишь разстался,
Надѣясь поутру сегодня вновь обнять;
Я всталъ—спросилъ, гдѣ ты? гдѣ Жуковъ?—Онъ скончался.
Увы! на долгу ночь мой другъ ложился спать!

Вчера — ужасное для чувствъ воображенье! —
На смерть сестры моей ты мнѣ стихи читалъ;
Мнѣ слышится еще твое произношенье;
Еще перо свѣжо, которымъ ты писалъ;

Вчера ты былъ, что я; — сегодня что? — Не знаю.
Вчера ты былъ у насъ, — сегодня гдѣ? — Не вѣмъ.
Какъ мрачный океанъ твой путь я созерцаю,
И въ размышленіи теряюся моемъ.

Какъ выстрѣлъ изъ ружья тебя твой рокъ по-
стигнулъ.
Вчера задумалъ ты затѣень на сто лѣтъ;
Несчастный! — до утра ты съ нами не достиг-
нулъ:
Далекъ ужъ отъ тебя навѣки сталъ сей свѣтъ.

Любезною твоей бесѣдою питаясь,
Всегда ее себѣ по сердцу находилъ;
Поэзіей твоей и прозою плѣняясь,
Писателя въ тебѣ пріятнаго любилъ.

И все то кроетъ гробъ, земля все поглощаетъ!
О, вышній Царь царей! сколь Ты непостижимъ!
Твой промыслъ насъ родитъ, Твой промыслъ
насъ кончаетъ;
Но жизни нашей край всегда необозримъ.

О, люди! долго ль вамъ мечтами возноситься,
Въ химерахъ провождать печальну жизнь свою,
Ничтожествомъ земнымъ и бѣдностью гордиться?
Вы вѣкъ хотите жить, а смерть кричитъ: убью!—

Начальникъ живота и горнихъ сферъ Строитель!
Преставленному днесь блаженну жизнь воздай!
Не буди за грѣхи его ему отмститель,
И съ правыми ему отверзи двери въ рай!

На кончину И. И. Нарышкина.

Людей скончавшихся тѣла
Надгробны камни сокрываютъ;
Но славой память ихъ вѣнчаютъ
Одни лишь добрыя дѣла.

Нарышкинъ, коего здѣсь прахъ
Съ землей навѣкъ соединился,
Благотвореньемъ вкоренился
Во всѣхъ пріятельскихъ сердцахъ.

Сюда придутъ его друзья
Прославить жизнь его хвалою,
Омочитъ прахъ его слезою
Благословенная семья.

А Ты, Творецъ! на жертву ихъ
Склони Свой взоръ сквозь неба своды,
Отверзи мертву рая входы
И уврачуй болѣзнь живыхъ!

На кончину Кн. Е. П. Долгоруковой.

О, смерть! ничто тебя, ничто не отвращаетъ;
Ты рвешь и красоту и молодость губишь;
Твой алчный, страшный зѣвъ все въ свѣтѣ поглощаетъ;
Предѣлъ твой вѣренъ, твердъ—его не избѣжишь.

Княгиня! съ нами ты разсталася навѣки;
Не зрятъ уже тебя ни дѣти, ни супругъ;
Бесѣды твоея не слышатъ человѣки:
Приспѣлъ глаголъ судьбы—тебя не стало вдругъ.

Ты краткій мигъ жила, но мигъ невозмущенный;
Какъ ясный день весны, онъ чистъ и свѣтелъ былъ;
Незлобіемъ твой духъ и дружбой лишь прельщенный,
Дыханія страстей въ себя не допустилъ.

Какъ чистой жертвы даръ и непорочной Богу
Несется отъ земли душа честныхъ людей,
Отверзту предъ собой зришь прямо въ рай дорогу.
Се нынѣ ты познай всю цѣну части сей!

Мы Вѣры нашей чтимъ сладчайшія награды,
И знаемъ, что съ тобой увидимся мы тамъ;

Но страждущимъ сердцамъ, увы! въ томъ нѣтъ
отрады
Въ тотъ часъ, когда сокрытъ любезный видъ
очамъ!

Какъ ближній, я грущу, что рано жизнь скончала;
Какъ родственнику, мнѣ тебя всѣмъ сердцемъ
жаль!
Горячая слеза моя на гробъ твой пала —
Вотъ жертва вся моя! . . . мой даръ — одна
печаль!

На кончину Кн. Н. С. Долгоруковой.

Княгиня! если ты въ селеніяхъ небесныхъ
Удобна видѣть то, что дѣлается здѣсь,
Взгляни на скорбь друзей, прими дань слезъ не-
лестныхъ;
Вздыханьемъ о тебѣ твой домъ наполненъ весь.

Незлобиво ты жизнь свою препровождала,
И скромнымъ шла путемъ къ кончинѣ живота,
Ты къ сердцу своему сердца всѣхъ приближала;
Твой духъ не потрясла мірская суета.

Сколь мужественъ онъ былъ, явило то терпѣнье,
Съ какимъ сносила ты страдальческій недугъ.
Оказывая всѣмъ пріязнь и снисхожденье,
Всегда равно была готова для услугъ.

Съ чувствительной душой ты острый умъ имѣла,
Любила въ жертву несть для дружества себя,
И смерть сама за то, и смерть почтить хотѣла —
Безъ ужасовъ она коснулася тебя.

Отверзлася тебѣ дверь вѣчнаго покоя;
Ты тамъ уже, ты тамъ, гдѣ дней печальныхъ нѣтъ.
Сверши надъ сей душей, въ раю ее устроя,
Сверши, Великій Богъ! таинственный обѣтъ!

Да снидетъ на нее, за добру жизнь въ награду,
Неувядаемый безсмертія вѣнецъ!
Ты взялъ ее — Ты дай оставшимся отраду,
И язвы уврачуй болѣзненныхъ сердецъ!

А ты, чей нынѣ гробъ слезами орошаю,
Чьи добрыя дѣла я искренно цѣнилъ,
Отъ горней той страны, гдѣ я тебя мечтаю,
Воззри — и убѣдись, что я тебя любилъ!

На кончину В. Н. Чоглоковой.

Вяньте, вяньте, нѣжны розы,
И сокройся солнца свѣтъ!
Пусть траву знобятъ морозы;
Милой Вариньки ужъ нѣтъ!
Дни, столь многимъ драгоцѣнны,
Миновалися судьбой;
Сердца нѣжны умерщвленны
Смертью Вариньки драгой.

Безъ суровости умѣла
Равнодушье сохранить;
Хоть плѣнять и не хотѣла,
Всѣхъ заставила любить.
Не нарядомъ щеголяла,
Но природной красотой;
Не жеманствомъ уловляла,
Но любезной простотой.

Вы, для коихъ все блаженство
Въ томъ, чтобъ милое любить,
Чтя въ ней образъ совершенства,
Не стыдитесь слезы лить!
Ты, чье сердце восхищалось
Сей дѣвицей юныхъ лѣтъ!
Рвись. . . Хоть много дѣвъ осталось,
Другой Вариньки ужъ нѣтъ!

На смерть Г. Моро.

Взгляните на дѣла всевышняго Творца
И зрите въ нихъ Его чудотворящу силу:
Зачатому въ студѣ Царю не шлетъ конца,
А храброму отверзъ врагу его могилу.

Злодѣйство въ торжествѣ, въ позорѣ добродѣтель:
Наполеонъ верхомъ, —Моро лежитъ безъ ногъ;
Во ужасѣ тому вселенная свидѣтель. —
Но какъ постичь Тебя, непостижимый Богъ!

Россія надъ Москвой еще слезами льется,
Германія въ дыму своей свободы ждетъ,
И сѣверный пришлецъ съ отечествомъ дерется;—
Тристаты всѣ назадъ, — а Фараонъ впередъ.

Откуда столько силъ воздвигнулъ сей тиранъ?
Что было за него, все вдругъ противостало.
Измѣна, притаясь, вползла въ тиранскій станъ;
Но крѣпкій супостатъ не дрогнетъ все нимало.

Томимая войной, Европа восклицаетъ,
Прицѣлясь въ него: Умри Наполеонъ!
Смерть ищетъ его зракъ, во всѣхъ рядахъ летаетъ;
Милльоны пали тамъ и тамъ, — но все не онъ!

Что жъ легче, какъ убить?—Исторія то скажетъ:
Тофаны капель пять, гранъ десять сулемы.
Спросите, вамъ она примѣровъ ѐто покажетъ.
Но гдѣ самъ Богъ коснитъ, увы! что̀ можемъ мы!

Смиримся предъ Творцемъ въ день мира и въ
день брани,
Дождемся, чтобъ пришелъ его велѣнья гласъ!
Изъ сердца воззовемъ къ Нему, простерши длани:
О, Господи! — твори, что волишь, за насъ!

НАДГРОБНЫЯ.

К. Е. П. Долгорукой.

Супруга нѣжнаго се памятникъ печали!
Сокрыта здѣсь въ землѣ достойная жена;
Ума и сердца въ ней доброты всѣ сіяли.
Угоденъ Богу тотъ, кто́ жилъ такъ, какъ она!

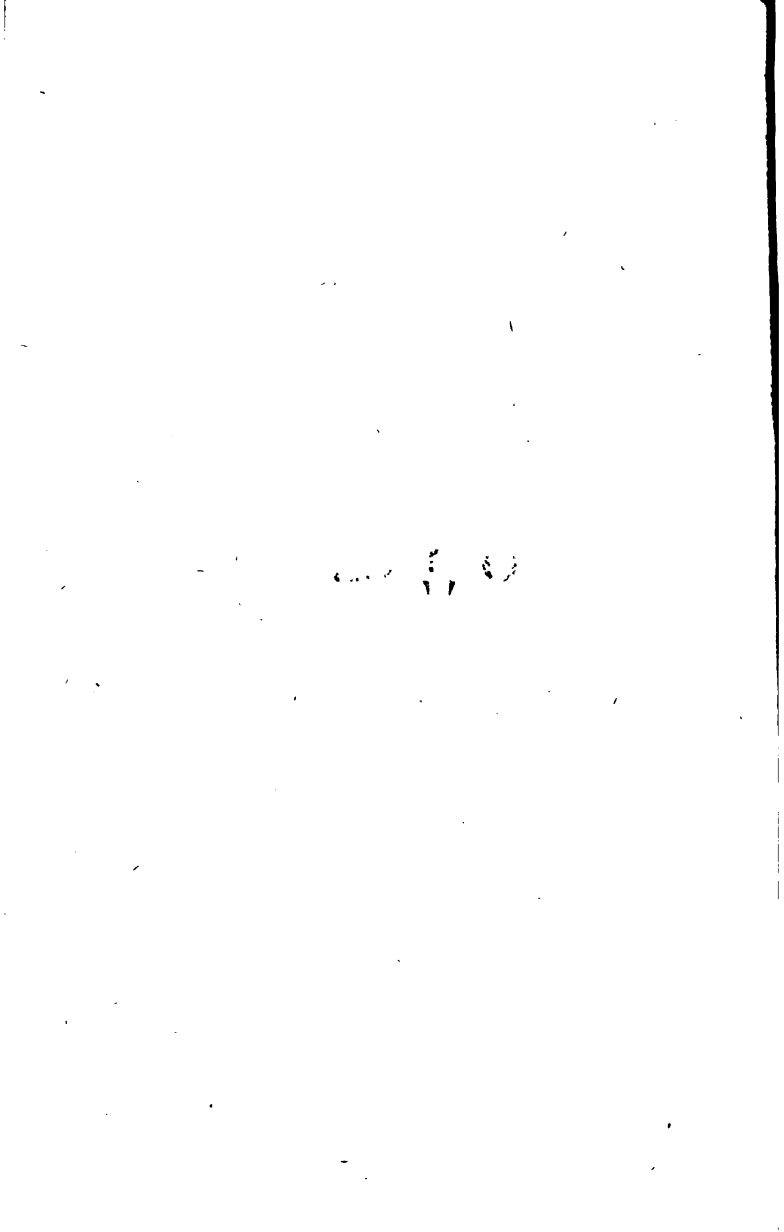
Ф. И. Глѣбову.

Здѣсь Глѣбовъ кончилъ вѣкъ!
Какой хвалы его достойна память стала? —
Былъ добрый человѣкъ, —
Вотъ много для Небесъ!—ужъ ли для свѣта мало?

Юношѣ Давыдову.

Постой! — взгляни — заплачь — се юноша лежитъ!
Чувствительная мать здѣсь прахъ его сокрыла,
Съ надеждой всѣхъ отрадъ въ немъ счастье схоронила,
И съ смертiю его къ ней смерть ея бѣжитъ.
Увы! прочтя сiе, кто трогаться не станетъ?
Чье сердце не вздохнетъ и чья слеза не канетъ?

О Д Ы.



На открытіе зданія для ботика Петра I въ Переславлѣ.

Не титламъ громкимъ человѣки
Стремятся жертвы приносить;
Чтобъ жить въ потомствѣ долги вѣки,
Дѣлами должно изумить.
Вѣнцы, порфиры, діадимы,
Наряды суть необходимы,
Дабы царевъ украсить санъ;
Но, ахъ! судьба и скиптры коситъ,
Изъ рукъ ихъ въ руки переноситъ,
И часто рветъ его тиранъ!

Дѣла не мрутъ, и имъ народы,
Дивяся, поздно послѣ насъ
Въ избыткахъ счастливой свободы
Похвальный возсылаютъ гласъ. —
Когда потомокъ предка хвалитъ,
Ужъ ли симъ подвигомъ унизитъ
Онъ современниковъ своихъ?
О, нѣтъ! — для мудрыхъ на престолѣ
Той славы быть не можетъ болѣ,
Что смѣло хвалятъ — и другихъ.

Дерзните жъ нынѣ Переславцы
Весь сонмъ сыновъ своихъ собрать,
Геройскимъ духомъ, Петрославцы,
Петру спѣшите дань воздать!
Петромъ Россія вся гордится,
Ему Праправнукъ самъ дивится;
Онъ чтитъ всѣ подвиги его;
Усердно память ихъ вѣнчаетъ,
И тѣмъ отечеству являетъ
Великость духа своего.

Великій Петръ! Екатерина!
Богоподобные Цари,
Сугуба нашихъ благъ причина!
Имъ всюду зиждутъ алтари.
Не лесть въ сей день воскликновенья,
Наполнивъ души восхищенья,
Внушаетъ намъ ихъ имена;
Не лесть — исчезла ихъ награда,
Не рабій страхъ — уже досада
Владыкъ умершихъ не страшна.

О, Петръ! коль ты изъ странъ небесныхъ,
Возможешь долу бросить взоръ,
Поверхность струй тебѣ извѣстныхъ
Окинь имъ, россійскій чудотворъ!
Еще твой ботъ здѣсь обитаетъ,
Народъ усердный восхищаетъ;
Онъ града здѣшняго краса.
Ладья твоя не обветшала;

Ее разрушить не дерзала
И острая временъ коса.

И ты, волна, Петру любезна,
Плещева озера, гордись!
Россіи долго бывъ полезна,
Пловцу великому дивись!
Играй сребристыми струями,
И купно съ нашими устами
Провозвѣсти его дѣла!
Его ты юность забавляла,
Его фрегаты колебала,
Подъ флагами его текла.

На зыби водъ твоихъ нездобныхъ
Онъ мѣрилъ страшный океанъ;
Къ геройству подданныхъ способныхъ
Готовилъ плыть вокругъ всѣхъ странъ.
Онъ рекъ — и флотъ единымъ словомъ
Россіи въ элементѣ новомъ
Примѣромъ сильнымъ доказалъ,
Что въ мірѣ все тому подвластно,
Чье сердце подвигами страстно,
Кто пылко славы возжелалъ.

Сей первый шагъ въ водахъ стѣсненныхъ
Казался юношѣ игрой;
Но плодъ забавъ толь просвѣщенныхъ
Умѣлъ предвидѣть нашъ Герой;
Онъ зналъ, веслами управляя,
Безстрашно бури побѣждая,

Что флотъ россійскихъ кораблей
Во времена Екатерины
Преодолѣетъ всѣ пучины,
Уроки дастъ вселенной всей.

Се день благопріятный нынѣ;
Восторжествуй его, народъ!
Благодареніе судьбинѣ!
Ты долгъ соблюлъ тѣхъ воеводъ, *)
Которымъ Петръ своей рукою
Въ Указѣ рѣзкою чертою
Самъ заповѣдь здѣсь начерталъ,
Дабы суда его любимы
Оберегались невредимы;
Успѣхъ твой трудъ въ томъ оправдалъ.

Блаженны предковъ тѣхъ потомки,
Законъ монаршій сохранивъ!
Вы даже стѣнъ спасли обломки,
Въ которыхъ Петръ Великій живъ,
Отважной мыслью занимался;
Пылая славой, не гнушался
Принять отъ плотника совѣтъ.
Въ рукахъ того, на комъ порфира,
Мнѣ мнится слышать, какъ сѣкира
Ударовъ звуки раздаетъ **).

---

*) Въ Переславскомъ уѣздномъ судѣ донынѣ хранится собственноручный о ботикѣ семъ Петра I указъ.

**) Тутъ, при озерѣ, и покои были выстроены, кои назывались Гремячевскимъ дворцомъ. См. Истор. Петра I.

Воззрите, древніе дворяне,
Съ восторгомъ на сіи брега!
Сто лѣтъ тому, какъ Россіяне
Здѣсь зрѣли юнаго Петра;
Въ сей день, для здѣшнихъ странъ блаженный,
Когда съ крестами ходъ священный,
На лодкахъ былъ носимъ водной,
Онъ самъ своимъ тутъ судномъ правилъ,
Полки вокругъ и пушки ставилъ,
Чесмы прообразуя бой *).

Воспламени, воображенье,
Сынъ мужественныя земли,
И сердца въ сладкомъ упоеньи
Екатерины вспомни дни!
Жена, всѣхъ выше женъ на свѣтѣ!
Тебя въ таинственномъ совѣтѣ
Назначилъ перстомъ самъ Творецъ:
На то, чтобъ міръ плѣнить войною,
Отечество спасать душою,
Умомъ привлечь милльонъ сердецъ.

Любить царей есть добродѣтель,
Есть долгъ отечества сыновъ;
Коль царь народа благодѣтель —
Онъ образъ истинный боговъ.
Намъ въ отраслѣ Екатерины,
Въ Праправнукѣ Петра судьбины
Щедротъ умножили залогъ;

---

*) Анекдотъ историческій. См. тамъ же.

Нашъ духъ почувствовалъ блаженство,
Позналъ дней мирныхъ совершенство.
Чего бояться? — съ нами Богъ.

Для громкихъ дѣлъ, но безполезныхъ,
Одна минута часто — вѣкъ;
А дѣлъ благихъ и свойствъ любезныхъ
Забыть не можетъ человѣкъ:
Сто лѣтъ тогда какъ мигъ проходитъ,
И въ свѣжей памяти находятъ
Цари у подданныхъ себя.
Такъ Петръ и намъ вообразился;
Но твой не призракъ здѣсь явился, —
Праправнукъ воскресилъ тебя.

Прими, о Петръ! посильну жертву,
Котору жители сихъ странъ
Тебѣ приноситъ уже мертву,
Но живу въ сердцѣ Россіянъ;
Сей домъ, не зодчествомъ надменный,
Усердіемъ сооруженный
На то, чтобъ ботикъ твой вмѣстилъ,
Тебѣ да будетъ столь угоденъ,
Сколь былъ твой подвигъ превосходенъ,
Сколь онъ насъ славой озарилъ!

Тщеславье здѣсь не укорится —
Не для него сей созданъ храмъ;
Тотъ малъ, кто, жертвуя, стремится
Себя возвысить только самъ.
Дворянство цѣль предполагало,

(Апраксинъ сдѣлалъ къ ней начало) *)
Чтобъ инвалидовъ помѣстить,
Въ матросскомъ званьи ихъ избравши,
Петру сугубо тѣмъ воздавши,
Отъ золъ ихъ дряхлость оградить.

Успѣхъ въ томъ будетъ всеконечно,
Мнѣ вѣдомъ Переславцовъ духъ;
Отечество любя сердечно,
Изъ нихъ ему всякъ сынъ и другъ.
Уже я зрю вблизи то время,
Когда, сложивъ доспѣховъ бремя,
Матросъ, оперщися о костыль,
Дѣтей вокругъ себя сбирая,
На волны быстрый взоръ кидая,
Разскажетъ имъ чудесну быль.

Дѣла Петровы вспомнивъ ясно,
Иль отъ преданья сохранивъ,
Въ своихъ разсказахъ безопасно,
Не устрашась быть справедливъ,
«Вотъ здѣсь-то» скажетъ: «Царь-надежа,
«Не на боку лишь только лёжа,
«Трудился самъ и строилъ ботъ!
«Вотъ тутъ онъ имъ изволилъ править,
«Умѣлъ-ста родину прославить,
«Стоять горазд́ъ былъ за народъ!»

---

*) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, переславскій помѣщикъ, назначилъ содержаніе одному изъ матросовъ.

Великій, мочный, справедливый,
Въ судахъ и въ полѣ прозорливый
Петръ Первый, слава Россіянъ,
Возвысивъ подданныхъ собою,
Своей чудесною судьбою
Онъ дивенъ былъ въ очахъ всѣхъ странъ.

За нимъ, въ отраду злой печали,
Нашли Елисавету мы;
При ней дни неба возсіяли
И вновь воспрянули умы;
Утихъ духъ мщенія и злобы,
Престала кровь въ отверзты гробы
Рѣкой съ приступковъ трона течь:
Она едва его коснулась,
Какъ вся Россія улыбнулась,
И страшный сокрушился мечъ.

Отнявъ Петра, Елисавету,
Насъ Богъ страдать не попустилъ:
Явилъ Екатерину свѣту,
И здѣсь ей царствовать судилъ.
Какимъ перомъ воздать не ложно
Помазанницѣ сей возможно
За всѣ ея щедроты къ намъ!
Преемница Петровой дщери,
Она ко счастью многи двери
Отверзла росскимъ племенамъ.

Пресѣкла дни ея судьбина;
Израиль новый возрыдалъ;

Но скоро скиптръ Екатерины
Всесильный Александру далъ.
Сей пятны стеръ съ него кровавы,
Плѣнилъ умы, проникъ во нравы,
Воздвигъ на кротости свой тронъ,
И, въ страхъ врагамъ, передъ собою
Поставилъ твердою стѣною
Любовь народа и законъ.

Се тако царская палата,
Держась Всевышняго рукой,
Всегда во благостяхъ богата,
Блюла въ отечествѣ покой;
И чтобъ могли мы жить блаженно,
Сіи Владыки постепенно,
Одинъ обнявшій весь предметъ,
Любить науки пріучили;
Къ успѣхамъ ревность возбудили
И тусклымъ вѣждамъ дали свѣтъ.

На что бъ Творецъ всея природы
Намъ далъ способность разсуждать,
Когда бъ Онъ насъ лишилъ свободы
Натуры тайны испытать?
А чтобъ существъ познать мильоны
Дотолъ, доколѣ въ томъ препоны
Намъ ставитъ нашихъ дней конецъ,
Намъ должно, должно просвѣщаться,
Смотрѣть, вникать, соображаться
И править путь своихъ сердецъ.

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
Чтобъ міръ стараться претворить;
О, коль безумно заблужденье,
Творца творенію учить!
Но плодъ наукъ и прилежанья,
Смиряя буйственны желанья,
Творитъ изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
Своимъ согражданамъ любезныхъ,
Надежныхъ твердостью мужей.

Науки цѣпью добрыхъ правилъ
Связуютъ общество гражданъ,
Чтобъ каждый въ нихъ за славу ставилъ
Не только чинъ одинъ и санъ,
Но чтобъ умѣлъ цѣнить выгоды
Стократъ знатнѣй самой породы,
Что онъ полезенъ для другихъ;
Кто симъ желаньемъ воспламенился,
Не тщетно въ школахъ тотъ учился.
Завиденъ духъ людей такихъ.

Се день, на то здѣсь посвященный!
Воззрите, какъ россійскій Титъ,
Любовью къ намъ одушевленный,
Своихъ сокровищъ не щадитъ,
Но всюду съ пользой расточаетъ,
И здѣсь храмъ ветхій обновляетъ
Искусствъ, художествъ и наукъ.
Отцы! дѣтей сюда ведите,

Къ струямъ премудрости бѣгите,
Похвалъ раздайте вашихъ звукъ!

Сей звукъ достигнетъ повсѣместно;
Услышитъ кроткій Государь,
Что градъ Владиміръ весь нелестно
Любви Ему воздвигъ алтарь;
Что онъ щедротъ Его причину
Воскресшу въ Немъ Екатерину
Съ восторгомъ чувствуетъ живымъ:
Ему животъ свой посвящая,
Десницу милостей лобзая,
Отцемъ Его зоветъ своимъ.

Питомцы юны! научитесь
Достойны быть Его щедротъ,
Ко свѣту истины стремитесь;
Во храмъ ея свободенъ входъ!
На васъ въ вниманіи глубокомъ
Пытливымъ духомъ, гордымъ окомъ
Глядитъ соотчичей соборъ.
Труды царевы оправдайте,
Примѣръ въ себѣ потомкамъ дайте,
Утѣшьте любопытства взоръ.

О, сколь великъ вашъ долгъ предъ свѣтомъ,
Наставники младенцовъ сихъ!
Онъ вамъ единственнымъ предметомъ
Назначилъ пользу, счастье ихъ.
Старайтесь кроткими путями
Владѣть ихъ гибкими умами,

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
Чтобъ міръ стараться претворить;
О, коль безумно заблужденье,
Творца творенію учить!
Но плодъ наукъ и прилежанья,
Смиряя буйственны желанья,
Творитъ изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
Своимъ согражданамъ любезныхъ,
Надежныхъ твердостью мужей.

Науки цѣпью добрыхъ правилъ
Связуютъ общество гражданъ,
Чтобъ каждый въ нихъ за славу ставилъ
Не только чинъ одинъ и санъ,
Но чтобъ умѣлъ цѣнить выгоды
Стократъ знатнѣй самой породы:
Что онъ полезенъ для другихъ;
Кто симъ желаньемъ воспламенился,
Не тщетно въ школахъ тотъ учился.
Завиденъ духъ людей такихъ.

Се день, на то здѣсь посвященный!
Воззрите, какъ россійскій Титъ,
Любовью къ намъ одушевленный,
Своихъ сокровищъ не щадитъ,
Но всюду съ пользой расточаетъ,
И здѣсь храмъ ветхій обновляетъ
Искусствъ, художествъ и наукъ.
Отцы! дѣтей сюда ведите,

Къ струямъ премудрости бѣгите,
Похвалъ раздайте вашихъ звукъ!

Сей звукъ достигнетъ повсѣмѣстно;
Услышитъ кроткій Государь,
Что градъ Владиміръ весь нелестно
Любви Ему воздвигъ алтарь;
Что онъ щедротъ Его причину
Воскресшу въ Немъ Екатерину
Съ восторгомъ чувствуетъ живымъ:
Ему животъ свой посвящая,
Десницу милостей лобзая,
Отцемъ Его зоветъ своимъ.

Питомцы юны! научитесь
Достойны быть Его щедротъ,
Ко свѣту истины стремитесь;
Во храмъ ея свободенъ входъ!
На васъ въ вниманіи глубокомъ
Пытливымъ духомъ, гордымъ окомъ
Глядитъ соотчичей соборъ.
Труды царевы оправдайте,
Примѣръ въ себѣ потомкамъ дайте,
Утѣшьте любопытства взоръ.

О, сколь великъ вашъ долгъ предъ свѣтомъ,
Наставники младенцовъ сихъ!
Онъ вамъ единственнымъ предметомъ
Назначилъ пользу, счастье ихъ.
Старайтесь кроткими путями
Владѣть ихъ гибкими умами,

Цѣня родителей залогъ!
Блюдите ихъ отъ чувствъ позорныхъ,
А паче умствованій вздорныхъ:
За нихъ на васъ Самъ взыщетъ Богъ!

Да снидетъ лучъ Его зефирный
На сей младенцовъ вертоградъ,
И воспрославится домъ мирный
Величествомъ Его наградъ!
Тебя мы всѣ единогласно,
О, Боже! молимъ повсечасно:
Смиривъ и сердце и чело,
Монарха нашего спасая,
И лѣты къ лѣтамъ прилагая,
Благослови Его зѣло!

Князю Пожарскому.

Коснулся гласъ тебя потомства,
Пожарской! въ областяхъ земли; —
Проснись, каратель вѣроломства,
Хвалы столичныя внемли!
Москва, покрыта сѣдинами,
Вѣнчанна славными дѣлами,

Стремится прахъ твой возбудить,
Текущій вѣкъ тобой прославить,
Грядущимъ всѣмъ въ примѣръ поставить,
Тебѣ трофей соорудить.

Ужъ двѣсти лѣтъ, какъ ты скончался;
Межъ насъ однако не забытъ:
Твой вѣкъ тобою восхищался,
И нашъ тебя съ восторгомъ чтитъ.
Съ твоихъ временъ до нашихъ позднихъ
Хоть гробъ и тлѣлъ твой въ превсподнихъ,
Но духъ въ Кремлѣ не умиралъ,
И подвигъ твой, до насъ извѣстной,
Огромной славы звукъ всевѣстной
Изъ рода въ родъ передавалъ.

Ужель вотще герой трудится,
Лія свою на браняхъ кровь,
Когда къ отечеству стремится
Печатать жизнію любовь?
Мы смерти тѣломъ лишь подвластны,
Но духомъ Богу сопричастны
Дѣла безсмертными творитъ.
Коль мужъ явилъ дѣла велики,
Объ немъ тогда народны клики,
Спустя тмы тысячъ лѣтъ, гремятъ.

Гремятъ и славные злодѣи,
Архива память ихъ хранитъ;
Но кто жъ тирановъ мавзолеи
Съ гробницей Марковой сравнитъ?

Или равно для смертныхъ рода
Чтобъ гласъ великаго народа
Блажилъ [illegible] вождей?
О, нѣтъ! та честь, которой [illegible]
За доблесть праведну достоинъ,
Свѣтлѣе солнечныхъ лучей!

Какой бы лестью утонченной
Молва ни [illegible] того,
Въ комъ нѣтъ добра черты священной,
Кто жаждетъ гибели всего;
Потомство ею не плѣнится,
Но истиной лишь озарится,
Обманъ исчезнетъ будто мгла:
Зане внутрь совѣсти сердечной
Оттѣнокъ врѣзалъ вѣковѣчной
Самъ Богъ между добра и зла.

Подобно солнцу на Востокѣ,
Веснѣ являющу свой зракъ,
Огней безчисленныхъ въ потокѣ
Разсыпавшему ночи мракъ,
Вечерни тѣни пропадаютъ,
Луна и звѣзды свѣтъ теряютъ,
Румянецъ краситъ горизонтъ,
Текутъ въ долины снѣжны горы,
Поютъ пернатыхъ робкихъ хоры
Столпъ искръ ударилъ въ черной понтъ:

Такъ точно жаромъ воспламененный
Любви къ отечеству прямой

И духомъ Божьимъ вдохновенный
Пожарской, истый нашъ герой,
Родясь для громкихъ дѣлъ и дивныхъ,
Летитъ во груди сопротивныхъ
Кидать полковъ удачныхъ строй;
Пришелъ, узрѣлъ, и побѣждаетъ,
Москву спокойствомъ ограждаетъ;
Затрясся врагъ — и оробѣлъ.

Воззри на тѣ кремлевы стѣны,
Гдѣ каждый шагъ твой — былъ успѣхъ,
Гдѣ духъ коварныя измѣны
Мутилъ безплодно чувства всѣхъ,
Гдѣ ты, обнявши добродѣтель,
И благъ примѣрныхъ былъ содѣтель,
Монаршихъ правъ не колебалъ;
Стяжанье старовѣчной славы
Превыше титловъ и державы,
Мечемъ царю царево далъ.

О! коль суть низки предъ тобою
Тѣхъ царствъ отважные цари,
Которы подданныхъ слезою
Снискать желаютъ алтари!
Вотще велики быть ревнуютъ,
Хотя десницу ихъ цѣлуютъ
И прахъ стезей боготворятъ:
Сіи рабовъ воскликновенья
Не тѣ суть сердца восхищенья,
Какими Титъ бывалъ объятъ.

Какой народъ, хвалясь дѣлами
Погибшихъ предковъ на войнѣ,
Ослабивъ ихъ лѣтописями,
Теперь — сейчасъ укажетъ мнѣ,
Кто былъ въ свой вѣкъ толико хваленъ
И въ томъ съ Пожарскимъ княземъ равенъ,
Чтобъ тронъ не ставить въ свой предметъ?
Пусть Римъ намъ Цинцинната славитъ;
Вселенна рядомъ ихъ не ставитъ:
Тотъ взялъ вѣнецъ — Пожарскій нѣтъ.

Равно ль (ахъ, нѣтъ) сложить корону,
Когда тягчитъ она чело,
Или тому открыть путь къ трону,
Кого наслѣдство возвело? —
Одинъ спокойствія желаетъ,
Какъ воинъ въ латахъ поспѣшаетъ
Сойти съ часовъ, чтобъ отдохнуть;
Другой какъ левъ на брани рыщетъ,
Въ поту добычи царской ищетъ;
Нашелъ — не хочетъ и взглянуть.

Пожарской могъ, спася Россію,
Поляковъ, Шведовъ порубивъ,
Вознесть высокомѣрну выю,
И гидру зависти убивъ,
Царемъ Москвы именоваться,
На лаврахъ скиптромъ утѣшаться,
И безъ смятенія стыда,
Онъ могъ плѣненному народу

Рекши: — я далъ тебѣ свободу;
Хочу быть царь твой навсегда!

Но онъ наклонностью сердечной
Закону былъ повиновенъ;
Оружья славой скоротечной
Не могъ одною быть блаженъ:
Онъ мнилъ, что въ томъ краю вселенной
Ни тихой жизни, ни блаженной
Не могутъ смертные вкушать,
Гдѣ царскій родъ подъ игомъ страждетъ,
Гдѣ похититель дерзкій жаждетъ
Во власть свою все поглощать.

Твои, Пожарской, язвы тронутъ
Россію вовѣки вѣковъ!
Когда сыны ея возстонутъ
И врагъ на нихъ воздвигнетъ ковы,
Твоимъ примѣромъ вспламенятся,
Святою Вѣрой ополчася
Противу ядръ, мечей и стрѣлъ,
Сметутъ злодѣевъ милліоны,
Во адъ вселятъ ихъ легіоны!
Не разъ уже весь міръ то зрѣлъ.

И кто въ странѣ толико славной,
Превознесенной тмой побѣдъ,
Ни съ чьими царствами не равной,
Которой весь трепещетъ свѣтъ,
Кто кровь пролить не устрашится,
Кто воевъ чуждыхъ убоится,

Спасая Вѣру, честь, царя
Любовь къ сѣдящему на тронѣ
Вотъ мечъ къ россійской оборонѣ;
Имъ всякая рѣшится пря.

О, вы, ревнующіе долѣ
Благополучныхъ нашихъ странъ
И влающіеся въ неволѣ!
Познайте сердце Россіянъ:
Не сила скиптра насъ движитъ,
Не бичъ на ратно поле гонитъ;
Какъ стадо трепетныхъ овецъ;
Изъ царскихъ устъ довольно слова;
Народъ въ ружьѣ — вся Русь готова:
Не страшенъ жизни имъ конецъ.

Когда Петра тѣснили Шведы,
Россію силясь одолѣть,
Въ дыму полтавскія побѣды
Предъ Карломъ Петръ раскинулъ сѣть.
Когда, гордясь своей судьбою,
Понизить насъ хотѣлъ войною
Ревнивой въ доблести Пруссакъ,
Солдатъ россійскій встрепенулся,
Влетѣлъ въ Берлинъ — и улыбнулся.
Когда жъ дралися мы не такъ?

Какихъ чудесъ мы не видали
Въ Екатерининъ славный вѣкъ?
Луны кичливой рогъ сломали,
Повсюду Богъ предъ нами текъ.

Мы флоты жгли, мы брали грады;
Не смѣли ставить намъ преграды
Никто на сушѣ, ни въ водахъ.
Дерзнула Польша — въ ту минуту,
Всѣхъ золъ испивши чашу люту,
Погибла въ страшныхъ мятежахъ.

Къ Аѳинамъ въ свойствѣ приближаясь,
Французы яркіе потомъ,
На Альпы кучами бросаясь,
Вездѣ несли соблазнъ и громъ;
Раздулись русскія знамена,
Запнулся въ подвигахъ Массена,
Сверкнулъ Суворова тамъ мечъ, —
Тотъ мечъ, что правда обнажила,
А милость Божья изострила,
Уча враговъ россійскихъ сѣчь.

Таковъ народъ непобѣдимый,
Который древній нашъ герой
Пожарской, въ немъ достойно чтимый,
Животворилъ своей душой, —
Таковъ онъ былъ тогда и нынѣ!
Столь кротокъ въ счастливой судьбинѣ,
Сколь твердъ въ опасныхъ временахъ,
Всегда царямъ своимъ покоренъ,
Между собою благотворенъ,
Великодушенъ и въ цѣпяхъ.

Ступай! — вотъ всѣхъ вождей россійскихъ
И громоносныхъ войскъ законъ.

Отъ льдиныхъ горъ до водъ каспійскихъ
Штыковъ слыхали нашихъ звонъ;
И нынѣ тотъ же духъ, искусство,
И превосходнѣйшее чувство —
Любви къ отечеству храня,
Еще мы можемъ ополчиться,
За милу родину сразиться,
Лица не спрячемъ отъ огня.

Сто лѣтъ протекшія явили,
Среди безчисленныхъ тревогъ,
Которы твердь всю возмутили,
Колико милуетъ насъ Богъ.
Пожарской! встань и оглянися,
Вѣкамъ прошедшимъ удивися,
И Русь въ восторгѣ новомъ зри!
Въ ея межахъ Кавказъ, Таврида;
Подъ сѣнь Минервина эгида
Всѣхъ влекъ лучъ сѣверной зари.

Но, ахъ! когда волшебной силой
Нельзя противу естества
Разрушить связь твою съ могилой,
Гдѣ прахъ твой облегла трава, —
Когда тебѣ велѣло время,
Сложивъ доспѣховъ ратныхъ бремя,
Проникнуть духомъ небеса:
То пусть души геройствомъ страстной,
Движеньямъ робкимъ неподвластной,
Сіяетъ вѣчно тамъ краса!

Тебѣ подобные герои
Плоды безсмертія тамъ жнутъ,
Съ мечемъ въ рукахъ сраженны вои
Еще отечество блюдутъ;
Рымникской, Крымской, Задунайской
Въ прохладной жизни тихой, райской
На насъ съ улыбкою глядятъ.
Покойтесь тѣни знамениты!
Хоть вы отъ нашихъ глазъ сокрыты,
Но души наши къ вамъ летятъ.

Мы здѣсь всегда, съ благоговѣньемъ
Великимъ жертвуя мужамъ,
Тебѣ, Пожарской, съ изумленьемъ
Куримъ сердечный ѳиміамъ,
Да видятъ прочихъ странъ народы,
Что мы средь узъ и средь свободы
Умѣемъ мужество почтить,
Умѣемъ тѣхъ вѣнчать хвалами,
Которы призваны Богами
Свой вѣкъ во славѣ пережить.

Когда бояръ россійскихъ чада
Изъ дѣтскихъ вырвавшись оковъ,
Внѣ стѣнъ отечественна града
Съ мечемъ изыдутъ на враговъ —
Придутъ на гробъ твой поклониться;
Отъ искръ его воспламенится,
Твой духъ предыдетъ въ ихъ рядахъ;
Въ полкахъ чужихъ ручьи багровы

Слѣды побѣдъ проложутъ новы,
И ихъ не опрокинетъ страхъ.

Но въ дни блаженнаго спокойства,
Когда сестра, супруга, мать,
Вкушая плоды благоустройства,
Войны престанутъ трепетать,
Въ сіе златого вѣка время,
Подъявъ трудовъ гражданскихъ бремя,
Придутъ старѣйшины Москвы,
Трофей твой миртами вѣнчая,
Свое спасенье ублажая,
Сѣдыя преклонить главы.

Тогда въ сей радости сердечной,
Котору дать лишь можетъ миръ,
Предметъ у всѣхъ народовъ вѣчной, —
Краса изящная порфиръ, —
Рекутъ: «Хвала тебѣ, Пожарской,
Подпора доблести боярской,
Россійской рати полубогъ!
Ты насъ врагамъ не выдалъ въ жертву,
А мы тебѣ несемъ въ даръ — жертву —
Любовь, почтеніе, восторги!»

На постриженіе благородной особы.

Какое чудо привлекаетъ
Во храмъ днесь Божіихъ сыновъ?
Иль правды міра разсуждаетъ
Всевышній, ставъ между боговъ?
Иль вновь ковчегъ остановился?
Иль паки Моисей явился,
Ноcя скрыжаль заповѣдей?
Не Ангеловъ ли восклицанья,
Пророковъ рѣчи и гаданья
Трубой гласятся тверди всей?

Ахъ, нѣтъ! вся тварь во успокоеньи,
Еще денницы новой ждетъ,
И въ трепетномъ уединеньи
Пустынникъ Богу пѣснь поетъ.
Но се жену зрю благородну,
Отъ узъ супружества свободну,
Грядущу прямо къ алтарю;
Мірскую почесть отвергаетъ,
Яремъ иночества желаетъ
И вопіетъ царей къ Царю:

«Я міръ навѣки оставляю,
«Раздравъ завѣсу суеты,
«Къ Тебѣ, о Боже мой! взываю:
«Будь все одинъ для меня Ты!

«Страстей волненья укрощая,
«Кичливый помыслъ отгоняя,
«Стези спасенія открой!
«Дай свыше силу мнѣ мужаться,
«Противъ соблазновъ ополчаться,
«Усовершенствуй жребій мой!

«Тебѣ содѣйствующу, Боже!
«Клянусь въ терпѣньи все сносить,
«И прежнихъ лѣтъ цвѣтуще ложе
«Однимъ молитвамъ посвятить!
«Сира, нища, забыта буду,
«Сама вселенную забуду,
«Уставъ природы превзойду,
«Дѣтей и мать, и все, что было,
«Что есть, и вѣкъ что будетъ мило,
«Во гробъ забвенья низведу!

«Я вздохи сердца сокровенны
«Мечемъ духовнымъ посѣку;
«Я тѣла красоты разженны
«Хламидой черной облеку;
«Закрывъ глаза, потщусь ихъ взгляды,
«Потщусь всѣхъ чувствъ, и устъ отрады
«Къ кресту съ собою пригвоздить,
«Металлъ нечувственный лобзая,
«На немъ Христа воображая,
«Въ объятьяхъ Бога буду жить!

«О, важныхъ клятвъ глаголъ ужасный!
«Услышалъ храмъ ихъ и стѣны.

«Но что за вопль мятежный, строгій
«Изъ нѣдра сердца вопіетъ?
«Жена! . . . размысли свои обѣты,
«Представь Всевышняго совѣты
«И гласу совѣсти внемли!
«Противу чувствъ вооружайся,
«Но побѣдить не обѣщайся:
«Природа царь всей земли.»

Природа, міромъ управляя
По волѣ вышня Существа,
Себѣ вовѣкъ не измѣняя,
Хранитъ предѣлы естества.
Чрезъ многи годы къ смерти близитъ,
И къ новымъ чувствамъ сердце движитъ,
Ему призраками маня;
Изъ устъ Давида токъ обиленъ,
Но, ахъ! и тотъ цѣлить безсиленъ
Отъ ранъ любовнаго огня.

Что съ возрастомъ твоимъ согласно,
Иль, мнишь ты, ряса устранитъ?
Пріятну мысль, вздыханье страстно
Едина смерть лишь утолитъ!
Постой, еще себя изслѣдуй,
Движенью горести не слѣдуй,
И обратись на часъ къ себѣ!
Взгляни, какъ мать — ты чадъ бросаешь;
Взгляни, какъ дочь — ты мать терзаешь;
Друзья всѣ плачутъ о тебѣ.

О, Боже! всему плоть призвавый
Себѣ въ хвалу на бренный свѣтъ,
И къ смерти живу мя избравый!
Приближи мой ко мнѣ предметъ!
Души бѣдами пресыщенной,
Души до смерти умерщвленной,
Прости дражащій нынѣ стонъ!
Да не вмѣнится въ преступленье
Мое объ мірѣ сожалѣнье;
Не казни ищетъ твой законъ.

А ты, о, суетна вселенна,
Въ которой гибла я всякъ часъ!
Была и мнѣ ты драгоцѣнна,
Была — и будь въ послѣдній разъ!
О, мать! умѣрь свои печали!
Дни счастья для меня настали;
Мой слабый духъ не возмущай!
Сокрой отъ глазъ, увы! несчастныхъ
Плоды моихъ движеній страстныхъ! —
Друзья.... міръ.... жизнь.... и все.... прощай!

Невинность.

Спокойной совѣсти зерцало
И духа Божія черта,
Великихъ подвиговъ начало
И дѣвства смертныхъ красоты,
Тебя, Невинность! ублажаю,
Ударить въ струны вновь дерзаю,
И дань сердечную принесть!
Въ тебѣ зрю міра превосходство,
Сіянье славы, благородство,
Неувядаемую честь!

Невинность краше діадимы,
Свѣтлѣе радужныхъ круговъ,
Блаженства щитъ непобѣдимый
Противу зависти враговъ!
Души чистѣйше наслажденье,
Умовъ полезныхъ вдохновенье,
Восторговъ мать и дщерь Небесъ!
Повсюду ты боготворима;
Но ты же въ мірѣ семъ гонима,
И токи льешь горчайшихъ слезъ.

О, чувство выше всякой страсти, —
Которымъ рай отверзтъ для насъ!
Я правъ! — среди самой напасти
Меня животворитъ сей гласъ.

Въ изгибахъ сердца раздается,
Его отрада въ душу льется
Въ темницѣ, въ узахъ, въ нищетѣ.
Я правъ! — се мзда моя, — довольно!
Враги, терзайтесь! — мнѣ не больно;
Вашъ ковъ погибнетъ въ суетѣ!

Надъ правдой что возможетъ злоба?
Пускай лукавствующій врагъ
Тѣснитъ невиннаго до гроба
Съ улыбкой адскою въ устахъ;
Пускай въ немъ зависть ухищрена,
Какъ пещь халдейская раждена,
Палитъ всё зноемъ клеветы;
Путь мужа праваго не скользокъ;
Лукавыхъ путь и тма, и ползокъ,
И вихрь развѣетъ ихъ мечты.

Господь невиннаго покроетъ,
Избавитъ Онъ его въ день лютъ,
Всещедрый домъ его устроитъ
И сотворитъ птенцамъ пріютъ;
Ни чадъ, ни присныхъ не оставитъ,
Друзей разсудливыхъ приставитъ,
И взвѣситъ каждый сердца вздохъ;
Не дастъ въ ровъ пагубный споткнуться,
Душѣ унынія коснуться,
И злому — зло вразумитъ Богъ.

Вотще владыкъ надменныхъ сила
Святую истину тѣснитъ;

Ни кровь, ни огнь, ниже могила
Ея сіянья не затмитъ.
Хотя правители вселенной,
Забывъ нерѣдко долгъ священный,
Влекутъ невинность на позоръ —
Она на плахѣ торжествуетъ,
И самый тотъ, кто съ нею враждуетъ,
Стоитъ съ мечемъ, потупя взоръ.

Примѣровъ множество бывало,
Къ несчастью, есть и будетъ впредь,
Какъ часто правда попадала
Въ умышленну коварства сѣть.
Еще былъ новъ сей свѣтъ природный
И юнъ сынъ персти первородный,
Какъ змій весь рай затемнилъ;
Бѣжалъ Адамъ, бѣжала Ева,
И плодъ ея несчастна чрева
Сынъ Каинъ Авеля убилъ.

Давно невинность обличалась
Предъ человѣческимъ судомъ,
Мечу безстрашно подвергалась,
Иль покрывалася стыдомъ;
И кто въ физическомъ семъ мірѣ,
Кромѣ живущаго въ эѳирѣ
И движущаго небеса,
Кто можетъ въ храмѣ сердечныхъ вникнуть,
До глубины его проникнуть,
Ума постигнуть чудеса?

Во имя правды лгали маги,
И прорицали бредъ волхвы;
Не чистъ былъ судъ въ Ареопагѣ;
Овецъ вездѣ терзали львы.
Посмотримъ, что во Іудеи
Творили съ Павломъ Саддукеи!
Прискорбенъ правды путь всегда.
И Римъ, который ублажаемъ,
До нынѣ громко прославляемъ,
Судилъ пристрастно иногда.

Настало время просвѣщенья,
Навыкли всѣ соображать;
Явились новы разсужденья,
И всякій правъ сталъ искать.
Казалось, міръ добрѣе будетъ,
Дѣла неправедны забудетъ
И сущность истины пойметъ;
Не то изъ опытовъ открылось:
Вселенна всячески кружилась,
А правда все на крестъ идетъ!

Открылись таинства природы,
Возникла всюду страсть наукъ;
Вдались въ художества народы,
И торгъ предметомъ сталъ всѣхъ рукъ.
Искали въ знаньяхъ совершенства,
Забывъ, что въ свѣтѣ нѣтъ блаженства,
Когда на сердце пала ржа.
Листомъ ли древеса красивы?

Мы хвалимъ ихъ, когда не правы;
И сердцевина въ нихъ [illegible].

Въ однихъ познаніяхъ обширныхъ
Какую пользу міръ нашелъ?
Терялъ сокровище дней мирныхъ
И жертвой адскихъ сталъ [illegible].
Въ толпахъ мятежниковъ [illegible]
Колико пало неповинныхъ
Во славу мнимаго добра?
Умовъ самолюбивыхъ искры
Производили все ошибки,
Изъ коихъ бѣдъ взрасла гора.

Герои тѣ же человѣки,
Своимъ подвластные страстямъ;
Объ нихъ писали въ древни вѣки
Одно и то жъ по всѣмъ странамъ.
Похвалъ богату дань пріемлютъ,
Но часто въ сладкой нѣгѣ дремлютъ,
Не смѣя совѣсти будить,
Чужимъ землямъ уставы пишутъ,
А сами славой только дышутъ,
Алкая міръ весь разорить.

Завоеватель на престолѣ
Еще не есть желанный царь;
Гдѣ жизнь мила во всякой долѣ,
Тамъ только милъ и государь.
Тамъ месть добычей не гордится
И тмы кромѣшной не боятся,

Ошибка тяжкой станетъ виной,
Злодѣй богатый не клевещетъ,
Бѣднякъ невинный не трепещетъ
Громовыхъ трескомъ надъ собой.

Хвала тѣмъ днямъ благословеннымъ,
Въ которыхъ древній человѣкъ,
Ходя путемъ неразвращеннымъ,
Безъ бури могъ кончать свой вѣкъ!
Но гдѣ златое время въ мірѣ?
Объ немъ піиты [illegible] лирѣ
Поютъ прелестныя мечты.
Конечно, Небо не судило,
Чтобы одно лишь въ свѣтѣ было
Священно царство правоты.

Холодный потъ чело промочитъ,
Когда вообразишь себѣ,
Что всякой зло творитъ, какъ хочетъ,
Ругаясь ближняго судьбѣ.
Гораздо легче, мигъ страданья,
Ударъ послѣдній получа,
Навѣкъ вселенную забыть,
Чѣмъ въ истязаніяхъ томиться,
Не сдѣлавъ зла, во злѣ виниться,
И для насмѣшекъ лютыхъ жить.

Я чувство совѣсти умѣю
Поставить выше благъ земныхъ;
Но зла всю тягость разумѣю,
Предметомъ стать обидъ людскихъ.

Души теряется спокойство,
Когда вкругъ насъ одно нестройство,
И къ яснымъ днямъ не зримъ слѣда;
Животъ лишь чувственный наскучитъ,
А жизнь чувствительна замучитъ,
И сердце надорветъ бѣда.

Всевышній! — Ты единый можешь
Невинный успокоить духъ;
Ты сердце бѣдное встревожишь —
И паки преклоняешь слухъ;
Тебѣ молитвы наши внятны,
И воздыханія стократны
Не утаятся отъ Тебя.
Увы! — когда наступитъ время
Сложить мірскихъ напастей бремя
Какъ узы тяжкія съ себя?

Доколѣ, Господи! продлится
Успѣхъ погибельныхъ умовъ;
И въ сердце бѣдное вонзится
Стрѣла кичащихся враговъ?
Но если правда безъ искусства,
Свободна мысль, нагія чувства
Родятъ злосчастіе свое, —
Воззри на часть мою плачевну,
Внемли молитву повседневну:
Да прійдетъ царствіе Твое!! —

Пѣснь послѣдняя моимъ современникамъ.

> Partout on voit tant de fureur
> Et tant d'ingratitude
> Qu'on ne trouve plus le bonheur
> Que dans la solitude.

1.

Оставимъ чашу круговую,
Вся сладость въ ней истощена;
Забудемъ юность золотую,
Какъ вихрь умчалася она!
Подъ старость станемъ жизни вѣчной
Готовить разумъ нашъ безпечной!
Кто знаетъ, сколько разъ шагнуть
Еще позволитъ Провидѣнье,
Доколѣ въ горнее селенье
Оно душѣ укажетъ путь?

Померкло яркое свѣтило,
Которымъ нѣкогда любовь
Красу подсолнечной двоило
И поминутно грѣло кровь;
Исчезли тѣ очарованья,
Въ которыхъ всякаго желанья
Успѣхъ казался раемъ намъ,
И сердца сладкій соблазнитель,
Столь многихъ идоловъ обитель,
Въ пустынный превратилось храмъ! —

Все въ тягость стало въ пышномъ градѣ
И солнце радостей зашло;
Отъ грусти насъ ведя къ досадѣ,
Всѣ силы время унесло;
Міръ — гробъ, а жизнь — несносна мука,
Когда печаль, унынье, скука
Какъ камень на сердцѣ лежатъ;
Отъемлютъ сонъ, лишь ночь настанетъ!
Возбудятъ желчь, — лишь солнце встанетъ
И душу цѣлый день томятъ!

Отъ благъ земныхъ уроки строги
Велятъ сворачивать мнѣ взоръ;
За нихъ вездѣ найдешь тревоги,
Отъ нихъ всегда съ разсудкомъ споръ.
Стезей проложенной ко славѣ
Нельзя при откровенномъ нравѣ
Достигнуть тихаго конца,
Ужасно вѣкъ свой пробиваться,
Прогнавъ туманъ, въ другомъ теряться,
Чтобъ мечъ найти, гдѣ ждалъ вѣнца!

Не мнѣ вручилъ Творецъ вселенной
Талантъ полезнымъ въ мірѣ быть;
Фортуной рокъ опредѣленной
Назначилъ мнѣ дышать и жить.
Страдать готовъ одинъ до гроба;
Придетъ мой часъ, земли утроба
И мнѣ очиститъ уголокъ;
Но слезъ друзей всѣ капли износить,

Смущенья ихъ всю тайну смыслить,
И жить!!! Нѣтъ, нѣтъ! сей долгъ жестокъ!

Вотще разсудокъ представляетъ
Въ примѣры намъ Грековъ и Римлянъ, —
Великодушье предлагаетъ
Къ уврачеванью нашихъ ранъ;
Когда бѣда какъ вихрь несется
И сердце кровью обольется —
Разсудка безполезенъ гласъ:
Его холодны размышленья
Въ часы сердечна сокрушенья
Неубѣдительны для насъ.

Вотще хотятъ любимцы вѣка
И счастья нѣжные сыны
Заставить бѣдна человѣка,
Страдающаго безъ вины,
Превыше стать своей напасти,
Презрѣть молву, смѣяться власти,
Неправду холодно сносить.
Но кто же нынѣ безъ догадки? —
Не фразы, — слезы дружбы сладки;
И тѣ имъ тягостно продать.

О, люди! знайте, что несчастье
Не отъ витійства ждетъ отрадъ;
Ему душевное участье
Цѣннѣй житейскихъ всѣхъ наградъ!
Поруганъ ближній твой напрасно;
Ты внемлешь стонъ его всечасно;

Лети и душу разверни,
Противу злобы ополчися,
Безстрашно съ завистью сразися,
Уйми ее — и отдохни!

Чья слава можетъ во вселенной
Равняться съ подвигомъ того,
Который склонностью врожденной
Удобенъ жертвою всего:
Отвесть злодѣя мстящу руку,
Смягчить страдальца тяжку муку
И грудь его къ своей прижать?
Не чванства гордыми хвалами,
Но благодарности слезами
Трофей негиблющій стяжать?

Вотще и совѣсть бы желала,
Своей сіяя чистотой,
Извлечь убійственное жало
И сердцу сладкій дать покой;
Ахъ, нѣтъ! — и совѣсть не способна
Противъ удара рока злобна
Вложить въ десницу крѣпкій щитъ:
Она сама хоть насъ не мучитъ,
Но мужеству безъ пользы учитъ,
И сердце все-таки болитъ.

Для входа въ рай, въ чертогъ небесный,
Спокойна совѣсть вѣрный путь;
Но въ оболочкѣ здѣсь тѣлесной
Тѣснится ль меньше съ нею грудь?

Въ сокровищницѣ сей скудельной
Одинъ зритъ правду безпредѣльной
Зиждитель міра и Творецъ;
Но люди въ ней читать не знаютъ,
По видамъ внѣшнимъ разсуждаютъ:
Молва законъ и судъ сердецъ!

Когда въ узилищѣ я стражду
И неповинно цѣпь ношу,
Когда я голоденъ и жажду
И хлѣба по-міру прошу,
Хотя нѣтъ въ совѣсти волненья,
Тѣмъ меньше ль естества мученья
Безсовѣстнаго я терплю?
Того моральны мучатъ кары,
Меня физически удары,
И онъ не спитъ, — и я не сплю.

Твердятъ: подушка не вертится
У тѣхъ, чья совѣсть безъ пятна;
Напротивъ, многимъ крѣпко спится,
Хоть совѣсть въ уголъ сожжена.
Увы! и въ замкахъ превосходныхъ
Для мирныхъ дней, отъ золъ свободныхъ,
Какъ мало совѣсти одной!
Сей даръ небесъ, залогъ столь трудный,
Потщимся чистъ явить въ день судный;
А въ мірѣ съ нимъ накладъ живой! —

Такъ, такъ, отъ общества и свѣта
Пора мнѣ скрыться навсегда!

Я видѣлъ грозы бурна лѣта;
Пришла и осени чреда.
Съ людьми потерся я довольно;
Они меня кусали больно;
Пора ихъ раны залечить;
Тѣсней съ природою сойтиться,
У ней быть счастливымъ учиться,
И мирну старость довершить.

Уйду земли другой и неба
Искать въ безлюдныя страны!
Вездѣ лучи я встрѣчу Феба,
Вездѣ увижу зракъ луны.
Въ пустыняхъ тотъ же воздухъ дышитъ;
Но глазъ не зритъ и слухъ не слышитъ
Тамъ образованнаго зла.
Не въ лабиринтахъ просвѣщенья
Сокрыты тайны наслажденья;
Тамъ умозрительна лишь мгла! —

Вездѣ натура кровъ и пищу
Трудамъ дѣятельнымъ даетъ,
Равно богату, какъ и нищу,
Свои щедроты бережетъ.
Душа безсмертная въ пустынѣ,
Чудясь движенья тѣлъ причинѣ,
Паритъ всечасно къ небесамъ,
И разумъ, истинной водимый, —
Сей огнь души неугасимый,
Вполнѣ владычествуетъ самъ! —

Изъ опытовъ давно я знаю,
У *Даламбертовъ* не учась,
Когда о мірѣ размышляю,
Что зло съ добромъ имѣетъ связь.
Что нѣтъ такого совершенства
Для идеальнаго блаженства,
Какого всуе здѣсь хотимъ;
Но есть въ дѣлахъ людскихъ оттѣнки;
Добра мы не лишимъ оцѣнки,
И зло меньшое извинимъ.

А въ нашихъ обществахъ развратныхъ
Какихъ и гдѣ границъ искать?
Вкуси часа два, три пріятныхъ,
И будь готовъ всю жизнь страдать.
Въ нашъ вѣкъ людей совокупленье
Уже не радость, — а мученье:
То месть, то мзда, вездѣ злой духъ.
Корысть и зависть міръ плѣнили,
Путь состраданью заложили,
Ни чей ему не внемлетъ слухъ.

Медвѣдь въ берлогѣ потаенной,
И тотъ прохожимъ путь даетъ;
И только голодомъ стѣсненной
Добычу хищну увлечетъ,
Зарѣжетъ въ мигъ и черепъ вскроетъ:
Но духъ исчезъ, — ужь тварь не ноетъ
А человѣкъ когда напалъ. . . .
Сперва легонько жертву ранитъ,

Растравитъ язву — тамъ тиранитъ;
Еще не сытъ — вонзитъ кинжалъ!

Расторгнувъ съ міромъ всѣ союзы,
Готовъ я жить уединенъ;
Меня нигдѣ не бросятъ Музы,
А съ ними я вездѣ блаженъ!
Вдали отъ шума, но въ природѣ,
Въ глуши забвенной, но въ свободѣ,
Не буду суетно, какъ здѣсь,
Луча надежды ожидая,
И скорби сущность ощущая,
Въ мечтахъ терять разсудокъ весь.

О, міръ! каралъ меня ты строго,
Любя сѣдинъ моихъ позоръ!
Душѣ изъязвленной столь много
Лишь Неба нуженъ тихой взоръ.
Когда жъ глаголъ Его священный,
Столь страшный — вмѣстѣ столь блаженный,
Во мнѣ раздастся: умирай! —
Тогда, исполнивъ злобы мѣру,
Забудь вражду, и вспомня Вѣру —
Хоть гробу правый судъ воздай!!! —

РАЗСУЖДЕНІЕ О СУДЬБѢ.

Еще для истины перо въ рукахъ держу,
И землю позабывъ, на небеса гляжу.

Судьбы на свѣтѣ нѣтъ! — все слѣдствіе причинъ,
И счастья *) своего самъ смертный господинъ,
Всѣ лѣтописи насъ такъ мыслить научили.
Колико тысячъ душъ въ подлунномъ мірѣ жили,
Которыхъ каждый шагъ и подвигъ показалъ,
Что случай лишь мечта, — все Промыслъ учреждалъ.

Мы случаемъ зовемъ такое приключенье,
Которое нашъ смыслъ приводитъ въ изумленье.
Событіе ли чуть какое тронетъ насъ,
Судьбой его зоветъ общенародный гласъ;
Затѣмъ, что человѣкъ хоть сплошь себя самъ губитъ,
Но въ томъ ни передъ кѣмъ признаться онъ не любитъ.

Куда ни кинемъ взоръ во множествѣ міровъ, —
На нашъ ли шаръ земной, иль выше облаковъ,
Во всемъ находимъ планъ, всему даны законы:
Небесныхъ и земныхъ огромныхъ тѣлъ милльоны
Взаимной связью силъ вращаясь межъ собой,
Математической всѣ движутся чертой,

*) Подъ словомъ счастіе, здѣсь разумѣется не почести, или иное какое внѣшнее возвышеніе, а мирная и безмятежная совѣсть.

И цѣли миновать не могутъ непремѣнной,
Къ которой править ихъ Архитектонъ вселенной.
А если допустимъ отважимся на часъ
Слѣпого случая вліянье на насъ,
Коль многое, чего умомъ не понимаемъ,
И часто осуждать съ нелѣпостью дерзаемъ,
Капризу приписать свободнаго естества,
Отвергнувши совсѣмъ перстъ дивный Божества,
Увы! какую мысль мы выкинемъ ужасну
И въ хаосъ превратимъ вселенну несчастну!
[illegible]

Одно изъ двухъ велитъ разсудокъ полагать:
Или нечаянность, иль умыселъ признать;
Въ связанности нельзя ни чѣмъ освободиться.
Коль такъ, — куда жъ ума работа вся годится,
Гдѣ духъ предвидѣнья, съ которымъ я рожденъ,
Гдѣ чувство мудрости, которымъ озаренъ?
Откуда извлеку безъ воли я свободной
Поступокъ мой благой и помыселъ негодной?
Когда въ страдательномъ такомъ стѣсненьи я,
Гдѣ жъ добродѣтели и гдѣ вина моя?
И какъ я соглашу, въ сомнѣньяхъ толкъ теряя,
Софизмы съ истиной взаимно побѣждая,
Путь твердый и прямой Религіи моей
Съ опасной и кривой случайности стезей?
[illegible]

Естественное зло одно лишь неизбѣжно!
Но если станемъ мы разсматривать прилежно,
Откуда къ намъ оно летитъ, какъ будто вдругъ,
Коль будемъ примѣчать животныхъ дѣйствій
[illegible] кругъ

Увидимъ, что и бѣдъ физическихъ начало
Нерѣдко отъ самихъ отъ насъ проистекало.
Смерть ближнихъ и друзей такой для насъ ударъ,
Какого нѣтъ сильнѣй между природныхъ каръ!
Сей Неба мечъ не новъ—равно всѣхъ поражаетъ,
Въ пещерахъ застаетъ, на тронахъ постигаетъ.
Когда бы умиралъ одинъ на свѣтѣ я,
И всѣмъ переживать осуждено меня,
Тогда бы приговоръ столь грозный надъ собою
Имѣлъ я право счесть единственной судьбою;
Но видя общій долгъ, жить съ тѣмъ, чтобъ умирать,
Разсудокъ ропотъ злой обязанъ усмирять.
Зачѣмъ же, скажутъ мнѣ, тотъ вовсе не тоскуетъ
И свѣжъ, какъ твердый дубъ, лѣтъ за сто существуетъ;
Другой, въ недугахъ весь, шатается какъ стѣнь,
И дышетъ, такъ сказать, на ладанъ всякой день?
Спросите у себя, — причину совѣсть скажетъ;
Не случай вамъ, — а грѣхъ вашъ собственный укажетъ.
Благоразумія совсѣмъ забывъ уставъ,
И пламеннымъ страстямъ себя на жертву давъ,
Живутъ ли люди такъ среди растлѣнна свѣта,
Чтобъ мирно протекли опредѣленны лѣта?
Чего не дѣлаетъ безумный человѣкъ,
Чтобъ язвами покрыть и самый краткій вѣкъ?
И внѣ и внутренно сожженные страстями,
Недуги на себя мы возлагаемъ сами,
И часто въ мукахъ злыхъ безвременна конца
Вотще клянемъ судьбу, вотще винимъ Творца.

Природа всѣхъ равно раждаетъ къ наслажденью,
А разумъ положилъ предѣлъ употребленью.
Животный механизмъ одинъ во всѣхъ тѣлахъ:
Тѣ жъ слезы бьютъ изъ глазъ, улыбка та жъ въ устахъ;
Но тотъ лишь, кто собой искусно самъ владѣетъ,
Въ спокойствѣ, въ тишинѣ вѣкъ долгій жить умѣетъ, —
Полезно для себя, безвредно для другихъ
Естественную нить кончаетъ дней своихъ,
И смертью къ небесамъ изгладивши посредство,
Потомкамъ чисту кровь передаетъ въ наслѣдство.
Рѣшительно сказать, — физическій сей свѣтъ
Не есть случайности страдательный предметъ,
Но Творческой руки онъ трудъ неизреченной;
Все планъ въ немъ, — все законъ, — порядокъ совершенной.

Возможно ли за симъ несправедливо мнить,
Что нравственны бѣды должны происходить
Отъ случаевъ слѣпыхъ, неправильно текущихъ,
Одну другой во слѣдъ всѣ участи влекущихъ?
Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! — Отъ физическихъ золъ
Коль часто насъ спасти удобенъ произволъ!
Тѣмъ болѣе отвесть моральныя напасти
При помощи Творца, конечно, въ нашей власти.
Погрѣшности свои приписывать судьбѣ
Есть, попросту сказать, потворствовать себѣ.
Мы всякую хотимъ свою неосторожность
Оправить, приводя предлогомъ невозможность;

Но взглянемъ на себя не въ тусклое стекло:
Возвратно къ намъ всегда приходитъ наше зло *)
Такъ точно, какъ земля горячи испаренья
Туманомъ гонитъ вверхъ въ воздушныя селенья,
И, образуя тамъ сводъ облачный густой,
Низводитъ ихъ въ себя жъ громовою стрѣлой. —
Судьба ли, напримѣръ, бываетъ виновата,
Когда отъ мотовства домъ барина богата
Изъ храма всѣхъ сустъ мгновенно иногда
Преображается въ пустыню навсегда?
Судьба ли то творитъ, что люди молодые,
А часто видимъ мы и очень пожилые,
Безъ памяти влюбясь, такой свершаютъ бракъ,
Который счастья дать не можетъ имъ никакъ?
Судьба ли, а не гнѣвъ, родитъ кровавы брани,
Даетъ герою духъ и укрѣпляетъ длани?
Судьба ли, не корысть, несетъ чрезъ океанъ
Отважнаго пловца съ богатствомъ разныхъ
странъ?
Судьба ли, наконецъ, даетъ усиліи мести
Коварству торжество, удачу горькой лести,
И нынѣшнихъ сердецъ, умовъ, связей раздоръ
Къ судьбѣ ли отнесемъ ужъ наперекоръ?
Или, подобно тѣмъ повѣтріямъ повальнымъ,
Гнилого воздуха вліяніямъ печальнымъ,
Которыя родятъ въ насъ временной недугъ,
Стихіямъ отдадимъ вину своихъ услугъ?
Уже ли съ воздухомъ вдыхаемъ заблужденья?

---

*) Зло значитъ здѣсь не преступленье, а всякая погрѣшность, вредъ, ошибка.

Упрямство, гордость, гнѣвъ и клятвы престу-
пленья?—
Съ стыдомъ признаться намъ долгъ совѣсти ве-
литъ,
Что все, чѣмъ насъ судьба (какъ всѣ твердятъ)
разитъ,
Большою частію, по справкѣ самой вѣрной,
Есть плодъ безпечности, иль дерзости безмѣр-
ной,
Какъ часто, покорясь владычеству страстей,
Не смѣя разорвать ихъ пагубныхъ сѣтей,
Оспоривъ жарко тьму полезныхъ доказательствъ,
Безъ умолку винимъ стеченье обстоятельствъ!
Неправда,— мы одни виною нашихъ бѣдъ!
Соблазнамъ проложивъ свободный къ сердцу
слѣдъ,
Балуя всякой день изнѣженныя чувства,
Порывъ ихъ удержать лишаемся искусства,
И только лишь тогда прочистимъ мы глаза,
Когда надъ головой виситъ уже гроза.

Нерѣдко страждемъ мы за истину святую,
И наглый клеветникъ подноситъ чашу злую;
Нерѣдко властелинъ, оставя правды путь,
Обманутъ,— вонзаетъ мечъ въ невинную грудь:
Бываетъ!— Но и тутъ, сообразясь прилежно,
Найдешь плоды своихъ ошибокъ неизбѣжно;
Вѣдь честь и правота имѣютъ свой предѣлъ;
Шагни черезъ него — и въ пропасть полетѣлъ!
Уму покорна быть должна и добродѣтель;
И всуе слабый мужъ зовется благодѣтель.

За пазухой змѣи отнюдь не согрѣвай;
Иль, ею уязвленъ, не на судьбу пѣняй:
Къ злодѣю протянувъ спасительную руку,
Мы сами отдаемъ себя на вѣрну муку.
Безъ собственныхъ опоръ нечестье обличать,
По слову *Павла*, есть противъ рожна лишь прать;
Не къ мѣсту, кто велитъ съ богатыми равняться,
И карлу кто зоветъ съ богатырями драться?
Издревле начерталъ сей нравственный законъ
Изящной мудрости учитель Соломонъ.

Тотъ бѣдствовать всю жизнь въ животномъ мірѣ будетъ,
Кто политическихъ силъ тяжесть позабудетъ;
Ихъ равновѣсіе толико жъ нужно намъ,
Какъ ровный воздухъ всѣмъ необходимъ тѣламъ.
Я слышу часто вопль, — такого-то убили,
А рядомъ съ нимъ того злодѣи пощадили;
Какой же это рокъ: — тутъ вѣдома вина:
Ружейному стволу препорція дана,
А воздухъ и огонь, въ немъ сжатыя, мгновенно
Въ ту точку пулю шлютъ, гдѣ пасть ей непремѣнно.
Мы знаемъ, что стрѣлокъ, досадою горя,
Стрѣляетъ иногда, какъ говорится, зря;
Въ рукѣ лишь только махъ — ударъ въ цѣль самъ несется:
Физическій законъ нигдѣ не прошибется.
А сверхъ того ты зналъ, скакавши на войну,
Когда покинулъ домъ, родъ племя и жену,

Что, тамъ не карты въ банкъ — изъ пушекъ ядра мечутъ,
И вмѣсто нѣжныхъ ласкъ, иль бьютъ, или увѣчутъ, —
Зачѣмъ же ты пошелъ? — Взманилъ высокій чинъ.
Не могъ спокойно жить, какъ мирный гражданинъ;
А послѣ, разсердясь, винить судьбу сталъ строгу
За то, что лекаря пилить велѣли ногу.
Вотъ все и колдовство — чудеснаго тутъ нѣтъ;
Порядокъ естества таковъ же старъ, какъ свѣтъ,
И все разочтено, что дѣлается въ мірѣ,
До дня послѣдняго, какъ дважды-два — четыре. —

Я знаю, что къ себѣ нельзя такъ строгу быть,
Чтобъ каждый въ жизни шагъ отъ зла предохранить;
Что тѣсно съ суетой сроелися человѣки,
Намъ истину сію свидѣтельствуютъ вѣки;
Но только лишь о томъ веду здѣсь разговоръ,
Что сами мы свой грѣхъ зовемъ къ себѣ на дворъ.
Естественно весьма всему тому дивиться,
Что недовѣдомой причиною творится. —
Мы чувствуемъ ударъ — и первый сердца гласъ
Есть ропотъ на судьбу, карающую насъ.
Простимъ сіе души невольное движенье;
Но время приведетъ на мысль соображенье:
Тогда, со всѣхъ сторонъ объявъ свою напасть
Все вспомня, осмотря и давъ разсудку власть,

Найдемъ, что въ чемъ-нибудь мы долгъ свой проронили,
Или завременно себя не ополчили
Противъ моральныхъ тучъ всей массою тѣхъ силъ,
Которыми Творецъ на подвигъ насъ снабдилъ.
На стражи будь всегда, всечасно озирайся,
Всей крѣпостью души въ лукавы дни мужайся!
Отъ дѣйства можетъ быть причина далека;
Не все тотчасъ и вдругъ бьетъ сильная рука.
Лѣтъ за двадцать назадъ готовились печали;
Зародышъ ихъ отъ насъ, но мы не примѣчали,
И потому все то судьбою нарекли,
Чего догадкой мы постигнуть не могли.
Какъ-будто чудомъ звать обязанность имѣемъ
Все то, чего началъ извлечь не разумѣемъ;
Такъ точно, какъ мужикъ, бросая къ небу взоръ,
За чудо изъ чудесъ считаетъ метеоръ. —

Избави меня Богъ помыслить такъ безбожно,
Чтобъ было что-нибудь *Богу* невозможно! —
О! исповѣдую всей мыслью и душой,
Что Тотъ, Кто сотворилъ сводъ неба надо мной,
Кто солнцемъ обогрѣлъ твердыню поднебесну,
Звѣздами и луной содѣлалъ ночь прелестну,
Кто тварьми населилъ вселенной широту,
Цвѣтами испестрилъ всю селину красоту,
Кто бездны усмирилъ, ярящіеся токи,
Временъ установилъ движеніе и сроки,
Чья сильная и та жъ всемощная рука

Орлу создавъ крылѣ, сложила наука,
И словомъ, — Тотъ, Кто духъ свой вдунулъ въ человѣка,
Только возлюбя его съ начала вѣка,
Что Сына Своего на муки осудилъ,
Дабы крестомъ весь родъ Онъ смертныхъ искупилъ:
Сей, всѣхъ существъ Господь, Творецъ одушевленья,
Всечасно силенъ намъ являть чудотворенья.
Я вѣрую сему, какъ исключимый рабъ;
Но былъ бы я умомъ и духомъ слишкомъ слабъ,
Когда бъ на свѣтѣ все, со мной что ни случится,
Чѣмъ сердце отъ вины моей же огорчится,
Приписывать хотѣлъ къ нечаяннымъ судьбамъ,
Или гадателей ко мнимымъ чудесамъ.
Стократно повторю — добро и зло извѣстно.
И гдѣ же подвиги, коль въ мірѣ все чудесно?
Когда бъ подумалъ я, что мнѣ назначенъ рокъ,
Что я родился быть иль добръ, или жестокъ,
Что участь мнѣ дана, и какъ бы осторожно
Ни велъ себя — ее избѣгнуть не возможно;
Тогда бъ осталось мнѣ лишь только пить и ѣсть,
И плоти послужа, сложивши руки сѣсть
Какъ истукану, ждать бездѣйственно могилы
Въ тотъ часъ, какъ изойдутъ всѣ жизненныя силы.
Ахъ, нѣтъ! я не могу такъ думать о себѣ;
Предубѣдительной покорствуя судьбѣ,
Я дѣйствовать рожденъ—и дѣйствовать по волѣ.
Творецъ на выборъ намъ назначилъ разны доли:

Зависитъ отъ меня — такъ точно отъ меня —
Быть добрымъ и худымъ, судьбины не виня.
Философы вотще съ ума насъ только сводятъ
И въ дѣйствіе ума темпераментъ приводятъ;
Напрасно говорятъ, что выпуклостью лба
Прообразуется и нравъ нашъ и судьба;
Что мы родимся быть иль кротки, иль тираны,
Смотря, какіе въ насъ подъ черепомъ органы:
Къ чему весь этотъ вздоръ разстроенныхъ умовъ,
Затянутыхъ узломъ вещественныхъ оковъ?
Что могутъ плоть и кровь надъ сильною душою,
Противъ ихъ мятежа всегда готовой къ бою?
Творецъ намъ покорилъ не тигровъ лишь од-никъ;
Онъ силу побѣждать намъ далъ себя самихъ.
Раскинувъ бытія пространнѣйшу картину,
Далъ смыслъ уразумѣть въ немъ всяческимъ причину,
Проникнуть научилъ всѣ тайны естества,
Постигнуть разныхъ тѣлъ животныхъ существа,
Внутрь сердца вкоренилъ безсмертья сладко чувство,
Дѣятельность уму, рукамъ Онъ далъ искуество;
И я ли, персти горсть, какъ нѣкій лютый врагъ,
Дерзну послѣ такихъ неизреченныхъ благъ
Помыслить, что весь міръ, что человѣкъ съ душою,
Водимый къ пропасти какою-то судьбою,
Что случай лишь меня туда, сюда влечетъ,
Что небо и земля — все неизвѣстно куда течетъ?

Обманъ! — Не могъ Творцемъ создаться безъ
расчета *)
Не только цѣлый свѣтъ — ниже одна Іота!

Всевышній!—Ты явилъ и въ рай и въ адъ пути;
Дай силу совѣсти по первому идти,
На камнѣ Вѣры ставъ! Потщимся мы въ печалѣхъ
Глубоко начертать на умственныхъ скрыжалѣхъ
Урокъ Спасителя, идущаго на страсть:
Бди крѣпко — и молись — да не впадешь въ
напасть!

НА ИМЯННОЙ УКАЗЪ

О ДАЧѢ ЖЕНАМЪ УБИТЫХЪ ВЪ АРМІИ ШТАБЪ И ОБЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ ПЕНСІОНОВЪ, СОСТОЯВШІЙСЯ АВГУСТА 30 ДНЯ 1799 ГОДА.

Идите, воины, на брани,
Животъ несите за царей!
Къ оружію прострите длани,
Покиньте дома женъ, дѣтей!

*) Слово расчетъ должно принято быть здѣсь не въ одномъ числительномъ смыслѣ, а въ разумѣ намѣренія, цѣли, закона.

Счастливый вѣкъ! — блаженно время! —
Съ васъ всѣхъ заботъ слагаетъ бремя
Россіи Царь, ея Отецъ!
За твердость въ подвигахъ подъятыхъ
Въ щедротахъ Павла пребогатыхъ,
Вамъ неба воздаетъ Творецъ.

Геройски вдовы ужъ не будутъ
Ходить за хлѣбомъ по дворамъ,
Уничиженіе забудутъ,
И клятвъ не изрекутъ Богамъ;
Склоня къ нимъ взоръ благоутробный,
Примѣръ щедроты безподобный
Съ престола Павелъ показалъ:
Вдовства печали услаждая,
Мужей ихъ вѣрность награждая,
По смерть имъ жалованья далъ.

Гражданъ на брани убіенныхъ
Невинны, сирые птенцы
Почтутъ отцевъ имъ драгоцѣнныхъ
Побѣдоносные вѣнцы;
Они не возрыдаютъ болѣ,
Взрастутъ въ благополучной долѣ;
Объ нихъ всечасно Царь болитъ:
Онъ имъ отцевъ ихъ замѣняетъ,
Отъ ига бѣдности спасаетъ,
Онъ ихъ возводитъ и хранитъ.

И ты, вдова! лишась супруга
Въ поляхъ страны тебѣ чужой,

Оплакавъ смерть вѣрнѣйша друга,
Забуди о себѣ самой!
Приди въ отечество драгое,
И Павла имя чти благое;
Онъ путь тебѣ въ него открылъ.
Его казна — твое богатство.
Познай судьбы твоей пріятство;
Тебя сугубо наградилъ.

Хвалите Бога, Россіяне!
Еще Онъ не оставилъ васъ,
И имя Павла, сограждане,
Прославьте всюду всякой часъ!
Доколѣ милость имъ владѣетъ,
Ни въ чемъ онъ ввѣкъ не оскудѣетъ;
Ему дастъ Богъ — и дастъ сто кратъ!
Любовь къ нему въ васъ пребудетъ;
Не златомъ лишь однимъ онъ будетъ —
Сердцами подданныхъ богатъ.

Избавитъ нища и убога
Отъ расхищающихъ его,
Се къ славѣ, Царь, тебѣ дорога!
Се свойства сердца твоего!
Будь кротокъ, Павелъ! долги вѣки!
Тебѣ подвластны человѣки
Люби, щади и возвышай!
Господь тебя да назидаетъ,
Да вся вселенная вѣщаетъ:
Гдѣ кротость царствуетъ — тамъ рай!

НА ИМЯННОЙ УКАЗЪ

О КАРТОЧНЫХЪ ИГРАХЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА I.

Хвала и честь тому царю,
Который нравы исправляетъ
И неумѣренну игру
Указомъ строгимъ запрещаетъ!
Игра ничто иное есть,
Какъ способъ (въ точномъ смыслѣ слова)
Пріятно часъ, другой провесть,
Коль нѣтъ занятія инова.

Но зло вездѣ проложитъ слѣдъ.
Игра теперь уже выходитъ
Источникъ самыхъ тяжкихъ бѣдъ:
Она до крайности доводитъ;
Игрокъ нерѣдко въ краткій мигъ
Всего лишается въ азартѣ *);
И сколько есть домовъ такихъ,
Гдѣ весь насущный хлѣбъ на картѣ!

---

*) Слово, у игроковъ весьма употребительное, которое и техническимъ у нихъ назваться можетъ.

Искусство, коимъ человѣкъ,
Невоздержанью строя бѣдства,
Прожить на счетъ другого вѣкъ
Нашелъ легчайшее посредство —
Обманъ, которымъ иногда
Вельможа съ самымъ низкимъ збродомъ
Готовъ, безъ всякаго стыда,
Чужимъ потѣшиться доходомъ.

И мы хотимъ, чтобъ противъ насъ
Суровыхъ мѣръ не принимали!
Дай волѣ мигъ — и мы тотчасъ
Какъ дики козы забрыкали.
Для безразсудныхъ воли нѣтъ.
Благоразумная свобода
Изъ дѣлъ познать себя даетъ
У просвѣщеннаго народа.

А съ картой лечь и съ картой встать
Подъ видомъ время провожденья,
Дабы взманить и обыграть,
Есть плодъ послѣдня развращенья.
Игра всегда родитъ задоръ,
Задоръ разсудокъ отлучаетъ;
А безъ него начнется вздоръ —
И добродѣтель исчезаетъ.

Хвала тебѣ, Россійскій Царь, —
Блюститель нравовъ на престолѣ!
Гдѣ врагъ пороку государь,
Тамъ всѣ живутъ въ счастливой долѣ.

Гдѣ зло не можетъ силы взять,
Тамъ царства твердаго примѣта!
Славнѣй народъ свой исправлять,
Чѣмъ всѣ плѣнить предѣлы свѣта!

На освобожденіе князя Сибирскаго.

Le crime fait la honte et non pas l'echafaud.

Когда любимцы Музъ едиными устами
Восшедшаго царя вѣнчаютъ похвалами,
И зря къ себѣ щедротъ небесныхъ въ немъ залогъ,
Въ Россіи вопіютъ: «Благословенъ нашъ Богъ!»
Столь истинный восторгъ всѣмъ сердцемъ ощущая,
Соотчичей моихъ блаженство раздѣляя,
Не силенъ чувствъ моихъ стихами показать
И въ нихъ до высоты престола достигать;
Но сердца моего послѣдуя движенью,
Вездѣ готовъ воздать хвалу благотворенью.
Не пышностью душа моя восхищена,
Лишь милостьми царей питается она.
Сибирскій! — паки князь — свободенъ и возставленъ...
Да будетъ Александръ сугубо симъ прославленъ!

Что может слаще быть для добраго царя,
Какъ, всюду вкругъ себя собой спасенныхъ зря,
Погибшихъ возводить — оковы рвать съ несчастныхъ —
Открыть къ престолу путь воздыханіямъ подвластныхъ?
Не титломъ царь великъ — но кроткою душой;
Не войскомъ онъ могущъ, но подданныхъ судьбой
Порфирой всѣ цари между собою равны;
Но Титъ и Антонинъ равно ль съ Нерономъ славны?
Ахъ, нѣтъ! — Монарховъ мы изъ дѣлъ ихъ познаемъ;
Жестокимъ платимъ дань — благимъ сердца даемъ.
Сибирскій! позабудь судьбы отягощенье.
Вольтеръ сказалъ: «не казнь позорна — преступленье.»
Ты сердца своего невинность сохранилъ,
Порочнымъ торжествомъ ума не ослѣпилъ.
Узнавъ твои бѣды, твой ближній содрогнется,
Всеобщій гласъ тебя съ почтеніемъ коснется.
Ты дома — близъ тебя твой искренній — родной,
И мщенья не виситъ мечъ острый надъ главой.
Проникни, князь! молву послѣдняя гражданина;
Кого изъ нихъ твоя не тронула судьбина? —
Свобода, — даръ Небесъ, навѣки твой удѣлъ:
На тронѣ Александръ — невинный будетъ цѣлъ!
Нигдѣ достойной мзды не тратитъ добродѣтель;

Въ чертогахъ и въ тюрьмахъ — вездѣ ей Богъ свидѣтель.
Сколь подвигъ знаменитъ сопутницы твоей!
Какою похвалой воздать удобно ей!
Прости, почтенный мужъ, коль тайны открываю;
Восторга моего въ себѣ я не вмѣщаю.
Геройствомъ твердыхъ душъ единственно плѣненъ.
Колико бы я былъ природой награжденъ,
Когда бъ любви прямой я жертву, столько цѣнну
Достойно вострубить умѣлъ во всю вселенну!—
Ты плачешь... ахъ! слеза, сей первый вѣстникъ чувствъ,
Изъ сердца глубины влечется безъ искусствъ;
И въ радостяхъ она—она жъ и въ оскорбленьи
Смущенныя души являетъ всѣ движеньи! —
Утѣшься, все прошло; Богъ тучи разогналъ!
Въ твоемъ, во всѣхъ сердцахъ день мира возсіялъ!..
Надежда, смертныхъ всѣхъ отрада сокровенна,
Которою живетъ и движется вселенна,
Надежда намъ сулитъ спокойство тихихъ дней.
Дай Богъ! (твержу стократъ отъ всей души моей)
Чтобъ кротостью вовѣкъ подобенъ былъ онъ нынѣ
Нашъ Первый Александръ Второй Екатеринѣ!

ПОСЛАНІЯ.

RINALDO II

Кн. Гр. Сем. Волконскому.

Ипатъ широкихъ странъ, внемли мои два слова!
Волконской! я въ тебѣ зрю барина прямова,
Какими въ старину бывало иногда
Россійская страна любила быть горда!
Отечеству служить ты долгомъ чтилъ любезнымъ,
Куда ни кликнетъ царь, спѣшишь тамъ быть полезнымъ;
Всевышняго рукой на подвигъ укрѣпясь,
Въ день брани ты герой—въ день мира добрый князь!
Чалма твой юный жаръ еще не забываетъ;
Уралъ и Донъ твои сѣдины прославляетъ;
Казакъ, Башкирь, Калмыкъ въ глаза тебѣ глядятъ;
Ты съ ними богатырь,—подчасъ и дипломатъ.
Ни ленты, ни чины твоей не высятъ славы;
Гордится ими тотъ, для общей всѣхъ забавы,
Кому кидаетъ ихъ по дюжинѣ въ надѣлъ
Фортуна безъ очей, проказливый пострѣлъ;
А ты свой каждый крестъ, свой каждый шагъ въ гражданствѣ

Иль кровію стяжалъ, иль вѣрностью въ подданствѣ.
На совѣсти твоей пятна мздоимна нѣтъ,
И пенязей къ тебѣ не сыплютъ въ кабинетъ;
Лѣнтягъ и шалуновъ не возишь за собою;
Не терпишь у себя картежнаго разбою;
Но роскоши платя дань должную и самъ,
Порою, говорятъ, угащиваешь дамъ;
Уфа и Оренбургъ въ твои воинскія залы
Съ московскимъ щегольствомъ съѣзжаются на балы;
Привѣтливость ко всѣмъ усерденъ ты казать;
Къ заочнымъ не лѣнивъ на письма отвѣчать;
Не мнишь унизить тѣмъ ни сана, ни породы,
Когда употребишь мгновеніе свободы
На то, чтобы законъ учтивства сохранить: —
Чинъ права не даетъ ни съ кѣмъ невѣждой быть.
Храмъ Божій для тебя есть горнее селенье,
Въ которомъ ты, забывъ мірское обольщенье,
Духовною къ Творцу любовію горя,
Въ восторгѣ въ небѣ весь, блажишь царей Царя.
Ты всю свою страну къ наукамъ пріучаешь,
Встаешь до пѣтуховъ, и самъ стихи читаешь,
Не думая, какъ тма полубояръ пустыхъ,
Что будто пользы нѣтъ для общества отъ нихъ.
Словесности любя и разумѣя цѣну,
Сумбурщицей не чтишь въ Расинѣ Мельпомену;
И, Таліи познавъ въ Мольерѣ красоты,
Піитовъ любишь ты волшебныя мечты.
Ты высшую хранить умѣешь добродѣтель, —
Тобою не забытъ ни другъ, ни благодѣтель;

Доныне помнишь, князь, мою старушку-мать
За то, что вместе съ ней учился ты читать,
Родителей ея въ семействе воспитался,
И лаской стариковъ какъ сынъ обогащался:
Разительный примеръ и правды той залогъ,
Что кровь даетъ родныхъ, а пастыря шлетъ
Богъ.
За то по смерть и мне пребудутъ незабвенны
Портретъ твой и тулупъ *), какъ даръ неоце-
ненный.

Довольно! — все сказалъ, что думалъ ужъ
давно.
Красны ль мои стихи, иль нетъ, мне все равно;
Лишь только бъ ты проникъ мои глубоки чувства
И верилъ, что я ихъ поведалъ безъ искусства.
Еще, когда бы ты былъ близко у двора,
Фелицы Внука зрелъ сегодни и вчера,
Я, можетъ быть, тебе, придворнымъ подражая,
И быль и не быль плелъ, хвалами изумляя,
Но кто изъ сихъ господъ закинетъ вдругъ свой
взоръ
Со льдинъ Невы-реки на верхъ Рифейскихъ горъ?
Я льстить не прiученъ ни Музой, ни природой:
Что чувствую — пишу, и съ полною свободой.
Въ отечестве моемъ кто читывалъ меня
Тотъ знаетъ, что не льстивъ и простодушенъ я.
Пiитомъ никогда въ потомстве не воскресну,

*) Князь прислалъ мне въ подарокъ портретъ свой и прекрасный азiятскiй тулупъ.

Въ архивахъ изотрусь,—но съ зависти не тресну,
И тѣмъ вознагражу подъ старость я себя,
Что чтить умѣлъ добро, и съ нимъ воспѣлъ тебя;
Оставя честь другимъ, познавшимъ ключъ науки;
Со мной далеко раздавать пріятныхъ пѣсенъ
звуки,
Хочу, чтобы языкъ чужой о мнѣ не рекъ:
Онъ славный былъ піитъ, но подлый человѣкъ.

Будь здравъ, почтенный князь! живи должайши годы,
Мужайся на стезѣ достойной той породы,
Которая тебѣ дала свои черты! —
Подъ кровомъ Неба тотъ, кто дѣйствуетъ какъ ты!

Несчастной красавицѣ.

—

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнившая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не Вѣра привлекла — обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота, гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,

Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ Ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей ангельской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенныя очи
Померкли какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи!
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверзтьи нѣжномъ какъ вмѣщала небеса!
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
Безмолвная печать навѣкъ ихъ мышцы сжала!
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ миръ, улыбкой лишь дарила?
О, время! ты летишь, и нѣтъ тебѣ преградъ!
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ,
Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье, —
Все случаевъ однихъ различное стеченье.
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,
Платила дань страстямъ и чувственно жила!
Чье сердце противъ язвъ судьбы жестокой твердо,
Коль Богъ попуститъ ей насъ гнать немило-
сердо?
Какъ кормчій въ тростникахъ увязнувши съ
ладьей,
Изыскиваетъ путь за легонькой струей,
Чтобъ ею чистыхъ водъ пробиться на средину,
Далеко за собой оставивши пучину, —
Такъ силился твой умъ изъ омута суетъ

Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на свѣтъ;
Но бѣдный одолѣть свой рокъ сколь ни стремился,
Погибъ — и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ лишился.
Что дѣлать безъ ума? — Жизнь — мука; свѣтъ — хаосъ;
Не внемлется совѣтъ, не страшенъ гласъ угрозъ.
Готовъ уже твой стражъ, звенятъ желѣзни узы,
Весь свѣтъ расторгъ твои общественны союзы;
Бѣги отъ міра прочь — отрекся онъ тебя,
И ближній твой въ тебѣ не зритъ уже себя:
Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.
О, если бы ты тамъ облобызала Вѣру,
И сладости ея внутрь сердца ощутивъ,
Когда бъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!
Но могутъ ли вмѣстить ея дары священны
Потерянная мысль, разсудокъ помраченный?
Куда же, если смерть себя заставитъ ждать,
Дѣваться, дни свои плачевные скончать?
Безъ мира въ мірѣ жить несносно! Скройся въ кельи;
Тамъ четки замѣнятъ алмазны ожерелья:
Такъ думалъ, посмотрѣвъ я съ жалостью на ту,
Которой славилъ вѣкъ прошедшій красоту;
Вздохнулъ и пороптал. — На что жъ намъ дарованья,
Художествъ и наукъ полезныя познанья,
Когда не бережетъ натура ничего?
Тоскуй, сѣдѣй, умри — и вотъ предѣлъ всего!

Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чти Вѣчнаго законы,
Паси въ степяхъ овецъ, или садись на троны,
Остеръ будь, или тупъ, атлетъ, иль дряхлъ и слабъ —
Ты узникъ естества, титулъ твой — Божій рабъ, —
Сынъ персти, крупный червь, мятущійся всечасно,
Въ которомъ и добро не вовсе безопасно.
И слѣдуетъ ли намъ оттоль, что давимъ тварь,
Тотчасъ и заключить, что мы надъ нею царь?
Откуда человѣкъ на гордость права хочетъ?
Царь съ скиптромъ, а Пареенъ съ сумой равно хлопочетъ.
Ничто здѣсь не для насъ; мы сами для того,
Чтобъ цѣпь кольцомъ связать творенія всего.
Севодни ты Востокъ и Западъ покоряешь,
Севодни ты моря судами покрываешь;
А завтра какъ-нибудь, и не спросясь тебя,
Животный механизмъ разстроитъ чуть себя,
То дурь твою всѣхъ царствъ умы не сладятъ справить,
И надобно тебя въ безумный домъ отправить.
Почто же ты, какъ кедръ, вздымаешь дерзкій лобъ,
Когда Деспотъ и Негръ въ одинъ ложатся гробъ?
Когда тотъ и другой, по дѣйствію природы,
Трепещутъ иногда малѣйшей непогоды?
О, истина! тебя все намъ познать велитъ —
И благо лишь тому, кого Господь смиритъ!

Счастливый человѣкъ

—

Ainsi de ses beaux jours parcourant la carrière
L'homme qui pas a pas a suivr son devoir
Tranquille le matin, et tranquille le soir
S'endort comme l'enfant sur le sein de sa mere.

—

Блаженъ, кто самъ въ себѣ умѣетъ
Свое спокойство находить!
Блаженъ, кто съ волей мочь имѣетъ
Страстямъ предѣлы положить!
Кто все, чѣмъ пышный міръ гордится,
Снискать постыдностью не льстится,
Кто любитъ Бога, правду, честь,
И смѣлы взоры на лукавыхъ
Равно бросаетъ, какъ на правыхъ,
Кому не страшна злобы месть!

Чего, чего ему бояться?
Съ нимъ Богъ, съ нимъ истина Его;
Какихъ напастей устрашаться?
Предъ нимъ сѣть міра — ничего.
Онъ нища, сира не обидѣлъ,
Онъ ближня не возненавидѣлъ,
Свое чужимъ не умножалъ;
Подобно тигру разъяренну,
Въ лѣсу на агнцовъ устремленну,
Людей безсильныхъ не терзалъ.

Женой, по сердцу имъ избранной,
Безъ лицемѣрія любимъ;
Семьей, отъ Бога низпосланной,
Въ маститой старости хранимъ.
Когда дѣтей онъ поучаетъ,
Софизмами не обольщаетъ:
Одну лишь правду имъ твердитъ:
Она изъ устъ его рѣкою,
Сильна, важна, сама собою,
Безъ краснорѣчія, разитъ.

Какія случаевъ премѣны
Его способны колебать?
Какія мелкихъ душъ измѣны
Его возмогутъ огорчать?
Онъ знаетъ то, что свѣтъ сей Богомъ
Для добродушныхъ данъ залогомъ
Его безчисленныхъ щедротъ,
Которыхъ тотъ, кто въ немъ спокойно
Препроводилъ свой вѣкъ достойно,
Въ раю богатый взыщетъ плодъ.

Онъ знаетъ то, что въ сей юдоли
Творецъ назначилъ два пути:
Что непремѣнно въ нашей волѣ
Любымъ изъ нихъ изъ двухъ идти.
Одинъ наполненъ красотами,
Усыпанъ нѣжными цвѣтами:
Иди, рѣзвись — и адъ встрѣчай;
Другой сквозь мрачныя долины

Отвсюду кажетъ злы стремнины —
Иди, терпи — и внидешь въ рай.

Игрушки міра и наряды,
Изъ коихъ бьется цѣлой свѣтъ,
Суетъ мечтательны награды
За самый низкій чтить умѣтъ.
Все здѣсь и тлѣнно и не вѣчно,
И смѣхъ и горе скоротечно;
Постигнетъ смерти лютый часъ:
А тамъ какъ не съ чѣмъ появиться!
Сюда нельзя ужъ возвратиться,
Чтобъ добрыхъ дѣлъ собрать запасъ.

Любви, сей пагубнѣйшей страсти,
Посредствомъ коей человѣкъ
Слезамъ нерѣдко и напасти
Приноситъ въ жертву краткій вѣкъ,
Ему не страшны воспламенѣнья;
Взирая на ея волненья,
Какъ водъ на возмущенный токъ,
Болитъ о слѣдствіяхъ несчастныхъ
Поползновеній нашихъ страстныхъ
И свой отъ нихъ спасаетъ рокъ.

Онъ душу, сердце, умъ и свойства
На пользу ближнихъ посвятя,
Хранитъ тѣмъ связь благоустройства;
Но Богомъ смертнаго не чтя,
Не ставитъ въ женщинахъ кумира,
И выше всѣхъ предѣловъ міра

Возносить духъ свой къ небесамъ:
Какъ огнь, прорвавшись изъ строенья,
Шлетъ паръ въ воздушныя селенья,
Такъ онъ стремится въ горній храмъ.

Всѣ твари, малы, иль велики,
Влекутъ отъ Бога бытіе;
Цари земные и владыки
Имъ держатъ царствіе свое:
Онъ, зная то, съ благоговѣньемъ
И съ твердымъ удостовѣреньемъ,
Что быть властямъ самъ Богъ велѣлъ,
Въ лицѣ царей Ему послушенъ,
Въ гоненьи, въ славѣ равнодушенъ,
И въ злоключеньяхъ духомъ смѣлъ.

Блаженъ, кому дала природа
Не только думать такъ — и жить!
Его ни знатная порода,
Ни чинъ не сильны изумить; —
Вотще бы ядъ умовъ опасныхъ,
Или хвала людей пристрастныхъ
Его усилилась тронуть:
Среди случаевъ внѣшнихъ, тѣсныхъ
Онъ правилъ внутреннихъ и честныхъ
Себя на добрый ставитъ путь.

Какъ камень твердый наединѣ,
Отторженный отъ дикихъ горъ,
Во мрачной бездпѣ морскихъ пучинѣ
Страшитъ пловцовъ смущенный взоръ,

Сѣдыя волны разъяряся,
Отъ сильной бури воспѣняся,
Въ него съ ужаснымъ ревомъ бьютъ,
Его чудовища объемлютъ;
Ни чѣмъ, ни чѣмъ не поколеблютъ:
Сей камень вѣченъ будетъ тутъ!

Такъ твердъ и тотъ на здѣшнемъ свѣтѣ,
Кто добродѣтель возлюбилъ,
Кто сердца въ искреннемъ обѣтѣ
Законы Божьи положилъ.
Когда другимъ большая сфера,
Призракъ страстей, честей химера,
Потребно множество суетъ;
Онъ средственнымъ тогда имѣньемъ
Владѣетъ съ тѣмъ же утѣшеньемъ,
Какъ-будто бъ былъ его весь свѣтъ.

Гдѣ нуждъ естественныхъ границы,
Его желаньевъ тамъ предѣлъ;
Другимъ все надобны столицы —
Ему вездѣ хорошъ удѣлъ.
Въ глазахъ его лишь то прекрасно,
Что съ пользой истинной согласно;
И для другихъ и для него
Вездѣ душевный миръ находитъ
Затѣмъ, что оный происходитъ
Отъ чувства собственно его.

О, мой герой! о, мужъ примѣрный!
Великъ и счастливъ ты одинъ;

Ты образъ Божій истый, вѣрный,
Когда надъ сердцемъ господинъ!
Въ какомъ ни крылся бъ ты народѣ,
Въ какомъ ни брошенъ темномъ родѣ,
Самой порфиры не желай!
Цари, когда страстямъ подвластны,
Бываютъ также сплошь несчастны;
А ты — вездѣ находишь рай!

Ты съ нимъ пребудешь неразлучно
Среди житейскихъ всѣхъ премѣнъ;
Тебѣ нигдѣ не будетъ скучно:
Твой жребій благъ и совершенъ.
Тебя сограждане уважутъ,
Дѣла твои потомкамъ скажутъ,
И славы рогъ ихъ вструбитъ;
А здѣсь твой каждый шагъ успѣетъ,
Твоя земля не оскудѣетъ:
Ее Всесильный угобзитъ.

Ахъ! если вправду обитаетъ
На нашемъ онъ земномъ шару —
Когда не мысль одна вѣщаетъ
Восторгомъ движиму перу, —
То гдѣ въ пространной поднебесной
Толико подлинникъ прелестной
Найдешь средь смертныхъ естества,
Чья жизнь есть опытъ совершенства,
Чья смерть должна быть дверь блаженства,
Чей умъ есть пламень Божества?

Приду ли къ вамъ на пиръ, вельможи,
Искать подвижника сего;
Дерзну сказать — какъ мало схожи
На идеала моего!
Твердя вездѣ: «вотъ Богъ свидѣтель!
«Что намъ любезна добродѣтель,
«Что другъ намъ всякой человѣкъ,»
Ужомъ и жабою вертитесь,
И днями ближняго стремитесь
Удвоить вашъ безплодный вѣкъ.

Найду ль у васъ, вы, кои въ мірѣ
Философовъ названье взявъ,
Въ поверженной подъ мечъ порфирѣ
Явили буйство вашихъ правъ,
Съ конца въ конецъ всю твердь плѣнили;
Вы, кои съ корня своротили
Родство, пріязнь и судъ царей;
Вы, кои вовсе безъ закона
Обломками гордитесь трона
И хищность превзошли звѣрей?

У васъ ли, кои всё карая
Равно невинность и вину,
На вольность мнимую мѣняя
Прямой свободы тишину,
Разверзли адскія утробы
Непостижимой въ людяхъ злобы,
И душъ милліоны погубя,
Изъ книгъ писателей зловредныхъ

Гнилыхъ сердецъ, разсудковъ бѣдныхъ
Всосали горькій ядъ въ себя?

Ахъ, нѣтъ! не ваше поученье,
Не ваши хитрыя слова
Плѣнятъ мое воображенье
Картиной мужа такова!
Скорѣй отъ васъ отворочуся
И отыскать его рѣшуся
Въ степяхъ у добрыхъ поселянъ:
Они умовъ не просвѣтили,
Но въ духѣ цѣлу сохранили
Невинность древнихъ христіанъ.

О, Боже! Ты, распредѣляя
Судьбы и чинъ вселенной всей,
Всю тварь дарами надѣляя
По роду, свойственному ей,
Когда щедротъ обогащеньемъ
Твоимъ всесильнымъ провидѣньемъ
Назначенъ бренный человѣкъ
Живымъ Тебѣ уподобляться,
По смерти раемъ наслаждаться
И некончаемый жить вѣкъ; —

То той же Ты всемощной властью
Мою невинность сохрани!
Борись во мнѣ съ моею страстью,
Отъ стрѣлъ ея обороня!
Вели — и пусть святая Вѣра,
Сорвавъ личину съ лицемѣра,

Его соблазны обличитъ!
Вели — и пусть сердца кровавы,
Въ убійствахъ ищущія славы,
Геенна тотчасъ попалитъ!

Тебя, Всевышній! призываю,
Душа озлобленныхъ сердецъ!
Въ Тебѣ желаньевъ центръ вмѣщаю,
Любви начало и конецъ!
Коль мужъ, представленный здѣсь мною,
Угоденъ будетъ предъ Тобою,
Коль имъ наполненъ Твой законъ, —
Яви ко мнѣ Ты благость многу:
На ту жъ поставь меня дорогу —
Да буду я таковъ, какъ онъ!

Прогулка на Трехъ горахъ.

На что намъ тлѣнности примѣры
За триста лѣтъ до насъ искать;
Не все ль и днесь въ пространствѣ сферы
Ее удобно возвѣщать?
На что давнишнихъ царствъ паденье,
Народовъ сильныхъ истребленье,
Военный подвигъ злыхъ сердецъ?
Безъ нихъ всякъ можетъ научиться,
Природы свойствомъ убѣдиться,
Что въ мірѣ есть всему конецъ.

Вокругъ себя вездѣ бросая
Прилежно любопытный взоръ
И тѣлъ въ существенность вникая,
Вездѣ зрю смерти приговоръ,
Всему предѣлъ, пора и время,
Во всемъ духъ жизни, дѣйство, племя,
И съ тѣмъ же вмѣстѣ вижу я
Неумолиму смерти силу
Въ одну влекущую могилу
И насѣкомыхъ и меня.

О, рокъ естественности тлѣнной!
Велишь — и вдругъ валится тронъ!
Животъ и смерть — вотъ сей вселенной
И основанье и законъ!
Въ образованіи природы
Перстъ Божій назначая годы,
Исчислилъ ихъ для твари всей.
Земля милльонъ существъ питаетъ,
Родитъ, раститъ и умножаетъ;
И послѣ все предастся ей.

На дняхъ, прогуливаясь въ полѣ,
Плачевный опытъ зрѣлъ того,
Что смерть и въ самой красной долѣ
Не пожалѣетъ никого.
Въ саду, гдѣ всякой веселился,
Гдѣ воздухъ день и ночь курился
Благоуханьемъ нѣжныхъ розъ,
Гдѣ все дышало восхищеньемъ, —

Тамъ зрѣлъ я съ нѣкимъ отвращеньемъ
Пустыни мерзость и навозъ.

Когда я тутъ напоминаю
Моей веселости часы,
Всю нѣгу роскоши мечтаю,
Прошедша времени красы,
Едва себѣ повѣрить смѣю,
Съ трудомъ постигнуть разумѣю
Скоропостижность сихъ премѣнъ!
Давно ль я слышалъ тутъ самвики?
Севодни слышу враньи крики,
Паденье зрю согнившихъ стѣнъ.

Давно ль тамъ были маскерады,
Толпились тысячи людей,
Вездѣ игра, вездѣ прохлады,
Ракетки, плошки — тма затѣй?
Давно ль хозяинъ тороватый,
Вельможу звавъ на пиръ богатый,
Аршинныхъ стерлядей крушилъ?
Давно ль? . . . . И вдругъ мечты пропали,
Всѣ въ преисподнюю низпали,
И тотъ, кто ѣлъ, и кто кормилъ.

Давно ль бояра изъ столицы
Туда съѣзжалися смотрѣть,
Какъ, въ честь премудрыя Фелицы,
Прозрачный будетъ щитъ горѣть?
Давно ль? . . . . И все какъ сновидѣнье,
Обвороживши наше зрѣнье,

Исчезло послѣ малыхъ лѣтъ;
Столпы балкона пошатились,
Цвѣты поблекли, птички скрылись;
Фелица! — и Тебя ужъ нѣтъ!

При мысли сей я содрогнулся;
Мой быстрый притупился шагъ,
Стѣсненнымъ вздохомъ захлебнулся
И тму Ея представилъ благъ:
Тебѣ, кротчайшая Царица!
Тебѣ, премудрая Фелица!
Восторга жертву тутъ принесъ.
Коль смертный вновь животворится,
То пусть твой духъ тамъ усладится
Моей усердной каплей слезъ!

Цари! что̀ ваше восхищенье?
Безсмертныхъ нѣтъ у васъ трофей;
Изъ бѣдныхъ устъ воскликновенье
Алмазныхъ скипетровъ славнѣй!
Фелицы память вѣчно чтима,
Щедротами боготворима,
Еще за гробомъ будетъ жить!
Сіе всѣмъ сердцемъ ощущаю;
И что здѣсь въ ясны дни вѣщаю,
Дерзалъ подъ тучей говорить.

И такъ, увы! все тлѣнно въ свѣтѣ!
Умноживъ тяжкій вздохъ сказалъ:
Въ большомъ ли, въ маломъ ли предметѣ,
Такъ быть Всесильный указалъ;

Сему ничтожеству причастно,
Во всѣхъ стихіяхъ все подвластно
Отъ мелкой твари до большой;
И въ непрестанномъ семъ волненьи
Житейскихъ кораблекрушеньй
Гдѣ жъ пристань? — Въ Вѣрѣ лишь одной!

Тобой, Религія святая!
Кто искренно одушевленъ,
Тотъ, смерть безъ страха ожидая,
Всегда спокоенъ и блаженъ.
Въ тебѣ вседневно утверждаюсь;
Не риторствомъ жрецовъ плѣняюсь,
Но истиннымъ твоимъ добромъ:
Меня въ печали утѣшаешь,
Меня въ гоненьи защищаешь,
Отводишь злочестивыхъ громъ.

Твои столпы пребудутъ вѣчны,
И время ихъ не потрясетъ!
Мечтанья смертныхъ скоротечны;
Въ тебѣ духъ Творческій живетъ.
Ты намъ велишь не воздыматься,
Любовью къ ближнимъ согрѣваться,
Любезна милости хвала!
Составъ скудельный исчезаетъ,
Богатство, слава — погибаетъ;
Но добрыя не мрутъ дѣла.

Прогулка въ Савинскомъ *).

Закатилось солнце красно,
Мѣсяцъ всталъ — и поблѣднѣлъ,
Небо вызвѣздѣло ясно,
Мой соловушка запѣлъ!
Лѣсъ дремучій за вѣтвями
Спряталъ птичекъ отъ ружья,
И въ тѣни между кустами
Въ омутъ свой текла струя.

Я, замученъ злой тоскою
И неправдою людей,
Шелъ безвѣстною тропою
Ныть украдкой отъ друзей,
И внезапу очутился
Я въ волшебной сторонѣ;
Протиралъ глаза, крестился,
Ужъ не грѣзится ли мнѣ.

Тамъ нашелъ я садъ обширной
Въ островахъ между дорогъ,
Въ чувствѣ сельской жизни мирной
Чистымъ сердцемъ зрится Богъ. —
Тамъ все Вѣры возношенье,
Истой мудрости отливъ,

*) Помѣстье И. В. Лоп. близъ нашей подмосковной, гдѣ и стихи сіи писаны.

Каждый взглядъ — есть поученье,
Каждый шагъ — іероглифъ.

Тамъ во храминѣ широкой,
При потокѣ чистыхъ водъ,
Открывается высокой
На столпахъ четырехъ сводъ;
Онъ героя вспоминаетъ,
Богатырской вѣкъ златой,
Репнина изображаетъ
Имя яркою чертой.

Тутъ Жан-Жаковъ образъ славный
Въ бездыханномъ гипсѣ зрю;
Живъ философъ благонравный,
Съ нимъ я духомъ говорю;
На стѣнахъ вокругъ читаю
Любомудрія уставъ;
Имъ свой разумъ просвѣщаю,
Образую гибкій нравъ.

Здѣсь угрюмый озирался
Съ удивленіемъ Сократъ,
Истуканъ его шатался,
Онъ бѣжать хотѣлъ назадъ.
Сколько Сѣверъ ни гордится
Поднебесною своей;
Счастливъ тотъ, кому родиться
Тамъ случилось, гдѣ теплѣй!

Тамъ, за мрачными волнами,
Юнговъ островъ, — тутъ онъ самъ;

Меланхолія съ слезами
Предъ нимъ дѣетъ опіюмъ;
Ночь ему и мертву служитъ
Вдохновеніемъ своимъ;
Онъ въ кумирѣ даже тужитъ
И печаль виситъ надъ нимъ.

Ужасъ вдругъ вселился въ чувства,
Сердце дрогнуло во мнѣ!
Въ куклàхъ разнаго искусства
Мысль моя наединѣ
Тѣни мертвыхъ возбуждала,
И сладчайшею мечтой
Зрѣнье, слухъ и рѣчь давала
Имъ подобныя со мной.

Вотъ китайская граница
И Пекинъ въ моихъ глазахъ,
Вотъ Конфуція гробница,
Какъ невѣста, вся въ цвѣтахъ.
Идеально покланяюсь
Мужу дивному сему,
И всѣмъ сердцемъ восхищаюсь
Жертвой умнаго уму.

Мимоходомъ возлѣ бочки —
Заглянулъ я и въ нее;
Тамъ прочелъ я двѣ-три строчки:
Чувствомъ добрымъ дышетъ все.
Чай, лагунъ былъ незавидный
Тотъ, въ которомъ Діогенъ

Нагишомъ блажилъ безстыдный
На позоръ своихъ временъ.

Вонъ рыбачая слободка,
Всякой ѣствой столъ накрытъ;
То-то жадному находка, —
Безпрестанно былъ бы сытъ.
Безъ чудесъ маляръ всѣ лицы
Разныхъ рыбъ живописалъ:
Такъ въ Сидонѣ у вдовицы
Водоносъ не убывалъ.

Среди неводовъ и мрежей
Опрокинутый челнокъ
Возвѣщаетъ кистью свѣжей,
Какъ зовутъ сей островокъ.
Славься вѣчно, Ломоносовъ,
Знаменитый рыболовъ!
По витійству — слава Россовъ,
А по лирѣ — сынъ боговъ.

Сколь плѣнительна предметовъ,
Разнородна всюду смѣсь!
Тамъ затворъ Анакоретовъ,
Аполлонъ съ Олимпомъ здѣсь;
Тутъ сквозь новую руину
Воря (*) старая бѣжитъ;
Иль къ поддѣльному овину
Русскій пахарь снопъ тащитъ.

---

*) Имя рѣки.

Но театръ уже смѣнился,
Декорація сошла,
День на сцену снаряжался,
Ночь, сыгравши роль, ушла;
Кони Фебовы впряглися,
Ждали свистъ природы въ путь,
А планеты уплелися
За кулисы отдохнуть.

Между тѣмъ пора мнѣ было,
Кончивъ странствіе мое,
Пробираться въ свое жило
Разсказать домашнимъ все.
Но за кѣмъ же, думалъ нынѣ,
Столько миленькихъ затѣй? —
Кто умѣлъ на десятинѣ
Снять экстрактъ вселенной всей?

На мои недоумѣнья
Недалеко былъ отвѣтъ:
Стулъ, который для сидѣнья
Въ дубѣ, жившемъ двѣсти лѣтъ,
Очень выдолбленъ прекрасно,
Стоя на полѣ одинъ,
На письмѣ казалъ всѣмъ ясно;
Здѣсь помѣщикъ Лопухинъ *).

Наслаждайся, мужъ почтенный!
Вѣчно куплею своей;

---

*) На пнѣ этого дуба написано, что онъ росъ 200 лѣтъ тому назадъ; изъ него вышелъ стулъ очень покойный.

Садъ твой прямо садъ безцѣнный
Въ полномъ смыслѣ рѣчи сей. —
Пусть цари цѣною денегъ
Могутъ въ свѣтѣ все стяжать,
Но серебряныхъ копѣекъ *)
Гдѣ жъ кому сто тысячъ взять?

Прогулка въ Кусковѣ.

Дворецъ роскошнаго вельможи,
Москвы любимый вертоградъ,
Гдѣ жизни день бывалъ дороже
Среди безчисленныхъ отрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекрасной!
Тебѣ ли знать удѣлъ несчастной?
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Земли лоскутикъ драгоцѣнный—
Кусково! милый уголокъ,
Эдема сколокъ сокращенный,
Въ которомъ самый тяжкій рокъ

---

*) Эта дача купцемъ была продана Н. В. Лони за 1,000 руб., кои заплачены серебряными копѣйками.

Въ воскресный день позабывался
И всякой чѣмъ-нибудь плѣнялся! —
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Восторги новые всечасно
Мѣнялись тамъ, какъ облака;
Кусково было всѣмъ запасно, —
Проси хоть птичья молока:
Куда пять пальцовъ ни протянешь,
Вездѣ пріятности достанешь.
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Свобода, мать увеселенья,
И роскошь съ нею за одно,
Изобрѣтали наслажденья
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидать сребра и злата кучи,
Какъ сыплютъ градъ небесны тучи.
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Завяли мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курятъ,
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всячинкой сорятъ,
Валятся стѣны залъ огромныхъ,
И въ нихъ не слышно звуковъ стройныхъ.
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Театръ волшебный подломился,
Хохлы въ немъ оперъ не даютъ,
Парашинъ голосъ прекратился,
Князья въ ладоши ей не бьютъ,
Умолкли нѣжной груди звуки,
И Крезъ меньшой скончался въ скукѣ. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Пустыни нѣтъ ужъ для каприза,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли наверхъ подняться снизу,
Безъ лѣстницъ, гость и господинъ,
И молча требовать оттуда
Въ звонокъ на столъ различны блюда. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Изсякли мраморны фонтаны,
Нептуновъ сухъ водопроводъ,
И брызговъ челюсти мѣдяны
Не шлютъ столпомъ въ небесный сводъ;
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ
И зной полдня варитъ все варомъ. —
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Подохли карпы златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола
Сзывалъ на край пруда матерый;
Волна ихъ сизая несла;

Нырнуть на [illegible] — усъ [illegible],
И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ [illegible],
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Цари, царицы, посѣщая
Москву-старушку иногда,
Какъ боги въ самомъ цвѣтѣ рая
Въ Кусковѣ тѣшились всегда;
И тамъ веселой черни смѣхи
По рощамъ разносили эхи.
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

Куда владыко твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ быть на тверди сей;
Его печали не касались
И всѣ затѣи удавались.
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

И ты, сей точки обладатель,
Великолѣпнѣйшій богачъ,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращая плачъ —
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!
О, время, лютый врагъ всего!
Щадить не любитъ ничего.

От восхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,
Послѣдній вздохъ пустилъ на злата;
Готовилъ пиръ — и умеръ вдругъ!
Москва вотще твой прахъ блажила,
Лобзала, пѣла и кадила;
Но время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Ни ленты разнаго покрою,
Алмазны звѣзды съ жемчугомъ,
Ни груды денегъ за тобою
Не шли во слѣдъ въ твой новый домъ!
Урокъ данъ сильный Небесами,
Чтобъ не плѣняться суетами;
Что время, лютый врагъ всего,
Щадить не любитъ ничего.

Такъ въ свѣтѣ слава, честь, порода —
Все гибнетъ волею Творца!
Ветха становится природа;
Мгновенье общаго конца
Во всеобъемлющемъ пожарѣ
Постигнетъ вещи всѣ и твари;
И само время, врагъ всего,
Съ руля свергнется своего!

Плачъ надъ Москвою.

—

Въ годину лютыхъ золъ, въ день страшныя бѣды,
Когда въ огнѣ Москва Везувій представляла,
Дѣтей своихъ во всѣ заставы извергала
И кровію гражданъ багрила ихъ слѣды,
Когда чрезъ двѣсти лѣтъ столицу вновь карали,
Сквернили алтари, въ домахъ и казнь и плѣнъ,
Бѣжали безъ ума толпы мужей и женъ
И весь домашній скарбъ злодѣю покидали, —
Взглянулъ и я на Кремль — ударилъ въ перси, взвылъ,
Схватя жену, дѣтей, давно ліющихъ слезы,
Въ безпамятствѣ помчалъ на устье тихой Тезы,
И тамъ отъ всякихъ золъ Господь меня укрылъ.
Тамъ малый городокъ уѣзднаго разряда
По роскоши своей давно большимъ слыветъ;
Въ немъ всякій жирно ѣстъ, до дна изъ рюмки пьетъ,
И подчивать гостей всѣ держутся обряда.
Нашелся добрый мужъ, который Бога чтилъ,
Въ воскресный день ходилъ къ обѣдни помолиться,
Хорошій хлѣбосолъ, сообщество любилъ,
Своимъ добромъ готовъ со всѣми подѣлиться;
Съ прекрасною душой пригожая жена,
Два дѣтища — сестра — семейство составляли;

Въ обычаяхъ простыхъ пріязни обитали,
И совѣсти у нихъ не мучилъ сатана:
Увидя насъ, судьбу почувствовали нашу,
Пустили на житье въ свой собственный тамъ домъ,
Поставили хлѣбъ-соль и щей горячихъ чашу,
А сами вонъ пошли искать чужихъ хоромъ.
У нихъ, и день и ночь о родинѣ вздыхая,
Какъ-будто бы весь міръ въ послѣдній день горѣлъ,
Унылый тотъ псаломъ царя Давида пѣлъ,
Который онъ сложилъ, Сіонъ воспоминая.

Гнѣвъ Божій надъ тобой, злосчастная Москва!
Изъ пышныхъ теремовъ явилось пепелище,
Пещерою сталъ градъ зіяющаго льва
И дикихъ всѣхъ звѣрей ужасно логовище!
Въ прямой чертѣ съ небесъ громовая стрѣла
Ударила во всѣ твои верхи златые,
И съ ревомъ изъ-подъ нихъ слетѣвъ, колокола
Провозвѣстили намъ дни новаго Батыя;
Во храмахъ кони ржатъ, а въ самыхъ алтаряхъ, —
О ужасъ христіанъ! и выговорить страшно! —
На мѣстѣ мирныхъ жертвъ — враги хватаютъ брашно,
И, шумны отъ вина, рыстаютъ въ стихаряхъ!
Святыни домъ въ вертепъ разбоя превратился!
Кадило предъ Творцемъ небеснымъ не курятъ,
Ни тихихъ пѣтъ молитвъ, ни лампы не горятъ,
И схимникъ, воздохнувъ, съ обителью простился.
Летитъ на воздухъ Кремль, расшибся арсеналъ;

Несытая месть везде мечи булатны движетъ!
Но все уже смердитъ! — ножъ всю Москву заклалъ;
Безъ пищи самъ огонь лишь камень голый лижетъ.
Таковъ твой жребій сталъ, градовъ россійскихъ мать!
Тоскуютъ о тебѣ живущіе въ чертогахъ;
Нарядныхъ колесницъ тмы тмущей на дорогахъ,
Стремящихся къ тебѣ, какъ прежде, не видать.
Исчезли пиршества, и роскошь утомленна
Съ обозомъ векселей на Волгу утекла;
Толпа бѣжитъ за ней актеровъ изумленна,
Домъ игрищей погасъ, сгорѣвши весь до тла;
Святилища наукъ разграбленныя стѣны,
Ужаснѣй кажутъ намъ плачевный видъ Москвы,
И Музы, не найдя куда склонить главы,
Отправились искать на Камѣ Иппокрены.
Куда съѣзжаться намъ платить газетамъ дань,
О свойствѣ государствъ, за трубкой сидя, спорить,
И ближнихъ и себя напрасно лишь задорить —
Путь счастливый тебѣ, клупъ англійскій, въ Казань! —
Фабричный кинулъ станъ, купецъ не промышляетъ,
Разнощикъ ни куда съ товарами нейдетъ,
Издѣлья, торгъ, мѣна, все стало, все страдаетъ,
И бѣдный мужичекъ ни пашетъ, ни оретъ.
О, день великихъ золъ! Но къ пущему несчастью,
У матушки-Москвы есть множество дѣтей.

Которыя твердятъ по новому пристрастью,
Что прахъ ея не есть бѣда Россіи всей. . .
Утѣшитъ ли кого сія молва народна?
Отечества я сынъ, и здѣсь сказать дерзну:
Россія! ты колоссъ, — когда Москва свободна;
Россія! ты раба, — когда Москва въ плѣну!
Не ей ли ты должна той славою широкой,
Которую во всей вселенной нажила?
Не ею ли спаслась отъ пагубы жестокой,
Когда съ мечами къ ней Литва погана шла?
Москва ли не рачитъ о насъ, не образуетъ?
Готовитъ вѣрныхъ слугъ, надежныхъ сограждалъ,
Даетъ мужей въ суды, людей въ военный станъ,
И злата не щадитъ, коль царь его взыскуетъ.
Отечественный духъ на каждомъ тамъ шагу
Любить родимый край издѣтства пріучаетъ.
Видъ Краснаго Крыльца, — сей видъ одинъ внушаетъ
И рабства не терпѣть и рогъ сломить врагу.
Кому наружный видъ готическій противенъ,
Пускай бѣжитъ навѣкъ отъ нашихъ башенъ тотъ!
Единственна Москва! — и тѣмъ-то градъ сей дивенъ,
Что онъ изъ собственныхъ составился красотъ.
Орелъ парилъ надъ ней, когда она раждалась:
Любимое дитя сѣдыхъ богатырей
Расла какъ исполинъ — держала тронъ царей;
Чрезъ множество вѣковъ геройствомъ отличалась;

Въ младенчествѣ еще совмѣстницъ превзошла:
Новгородъ гордый сталъ предъ нею на колѣни;
Палъ Кіевъ, хоть всегда боялся рабства тѣни;
Владиміръ для нея дьядиму снялъ съ чела.
Кто жъ равную съ Москвой наслѣдовалъ судьбину?
Самъ неба Царь ее прославить вожделалъ;
Великаго Петра въ ея стѣнахъ питалъ,
Великую на тронъ вѣнчалъ Екатерину.
Послушайте сію премудрую Жену:
Москва не городъ — міръ, Она сама писала *);
И Внукъ Ея, когда Россія вздрожала,
Въ ней сердцемъ называлъ московскую страну **).
Такъ ежели Москва есть сердце государства,
Отдавъ ее врагу, какая для него
Надежда избѣжать паденья своего?
Столицы суть вездѣ ограды крѣпки царства.
Безъ сердца бытіе кто можетъ сохранить,
Когда въ немъ вдругъ огонь антоновъ загорится?
Куда, кромѣ земли, нашъ бѣдный трупъ годится?
Сталъ маятникъ его — и уже полно жить.
О, Боже! возврати столицу намъ любезну,
Да паки предъ Тобой воздѣемъ еиміамъ,
Да воспрославится Твой велелѣпный храмъ!
Услыши, Отче нашъ! рабовъ молитву слезну,
Во славѣ, въ торжествѣ яви Москву опять;

---

*) Переписка ея съ Вольтеромъ, гдѣ она говоритъ: Moscou n'est pas une vilée c'est un monde.

**) Смотри манифестъ Августа мѣсяца.

Изъ пепла возроди её какъ чисту дѣву,
И, мѣру положа толь праведному гнѣву,
Дай разумъ на Тебя едина уповать!

Такъ мысленно взывалъ, когда въ странѣ любимой
Оставя мирный кровъ и хлѣбъ насущный мой,
Безъ родины давно, изъ края въ край гонимой,
Бѣжалъ сюда вкушать хоть маленькій покой.
Судьбы мнѣ здѣсь людей чувствительныхъ послали;
Въ глуши, но въ тишинѣ, мы жили заодно.
Отъ искреннихъ сердецъ они намъ удѣляли
Садовъ своихъ плоды, и жита и вино;
У нихъ я зрѣлъ черты прямого состраданья.
Безъ платы, безъ даровъ и даже безъ услугъ
Въ лукавы наши дни какой названный другъ
Подобное творитъ, не чая воздаянья?
Но, ахъ! — хотя у нихъ пріятно было мнѣ,
А на сердцѣ тоски лежало тяжко бремя:
Я все смотрѣлъ въ окно, не разбирая время,
Не шлетъ ли вѣсти кто о нашей сторонѣ?
И се, летитъ она — о, радость вожделѣнна!
Въ пыли, въ поту ямщикъ бьётъ тройку по бедрамъ;
Домашніе бѣгутъ — я въ слѣдъ кричу: что тамъ?
Предчувствіе сбылось — Москва освобожденна!
Для чувства сильнаго на свѣтѣ нѣтъ пера:
Уста молчатъ, когда что душу слишкомъ тронетъ,

Въ потокѣ горькихъ слезъ рѣчь смѣшенная тонетъ,
И легкій вздохъ, вѣщунъ сердечнаго добра,
Въ Москву скорѣй, въ Москву! — Когда чего желаетъ
І требуетъ отъ насъ растроганна душа,
Ѕотще разсудокъ тутъ препятства полагаетъ:
'асяутица — путь добръ, и вьюга — хороша.
'остепріимное, любезное семейство!
[рости, доколѣ Богъ увидѣться велитъ.
абыть твою пріязнь не только стыдъ, — злодѣйство,
совѣсть отъ того меня предохранитъ.
ай Богъ, чтобъ каждый въ немъ вседневно наслаждался
збытками добра и счастьемъ въ существѣ,
гобъ съ родиной своей вовѣкъ не разставался!
й скорби нѣтъ тошнѣй въ моральномъ естествѣ.
мы хворали здѣсь два мѣсяца *Москвою*;
, милостивъ Господь — взвились, и ну скакать!
къ стаи разныхъ птицъ со всѣхъ сторонъ весною
гятъ въ привычный лѣсъ гнѣздо свое свивать.
едставилась очамъ паленая столица,
е сіяюща сквозь облако дымовъ;
развалинахъ ея еще видна царица,
кденная ни чьихъ не принимать оковъ.
ıла Тебѣ, Творецъ! убогихъ покровитель!
храмину мою избавилъ отъ огня,

Моихъ послѣднихъ кровъ весщедрый былъ блюститель,
И за день до бѣды помиловалъ меня *).
Руины! кто на васъ безъ состраданья взглянетъ?
Ужаснѣйшій позоръ.... здѣсь былъ Наполеонъ!
Доколь изъ нѣдръ Творца перунъ въ него не грянетъ?
Иль Неба не достигъ отчаянный нашъ стонъ?
Оно жестокимъ насъ урокомъ поучаетъ,
Что нравственна ему пріятна красота;
Что къ ближнему любовь, не хитрость, градъ спасаетъ,
И жертва безъ любви — одна лишь суета.
Дай Богъ, чтобы Москва, какъ нѣкогда вселенна
При Ноѣ отъ проказъ омытая водой,
Въ горнилѣ тяжкихъ бѣдъ огнями искушенна,
Очистилась отъ всѣхъ крамолъ своихъ золой!
Тогда насъ паки съ ней и пепелъ не разлучитъ:
Гдѣ родины святой быть можетъ веселѣй? —
И я скажу въ слезахъ, какъ Сказочникъ насъ учитъ:
Что матушки-Москвы и краше и милѣй? —

---

*) Я выѣхалъ изъ Москвы 31 Августа.

Черты свободнаго писателя.

Пѣняешь ты, мой другъ, нерѣдко мнѣ, что я,
ебя стихи писать, пишу ихъ для себя,
го нѣтъ моихъ трудовъ ни въ Вѣстникѣ Европы,
ъ Русскомъ, ихъ съ собой никто не возитъ
въ клопы,
ежъ тѣмъ какъ иногда, шатаясь по домамъ,
гѣнку ... моимъ рукописямъ;
это я скажу тотчасъ мою причину:
икъ пашетъ по своимъ достаткамъ десятину.
-моему, тотъ грѣхъ ужаснѣйшій творитъ,
торый даръ пера во зло употребитъ.
юди пишутъ все, имѣя лишь въ предметѣ
ъ фирмой знатоковъ прославиться на свѣтѣ,
ятнѣйшій талантъ идеи вымышлять,
мой звучный слогъ красивой одѣвать.
тотъ ужъ въ наши дни, что̀ былъ во дни
Гомера,
да всему была своя пристойна мѣра,
да мораль и честь воспламеняли кровь
жгла сердца безмездная любовь;
ки писать теперь есть промыселъ торговой,
ь праздничному дню бояра все съ обновой!
нужды для того, кто рифмы подбиралъ,
нежныимъ перомъ узоръ свой рисовалъ,
онъ, чертя въ умѣ все вымыслы возможны,
илъ, злодѣю льстя, нелѣпицы безбожны;

И красное словцо вездѣ перепустилъ; —
Онъ тѣмъ надежнѣй путь въ чертоги проложилъ,
Гдѣ, сидя развалясь, немолчно баснословитъ,
Иль, стоя на часахъ, минуту счастья ловитъ.
Изъ трусости хвалитъ раскрашенное зло
Піитовъ нашихъ дней оброчное тягло...
Онъ славитъ и бранитъ, что къ случаю при-
годно,
И строчки не черкнетъ по совѣсти свободно;
Въ неволѣ у властей, въ неволѣ у себя,
Онъ пишетъ день и ночь, напрасно трудъ губя.
Къ лукавству пріученъ, изъ почестей хлопочетъ,
Гдѣ плачетъ безъ причинъ, а гдѣ сквозь слезъ
хохочетъ;
Во весь кадила жаръ болвановъ ликъ куритъ,
Трофеи выше звѣздъ случайному даритъ.
О, бѣдный стихотворъ! сынъ тмы и заблужденья,
Водимый завсегда молвой предубѣжденья!
Ты злѣй того раба свой даръ употребилъ,
Который, взявъ талантъ, шедъ, въ землю его
скрылъ.
Прости, что я съ тобой такъ вольно разсуждаю!
Но скаредомъ того послѣднимъ почитаю,
Кто, будучи рожденъ съ способностью писать,
Высокихъ истинъ смыслъ народу изъяснять,
Кто Демосѳеново пріобрѣтя искусство,
И добродѣтели цѣнить умѣя чувство,
Сквернитъ свое перо, топя его во лжи,
И плевелы садитъ на нивахъ чистой ржи;
Влечетъ прямую честь на жертву мнимой чести,
Во всякій стихъ кладетъ приправу подлой лести.

И что жъ? — какой себѣ награды ждетъ за то?
Презрѣнья! — мзды другой не дастъ ему никто.
Хоть трудъ его трубитъ издательская стая,
Но скоро, хвастовство и наглость примѣчая,
Разумный кинетъ мужъ писателя того,
Который, не щадя святого ничего,
Сегодня пѣснь поетъ хвалебную вельможѣ,
А завтра начертитъ сатиру на него же,
ообразяся съ умомъ французскихъ странъ,
ечатать лишь одинъ привѣтливый обманъ,
казать не то, что есть. — Благовѣстить за-
гадки,
тійствомъ выжимать съ народа разны складки,
исатель-временщикъ туритъ въ печатный дворъ:
утру, ввечеру подряженный свой вздоръ.
зможно ли, скажи, съ душою откровенной
тать въ вѣдомостяхъ, какъ подвиги вселенной
казитъ иногда французскій попугай,
етая голова, но сладкій краснобай!
бѣгство назоветъ понятнымъ онъ движеньемъ,
атствомъ — нищету, стонъ скорби — восхи-
щеньемъ,
ѣды досудитъ и тамъ и сямъ. — глядишь,
тонъ переверни — ужъ онъ и за Калишъ *)
редоточиться во весь духъ устилаетъ,
ѣръ своихъ большихъ понять не дозволяетъ;
если набѣжитъ фортуны часъ благой,
глади, что онъ Острейкъ вѣкъ златой

Все сіе: въ походу Наполеона печаталось въ ино-
ныхъ листахъ его клевретами.

На фразахъ подлезетъ въ тотъ міра край пре-
лестной;
Гдѣ твари на убой недостаетъ словесной;
Гдѣ пушки то и знай людей, какъ мошекъ, бьютъ;
И по сту тысячъ вдругъ потомковъ къ предкамъ
шлютъ.
Нѣтъ! нѣтъ! не такъ писать піиту принадле-
житъ.
Хочу, чтобъ онъ былъ твердъ — пусть правду
чисту рѣжетъ!
Чѣмъ можетъ Небесамъ признательность явить
За то, что дали даръ ему стихи творить,
Инымъ, какъ не судомъ строжайшимъ человѣка
Въ дѣяньяхъ своего и времени и вѣка?
О случаяхъ мірскихъ съ чего намъ разсуждать?
Какъ внуку будетъ дѣдъ свой вѣкъ передавать,
Когда не станутъ намъ — дѣеписатель вѣрный —
Изящныхъ книгъ творецъ — піитъ нелицемѣрный
Въ прямыхъ чертахъ казать достоинства людей?
Иначе какъ спознать, кто добръ былъ, кто зло-
дѣй?
Рѣшительно скажу: когда бы меньше льстили,
Конечно бы добрѣй и лучше люди были.
Но лесть, какъ тать ночной, вселяется въ нашъ
духъ;
Пыль броситъ намъ въ глаза и защекотитъ слухъ;
Плѣнясь подъ звукомъ лиръ хвалою мы негодной,
Мечтаемъ славы быть достойны превосходной;
Не чувствуя, что тотъ, кто къ небу взводитъ насъ,
Для выгоды готовъ и въ адъ свалить подчасъ.
По мнѣнью моему, чѣмъ больше кто учился,

Словесности плодомъ съ успѣхомъ насладился,
Тѣмъ долженъ тотъ сильнѣй порокъ уничижать,
Во славу Божества даръ Божій расточать,
Хвалить одно добро, съ нечестіемъ сражаться,
Невѣжество учить, фанатику смѣяться, —
И правду предпочтя всѣмъ счастія играмъ,
Безъ трепета ее вѣщать самимъ царямъ.
Чего смотрѣть ему, что цензоръ не похвалитъ;
Тѣмъ истинный талантъ отнюдь онъ не умалитъ,
Когда, примѣровась къ обычаямъ мірскимъ,
Печатать не велитъ наборщикамъ своимъ
Того, что Вѣра, честь рекла, а совѣсть пропустила,
И что съ согласья ихъ душа въ огнѣ чертила.
Восторговъ дань піитъ вездѣ пріобрѣтетъ;
А въ родинѣ своей когда жъ пророкъ живетъ!
Ученый мужъ писать обязанъ для вселенной
Изъ пользы лишь одной, для цѣли той священной,
Чтобъ разумъ и сердца людскія убѣдить
Въ согласьи межъ собой съ благопріязнью жить;
Очистивъ отъ скорлупъ разврата дики нравы,
Поставить міру храмъ въ пустыняхъ хищной славы.
Вотъ истинный предметъ любителя наукъ,
Которому соха милѣй, чѣмъ шлемовъ звукъ!
Онъ долженъ позабыть во бдѣніи работы
Любостяжанія широкіе расчеты,
И сидя за перомъ, не для того потѣть,
Дабы за сладкій стихъ въ петлицу крестикъ вздѣть;
Изъ виду у него чтобъ вѣчность не терялась,

Безсмертіемъ идей душа бы воздымалась. —
Умремъ — и все свое возьметъ себѣ земля;
Но духъ вовѣки живъ — его не тронетъ тля:
Въ изящныхъ письменахъ залогъ его хранится,
Грядущи племена придутъ въ рудѣ сей рыться,
Чтобъ черпать изъ нея свѣтлѣе злата лучъ
И солнце озаритъ перстъ мудраго изъ тучъ.
Для общества людей, къ поверхности прилеж-
ныхъ,
Запасъ огромный мы стиховъ имѣемъ нѣжныхъ.
Простительно пѣвцу минутныя тоски,
Когда его любовь потащетъ за виски,
Венерою назвать ледащую Калмычку
За то, что сдѣлалъ онъ вздыхать по ней при-
вычку;
Но клятвы на судѣ потомства ждутъ того,
Кто силы истощилъ искусства своего
На то, чтобъ выхвалять, добра надѣвъ личину,
Моральныхъ тяжкихъ золъ ужасную пружину.

Вотъ исповѣдь моя тебѣ, любезный другъ!
Внимательно прочти, когда найдешь досугъ;
Увидишь изъ нея, зачѣмъ лѣнивъ бываю,
Въ журналы никакихъ стиховъ не посылаю.
Писать прекрасный вздоръ для распрекрасныхъ
дамъ
Безъ года въ пятьдесятъ труда себѣ не дамъ;
А дѣло говорить разсудокъ запрещаетъ:
Не все то хорошо, что сердце соблазняетъ.
Итакъ пускай по мнѣ прочтутъ, что я пи-
салъ,

Увидятъ, какъ я жилъ, какъ чувствовалъ, мечталъ. —
Я жить хочу, — люблю, — и міромъ забавляюсь;
Но, выученъ бѣдой, уже не домогаюсь
За острое словцо громъ вызвать на себя,
Отъ коего спаси Всесильный и тебя! —

Торжество совѣсти.

—

Нѣтъ краше ничего, какъ жить съ собою въ мирѣ!
Безсовѣстному нѣтъ спокойства въ цѣломъ мірѣ;
Тщеславіе бы какъ ни высило нашъ рогъ,
Все пагубно тому, кого оставилъ Богъ: —
Вотъ истинный законъ премудрости правдивой,
И философія души благочестивой!
Разсмотримъ въ существѣ владыкъ благую часть,
Ихъ силу, ихъ корысть, величество и власть.
Счастливъ ли тотъ изъ нихъ въ чаду похвалъ народныхъ,
Владѣя тмою темъ языковъ разнородныхъ,
Который, возгордясь удачною войной,
Всѣ жатвы усыривъ кровавою росой,
Дымяся предъ людьми фараонитской славой,

Изобличается отъ совѣсти лукавой? —
Тиха ль его заря? безстрепетенъ ли сонъ?
Послушайте въ ночи его прискорбный стонъ.
Объятая душа змѣями вѣроломства
И Неба слыша судъ и поздняго потомства,
Сквозь грезы сообща страхъ скрежетный ему,
Покоя не даетъ ни крови, ни уму:
Подобнаго царя въ непостижимой долѣ
Давно ли зрѣли мы у Галловъ на престолѣ?
Чтобъ дать сигналъ бѣдамъ, народовъ слышать стонъ,
Довлѣло произнесть: идетъ Наполеонъ!
Не имъ ли Богъ предрѣкъ, открывъ геенны бездну,
И небо мѣдяно, и персть земли желѣзну?
Наружности однѣ лишь дѣйствуютъ на насъ:
Богатство и престолъ для нашихъ алчныхъ глазъ
Суть вывѣской всегда блаженства и покоя:
Завидно титло всѣмъ надменнаго героя;
Молвы стоустой кликъ, сіяніе вѣнца,
Величественный видъ огромнаго дворца,
Ласкателей народъ и гулъ рукоплесканья,
Поникшее чело гражданскаго собранья,
Толпящаяся чернь какъ пчелъ журчащій рой,
Въ безчисленныхъ крестахъ оруженосный строй,
Торжественныхъ столповъ совмѣстны солнцу своды,
Булатные мечи, сокровище свободы,
На коихъ вражьихъ ранъ запекшаяся кровь
Свидѣтельствуетъ воиновъ къ отечеству любовь,
Жрецовъ, поющихъ ликъ побѣдную пѣснь Богу,
Курящихъ предъ вождемъ кадилами дорогу,

Ружейный адскій залпъ, — звенцовъ раскатный ревъ
И громъ изъ пушечныхъ неутомимыхъ чревъ;
А тамъ піитовъ сонмъ на сладкозвучной лирѣ,
Нарѣчіемъ боговъ дающій дань порфирѣ;
А тутъ хоръ юныхъ дѣвъ, сей первый даръ небесъ,
Щедротъ ихъ къ намъ залогъ, край Творческихъ чудесъ:
Все, все, нашъ бѣдный умъ къ восторгамъ возбуждаетъ.
Увы! кого тщета изъ насъ не обаяетъ?
Поставимъ рядомъ съ симъ источникомъ суетъ
Богатство—нашихъ душъ любезнѣйшій предметъ,
Кумиръ, который всѣ пути сердечны правитъ,
И часто велій грѣхъ наверхъ блаженства ставитъ:
Богатый можетъ все, чего бъ ни захотѣлъ;
Изъятія здѣсь нѣтъ, — весь міръ его удѣлъ;
Свободнѣе царей, — тѣ дома лишь велики;
Отъ подданныхъ своихъ внимая громки клики,
Не могутъ иногда, по званью своему,
Стремиться въ край чужой, какъ вздумалось кому;
Носящій санъ слуга, — а служба что? — Неволя;
И царская ее не избѣгаетъ доля, —
Богатый — тотъ одинъ владыка надъ собой;
Онъ золотомъ облитъ, какъ дерево корой.
Чужое; — слова нѣтъ такого въ лексиконѣ;
Далъ деньги — все его, и вѣрно все въ законѣ;
Боярамъ ближній другъ, съ монархами за свой,
Въ Пекинѣ первый гость, въ Стамбулѣ не чужой;

Куда ни загадалъ, летитъ безъ принужденья,
Вездѣ ему пиры, вездѣ увеселенья!
Соскучилось въ Москвѣ, не взмилился климатъ,
Онъ въ Римѣ! — Слышу, тамъ кричатъ ему: ви-
ватъ!
Въ Парижѣ у него всѣ милостыни просятъ;
Въ Италіи къ нему жъ художества приносятъ.
Богатому Дербентъ и Або за Невой,
Какъ просто говорятъ у насъ: подать рукой;
Все спѣетъ по его малѣйшу произволу;
Пріятенъ своему, любезенъ нѣжну полу.
Проснется — цѣлый полкъ служителей готовъ;
Изъ устъ его приказъ — велѣніе боговъ! —
Ложится почивать въ сералѣ дѣвъ прекрасныхъ,
И дремлетъ тонкимъ сномъ въ объятьяхъ сла-
дострастныхъ.
Садится ли за столъ — гроздъ алаго вина
Самъ Бахусъ въ чашу жметъ и въ сердце льетъ
до дна
Летитъ ли по гостямъ — карета золотая,
Лакеевъ, гайдуковъ и скороходовъ стая;
Въ кивотѣ изъ стекла богатой развалясь,
Съ улыбкою глядитъ, какъ брызжетъ всюду грязь
Изъ-подъ златыхъ копытъ шестерки идумейской,
Ярящейся въ дыбы подъ шорою черкесской.
Какая бы игра въ театрѣ ни была,
Всѣ лучшія мѣста дирекція дала;
Карету прежде всѣхъ его къ крыльцу подво-
зятъ,
Всѣ мелкіе чины вокругъ его словятъ;
А крупные себѣ вмѣняютъ въ знатну честь

Съ нимъ молвить слова два, хоть рядышкомъ присѣсть.
Чего ему искать? — о чемъ ему крушиться?
Не наша суета, — все съ неба въ домъ валится;
А что всего милѣй, — и истина полна:
Богатый вѣчно правъ, безгрѣшенъ, безъ пятна;
На что ему стяжать моральныя доброты?
Онѣ не векселя, — не выложишь на счеты;
А съ деньгами какихъ нельзя пороковъ сбыть,
Достоинствъ наклепать, талантовъ прикупить!
Дуракъ ли кто — премудръ; безграмотенъ, — все знаетъ;
Безчестенъ — день и ночь о чести помышляетъ;
Безбожникъ, изувѣръ, — всѣ въ городѣ твердятъ,
Что нѣтъ святыхъ мужей, коль первый онъ не святъ;
Обманщикъ, езуитъ, — журналъ однако пишетъ,
Что легкое его для ближнихъ только дышетъ;
Холодный сибаритъ, — давно ли я читалъ,
Что въ пользу бѣдныхъ онъ комедію давалъ;
Онъ злобенъ, на корню отъ желчи черной сохнетъ,
И жжетъ и рубитъ всѣхъ, и ни по комъ не охнетъ,
Всѣ въ голосъ за него: какая чернота!
Всѣ рады присягнуть, что это клевета.
Короче, въ немъ все даръ, изящность, превосходство!
Сомнительно ль его хоть мало благородство,
Отыщется тотчасъ наемный хронологъ,
И выведетъ, что онъ породой чуть не Богъ.

Богатому на что молвою дорожить;
Онъ можетъ какъ тиранъ всесвѣтный говорить:
Я царь и надъ молвой! — Облыжна, или права,
Дать славу я могу; — себѣ же самъ я слава!
Послушай богачей, какъ вздумается имъ
Геройствомъ въ правотѣ похвастаться своимъ:
Я честенъ! — ничего не требую съ народу.
О подвигъ! своего ему милльонъ доходу;
А рядомъ важный домъ, наполненный всего;
Спросите только чей? — Правителя его.
Туда на цѣлый день вся шайка истцовъ хлынетъ,
Шампанское кипитъ и самоваръ не стынетъ
Я чистъ, — нельзя сказать, чтобъ лакомъ былъ
къ дарамъ;
Повѣрю, — всю Москву дарить ты сможешь самъ.
О, фениксъ въ естествѣ, изнѣженный сынъ Неба!
Какъ сытому легко не ѣсть чужого хлѣба!
Нѣтъ, нужду, нищету и голодъ испытай,
А послѣ правотой похвастаться дерзай.
Но ты ни безъ вины, ни по винѣ не страждешь,
И по уши въ добрѣ, тепло, не тощъ, не жаждешь;
Души твоей не жметъ ужасная тоска,
Что по-міру пойдетъ семейство безъ куска;
Что, можетъ быть, иныхъ погонитъ недостатокъ
У псовъ твоихъ отнять и падали остатокъ.
Вздымайся до небесъ, — твой вѣкъ, твоя пора!
Гдѣ Богъ твой, укажи? — алмазная гора!
Нѣтъ! внѣшнее ничто намъ счастье дать не
можетъ;
Коль совѣсть не чиста, — и ясный день трево-
житъ.

Безстыднаго царя кровавый видя тронъ,
Злодѣйскій произволъ, поправшій весь законъ,
Мы зрѣли, изумясь, Небесъ долготерпѣнье,
Всеобщее предъ нимъ колѣнопреклоненье;
Проникнемъ же теперь въ тотъ внутренній тайникъ,
Гдѣ малъ передъ собой, предъ свѣтомъ кто великъ!
Посмотримъ, какъ въ своихъ чертогахъ отдыхаетъ,
И въ очередь свою какъ совѣсть поздравляетъ!
Умолкъ народный шумъ, — исчезъ волшебный рай;
И гласъ ея проникъ: — стань Кесарь, отвѣчай!
Когда ты на престолъ вскарабкался безславно,
Въ свидѣтельство меня не призывалъ ли явно
Предъ Небомъ и землей, что будешь справедливъ,
Съ разсудкомъ милосердъ, по разуму правдивъ?
Дни счастливы даря подвластному народу,
Судилъ ты охранять права его, свободу;
На истинѣ святой укоренить свой тронъ,
И, чуждъ отъ прихотей, блюсти одинъ законъ;
Обиженнымъ клялся давать защиту скору;
Несчастному покровъ, безродному подпору;
Щедроты проливать изъ кроткаго пера,
И стражемъ вѣрнымъ быть всеобщаго добра;
Духъ злобы заключать въ узилища жестоки;
Ошибки извинять, наказывать пороки.
Безъ крайности войны жалѣя не начинать;
Траяну всякій день въ добротахъ подражать;
И край свой удаливъ отъ всякія напасти,
Хотѣлъ, чтобъ всѣ твоей завидовали части:

И что жъ изъ этихъ клятвъ явилось наконецъ?—
Народа своего ты бичъ, а не отецъ!
Не вѣря ни кому, — лукавя осторожно,
Обманываешь всѣхъ, кого и какъ возможно:
Отсюду молодежь подъ пушки волокутъ,
Всѣ хлѣбъ ѣдятъ въ слезахъ, захлебываясь пьютъ;
Нѣтъ правды на судѣ, ни милости у трона;
Всѣ слышутъ, и никто не унимаетъ стона;
Унылая тоска какъ чемеръ сердце жметъ,
Игрушка никому на разумъ ужъ нейдетъ;
Налогами свою сварилъ всю землю варомъ,
И воздухомъ дышать едва ли можно даромъ!
И кѣмъ ты окруженъ?—Взгляни на свой совѣтъ!
Болтаютъ всѣ красно, — а правды слова нѣтъ.
Шпіоновъ полонъ дворъ, на подкупы всѣ чины,
Доносами твои наполнены архивы;
Гражданскія дѣла безъ смысла, всѣ рѣшатъ;
Злодѣй и чистъ и правъ, — а правый виноватъ;
Въ духовныя дѣла мѣшаясь безъ разбора,
Главой себя нарекъ священнаго собора;
И храмы осквернилъ Небеснаго Царя,
Грабительство простеръ до вратницъ алтаря!
Меня ли обольстишь трофеями своими?
Вельможамъ ихъ кажи, — диви полсвѣта ими!
Чужія племена тебя превознесутъ
И титло божества въ угарѣ поднесутъ;
Повсюду прослывешь вождемъ побѣдоносцымъ;
Но дома назовутъ владыкою несноснымъ.
Съ поляками на штыкахъ быть пугаломъ всѣхъ странъ!

;пособенъ, такъ какъ ты, послѣдній атаманъ.
Меня не примирятъ съ тобой удачны брани,
Ни славы торжество, ни золотыя дани;
Благоговѣнія одной ищу въ душахъ людей,
А ты всегда въ крови, какъ яростный злодѣй.
Гражданскій царь пряной бывалъ ли забіяка?
Быть славимымъ хочетъ онъ,—не, ахъ! совѣтъ
иначе.
Ты! какой вѣнецъ, какой чугунный щитъ
Отъ совѣсти царя въ день брани защититъ?
Мщеніе ея, всечасная тревога,
Ть тартаръ для владыкъ, забыть дерзнувшихъ
Бога!
Богатые! и васъ, средь злата тяжкихъ грудъ,
Не пощадитъ ее немздопріимный судъ!
Въ праздники любя, за нихъ хвалить васъ бу-
детъ;
Совѣсти упрекъ и въ крѣпкомъ снѣ разбу-
дитъ,
Скажетъ,—кто изъ васъ какъ благо наживалъ.
Отвѣтствуйте! — ея допросовъ часъ насталъ.
Цай, кичливый сынъ великаго героя!
Ближняго бѣдахъ свое блаженство строя,
Кѣмъ ли въ наши дни царямъ подобенъ сталъ,
Правомъ тяжкихъ силъ въ родствѣ все по-
хищалъ?
Крутыя времена жестокаго гоненья,
А твою сестру, незнавшу преступленья,
Али безъ вины изъ красныхъ теремовъ
Далекихъ жить снѣгахъ, въ тюрьмѣ между
штыковъ, —

Ты духъ имѣлъ лишить ее въ такой напасти
Въ имѣньи отца ей слѣдующей части; —
Все мало: — двухъ сиротъ ея злосчастныхъ зря,
Анаѳему судьбы на цѣлый родъ простря
И горькой нищетѣ оставивши на жертву,
Сугубо въ нихъ разилъ родительницу мертву! —
Слова, Макіавель! По модѣ человѣкъ,
Отечеству служа мздоимно весь свой вѣкъ,
Чѣмъ нажилъ, говори, огромное имѣнье?
Сокровище твое — чужое разоренье! —
Прекрасный держишь домъ, и нектаръ сладкій
пьешь,
Весь городъ всякій разъ на праздники зовешь;
Но взглянь вокругъ себя, на кровы тѣхъ не-
счастныхъ,
Иль временно тебѣ, или совсѣмъ подвластныхъ,
Которыхъ ты всего имущества лишилъ,
Иное съ молотка за полцѣны купилъ;
Хозяйственно другихъ опекою своею
Заставилъ навязать суму себѣ на шею;
Тамъ, мѣру положивъ неправеднѣйшей мздѣ,
Ты почеркомъ пера все отнялъ на судѣ;
Тутъ нагло торговалъ прекрасною женою,
Здѣсь строилъ, созидалъ все деньгою чужою.
Блѣднѣй и трепещи! — я вѣчно при тебѣ;
Приду — и обличу въ какой-нибудь судьбѣ! —
Страшись меня и ты, врагъ юношества скрытный,
Чужихъ фортунъ насосъ и зѣвъ ихъ ненасытный!
Безжалостный игрокъ! — Чего у тебя нѣтъ!
Откуда? Мечешь банкъ вотъ ровно сорокъ
— лѣтъ,

И нагло всѣмъ твердишь: — «Я все трудами
нажилъ.»
Ю меньше ль согрѣшилъ, когда ты не уважилъ
[олгъ ближняго прямой, и лежа на тузѣ,
Iеопытныхъ смѣясь отчаянной слезѣ,
ъ одинъ несчастный мигъ рѣшительнаго бѣдства
ишилъ навѣкъ дѣтей отцовскаго наслѣдства.
'ортуна! гдѣ бы ты ни ставила престолъ,
акихъ не чаялъ благъ, не избѣгалъ я золъ,
о ежели стяжать мнѣ жребiй несравненной
ѣною совѣсти предложатъ возмущенной; —
ярами ты меня своими не прельстишь:
вала чужая — грязь, коль самъ себя не чтишь.
смѣренный удѣлъ и скромное жилище
родинѣ святой, отцовомъ пепелищѣ,
ѣ опытъ научалъ издѣтства мудрымъ быть,
дежды всѣ свои на Бога положить;
ѣ разумъ сатанинъ во мглѣ своей глубокой
бѣздную не ведетъ въ ровъ пагубы жесто-
кой;
ѣ чистая душа, свободна отъ страстей,
тъ всему красу невинностью своей:
гъ, тамъ, — оставя всѣ теорiи невѣрны,
ите счастiя, умы высокомѣрны!
гъ страшенъ только грѣхъ, великъ небесный
Царь,
ъ твердъ Его законъ и святъ Его алтарь!
зиство паутинъ съ улыбкою не вяжетъ,
вора своего зла ненависть не кажетъ;
ъ хитрость простоты съ ножемъ не стере-
жетъ;

Ни зависти острыхъ ранъ, лобзая, не даетъ;
Тамъ кроткая любовь, сопутница смиренья,
Въ полезномъ для другихъ находитъ наслажденья;
Вотъ истинныхъ отрадъ естественна черта!
За нею все туманъ, — вездѣ лишь суета.
Мы счастія хотимъ, но, ахъ! того не знаемъ,
Что сами отъ себя пути къ нему теряемъ!
Одинъ душевный миръ родитъ сіе добро;
Не дастъ его ни мечъ, ни злато, ни сребро.
Правдивый никогда о внѣшности не тужитъ,
Химерами надутъ, полубогамъ не служитъ;
Онъ знаетъ, кучу книгъ прочтя уединенъ,
Что вѣчно не бывалъ тщеславный мужъ блаженъ;
Что почести двора, чины, кресты съ эмалью
Доходятъ иногда со всякою печалью;
Что нужды ему въ томъ, что онъ въ лѣтописяхъ
Безсмертнымъ по себѣ не сдѣлаетъ свой прахъ,
Что слава не звучитъ повсюду въ рогъ широкой
Ни подвиговъ его, ни мудрости высокой;
На что ему царя великолѣпный санъ,
Или правленія жезлъ, или персидскій станъ:
Столь тяжки бремена равняются ли долѣ,
Въ которой онъ живетъ по доброй своей волѣ?
Захочетъ ли свою жизнь въ походахъ погубить,
Ведя войну сто лѣтъ, миръ ложный заключить?
И вновь опять летѣть, схватя перунъ и стрѣлы,
Земель завоевать послѣдніе предѣлы?
Онъ, меньше суетясь, довольнѣе въ глуши,
И первымъ благомъ чтитъ спокойствіе души.
Захочетъ ли, стѣсня свою и всѣхъ свободу,
Прихожія держать набитыя народу?

Потерянный досугъ — одинъ лишь только шумъ;
Въ привѣтствіяхъ пустыхъ разбросанъ мелкій умъ:
И этотъ ли трофей, которымъ свѣтъ гордится,
Блаженствомъ почитать мудрецъ не постыдится?
Пускай его вездѣ не ставятъ ни во что̀,
Услугъ просить къ нему не бѣгаетъ никто,
Пускай его тѣснятъ, уничтожаютъ, давятъ,
Чужими иногда пороками безславятъ, —
Онъ въ правилахъ своихъ какъ твердый дубъ стоитъ,
И буря золъ мірскихъ его не шевелитъ;
Невзгоды вынося съ безропотнымъ терпѣньемъ,
Онъ брошенъ отъ людей — но взысканъ Провидѣньемъ,
И Небу поручивъ себя на всякій часъ,
Подъ мирнымъ кровомъ ждетъ трубы послѣдній гласъ.

О, совѣсть, вѣрный стражъ, и ангелъ нашъ хранитель,
Ума чистѣйшій свѣтъ, души путеводитель,
Незлобивыхъ вѣнецъ, а злыхъ сердецъ бѣда,
Предтеча страшнаго великаго суда!
Съ тобою Богъ привелъ донынѣ жить безспорно:
Блюди, да дней конецъ свершу я незазорно,
Чтобъ тѣлу смерть дала забвенья тихій сонъ,
А духъ, умученъ здѣсь, — нашелъ бы рай въ день онъ! —

ПРІЯТЕЛЮ.

ШУТКА ЗА ШУТКУ.

Enfin bornant le cours de tes galanteries,
Alcippe, il est donc vrai, dans peu tu te maries.

Boileau Desp.

—

Итакъ, ужъ наконецъ, уставши волочиться,
Любезный сибаритъ, изволилъ ты жениться;
Тихонько, безъ чиновъ, не сообща друзьямъ,
На утренней зарѣ явился съ милой въ храмъ,
И тамъ предъ алтаремъ свидѣтелю священну
Далъ клятву сохранить къ ней вѣрность неизмѣнну;
Не ставя ни во что обычныхъ прихотѣй,
Ты въ долгъ не покупалъ богатыхъ овощей;
Ты шаферомъ по насъ не разсылалъ въ каретѣ
О бракѣ возвѣстить на розовомъ билетѣ:
Завидую твоей отвагѣ я, мой другъ!
Еще ты не попалъ людей въ отборный кругъ,
Въ которомъ всякій тотъ анаѳемѣ предается,
Кто безтолковому обряду не поддается.
Хвала тебѣ и честь! — Но дѣло не о томъ;
По совѣсти скажи, — глазъ на глазъ, шепоткомъ:
Какую Богъ послалъ тебѣ въ женитьбѣ долю,

позлащаетъ ли любовь твою неволю? —
волю! — скажешь ты — какой бы лже-
мудрецъ
гъ словомъ поносить отважился вѣнецъ? —
ь устъ какого ты отверженца природы
лышалъ, будто бракъ послѣдній вздохъ сво-
боды?
стой, не горячись! Я также, какъ и ты,
гѣялъ въ головѣ различныя мечты,
иановъ я прочелъ и самъ въ мой вѣкъ не мало,
много пыли мнѣ изъ нихъ въ глаза попало;
всѣ восторги прочь—отъ нихъ горитъ сыръ
боръ,
нуется душа и разумъ поритъ вздоръ:
зудокъ остудить назначенъ сердца пламень,
ашихъ всѣхъ онъ дѣлъ быть долженъ проб-
ный камень.
иться — благъ законъ! — Гдѣ другъ вѣр-
нѣй жены? —
оры тверже нѣтъ, какъ дщери и сыны.
икъ подъ старость жизнь могла бы выно-
ситься,
а бъ не льстились мы въ потомкахъ возро-
диться?
тину сію, испытывая самъ,
аза я въ мой вѣкъ водилъ невѣсту въ храмъ,
участи своей, Небесъ благоволеньемъ,
иногихъ былъ мужей счастливымъ исклю-
ченьемъ!
акъ; — но въ мысляхъ свѣжъ Детушевъ
философъ,

Въ которомъ наизусть знавалъ я тму стиховъ,
И пышнымъ иногда разсказомъ величался,
Когда я на театръ предъ публикой являлся;
Воскликну какъ Аристъ за книгой у стола:
«Такъ, все пріятно здѣсь! — супруга мнѣ мила,
«Съ почтеніемъ ее люблю я всей душею,
«Блаженство нахожу дѣлиться съ ней судьбою,
«И ею что любимъ, увѣренъ крѣпко я;
«О чемъ же горевать? — Ахти! она моя!» —
Прошу не хохотать и чуръ лишь не сердиться!
Посмотримъ, отчего такой контрастъ родится:
Сравнимъ одно съ другимъ, — увидимъ, можетъ быть,
Что женщинъ обожать ловчей, чѣмъ съ ними жить.

Припомни, какъ тебя знавалъ я холостого,
И съ тѣмъ собой смѣши себя же молодого!
По волѣ проводя съ утра до ночи день,
Ты нѣгою дышалъ, тебя тучнила лѣнь;
Небрежно полчаса хозяйствомъ занимался,
И послѣ до полдёнъ мечтаньямъ предавался;
Домашній бытъ тебѣ заботы не давалъ;
За трубкой табаку ты кофе попивалъ
И, лежа на софѣ, безъ всякаго убранства,
Зависѣть не любилъ отъ моднаго тиранства.
Для сердца, для ума коль пищи захотѣлъ —
Тму мертвыхъ мудрецовъ вокругъ себя имѣлъ;
Любую книгу взявъ и съ ней садясь къ камину,
Ты новою всегда выискивалъ причину
Съ насмѣшкой мнѣ твердить, когда приду къ тебѣ,

Что я всегда въ саняхъ, разсѣянъ и въ гульбѣ,
Тогда какъ ты, капризъ погоды презирая,
Въ покоѣ тепломъ духъ садовый обоняя
Между цвѣтовъ и травъ прозябшихъ на окнѣ,
Находишь рай земной съ собой наединѣ.
Любя стихи писать и прозой заниматься,
Ты схватишь вдругъ перо, и — станешь разгараться;
Восторгъ, піитовъ духъ и пламенникъ страстей,
Проникнетъ искру въ кровь и путь покажетъ ей,—
Польется токъ стиховъ, и ты, съ улыбкой нѣжной,
Восхитишься, когда, во мзду за трудъ прилежный,
Дастся остру мысль, иль чувство изъяснить
И журналисту свой листочекъ подарить.

Пробило часъ и два — но ихъ ты не считаешь,
И стрѣлки ни на что приказа не ожидаешь,
Въ чернильницу перо до завтраго кладешь,
Надѣнешь сюртучекъ — и со двора идешь,
Не въ гости — охрани Господь отъ сей неволи! —
Ты хочешь погулять, и за-просто, безъ холи,
На Минина взглянуть, зайти на булеваръ,
Провѣдать, хорошо ль варитъ форель Пакаръ;
Взглядъ бросить на пруды, сойтиться тамъ съ народомъ;
Цѣла ль Москва-рѣка провѣдать мимоходомъ;
А послѣ, воротясь, обѣдаешь одинъ.

Дѣвчонка, коей ты названьемъ господинъ,
По чувствамъ—вѣрный рабъ, все кушанье подноситъ
И взглядомъ воровскимъ себѣ подачки проситъ;
Покушалъ — и опять ложишься на диванъ.
Приборщица сняла салфетку, соль, стаканъ,
Плитой накурено, — уйтить самой осталось;
Нѣтъ мастера на грѣхъ! . . . .
Въ игрушкахъ застаетъ вечерняя пора.
Бѣгунъ твой запряженъ и ждетъ тебя съ двора.
Накинувши капотъ, въ защиту отъ ненастья,
Въ клобъ англійской летишь искать въ бостонѣ счастья;
Въ туманномъ тамъ чаду несмѣтныхъ чубуковъ
По двѣсти ловишь въ вистъ искусныхъ игроковъ.
Межъ тѣмъ, пока на бой герои не сойдутся,
Въ газетную зашелъ,—рѣкой тутъ вѣсти льются,
И безтолочь и толкъ, и выдумка и быль,
Со многихъ языковъ летитъ словесна пыль;
И тутъ ты познаешь, что карточны колоды,
Что трубка съ табакомъ — суть знаменье свободы;
Что воля состоитъ въ способности шагать,
Безъ шляпы, взадъ, впередъ, чтобъ время убивать.
Или махнешь въ театръ, и взявъ билетъ въ прихожей,
Въ каморку, кою мы обязаны звать ложей,
Увидишь, избочась, какъ Ярбъ, Сеидъ, Эней
Умѣютъ разсмѣшить чувствительныхъ людей,
Какъ движетъ очеса комедіантовъ стая,

Желая заслужить воскликновенье рая.
День кончится, и ты воротишься домой,
Въ убѣжище свое, гдѣ ждетъ тебя покой,
Гдѣ мягкой пуховикъ сонъ сладкій приготовитъ,
И гдѣ страстямъ обрядъ ни въ чемъ не прекословитъ.

Не такъ ли ты живалъ, скажи, любезный другъ,
Когда былъ одинокъ? — Но нынѣ ты супругъ:
Какое близъ тебя я вижу превращенье!
Исчезъ волшебный рай какъ легко сновидѣнье!
Покинувъ для жены обычаи свои,
И уши и глаза совсѣмъ ужъ не твои;
Не тотъ сталъ кабинетъ,—и это очень явно,
Что въ спальню изъ него прорубленъ входъ недавно;
Приборщицы твоей вертлявый слѣдъ простылъ:
Украдкою вздохнувъ, съ двора ее спустилъ,
И вдругъ на мѣстѣ сей физической богини
Все утро на глазахъ ужасныя рабыни,
Сѣдыя, какъ ковыль, у стѣнъ твоихъ торчатъ,
То щуря глазъ, другимъ въ замочну щель глядятъ,
То въ дверь, на цыпки ставъ, приложатся ушами,
Иль шмыгъ, да шмыгъ къ тебѣ открытыми послами, —
И такъ-то стражу бдитъ законная жена,
Чтобъ не похимистилъ добычи сатана.
А тамъ къ тебѣ валитъ дородный управитель,
Не денегъ, не бѣлья, но векселей рачитель;
Обручку поклонясь, подноситъ жирный счетъ,

Который подпиши, не заводя хлопотъ.
Когда жъ тебѣ читать всѣ наши сочиненья?
Мурнычать у огня тѣ сладки пѣснопѣнья,
Которымъ никогда никто не поражалъ,
Нелединскій одинъ въ огнѣ души слагалъ?
Пойдетъ ли тутъ на умъ поэзіей питаться,
Съ Державинымъ парить, съ Жуковскимъ наслаждаться;
Досугъ ли, часъ, другой, разнѣжась отдохнуть,
Полить цвѣты въ горшкахъ и въ птичникъ завернуть?
Въ пріятныхъ пустякахъ, когда не жметъ забота,
День цѣлый разсорить безъ цѣли, безъ отчета?
Задумавшись — вздремнуть, проснувшись — хохотать?
Собраться со двора — и съ мѣста не вставать?
О, счастливый удѣлъ философа такого!
Примолвимъ на ушко: притомъ и — холостого!

Въ уборной по тебѣ отправленъ ужъ курьеръ;
Чу, голосъ подаютъ: «Ну, что жъ, пора, mon cher!
«Карета подана, — вѣдь этакъ опоздаемъ!»
Везутъ тебя; куда? — А вотъ сейчасъ узнаемъ.
Ты губу закусилъ, бѣжишь, въ карету сѣлъ.
Къ Абрамушкѣ! — пошелъ! — Цугъ сѣрыхъ полетѣлъ.
Кузнецкій мостъ для васъ давно готовилъ ткани.
Все нравится женѣ, ты — платишь тяжки дани.
И тутъ мадамъ и здѣсь; подальше — магазинъ.
«Нѣтъ, Майковъ лучше всѣхъ: тамъ есть александринъ; —

«Туда мой другъ!» — Изволь! Пришлося жить
въ каретѣ.
За то ты сталъ знатокъ въ перкалѣ, въ пети-
нетѣ.
Уже на башнѣ часъ вечерень загремѣлъ,
Женатый новичекъ еще съ утра не ѣлъ
И просится домой. — Картоновъ тму забрали,
Безъ денегъ и съ тряпьемъ обѣдать поскакали.
Хлѣбъ-соль всегда вкусна, когда желудокъ тощъ;
Любовь и аппетитъ приправятъ и овощъ.
Безъ дальнихъ прихотей, лишь только два ку-
верта,
Однако же филе, притомъ не безъ десерта,
Затѣмъ, что въ статѣ такъ издавна введено;
Хоть яблоки подай, — иначе жить грѣшно!
Трапезой насладясь съ дражайшею женою,
Пора бы, чай, въ халатъ, хоть часикъ взять
покою;
Не тутъ-то было, нѣтъ: хозяюшка твоя,
Перемѣнивъ капотъ, тюрбанъ и все и вся,
Неутомимая, тащитъ опять въ карету,
Съ визитами къ роднѣ, къ друзьямъ, по цѣлу
свѣту.
Четверкой по-ямски (вся масти вороной),
Для свадебныхъ суетъ нарочно нанятой,
Ты новый родъ спозналъ страдательной забавы;
И карточки соришь съ заставы до заставы,
Нещадно тѣхъ браня, кто съ лаской принималъ,
И въ сутки наконецъ второй походъ сломалъ.
Увы! еще тебѣ готово искушенье!
Приготовляй, мой другъ, свое долготерпѣнье:

Сегодня славный балъ — вотъ новая бѣда!
Не раньше какъ въ полночь съѣзжаются туда
Всѣ баря, что ни клекъ, о томъ едва не плачутъ;
Но карта прислана — нарядятся и скачутъ.
Уйди въ свой кабинетъ: есть время отдохнуть
И съ горькою слезой старинку вспомянуть;
Спѣши, пока твоя сладчайша половина —
Пора дать имя ей, — пусть будетъ . . . . Жозефина, —
Причешется и свой удѣлаетъ нарядъ.
Въ уборной вижу я зеркальный цѣлый рядъ;
Изъ многихъ лампъ огонь свой лучъ въ стекло бросаетъ
И, отражаяся, предметы озаряетъ;
Тамъ битью весь en plein тюникъ самъ Циклеръ шилъ,
И каждый платья сгибъ Амуръ заворожилъ;
Тамъ крупныхъ жемчуговъ съ алмазомъ ожерелье,
Совмѣстное въ цвѣтахъ природѣ рукодѣлье;
Тутъ разныхъ влагъ сосудъ и смѣсь душистыхъ травъ
Для мягкости волосъ и глянца ихъ составъ;
Здѣсь пропасть мелочей, какъ-будто безъ искусства,
Кокетство припасло, чтобъ дѣйствовать на чувства;
Косынка, поясокъ, подвязочка, корсетъ . . . .
Но мнѣ ли срисовать Веперинъ туалетъ?
Гдѣ ты, блаженна тѣнь піита вдохновенна,
Которому въ Руси завидуетъ вселенна?

Гдѣ скрылися твой духъ, перо и геній сей,
Которымъ всѣхъ плѣнилъ ты въ Душенькѣ своей?
О, юные пѣвцы любви и восхищенья,
Вы, коихъ состоитъ вся жизнь изъ наслажденья!
Вамъ трудъ сей предлежитъ; воспойте женскій
полъ!
Я чтилъ его всегда и — ежели нашелъ
Дни счастья на землѣ,—къ нему по отношенью;
Чье сердце по его не бьется повелѣнью?
Дѣлите мой восторгъ! Кто женщинъ не любилъ—
Нѣтъ солнца для того — и Богъ его забылъ!...
Но что-то ты творишь, мой схимникъ ново-
брачный,
Ушедши къ камельку питать свой недугъ мрач-
ный,
Бесѣдой въ тишинѣ, не съ Музами — съ собой?
Ты ропщешь чуть не въ слухъ, что съ модною
женой
Лѣтъ подъ сорокъ тебя чортъ дернулъ соче-
таться
И съ вертопрашествомъ свободой помѣняться.
Для взора данъ масштабъ, для ласки сказанъ часъ,
И къ ручкѣ подойти извѣстно сколько разъ;
Повѣстки молча ждешь и ногти хоть кусаешь,
Явилась красота и . . . все позабываешь.
Ликъ ангельскій въ глаза какъ молнія блеснулъ,
Во всѣхъ чертахъ себя Веноринъ сынъ вдохнулъ;
Взоръ томный — сладкихъ чувствъ истолкова-
тель нѣжный
Улыбка съ простотой — путь къ сердцу неиз-
бѣжный,

Станъ гибкій и прямой — всѣхъ прелестей собор,
Въ прическѣ тонкій вкусъ, затѣйливый подборъ
И вымыселъ шитья и хитрость въ мелкой складкѣ
Да, скажемъ, не смотря на цензоровъ нападки,
Что всякая на ней булавочка поетъ;
Ахъ! къ милому лицу, скажите, что нейдетъ?
Вошла, взглянула — все ея покорно взору!
«Вѣдь ты не долго ждалъ, — и мы пріѣдемъ въ пору!»

Не стану говорить о множествѣ гостей
Пріѣхавшихъ на балъ, о роскоши затѣй,
Которыми у насъ хозяева тщеславны
Умѣютъ угождать на вкусы своенравны, —
Все пляшетъ и шумитъ: здѣсь вальсъ, тутъ гулъ, тамъ смѣхъ
И крепсъ и болтовня обворожаютъ всѣхъ;
А ты, какъ угадалъ, съ женою показался,
Лишь въ залѣ котильонъ въ кружокъ формировался.
Вотще путемъ хитрилъ, то важно, то шутя,
Честное слово взять, чтобъ долго не гостя,
Отъ ужина ульнуть уклончивымъ манеромъ,
Она ужъ поднята пригожимъ кавалеромъ
И стала въ общій кругъ; а кругъ, вѣдь, до зари
Никто не разорветъ, хоть что ни говори.
Что дѣлать? — Для тебя осталось наблюденье:
Разсматривай людей, ихъ нравы, заблужденье,
На спѣсь большихъ господъ взгляни, пожавъ плеча,

Прислушай, какъ они другъ другу сгоряча
Безъ логики свои доводы отпускаютъ,
Крѣпя ихъ только тѣмъ, что все всѣхъ лучше
знаютъ.

Ужъ за полночь давно и третій часъ течетъ,
Объ ужинѣ никто докладывать нейдетъ;
Морфей влетѣлъ въ окно и съ воздухомъ наружнымъ
Макъ сыплетъ на глаза всѣмъ барынямъ окружнымъ,
Не дремлетъ лишь оркестръ и — храбрый котильонъ,
Часъ-отъ-часу рѣзвѣй одолѣвая сонъ,
Со стула и на стулъ красотки вальсируютъ
И свѣжихъ на-прокатъ прыгунчиковъ вербуютъ.
Несчастный муженекъ! — а ты чуть-чуть не
спишь!
Понюхай табачку — вновь мысли освѣжишь;
По комнатамъ пройдись, вѣдь есть гдѣ послоняться,
На бронзы позѣвать, статуямъ удивляться;
Вѣрна ли древность въ нихъ, чей образъ — отгадай,
Архитектурныя ошибки замѣчай,
Написанну сличи Венеру на плафонѣ,
Сходна ль она съ твоей, что пляшетъ въ котильонѣ.

Но вотъ пошелъ въ походъ ужъ водочный лотокъ
И двинулся къ столу танцовщиковъ потокъ;

Терзаютъ осетровъ голодные корнеты —
И превращаются чудовища въ скелеты.
Но бдѣніе тебя отбило отъ ѣды;
Ты съ-роду не видалъ еще такой бѣды.
А милая твоя супруга-Жозефина,
Восторговъ и досадъ законная причина,
Манитъ тебя къ себѣ и на ушко: «Мой другъ!
«Я завтра позвана въ короткій самой кругъ.
«Тамъ будутъ jeux d'esprit и en actions шарады;
«Ты знаешь, для меня нѣтъ болѣе отрады:
«Потѣшь меня, mon cher, и ежель—vous m'aimez,
«Сыщи un joli mot — иль сдѣлай буриме.»
Шепнула и baiser тебѣ въ лобокъ послала,
Смиренья въ знакъ, сама ладонь поцѣловала.
Какъ счастливъ ты опять! — Весь ужинъ проходилъ,
Французскій лексиконъ на память протвердилъ
И въ мигъ карандашемъ замѣтилъ словъ двусложныхъ
Для остренькихъ шарадъ премножество возможныхъ.

Пиръ конченъ на зарѣ.—Не ѣхать ли домой?
«Mon cher! одну кадриль; минуточку постой!»
Помилуй! разсвѣло! — Мазурку заиграли
И каблучками всѣ красотки застучали;
Чье сердце устоитъ? — Конечно, дьяволъ самъ
Ввелъ пляску въ міръ на зло такимъ, какъ ты, мужьямъ.
Вдругъ солнце вмѣсто свѣчъ всю залу озарило;
Но легкій хороводъ и то не устыдило.

И бѣдный философъ, невольный балагуръ,
Хоть волкомъ вой, да жди ла грекъ и матрадуръ;
Когда бы не бѣда ужаеная случилась,
Какой едва ли гдѣ слыхать намъ доводилось, —
Кто думаетъ пожаръ, кто—рухнулъ потолокъ,
Супругъ одинъ лишь радъ, что лопнулъ башмачекъ,
По счастію его, на милой Жозефинѣ.
Скакать уже нельзя! — Проклятыя судьбины!
Въ слезахъ принуждена уѣхать безъ чиновъ,
Насмѣшекъ побоясь болтливыхъ языковъ.
Угрюмый съ нею мужъ въ шинель свою зарылся,
И чуть-чуть не къ полднямъ въ постели очутился.
Въ такомъ порядкѣ дѣлъ всю дань беретъ Морфей.

. . . .

Признайся, ничего нѣтъ лишняго въ картинѣ;
Готовъ ее на судъ отдать и Жозефинѣ.
Пошлюсь на всѣхъ мужей, свободы древней нѣтъ, —
Ее уже давно оплакиваетъ свѣтъ;
И женщины, её у насъ отнявъ навѣки,
Умѣли отомстить за то, что человѣки,
Естественный законъ во зло употребя,
Мечтали взять ихъ полъ въ подданство за себя.
Исчезли времена племенъ патріархальныхъ,
И стерлись навыки семей первоначальныхъ.
Жена тогда была лишь первая раба:
Въ покорности тверда, вліяніемъ слаба,

Какъ говоритъ преданье: свои коклюшки знала,
И носа не въ свои дѣла не уставляла;
Варить умѣла щи, артельны хлѣбы печь,
И мужа своего внимая грозну рѣчь,
Не смѣла молвить да, когда онъ нѣтъ ей скажетъ;
Отвѣтъ бывалъ одинъ: хозяинъ какъ прикажетъ! —
А нынѣ . . . . но о томъ на что и говорить?
Когда ужъ удалось имъ насъ перехитрить,
Когда любовна страсть, смягчая будто нравы,
Изъ устъ ихъ принимать велѣла намъ уставы—
Осталось намъ одно спасеніе, мой другъ:
Ихъ ласки покупать цѣной своихъ услугъ;
Мечтать, что мы цари, доколь онѣ насъ любятъ,
И рай воображать, когда насъ приголубятъ.
Ахъ! если счастья здѣсь рисуется лишь тѣнь,
То въ сладкихъ пусть мечтахъ текутъ и ночь и день! —

Вотъ опытный урокъ! — Хотя мое болтанье
Возбудитъ, можетъ быть, въ тебѣ негодованье,
Пріятеля прости, надъ коимъ ты стократъ
Любилъ и самъ шпынять за то, что онъ женатъ.
Долгъ красенъ платежемъ; но мести я не знаю
И счастія тебѣ отъ всей души желаю! —

ПОСЛАНІЯ
КЪ АНОНИМАМЪ.

ГЛАФИРѢ.

Le plaisir d'aimer est l'effense precieuse en voyée par les Dieux, et dont une goutte parfume les mers. —

St. Lambert.

—

Глафира! ты одна весь умъ мой заняла.
Мнѣ весело тогда, когда ты весела;
Твоя печаль меня томитъ и огорчаетъ;
Съ тобой мнѣ хорошо, въ разлукѣ все смущаетъ.
Ты помнишь разговоръ вчерашній мой съ тобой,
Въ которомъ я, твоей занявшися судьбой,
Привязанность мою тебѣ открыть старался.
Напрасно я твоимъ вниманіемъ ласкался!
Глубоко скрывъ тоску, поѣхалъ я къ себѣ;
Дорогой помышлялъ лишь только о тебѣ.
Сопутствовали мнѣ повсюду злы печали;
Уста мои тебя и дома называли.
Раздѣлся, легъ я спать; но сонъ не шелъ на умъ:
Тревожило меня собранье мрачныхъ думъ.
Вскочилъ — ходилъ — сидѣлъ — пѣлъ пѣсни, —
все напрасно;
Глафира! ты вездѣ мечталась мнѣ всечасно.
Расклалъ я свой каминъ, подвинулъ кресла, сѣлъ,

И вѣчнымъ смерти сномъ уснуть бы тутъ хо-
тѣлъ.
Геката мнѣ въ окно лучи свои бросала
И блѣднымъ свѣтомъ ихъ мой уголъ озаряла;
Сладчайшія мечты текли въ отраду мнѣ.
Послушай, что съ собой вѣщалъ наединѣ;
Когда бы, говорилъ, мнѣ мудрость боги дали,
Какою въ старину во Греціи сіяли, —
Я родъ бы смертныхъ всѣхъ къ ногамъ ея при-
влекъ,
Глафиру божествомъ вселенныя нарекъ!
Когда бы призванъ былъ я свѣту дать уставы,
Глафирой обольстя и самы дики нравы,
Велѣлъ бы всюду то закономъ почитать,
Что вздумается ей хотѣть и приказать;
Когда бъ, какъ Александръ побѣдоносный славенъ,
Среди владыкъ земныхъ ни съ кѣмъ я не былъ
равенъ, —
Въ то время бы, въ свой плѣнъ подсолнечную
взявъ,
Сей плѣнъ повергъ предъ ней со множествомъ
державъ;
Когда бъ, какъ Димосѳенъ, словами изумляя,
Могъ души колебать, на все ихъ побуждая, —
Хотѣлъ бы я тогда заставить цѣлый свѣтъ
Почувствовать, что ей нигдѣ подобныхъ нѣтъ;
Когда бы, какъ Вольтеръ, познавъ стиховъ ис-
кусство,
Умѣлъ я, такъ какъ онъ, восхитить смертныхъ
чувство, —
Тогда бъ не только самъ я рифмы сталъ слагать,

Чтобъ свойства въ нихъ ея безцѣнны прославлять,
Но всѣмъ, на общій ладъ настроивъ громку лиру,
Во всѣ концы земли велѣлъ воспѣть Глафиру!
Когда бы, какъ Лукуллъ, Антоній и Помпей,
Я роскошью своей возмогъ дивить людей, —
Тогда бы серебра и злата тяжки груды,
Сапфиры, жемчуги, кораллы, изумруды
И, словомъ, всѣхъ сторонъ сокровища собравъ,
На каждой жизни мигъ дарилъ ей тму забавъ;
Тамъ въ садъ бы обратилъ разсѣлины ужасны,
Пустилъ бы здѣсь изъ горъ воды потоки ясны;
Или когда бъ я былъ такъ силою богатъ,
Какъ силенъ былъ Милонъ въ Кротонѣ, говорятъ, —
Тогда бы, одолѣвъ и камни и ограды,
Виновниковъ ея малѣйшія досады,
Какъ куколъ изъ земли, коверкалъ и ломалъ,
И махомъ лишь однимъ во адъ ихъ посылалъ!
Въ такомъ восторгѣ чувствъ, едва ли вѣроятномъ,
Но сердцу моему по совѣсти пріятномъ,
Еще я мыслилъ такъ: о, еслибъ царь я былъ! —
Вельможъ бы въ мой совѣтъ всегда при ней водилъ,
И подданыхъ моихъ ни мало бъ не стыдился,
Что прелестямъ ея мой разумъ покорился!

А если бъ Небеса хотѣли наконецъ,
Чтобъ въ рубищѣ гниломъ я въ полѣ пасъ овецъ, —
Въ простой тогда рожокъ наладивъ пѣсню слезну,
И тамъ бы не забылъ Глафиру мнѣ любезну!

Но будучи, что я, почти для свѣта мертвъ,
Какую принести могу изъ тѣхъ ей жертвъ,
Которыя въ умѣ теперь воображаю?
Сказать: люблю тебя! вотъ только, что я знаю.
Люблю пріятно тамъ, изъ устъ безцѣнно тѣхъ,
Которыхъ мы любить находимъ край утѣхъ;
Но тотъ, кто въ насъ вселилъ холодное почтенье,
Въ устахъ того люблю—есть намъ отягощенье.
Покамѣстъ самъ съ собой бесѣдовалъ я такъ,
Заря грядуща дня, развѣя ночи мракъ,
Съ небесной тверди скрывъ сіяющи свѣтила,
Готовя солнцу входъ, луны фонарь гасила;
Мелькающій огонь въ каминѣ исчезалъ,
Рабочій мой народъ во всѣхъ избахъ вставалъ;
Послѣдняго изъ нихъ ревнуя низкой долѣ,
Хотѣлъ бы лучше быть въ его тогда неволѣ.
Но сжалился со мной владыка сна, Морфей,
Ужъ легкій сонъ леталъ вокругъ моихъ очей.
Дремотой тонкой я лишь только усладился,
Какъ вдругъ передъ меня мой геній появился:
Подвиглась отъ него вся храмина моя,
Ни неба, ни земли тогда не видѣлъ я.
Онъ страшенъ былъ, свирѣпъ, бросая быстры взоры,
Казалось, онъ скликалъ страшилищъ всѣхъ соборы;
И все, чѣмъ можетъ быть испуганъ человѣкъ,
Онъ, въ дѣйство приведя, громовымъ гласомъ рекъ:
О, буйный сынъ суетъ! ты все любовью таешь!
Иль такъ мои тебѣ совѣты уважаешь?

Спокойство потерявъ, златые дни губишь.
Какими отъ любви себя плодами льстишь?
Ея различныхъ мукъ иль жертвой былъ ты мало?
Какое зло тебя, несчастный, миновало?
Какихъ не испыталъ, вѣщай мнѣ наконецъ,
Лютѣйшихъ въ свѣтѣ каръ чувствительныхъ сердецъ?
Когда мнѣ жизнь твою хранить велѣли боги,
Предвидѣвъ ужъ тогда твои судьбины строги,
Колючій тернъ на путь любви я насадилъ
Нарочно съ тѣмъ, чтобъ ты къ нему не подходилъ;
Но ты, презрѣвъ мои полезныя угрозы,
Гдѣ кроются змѣи, туда ходилъ рвать розы;
Когда бѣжалъ искать подъ тѣнью ты отрадъ,
Тамъ тартаръ жегъ тебя, не рай плѣнялъ прохладъ.
Къ счастью, сколько разъ, пути презрѣвши благи,
Ты падалъ лютыхъ бѣдъ въ крутѣйшіе овраги!
Въ столь зрѣлыя лѣта, о, сколь ты сердцемъ юнъ!
Но бойся на себя вооружить перунъ!
Не всуе отъ любви тебя я отвращаю;
Внемли, и помни вѣкъ, что̀ я теперь вѣщаю:
Коль хочешь въ мірѣ семъ спокойствіе вкусить,
Забудь, что сердце есть, и перестань любить....

При словѣ семъ мое исчезло привидѣнье,
При словѣ семъ и сна скончалось услажденье.
Престать любить! вскричалъ; — или я человѣкъ
На то, чтобъ самъ себя я мучилъ весь мой вѣкъ?
Или на тотъ конецъ, о боги! я родился,

Чтобы какъ дикій звѣрь въ пещерахъ хоронился;
Чтобъ, сердцу находя любезнѣйшій предметъ,
Біенію его не чувственъ былъ? — Нѣтъ! нѣтъ!
На что мнѣ жизни сей безплодно продолженье,
Коль долженъ я любви отвергнуть обольщенье?
На что мнѣ слава, честь, чрезъ кои нашъ животь
Есть образъ адскихъ мукъ, основа злыхъ заботъ?
На что богатство мнѣ? кчему сама порфира,
Когда отъ глазъ моихъ отнимется Глафира?...
О, нѣтъ! когда бы мнѣ и гробъ въ любви найтить, —
Любовь есть рай души... я буду вѣкъ любить!

Ей же.

Le ciel fit pour s'aimer les coeurs qui se ressemblent.

—

Въ счастливой жизни часъ спознавшися съ тобою,
Власть полну далъ тебѣ, Глафира, надъ собою;
И сердцемъ и умомъ владѣя ты моимъ,
Къ блаженству кажешь путь владычествомъ своимъ!
Любви твоей одной всѣхъ паче благъ желаю,
Всей мыслію тебѣ, всѣмъ сердцемъ угождаю.

Мнѣ опытъ говоритъ, когда гляжу на свѣтъ,
Что каждый смертныхъ шагъ есть новый знакъ
суетъ;
Симъ опытомъ привыкъ все видѣть равнодушно,
И чувствовать, что мнѣ съ тобою лишь не скучно;
Съ тобой еще могу найти я тихи дни,
Связь дружбы, жаръ любви и — радости одни;
Вседневно для меня рай новый созидаешь,
Бесѣдою своей мой разумъ исправляешь:
Ничто не можетъ такъ нашъ умъ образовать
И самый жестокій нравъ къ добру располагать,
Какъ женщинъ милыхъ намъ пріятны убѣжденья.
Что̀ можетъ постоять противу ихъ внушенья?
Ни въ школахъ мудрецы, на каѳедрѣ монахъ —
Не въ силахъ произвесть того въ людскихъ умахъ,
Что̀ женщина творитъ однимъ нерѣдко словомъ.
О дѣйствіи такомъ, весьма уже не новомъ,
Напрасно сталъ бы здѣсь я рѣчь мою плодить;
Кому не удалось сей правды ощутить?
Какимъ бы твердымъ кто щитомъ не оградился,
Въ какой безвѣстный край вселенной ни со-
крылся, —
Гдѣ солнца свѣтитъ лучъ, вездѣ любовь живетъ,
И тутъ — и тамъ — и здѣсь она его найдетъ.
Любовь, сей даръ Небесъ, огонь всея природы,
Которымъ искони живутъ всѣхъ смертныхъ роды,
Присущенъ былъ Творцу, какъ міръ Онъ сози-
далъ:
Онъ съ духомъ жизни—духъ любви Адаму далъ:
Когда бы въ насъ любви не дѣйствовала сила,
Что̀ былъ бы человѣкъ?—лишь кукла—глыба ила.

Оставя разговоръ о важности причинъ,
Какими твари всѣ, храня свой въ мірѣ чинъ,
Естественнымъ между собою привлеченьемъ,
Живутъ одна съ другой взаимнымъ восхищеньемъ, —
Въ молчаніи почтимъ Всесильнаго дѣла!
Вникая въ нихъ, нашъ умъ—густая только мгла.
Гармонію сію между свѣтилъ небесныхъ
И самыхъ мелкихъ тѣлъ, едва намъ здѣсь извѣстныхъ,
Едва ль удобенъ кто, Глафира, понимать;
Нашъ долгъ — дивиться ей и слѣпо обожать.
Довольно, если мы, въ предметъ взявъ человѣка,
Каковъ онъ сотворенъ отъ перваго дня вѣка,
Разсмотримъ что любви владычество творитъ,
Когда его душа огнемъ ея горитъ;
Какія чудеса въ его находимъ нравѣ,
Въ разсудкѣ и душѣ, въ моральномъ всемъ составѣ.
Какого бъ свойства самъ онъ ни былъ по себѣ,
Въ какой бы приведенъ онъ ни былъ жить судьбѣ,
Но въ милой если зритъ своей противну волю,
Согласно съ ней тотчасъ сыскать стремится долю;
Препятства нѣтъ для той, которая мила:
Вездѣ за ней идетъ, куда бы ни вела.
Обычаямъ своимъ и вкусамъ досаждая,
Всѣ силы противъ ихъ разсудка напрягая,
Лишь чуть возникнетъ въ немъ хоть маленькій порокъ,
Стыдится, ищетъ скрыть, и самъ къ себѣ жестокъ.

Упрямъ ли онъ — она его всегда смягчаетъ;
Сердитъ ли—безъ труда на милость преклоняетъ;
И, словомъ, что́ она ни молвитъ — то законъ.
Я видѣлъ игрока горячаго въ бостонъ,
Который, проигравъ, изъ мѣры вонъ терялся;
Хотя не злымъ онъ слылъ, тутъ бѣшенымъ казался;
Повѣришь ли ты мнѣ, Глафира, или нѣтъ —
Онъ плакивалъ, когда поставитъ разъ лабетъ,
Тотъ самый же теперь весь столъ напишетъ ими,
Когда играетъ онъ съ пріятельми своими.
Я пьяницъ многихъ зналъ, которые—не пьютъ;
Скупыхъ, которы — все имѣнье раздаютъ;
Мотовъ, которымъ—жаль копѣйку бросить стало;
Повѣсъ, которыхъ—вдругъ смирнѣе не бывало:
И всѣмъ премѣнамъ симъ, волнующимъ въ нихъ кровь.
Одну и ту жъ вездѣ причину зрѣлъ — любовь.
Она меня къ тебѣ, Глафира, обращаетъ,
Подобно какъ магнитъ желѣзо привлекаетъ;
Она даетъ права сильнѣе всѣхъ властей;
Я ею вѣчный рабъ во области твоей.
Колико ты ума пріятностьми богата,
Которыя въ глазахъ моихъ дороже злата,
Толико и любовь моя къ тебѣ сильна!
Но умъ любви моей не первая вина:
Разсудка твоего обширность понимаю,
Достоинства души я чту, люблю и знаю;
Все мало для любви, сильнѣй приманка есть,
Ее намъ не даютъ ни родъ, ни умъ, ни честь.
Какая же?—Мила.... вотъ чувства совершенство,

Вотъ сердца талисманъ и наше въ немъ блаженство!
О, если бъ иногда въ уныньи кто сказалъ,
Чтобъ онъ совсѣмъ безъ чувствъ на свѣтѣ жить желалъ,
Не вѣрь, Глафира! — Нѣтъ, еще тотъ не родился,
Кто жить бы не любя минуту согласился.
Пристрастіе меня уже не возмутитъ;
Но истинной любви мой духъ не измѣнитъ.
Ее нельзя купить ни силы принужденьемъ,
Ни златомъ, ни красой, ниже благотвореньемъ;
Свободна такъ, какъ духъ, она сама вспыхнетъ,
Обниметъ сердце вдругъ и потихоньку жжетъ.
Прямой любви черты вовѣки неизмѣнны;
Чувствительны сердца! — онѣ для васъ священны! —
Глафира! вотъ объ ней понятіе мое,
И признаки познай и правила ее:
Невинный, чистый умъ, безъ замысловъ тщеславныхъ,
Свободная душа отъ прихотей злонравныхъ:
Порокъ любезенъ быть не можетъ никогда,
Но слабость извинять есть долгъ любви всегда;
Участіе въ бѣдахъ, въ печали сожалѣнье,
Взаимное во всемъ другъ къ другу обращенье;
Въ опасности животъ за друга въ жертву несть,
За кровь его свою, за честь свою дать честь —
Вотъ истинна любовь, богами въ насъ рожденна!
Иное все лишь бредъ разсудка поврежденна.
Законъ такой любви ужъ ли, Глафира, строгъ?

Ахъ, нѣтъ! даю тебѣ я сердце въ томъ въ за-
логъ;
И вѣрь, что сколько дней мнѣ жить ни дове-
дется,
Симъ образомъ любить оно не отречется.

Ей же.

Un coeur bien atteint veut qu'on soit toit à lui.

Признательности дань плачу здѣсь, Музы, вамъ!
Чрезъ васъ я счастливъ былъ, имѣя цѣну тамъ,
Гдѣ каждымъ жизни днемъ, какъ райскимъ, вос-
хищался,
Гдѣ сладкой дружбы я избыткомъ наслаждался,
Гдѣ могъ, что̀ на душѣ, въ свободѣ полной сдать,
Гдѣ слово даже грусть я зачалъ забывать;
Вы послѣ бурныхъ дней мучительныя страсти
Служили иногда отрадой мнѣ въ напасти.
Скучалъ ли я о чемъ, или о комъ болѣлъ —
Перо мое! къ тебѣ прибѣжище имѣлъ.
Но кистью черной сплошь чертилъ свои картины,
И множилъ только тѣмъ досадъ моихъ причины.
Узналъ Глафиру — вдругъ я сдѣлался не тотъ:
Гдѣ мыслей чернота, гдѣ дѣлась тма заботъ?

Всѣ ясны стали дни, всѣ тихи стали ночи,
Поутру, ввечеру, среди глухой полночи.
Когда бы въ чувства кто мои проникнуть могъ,
Узрѣлъ бы, что она въ нихъ царствуетъ какъ Богъ.
Бывало, коль при ней о чемъ-нибудь сгруснулось,
Какъ паръ съ стекла сойдетъ, лишь только улыбнулась;
Желаніямъ ея навстрѣчу я бѣжалъ;
Уму ея во всемъ мой умъ порабощалъ;
А сердце для кого жъ такъ сильно трепетало?
По голосу ея движенье воспринимало.
Глафиры быстрый взоръ былъ царь души моей;
Доволенъ, счастливъ, радъ, лишь только былъ бы съ ней.
Гдѣ жъ смертныхъ наконецъ спокойство обитаетъ,
Когда такая жизнь его не продолжаетъ?
Или среди такихъ безцѣнныхъ сердцу благъ
Не цѣлой жизни путь, одинъ начертанъ шагъ?
Увы! не такъ сей свѣтъ устроенъ отъ начала,
Чтобъ радость въ немъ для насъ до гроба обитала:
Проглянетъ и блеснетъ, какъ молнія съ небесъ;
За ней гремитъ громъ бѣдъ и льется дождикъ слезъ.
Наполненъ весь народъ лишь хитрости, лукавства;
Въ устахъ игра ума, въ глазахъ весь ядъ коварства;
Обманъ за все, про все, безъ финту ни на часъ,
И столь развращена вся нравственность у насъ,

Что если дружбы кто покажетъ восхищенья,
Не вѣритъ имъ никто, вмѣняя въ обольщенья.
Нельзя сказать люблю, чтобъ тысячи комеръ *)
Не славили вездѣ: ахъ! онъ влюбленъ, ма-шеръ **);
Смотри, какъ онъ глядитъ, взгляни, какъ онъ
скучаетъ;
Примѣтила ли ты, какъ часто онъ вздыхаетъ?
И словомъ, изъ своихъ умовъ зловредныхъ тутъ
Богъ вѣдаетъ, какихъ догадокъ не сплетутъ.
Хоть скромность двухъ друзей есть вывѣска
прямая,
Однако всуе мнятъ, о дружбѣ разсуждая,
Что-будто другъ прямой не можетъ жарокъ быть,
Что-будто долженъ онъ безъ ревности любить;
Короче: все равно, что другъ, что дикій камень.
Ахъ, нѣтъ! Глафира, нѣтъ! и въ дружествѣ есть
пламень.
Любовникъ—это пылъ, а другъ—есть тотъ огонь,
Который свѣтелъ, тихъ; но чуть его лишь тронь,
Усиляся, и онъ зажжетъ, что прикоснется,
И мрачнымъ клубомъ дымъ его тотчасъ завьется.
Я съ ревностью всегда друзей своихъ люблю
И въ сердцѣ ихъ ни съ кѣмъ стать рядомъ не
терплю;
Чтобъ взоры ихъ, слова и всякое движенье
Мнѣ искренно вездѣ казали предпочтенье.
Сего-то я вотще всю жизнь мою искалъ;

---

*) Французское слово, значитъ сплетчица.

**) Французское слово, значитъ милая, и въ большомъ у дамъ употребленіи.

Изъ черна дня земли тотъ лютый день возсталъ,
Въ который мнѣ пришло невольно догадаться,
Что некогда тебѣ, Глафира, мной заняться.
Ты скрыла сердце мнѣ, лишила тѣхъ рѣчей,
Отъ коихъ слабый умъ всей силы ждалъ своей;
Въ глаза твои мой взоръ колико ни стремится,
Не можетъ твой съ моимъ ни въ чемъ ужъ согласиться;
А я—и вотъ въ чемъ рокъ мой болѣе суровъ—
Тебѣ ставъ другомъ разъ, пребуду ввѣкъ таковъ.
Я твердъ, умѣю быть любви въ безсмертномъ чувствѣ,
Хоть славится нашъ полъ обманывать въ искусствѣ.
Ты знаешь, я не лживъ; такъ вѣрь, Глафира, мнѣ,
Что вспомню о тебѣ во всякомъ жизни днѣ;
Что чту своихъ отрадъ сокровищемъ, богатствомъ,
Воображать тебя съ умомъ твоимъ, съ пріятствомъ;
Что буду вѣкъ тебя съ боязнію любить,
Съ восторгомъ всѣ твои дѣянія хвалить,
И правиломъ твои пребудутъ мнѣ совѣты:
Вотъ сердца моего дражайшіе обѣты!
Одно уже добро осталось для меня,
Чтобъ помнить о тебѣ, ихъ цѣлость сохраня.
Печали сносны тѣ, въ которыхъ другъ любезный,
Снявъ бремя ихъ съ души, даетъ совѣтъ полезный.
Но, ахъ! съ какой бѣдой тѣ горести сравнять,

От коихъ рвись одинъ и некому сказать;
Которыхъ самъ твой другъ ставъ первою виною,
Глубоки роетъ рвы, гдѣ путь лежитъ къ покою:
Вотъ муки, кои мнѣ чувствительность дала!
А все-таки ты мнѣ, Глафира, все мила!

Итакъ я, Музы! васъ теперь не приглашаю;
Глафиру потерявъ, всѣ вкусы вдругъ теряю.
Тебя лишь, Циммерманъ, тебя съ твоей тоской
Зову, какъ друга, я беседовать съ собой!
Когда судьбы хотятъ, чтобъ въ жизни сей плачевной
Печаль и тѣснота удѣлъ нашъ былъ вседневной;
Когда Всевышній такъ вселенну учредилъ,
Чтобъ всякой бремена бѣды своей сносилъ,
И дружескихъ связей небесно упоенье
Вмѣнялъ во бредъ страстей, разсудка въ изступленье:
То ты меня теперь увѣрь и убѣди
И твердостью души своей меня снабди!
Хочу я, такъ какъ ты, одинъ изныть въ семъ мірѣ,
И опытомъ самимъ хочу явить Глафирѣ,
Что если друга въ ней найти я не успѣлъ,
То свѣтъ сей для меня, съ ней розно, — опустѣлъ.

ЛЮДМИЛѢ.

Puis-que l'amour a fait le monde.
Le monde doit faire l'amour

—

Женитьбы по любви вкушая плодъ семь лѣтъ,
Съ женою на печи забылъ я цѣлый свѣтъ;
Какъ дома рай сыскать, я твердо научился.
Подмигивать отвыкъ, отъ женщинъ удалился;
Казалось, пересталъ отъ нихъ съ ума сходить.
Но, знать, мнѣ на роду написано такъ жить,
Чтобъ личикомъ вездѣ пригожимъ всламеняться
И слабо отъ любви разсудкомъ защищаться.
Да гдѣ же царь и вождь, гдѣ рабъ, покрытый тмой,
Который бы не чтилъ сей власти надъ собой?
Природа, давъ сердца, надъ ними обладаетъ,
По волѣ ихъ своей, не нашей, помыкаетъ;
У каждаго изъ насъ есть собственный червякъ,
И всякой, въ свой чередъ, бываетъ здѣсь дуракъ.
Посмотримъ съ стороны—сентенціи прекрасны,
И логикѣ прямой всѣ кажутся подвластны;
Но дерни струнку тамъ, гдѣ за сердце щемитъ:
Кто сколько ни уменъ, а всякой дребежжитъ.
Себѣ самимъ цѣны дать сильно не робѣемъ,
А ближнихъ ни за что напрасно разумѣемъ
Коль истину сказать, кто жъ бабѣ и не внукъ?
Сей свѣтъ есть полный домъ заботъ, печалей, мукъ;

Такъ если бъ иногда намъ съ правды не свихнуться,
Пришлось бы, не доживъ урочныхъ лѣтъ, рехнуться.
Я ближнему готовъ ошибку чувствъ прощать,
И въ слабостяхъ ума всѣмъ сердцемъ извинять:
Споткнуться мудрено ль, когда Купидо тянетъ;
Но черныхъ дѣлъ душа моя хвалить не станетъ.
Съ проступкомъ различать разврaты надлежитъ;
Одинъ упалъ — вскочилъ, другой весь вѣкъ лежитъ.
Коварства не терплю, измѣны ненавижу;
Мнѣ пасмуренъ тотъ день, когда ихъ опытъ вижу.
Всѣ страсти намъ вредятъ, воспламеняя кровь;
Но меньше всѣхъ стыдитъ невинная любовь.
Прискорбно, что успѣхъ неравенъ удается:
Иному только взглядъ въ добычу достается,
Кому словечко, вздохъ, кому одинъ обманъ.
Быть витяземъ въ любви не многимъ жребій данъ;
Однако молодцовъ такихъ нѣтъ на примѣтѣ,
Которымъ безъ любви жить нравилось на свѣтѣ.
Бѣги отъ женщинъ прочь, скитайся по горамъ;
Попалась лишь одна — и вся мораль къ чертямъ.

Кчему клоню я рѣчь, догадливый узнаетъ;
А въ комъ догадки нѣтъ, тотъ пусть не понимаетъ.
Дуракъ всегда болтунъ, не смыслитъ, да вредитъ;
А скромный смѣтитъ все, и кстати замолчитъ:

Онъ знаетъ, что любви оковы очень гибки,
А жестки отъ одной любовниковъ ошибки.
Но если симъ стихамъ (оно не мудрено)
Въ рукахъ любезной быть судьбою суждено,
И ежели они (вотъ это мудрененько)
Покажутся и впрямь написаны гладенько,
То я за слабый трудъ, наполненный отрадъ,
Немногаго прошу въ замѣну всѣхъ наградъ,
(Не для того, чтобъ былъ бездѣлкою доволенъ,
И радъ бы много взядъ, въ чужомъ никто неволенъ),
А именно того, чтобъ всякой день хоть разъ,
Истерику лишь прочь, и въ самой рѣзвый часъ,
Коль могутъ быть притомъ капризы всѣ избѣжны,
Людмила на меня взоръ бросила бы нѣжный,
И слыша, сколько мукъ, любя ее, терплю,
Отвѣтствовала мнѣ: и я тебя люблю . . . .

Незнакомой въ столицѣ.

На что ты знать меня желаешь?
Ни я уменъ, ни я пригожъ.
Напрасно ты воображаешь,
Что-будто я любезенъ; — ложь!
Тѣ дни давно уже промчались,
Въ ночи забвенья потерялись.

Когда такимъ напрасно слылъ.
Измѣны, скука и печали
Черно мой нравъ образовали,
И духъ во мнѣ совсѣмъ уныль.

Лишь міромъ началъ утѣшаться,
Тотчасъ онъ мнѣ противенъ сталъ;
Чѣмъ больше сталъ съ людьми сближаться,
Тѣмъ больше жизнію скучалъ;
Какъ скоро зла успѣхъ увидѣлъ,
Сообщества возненавидѣлъ,
Съ тѣхъ поръ и свѣта не люблю:
Безстрастно жизнь моя влечется,
Какъ нитка грубая прядется,
И тягость бытія терплю.

Я мнилъ, изъ дѣтской вышедъ школы,
Забавами себя маня,
Что небо радостей престолы
Вездѣ воздвигнетъ для меня;
Что грусть есть слабыхъ душъ химера,
И что подсолнечная сфера
Вмѣстилище честныхъ людей;
Что въ свѣтѣ любятъ всѣ другъ друга;
Что каждый шагъ нашъ есть услуга,
А міръ — семья прямыхъ друзей.

То мнѣнье молодости было,
Восторгъ души, еще простой;
Въ пятнадцать лѣтъ что веселило,
То въ тридцать рушитъ нашъ покой.

Тогда все было мнѣ пріятно,
И все казалось вѣроятно,
Хоть чуть гладенько кто солжетъ;
Но выросъ — и обманъ примѣтилъ,
И позднюю догадкой смѣтилъ,
Что сердце не въ устахъ живетъ.

Въ такомъ несносномъ положеньи
Отчаянно томяся вѣкъ,
Какія можетъ утѣшеньи
Себѣ придумать человѣкъ?
Разсудокъ мало помогаетъ,
Гдѣ сердце ноетъ и страдаетъ,
Гдѣ темная повсюду ночь,
Совѣта нѣтъ, посредствъ нимало,
Друзей подавно не бывало,
И ближніе бѣгутъ всѣ прочь.

Чей умъ, какъ ни былъ бы способенъ,
Лишенный всякихъ вдругъ подпоръ,
Чей умъ переносить удобенъ
Мірскихъ пристрастіевъ раздоръ,
Къ изгибамъ хитрости привыкнуть,
Лукавства глубины проникнуть,
Узнать, гдѣ правда, гдѣ обманъ,
И видѣть день отъ дня яснѣе,
Что чувства, кои всѣхъ нужнѣе —
Любовь и дружба — лишь романъ?

Родясь съ чувствительной душою
И пріучивъ ее любить,

Какой возможно путь къ покою
Въ такой вселенной находить?
Ушелъ бы въ пропасти далеки,
Гдѣ не родятся человѣки; —
Но сердце мнѣ куда дѣвать?
Оно вездѣ со мной пребудетъ,
Оно Глафиры не забудетъ!
Иль съ нею жить — иль умирать!

Такъ, ты единственно родилась
Восхитить чувствія мои,
Умомъ и нравомъ отличилась
Отъ всѣхъ живущихъ на земли;
Любви непостижимой силой
Ты сердцу моему быть милой
Была въ природѣ создана;
Твой взоръ владычествуетъ мною:
Пусть правитъ онъ моей судьбою;
Она ему покорена.

Глафиры нѣтъ — пуста вселенна! —
Пуста — такъ мыслю — и не лгу.
Сколь многихъ участь ни блаженна,
Завидовать ей не могу.
Ничто меня не изумляетъ,
Ничто желанья не раждаетъ
Пуститься снова въ пышный свѣтъ;
Отъ рубища и до порфиры
Все видѣлъ — и кромѣ Глафиры
Ей-ей пріятнаго ужъ нѣтъ!

Сіе одной предпочитанье
На чувствахъ сердца основавъ,
Могу ли въ комъ родить желанье
Узнать мой, дикой, впрочемъ, нравъ? —
Къ тебѣ рѣчь паки обращаю,
Еще тебя спросить дерзаю:
На что̀ ты хочешь знать меня?
Перо ль мое тебя плѣнило?
Оно того не заслужило;
Такъ много не мечтаю я.

Единой правдѣ посвящая
Мои досуги въ тишинѣ,
Глафирой душу восхищая,
Пишу, что̀ кроется во мнѣ;
Нѣмой бумагѣ безъ искусства
Ввѣряю искреннія чувства,
Но славы въ рифмахъ не ищу.
Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не хочу.

Прости мою мнѣ откровенность!
Притворству я не обученъ;
Чужда мнѣ автора надменность:
Дерзну ль быть ею зараженъ.
Но если сказанное мною
Не приметъ силы надъ тобою;
И безуспѣшенъ я найдусь:
Тогда волшебствъ ненадо много,
Была бъ извѣстна лишь дорога;
Вели — изволь, я покажусь.

Незнакомой въ уѣздѣ.

Пріятную свою настроивая лиру,
Кто хвалитъ мой каминъ и милую Глафиру,
Чье нѣжное перо столь пышною хвалой
На свѣтъ выводитъ вновь талантъ убогій мой!
Коль въ правду пишешь ты, что я тебя не знаю,
То жаль, что тѣхъ стиховъ творца не отгадаю,
Которыми, за трудъ мой міру угодить,
Одна страшилась ты чрезмѣрно наградить;
И будетъ для меня хвалы твоей безцѣнной,
Не требуя ея безумно отъ вселенной.
Коль чувства тронуть могъ хотя одной души,
Стихи мои уже довольно хороши.
Моихъ трудовъ предметъ — едино упражненье;
Занятіе само собой есть утѣшенье;
А впрочемъ, знаю самъ, что нѣтъ въ стихахъ моихъ
Такого ничего, за что бъ замѣтить ихъ.
Итакъ, принявъ хвалу твою съ благодареньемъ,
Я чту ее себѣ пріятнымъ ободреньемъ.
Коль всякой такъ, какъ ты, ихъ въ праздности прочтя,
Захочетъ мнѣ сказать поистинѣ, не льстя,
Что занятъ ими былъ хоть мигъ одинъ пріятно,—
Чего еще желать? — Сіе лестнѣй стократно,
Чѣмъ въ одахъ похвала обманчивая та,
Котору сплошь плетутъ коварныя уста.

Твоею похвалой, почтенна незнакомка,
Я щедро награжденъ, и вкупѣ очень громка.
Что можетъ твоего поступка быть нѣжнѣй:
Отъ благодарности скрываешься моей!
Не риѳмы лишь мои, ты мысли ободряешь,
И самымъ тѣмъ меня сильнѣй въ нихъ утвер-
ждаешь.
Такъ—истинно нельзя—и споръ бы былъ упрямъ
Иначе безъ хлопотъ достигнуть счастья намъ,
Какъ шествуя путемъ умѣренности въ свѣтѣ.
Кто множество затѣй имѣетъ вдругъ въ пред-
метѣ,
Въ желаньяхъ, какъ въ волнахъ, колеблемъ весь
свой вѣкъ,
Тотъ чадо суеты и бѣдный человѣкъ;
Мнѣ жалкими всѣхъ тѣхъ разсудокъ представ-
ляетъ,
Которыми *авось* какъ хочетъ управляетъ.
Удача пусть его на парусахъ несетъ;
Но вѣтеръ чуть не тотъ—и все ко дну пойдетъ.
Такъ мыслилъ я всегда, такъ буду думать вѣчно,
И если хвалишь ты меня чистосердечно,
Коль образъ мыслей мой тебѣ угоденъ сталъ,—
На что желаешь ты, чтобъ я тебя не зналъ?
Когда сказать того не хочешь въ Иппокренѣ,
Дабы не подвергать себя ея измѣнѣ,
Ужъ ли ты средствъ иныхъ не сыщешь, чтобъ
про то,
Кто ты, кромѣ меня не свѣдалъ бы никто?
Чтобъ я твоихъ стиховъ не смѣлъ считать на-
смѣшкой,

Будь искренна, какъ я; назвать себя не мѣшкай.
За что хотѣть меня пріятности лишить
Признательность мою вполнѣ тебѣ явить?
Ее въ стихахъ сихъ нѣтъ, перо мое тупѣетъ,
Воображеніе часъ-отъ-часу слабѣетъ,
И чувствую, увы! что время то прошло,
Въ которое оно понравиться могло.
Всему своя пора! — Покорствуя Натурѣ,
Я краткой жизни мигъ скончалъ въ литературѣ,
Доколь піитовъ духъ меня животворилъ,
Я, можетъ быть, его восторгомъ веселилъ;
Предѣлъ моихъ теперь способностей я вижу,
А кое-какъ писать — до смерти ненавижу.

Тебѣ принадлежитъ Парнасса знатный край;
Пиши — и своего Ванюшу восхищай!
Позволь подчасъ и мнѣ свою услышать лиру;
Согласіемъ ея плѣняй мою Глафиру,
И искренней любви заимствуя черты,
Представь златыхъ намъ дней небесныя красоты!
А мнѣ вели изъ устъ воздать благодаренье
Живѣе, чѣмъ сіе полмертвое творенье,
Которымъ я принесть тебѣ стараюсь въ даръ
Послѣдній мыслей плодъ—послѣдній сердца жаръ.
Но если ты въ своемъ упорствѣ пребываешь
И чести сей меня достойнымъ не считаешь,
По крайней мѣрѣ знай (и вѣрь словамъ моимъ),
Что буду помнить вѣкъ столь лестный анонимъ.

Паршъ.

Я былъ въ гостяхъ у Селимены,
Прекрасный видѣлъ тамъ боскетъ,
Въ диванѣ зеркальныя стѣны,
Въ гостиной розовый паркетъ.

Въ который край ни оглянуся —
Красно, богато и свѣтло!
Чего рукой ни дотронуся —
Все бархатъ, мраморъ, иль стекло!

Во изумленьи любовался
При Селименѣ тамъ на все;
Умомъ своимъ ей посужался,
Но сердце пряталъ отъ нее.

Рѣкою льются тамъ шарады,
Въ большомъ почтеньи каламбуръ;
Стихи терзаютъ безъ пощады,
А въ лампахъ свѣтитъ petit sour.

Хозяйка походя смѣется
Всегда на чей-нибудь да счетъ,
Друзьямъ нерѣдко достается,
Какой въ семьѣ вести расчетъ.

Словца безъ умыслу не скажетъ;
Глазамъ великій недосугъ;

Съ надменностію тонкой кажетъ
Свои алмазы и жемчугъ.

Она нерѣдко пустошь мелетъ
Про тѣхъ, кого бѣжитъ обнять;
По-русски молвить: мягко стелетъ,
Да жестко, сказываютъ, спать.

Иному дастъ такую зорю,
Что кровь приводитъ всю въ игру.
Остра, бойка — я и не спорю;
Да только мнѣ не понутру

Меня, спасибо, тамъ ласкали
Хозяйка, гости, вся семья,
Впередъ почаще приглашали;
Но врядъ опять вернусь ли я.

Отъ нихъ, лишь только все усѣлось,
Поѣхалъ къ Пашенькѣ сидѣть:
Мнѣ сердцемъ жить въ тотъ день хотѣлось,
А не на золото глядѣть.

Хоть бѣдныхъ комнатокъ Параши
Не злата рядитъ красота,
Но, ахъ! онѣ чертоговъ краше:
Въ нихъ дружба, честь и простота.

Не сыщешь тутъ хрустальныхъ заборовъ,
Ни шума праздничныхъ забавъ,

Не застятъ солнца тмой уборовъ;
Все дрянь — да что-то все не нравъ.

Здѣсь въ мысляхъ полная свобода:
Хотя проврешься — не бѣда:
И на чужомъ дворѣ народа
Никто не тронетъ никогда.

Гостей не стая къ ней валится;
Пять, шесть персонъ — бесѣда вся.
Никто вспотѣвши ни чинится;
Всѣ тутъ родня, всѣ тутъ друзья!

Хозяйка суясь не хлопочетъ:
Есть кресла — сядь, не хочешь — стой;
Кому смѣшно — пускай хохочетъ;
Кто любитъ пѣть — пожалуй пой.

Она свое пригожство знаетъ,
Но такъ имъ мало дорожитъ,
Что даже часто забываетъ,
Гдѣ зеркало ея стоитъ.

А Селимена . . . (ахъ, какъ стыдно! . . .)
Съ трюмо почти не спуститъ глазъ;
И какъ ни кроется, но видно,
Что въ день сойдется съ нимъ сто разъ.

Что̀ я красою понимаю,
Что̀ я зову любезной быть,

Въ тебѣ то, Пашенька, встрѣчаю;
Другимъ дано лишь только слыть.

Твоимъ подобьемъ Стернъ плѣнялся;
Его Элиза такова;
Въ тебѣ (онъ самъ бы въ томъ признался)
Она родилась съизнова.

Мое сравненіе не ложно:
Въ твоемъ углу небесный рай;
Въ немъ горя чувствовать не можно,
И скука сердца не замай.

Любовь прямая безъ примѣра,
Не знаема вселенной всей,
Съ тобой лишь только не химера;
Она въ душѣ живетъ твоей.

Она-то общество плѣняетъ,
Въ которомъ дни свои ведешь,
Она всечасно посѣщаетъ
Тотъ домъ простой, гдѣ ты живешь.

Жеманства маскою дурною
Ты прочь ее не отразишь,
Молвы боязнію пустою
Ты дружбы нѣжной не страшишь.

Живи разсудка подъ закономъ,
Богатыхъ не ревнуй судьбѣ;

Къ богатымъ придутъ всѣ съ поклономъ,
А съ сердцемъ бросятся къ тебѣ.

И такъ я съ ней залепетался,
Что, на часы когда взглянулъ,
Ахти, полночь! — домой помчался.
Путемъ-дорогой такъ смекнулъ:

Парашу вѣчно не забуду!
Мила мнѣ будетъ навсегда!
Къ ней всякой вечеръ ѣздить буду,
А къ Селименѣ — никогда.

Судьбѣ *).

Tous les sorts sont tirés, soyez content du votre.

Судьба моя, судьба, судьбинушка лихая!
Ужъ ли мнѣ одному такая ты дана?
Или подъ жаркій часъ изъ ада сатана
Наслалъ тебя, мою плоть бренну искушая?

Бывало, какъ назадъ десятокъ лѣтъ вернуся,
Все спѣло въ одинъ часъ, чего ни пожелалъ,

---

*) Писаны въ Пензѣ въ началѣ 90 года.

Безъ умолку съ утра до ночи хохоталъ;
А нынче въ цѣлый годъ двухъ разъ не улыбнулся.

Бывало, какъ съ двора поѣду прогуляться,
Насилу четверня моя бредетъ домой,
Умучу бѣгуновъ полдюжину зимой;
Теперь впрягутъ и цугъ—да не куда дѣваться.

Бывало, какъ зимы дни кратки наступаютъ,
Во всѣ дома зовутъ по карточкамъ на балъ,
Нерѣдко скороходъ на островъ звать ѣзжалъ; *)
А нынче такъ и въ клобъ съ подпиской не пускаютъ.

Бывало, межъ собой собравшися дворяне,
Когда во что-нибудь задумаютъ играть,
Въ бесѣду ихъ подлецъ не смѣетъ забѣгать;
Здѣсь баринъ и слуга, коль въ барскомъ онъ кафтанѣ.

Бывало, у бояръ, отличнымъ просвѣщеньемъ
Безъ страха могъ я въ рѣчь съ хозяиномъ войтить,
Безъ чванства онъ со мной изволилъ говорить;
А здѣсь послѣдня тварь глядитъ съ пренебреженьемъ.

Судьба! за что жъ ты такъ въ дугу меня согнула?
За что, скажи, тебѣ толико вдругъ не милъ?

---

*) На балъ Каменнаго Острова при Дворѣ Великаго Князя.

Нельзя ли, чтобъ я сталъ попрежнему, какъ былъ,
Чтобъ солнышко изъ тучъ на дни мои взглянуло? —

Ну, что ты тамъ въ грязи столь ярко расшумѣлся?
Вѣдь всѣ равно съ тобой живутъ, не какъ хотятъ:
Отъ завтра не уйдутъ, вчера не возвратятъ;
Такъ ты ли здѣсь одинъ на радость заговѣлся?

Бывало, затвердилъ.... Меня спроси старушку,
Что, гдѣ, когда и какъ случалося у васъ;
Не только что людей, я цѣлый свѣтъ подчасъ
Верчу, ломаю, бью, какъ дѣтскую игрушку.

Когда стихіевъ Царь, міровъ громады строя,
Вселенну въ лѣпотѣ и славѣ сотворилъ,
Онъ мнѣ изъ первыхъ рукъ сей шаръ земной вручилъ,
Мнѣ ввѣрилъ Онъ пути младенца и героя.

Какъ мечетъ банкъ игрокъ налѣво и направо,
Такъ точно ваши всѣ я замыслы верчу:
Спасаю отъ ядра и стрѣлъ, кого хочу;
Горитъ и тухнетъ мной царей великихъ слава.

Бывало, на Руси не смѣй тому учиться,
Чему гораздъ Французъ, что Нѣмецъ разумѣлъ;

Бояринъ на коврѣ богатомъ пилъ и ѣлъ,
Не смысля отъ раба инымъ тѣмъ отличиться.

А нынче, посмотри на сѣверну столицу!
Царевичи, цари, послы толпой валятъ;
Гдѣ знали прежде дебрь, вседневны дива зрятъ
Съ тѣхъ поръ, какъ я на тронъ послала къ нимъ
Фелицу.

Бывало, Карлъ Петра разитъ и погоняетъ;
Бывало, Карла Петръ въ турецки царства гналъ;
Бывало, польской конь въ Москвѣ соборъ топ-
талъ:
А нынче сто магнатъ одинъ москаль пугаетъ.

Былъ пышный богатырь, хотѣлъ и дѣлалъ
много;
На что иному вѣкъ, на то ему лишь мигъ;
Пришла моя пора, мой гласъ его достигъ:
Гдѣ зрѣлъ онъ къ славѣ путь, тамъ въ гробъ
легла дорога.

Бывало, князь прямой, изъ всѣхъ вельможъ
вельможа,
За истину, за тронъ и жизни не щадилъ,
Царю всегда вездѣ онъ правду говорилъ;
А нынче всякой лжетъ, лишь только бъ было
гожа.

Бывало, на часокъ иной попавши въ моду,
Кареты, дворѣ, людей мѣняетъ каждый день,

Лобзая благъ земныхъ обманчивую тѣнь;
А нынѣ нужный хлѣбъ имѣетъ лишь и воду.

Бывало, проскакавъ со славою полсвѣта,
При тронѣ, при полкахъ, великій мужъ вездѣ,
Богатствами ни съ кѣмъ не равенъ былъ ни гдѣ;
А дочь его теперь набойкою одѣта.

Бывало, кто въ кредитъ обѣда не достанетъ,
Кого портной, ямщикъ изъ денегъ тормошатъ,
Кто свой послѣдній скарбъ несетъ въ ломбардъ въ закладъ,
Тотъ счастливыхъ творитъ лишь тѣмъ, что мило взглянетъ.

Такъ можешь ли ты быть въ роптаньяхъ столько злобенъ,
Когда я исключать не смыслю никого;
Никто не отведетъ теченья моего,
И путь мой прекратить часъ смерти лишь удобенъ.

За гробомъ нѣтъ судьбы, нѣтъ случаевъ премѣны;
Тамъ истина, тамъ Богъ, тамъ жупелъ, или рай,
Всѣхъ подвиговъ предѣлъ, людскихъ желаній край;
Тамъ вѣсятъ ихъ дѣла на вѣрные безмены.

А здѣсь тебѣ меня не одолѣть ворчаньемъ;
Не такъ, какъ хочешь ты, живи какъ я велю:

Иного дни черню, иного дни бѣлю,
И что взвалила я, умѣй носить съ молчаньемъ.

Не первый ты, повѣрь, и не послѣдній будешь,
Кому со счастьемъ жить придетъ на перекоръ;
За дѣло погрустишь, помучишься за вздоръ:
Но ведра только мигъ, ненастья годъ забудешь.

Бѣды и тѣснота суть даръ мой драгоцѣнный;
Я ими чищу нравъ и разумы острю,
Къ благимъ дѣламъ сердца преклонными творю.
Будь счастливъ, человѣкъ, добра нѣтъ во все-
ленной.

На правду мало словъ. Повиненъ предъ тобою,
Повиненъ, о, Судьба! въ безуміи моемъ.
Коль сердцемъ тотъ жестокъ, кто счастливъ
здѣсь во всемъ,
Останься жъ мнѣ навѣкъ ты строгою судьбою.

Безъ благости душа — сосудъ, исполненъ
скверны;
Безъ благости нашъ умъ ни что, какъ только
бредъ;
Безъ благости вся жизнь есть цѣпь горчайшихъ
бѣдъ:
А благость намъ съ собой приноситъ мзды без-
мѣрны!

Сослуживцу *).

Безъ чванства философъ, любезный человѣкъ,
Котораго Парнасъ младой украсилъ вѣкъ!
Мой первый стихъ къ тебѣ я робко обращаю:
Прими и полюби — вотъ все, чего желаю . . .
Уже насталъ Ноябрь и съ нимъ стучатъ морозы,
Садовники спѣшатъ соломой скутать розы;
Осенней темнотой покрылись небеса,
Ликъ солнца побѣлѣлъ, раздѣлися лѣса;
Снѣгъ мелкій какъ холстомъ всю землю устилаетъ,
Шумливый всталъ Борей и воздухъ возмущаетъ;
Несносная мятель у всѣхъ глаза слѣпитъ,
Прохожій въ свой чуланъ зажмурившись бѣжитъ
И съ нуждою своей клянетъ онъ злу погоду:
Чтò можетъ быть зимы лютѣе пѣшеходу!
Не меньше жалокъ ты, кто бъ ты таковъ ни былъ,
Кому теперь скакать въ кибиткѣ рокъ судилъ!
Рожденья своего минуту проклинаешь,
Къ чертямъ затѣи всѣ тщеславныя ссылаешь.
Подобную тебѣ я участь самъ имѣлъ,
И часто въ розвальняхъ бѣду твою терпѣлъ,
Когда ѣзжалъ въ Москву по клобу пошататься,
Или во градъ Петра на службу въ срокъ являться.

---

*) Писано въ первой молодости, еще не печатано.

Блаженъ, кто, лжебогамъ не ставя алтарей,
Спокойно тянетъ нить безвредныхъ свѣту дней,
Въ умѣренности все свое богатство ставитъ
И выжиги въ печи отъ скупости не плавитъ!
Помѣщикъ отставной, обмазавъ глиной домъ,
На полгода засѣлъ внутри своихъ хоромъ;
Разъ десять топитъ въ день, по стольку жъ чарокъ дуетъ,
Про старой свой походъ съ сосѣдами толкуетъ;
Щей, каши есть горшокъ, а пива не занять,
По скольку хочетъ разъ ложится въ сутки спать;
Одинъ, или съ гостьми, въ тулупѣ тепломъ прѣетъ,
Ногтей онъ не стрижетъ и бороды не брѣетъ;
Что нужды въ томъ ему, что снѣгомъ замело,
Лишь только бы хоромъ съ подошвы не снесло;
А впрочемъ, ни о чемъ старикъ мой не хлопочетъ,
Доволенъ — и съ утра до вечера хохочетъ.
Для тѣхъ, у коихъ скорбь на сердцѣ не скребетъ,
Кто весело среди семьи своей живетъ,
Погоды всѣ равны; — я самъ то ощущаю,
Въ каминѣ огонекъ почасту раздуваю;
Тамъ, сидя у него, надъ стужею смѣюсь,
И приступовъ къ себѣ мороза не страшусь,
Съ безпечностію всѣхъ поступки примѣчаю,
Ребенка тормошу и мать его ласкаю;
Не трачу дней златыхъ въ гаданьяхъ о войнѣ,
Что будетъ черезъ годъ на шведской сторонѣ,
Гдѣ Турокъ пощелкать, какъ славный миръ составитъ,
Или, пройдя Кюмень, Чухонцевъ позабавитъ.

Не намъ сихъ громкихъ дѣлъ, не намъ извѣстенъ слѣдъ;
Въ безсонницѣ министръ пускай тревожитъ свѣтъ,
А мнѣ моей судьбой назначено лѣниться,
Смѣяться дуракамъ, на счетъ ихъ веселиться.
Кто самъ умнѣй меня, тотъ смѣйся надо мной;
Пусть пользуются всѣ свободой дорогой.
Для ближнихъ безъ вреда пусть время всѣ проводятъ,
Смѣются пусть тому, смѣшное въ чемъ находятъ;
Свобода мысли — есть безцѣнное добро.
Что̀ пользы, коль дадутъ вселенной мнѣ сребро
И вмѣстѣ съ нимъ запрутъ туда, гдѣ въ прежни годы
Задѣлывали кладъ старинные народы?
Гдѣ нечего достать, на что̀ тамъ и металлъ:
Не въ златѣ Богъ, не въ немъ отрады намъ послалъ.
Кто маленькимъ добромъ довольствоваться смыслитъ,
Насущнымъ хлѣбомъ сытъ и дни въ забавахъ числитъ,
Любимъ своей женой и самъ привязанъ къ ней,
Безъ ревности готовъ двухъ, трехъ позвать друзей,
Тотъ счастливѣе всѣхъ на сей земной планетѣ.
Колико бъ высоко ни стали мы на свѣтѣ,
Естественный законъ всѣхъ въ землю повалитъ;
Червь гложетъ царскій трупъ и тля гробницы тлитъ.

Тотъ легче бремя золъ житейскихъ переноситъ,
Чьи скромныя дѣла міръ меньше превозноситъ;
Пріятный на лицѣ его мы видимъ смѣхъ,
Завидливый его не перебьетъ утѣхъ,
Онъ ревности ни въ комъ собой не поджигаетъ;
Вельможа на него холодный взоръ бросаетъ.
Тѣмъ менѣе тщеты, тѣмъ ближе счастье къ
намъ.
Повѣрь, любезный другъ! простымъ моимъ сло-
вамъ,
Доволенъ будь своимъ, чужого не желая,
Внѣ родины своей искать не льстися рая;
Ошибки и соблазнъ! Куда ни сунься ты,
Порокъ вездѣ найдешь и тѣ же суеты.
Всѣхъ Богъ распредѣлилъ равно и безпри-
страстно:
Кому далъ пылкой духъ, другому сердце стра-
стно:
Тебѣ талантъ открылъ перомъ своимъ плѣнять,
Кому и нже съ нимъ бумагу лишь марать;
Иного на мишень турецкой пушки ставя,
И выстрѣлы ея всѣ въ грудь его направя,
Вернуться допустилъ здорова, цѣла въ домъ;
Другого разорвалъ на вылетѣ ядромъ.
Всякъ участи своей повиненъ покоряться,
Съ терпѣньемъ все сносить, въ безвѣрьи не те-
ряться.
Какой-то старичокъ умно весьма сказалъ,
Онъ, видно, больше насъ на свѣтѣ испыталъ:
«Съ ума чтобъ не сойти, мѣшай дѣла съ без-
дѣльемъ.»

И вправду, что̀ есть жизнь? Смѣсь горести съ
веселъемъ.
Послѣдуя ему, хочу свой вѣкъ прожить:
Вотъ способъ ни о чемъ на свѣтѣ не тужить.

Сердечкину.

Послушайся меня — долой тоску съ двора;
Съ подругою такой въ минуту посѣдѣешь.
Живи, покамѣстъ жить не минула пора;
А смерть придетъ съ серпомъ, — хоть дюжъ,
не уцѣлѣешь.

Ученые давно разсказываютъ намъ,
Что всуе горевать о томъ, въ чемъ мы не властны;
Что всякой долженъ быть покоренъ Небесамъ—
Твердятъ о томъ вѣковъ намъ опыты всечасны.

Послѣдуй мудрецамъ, и сердцу дай покой;
Не мучь его, мой другъ, разборчивостью стро-
гой,
Разсудка не питай чувствительной тоской,
И къ вѣчности бреди естественной дорогой!

Натурой созданы, — въ натурѣ мы живемъ,
Законами ея намъ должно управляться;

Іо милости ея мы спимъ, ѣдимъ и пьемъ,
Іо милости ея мы можемъ наслаждаться.

'отъ бредомъ зараженъ обманчивыхъ страстей,
іто мнитъ, что жизни сей минуты драгоцѣнны,
'акъ точно какъ жемчугъ на днѣ густыхъ морей,
Іо внутреннихъ жильяхъ сердечныхъ сокровенны.

ъ ошибкѣ тотъ, кто мнитъ, что счастіе сердецъ
ъ обмѣнѣ нѣжныхъ чувствъ, въ душевномъ восхищеньи,
Іто вздохъ, слеза и взоръ суть радостей вѣнецъ,
Іто вѣстники всѣхъ благъ сердечныя біенья.

), жалкія умовъ испорченныхъ мечты,
іоторымъ въ жертву мы несемъ союзъ природы,
І жизни сей цѣнить не смысля красоты,
ѣжимъ въ оковы зла отъ прелестей свободы!

'вы! я самъ искалъ такихъ же въ свѣтѣ благъ.
'оманами пути прокладывалъ ко счастью,
І пагубнымъ считалъ тотъ каждый смѣлый шагъ,
іоторый велъ меня нечаянно къ безстрастью.

. самъ свой лучшій вѣкъ истратилъ весь на то,
тобъ нѣжиться, вздыхать, за всѣми волочиться;
ъ успѣхомъ мнѣ подать совѣтъ не могъ никто;
акъ вихрь изъ страсти въ страсть мой духъ любилъ стремиться.

Очнулся наконецъ: — что радости? — Прошло
Прекрасныхъ лѣто дней, веснѣ не возвращаться,
Снѣгъ старости напалъ на сморщенно чело;
Кумиръ любви расшибъ — и полно заблуждаться.

Натура! виноватъ твой сынъ передъ тобой!
Но ты, какъ нѣжна мать, меня благословила,
Дала мнѣ поиграть въ мечтахъ моей судьбой,
А здравіе мое и силы сохранила.

Въ тебѣ одной я зрю источникъ всѣхъ отрадъ!
Кто черпать изъ него умѣетъ осторожно,
Того палящій зной не жжетъ въ тѣни прохладъ;
Доволенъ, веселъ, бодръ и счастливъ тотъ неложно.

Натура намъ не лжетъ и разуму не льститъ;
Воспользуйся, мой другъ, щедротъ ея богатствомъ!
Купидо журавля на небѣ намъ сулитъ;
Натура насъ прямымъ довольствуетъ пріятствомъ.

Взгляни вокругъ себя на всѣ ея дары:
Чего нѣтъ въ естествѣ вещественнаго міра?
Чего намъ не дадутъ сырой земли пары,
Согрѣтые лучемъ, ниспосланнымъ съ эѳира?

Тамъ въ житницы поля скирдами платятъ дань,
И греча твой сусѣкъ засыпала крупами,
Тамъ ленъ для слугъ твоихъ готовитъ бѣлу ткань,
А скотъ твой зритъ луга, уставленны стогами.

Там гибкій хмѣль, вдоль вкругъ тоненькихъ
жердей,
Для праздника въ чаны народу разольется,
Съ занозой артишокъ. — кудрявый кочень щей,
И маленькой горохъ, — все для тебя ведется.

. . . .

Здѣсь множествомъ цвѣтовъ весь воздухъ наку-
ренъ, —
Ты въ сладкой тишинѣ ласкаешь обонянье,
Чудесной пестротой твой взоръ обвороженъ:
О, сколько намъ утѣхъ даетъ благоуханье!

. . . .

Вотъ шпанскихъ вишенъ лѣсъ, царь фруктовъ
ананасъ,
Лимоновъ сочныхъ рядъ, и груша духовая:
Какой для вкуса пиръ, для пресыщенья часъ!
Владѣльцу ли сихъ мѣстъ прилично жить скучая?

. . . .

Тамъ дынь, арбузовъ тма, тамъ сладкій виноградъ
На рамахъ разложилъ свои тяжелы кисти;
О, радостная вѣтвь! — утѣшнѣе стократъ
Сокъ лознаго плода дамасскія корысти!

. . . .

Дай слуху радость внять пѣснь раннюю соловья,
Пойди въ дремучій лѣсъ, отечество пернатыхъ;
Тамъ соколъ, чижъ, снигирь, какъ общая семья,
Вьютъ гнѣзда и птенцовъ выводятъ въ нихъ кры-
латыхъ.

Хочешь — огромный домъ тотчасъ тебѣ готовъ:
Умѣй лишь изобрѣсть вещамъ употребленье:

Жги хлѣбъ, вари стекло, — на все достанетъ
дровъ,
И барку съ грузомъ въ даль несетъ воды стрем-
ленье.

Что шагъ, то чудеса, — изъ камня брызнулъ
ключъ,
Ударился въ оврагъ и долу покатился;
Чешуйчатую тварь пригрѣлъ тутъ солнца лучъ,
И въ неводѣ твоемъ сонмъ разныхъ рыбъ явился.

Уже ли на сію картину естества
Въ окно свое смотрѣть ты можешь равнодушно,
Природу пренебречь въ день свѣтла торжества,
И, лежа на софѣ, твердить нахмурясь: — скучно?

Или еще тебѣ твой опытъ не сказалъ,
Коль суетно въ кругу любовниковъ томиться,
Интригу прясть любви, какъ вертопрашный
Галлъ,
И зрѣнье износить на то, чтобы слюбиться?

Да будетъ проклятъ тотъ безмозглыхъ книгъ
писецъ,
Кто первый въ кровь пустилъ ядъ оспы лжемо-
ральной,
И, разумъ помутя, направилъ путь сердецъ
Къ той жизни, кою мы зовемъ сентиментальной!

Но прежде нежели я (готовъ ты мнѣ сказать)
Воспользуюсь всѣмъ тѣмъ, что мнѣ дала природа,

Не долженъ ли мужикъ нагнувъ хребетъ арать?
Не мучитъ ли его то зной, то непогода?

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ травѣ, —
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалитъ;
Червь точитъ красный цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

Что нѣтъ добра безъ зла, согласенъ я съ тобой,
Согласенъ въ томъ, что трудъ товарищъ наслажденья;
Повѣрь же мнѣ и ты, что радостный покой
Намъ лѣнь одна не дастъ: то плодъ есть упражненья.

А если безъ труда нѣтъ въ свѣтѣ ничего,
Не лучше ли, мой другъ, въ занятіяхъ полезныхъ
Основывать столпы блаженства своего,
Чѣмъ туне тратить жизнь въ тенетахъ у любезныхъ?

Страстей быстра стезя, объ ней ты не тужи;
Натуры путь вѣрнѣй, съ него лишь не сбивайся,
Ума по пустякамъ въ химерахъ не кружи,
Земное все люби, а небомъ восхищайся.

Восторгъ есть твари дань единому Творцу;
Ему принадлежитъ всѣхъ смертныхъ изумленье;
Какъ чада мы сему небесному Отцу,
Единому должны воздать благоговѣнье.

Затѣмъ весь міръ для насъ, для разума и чувствъ.
Плѣняйся красотой, чти строго добродѣтель,
Наукъ полезныхъ другъ, любитель будь искусствъ,
Соседу доброхотъ и дворни благодѣтель.

Умѣренность храня, за лишнимъ не гонись,—
Натура никогда насилій не прощаетъ;
Дары ея во зло употребить страшись, —
Невоздержаніе недуги привлекаетъ.

На что запасовъ намъ лѣтъ на сто хоронить?
Кто жаждетъ лишь владѣть, тотъ жалкій рабъ расчета;
Всечасно въ страхѣ тотъ для скарба долженъ жить.
Владѣльцу нуженъ стражъ, — гдѣ стражъ, тамъ и забота.

А я насущнымъ сытъ, природѣ пѣснь пою;
Физическимъ любя довольствомъ наслаждаться,
Я сладострастіе изъ полной чаши пью,
И чувственнымъ спѣшу отрадамъ предаваться.

Что можетъ лучше быть при силахъ естества,
Какъ вдоволь пить и ѣсть и спать безъ возмущенья?
Нѣтъ истиннѣй добра для смертныхъ существа;
Все прочее—мечты и бредъ воображенья.

Доратъ сказалъ, и я весьма согласенъ съ нимъ *):
Насъ можетъ острый умъ любезностью прославить;
Но въ правду если мы счастливы быть хотимъ,
Стомахъ намъ лишь одинъ удобенъ то доставить.

Хозяйку я люблю какъ друга, какъ жену,
Но къ Богу и ее въ стихахъ не примѣняю;
Съ ней вмѣстѣ кое-какъ тягло свое тяну,
Не строю лиры ей, а попросту лобзаю.

Быть можетъ, заключатъ, что я матерьялистъ;
Но съ совѣстью въ ладу, названьемъ не пугаюсь:
Поклепъ съ себя стряхну какъ дубъ осенній листъ;
Суды людей тщета, — я ихъ не ужасаюсь.

Не мни, чтобъ для меня безъ радостей былъ свѣтъ,
Затѣмъ, что жизнь моя вкругъ старости вертится;
Предѣлъ утѣхамъ смерть, не нумеръ нашихъ лѣтъ, —
И старецъ иногда всѣмъ сердцемъ веселится.

Царица благъ земныхъ, роскошница забавъ,
Натура! сохрани мои оставши силы!
Блюди отъ новыхъ бурь еще мой пылкій нравъ
И дай спокойно мнѣ достигнуть до могилы!

---

*) L'esprit peut rendre un homme aimable mais l'estomach le rend heureux.

Сосѣду.

Пора, сосѣдушка безпечный,
Пора за умъ приняться намъ!
Оставимъ городъ, другъ сердечный:
Въ немъ жить не нашимъ головамъ.
Пріищемъ двѣ деревни рядомъ
Съ уютнымъ домикомъ и садомъ,
Какъ предки наши заживемъ;
Чужихъ обѣдовъ не попросимъ,
Кафтановъ житыхъ не износимъ,
И рубль копѣйкой сбережемъ.

Чего въ Москвѣ мы не видали?
Какихъ еще диковинъ ждать?
Ужъ ли до сихъ поръ не устали
Людей смотрѣть, себя казать?
Еще ли міра обращенье
Дать можетъ сердцу утѣшенье
И жизнь пріятною творить?
Коварство чувства одолѣло
И всѣмъ на свѣтѣ надоѣло
Другъ друга искренно любить.

Хватись-ка, сколько лѣтъ съ тобою
Я здѣсь безвыѣздно живу;
Хоть я не знатнаго покрою,
Но въ людяхъ чѣмъ-нибудь слыву;

Иной зоветъ меня откушать,
Другой *авось* мой любитъ слушать.
Друзей, родни соборъ большой;
А паче пиръ когда дается,
Тогда чужой въ родню причтется:
Бѣда ль на дворъ, — друзья домой.

Расторгни завѣсъ заблужденья,
Взгляни, мой другъ, прямѣй на свѣтъ!
Вездѣ примѣтишь обольщенья;
Пріязни видъ, а дружбы нѣтъ.
Не мни, что гдѣ тебя ласкаютъ,
Тебя единственно желаютъ;
Ахъ, нѣтъ! — то звонъ пустыхъ лишь словъ.
Или твой голосъ полюбился,
Или въ актеры пригодился; —
Тебѣ нельзя — другой готовъ.

Другой — для тѣхъ, кому судьбою
Дано чувствительными быть,
И мысль сія равна съ бѣдою.
Меня не трудно замѣнить.
Я ставлю сердцу въ муку люту
Остановиться хоть минуту
На мысли бѣдственной такой.
Кто душу нѣжную имѣетъ,
Тотъ эту язву разумѣетъ,
Тотъ тяжкій вздохъ раздѣлитъ мой.

Театры, балы, маскарады —
Вездѣ съ друзьями хорошо;

Въ самихъ-то въ нихъ мои отрады:
Безъ нихъ и праздникъ ни во что.
Взаимность чувствъ и нравовъ сходныхъ!
Среди обычаевъ свободныхъ
Въ тебѣ небесный вижу рай.
Но всуе, всуе симъ и льститься;
Здѣсь всякой только суетится
Скакать весь день изъ края въ край.

Не въ жизни столько развлеченной
Лежитъ ко счастью смертныхъ путь.
О, счастье, нещичко вселенной!
Позволь хоть на себя взглянуть!
Хотя въ пріятномъ сновидѣньи
Яви ты намъ свои прельщеньи!
Когда твой день до насъ дойдетъ,
Тебя, какъ тѣнь свою, мы ловимъ;
Бѣжимъ, бѣжимъ — и не догонимъ:
Надежда все сулитъ впередъ.

Меня въ мой вѣкъ судьбы качали
Какъ яликъ на морѣ волна,
То выше бѣдъ приподымали,
То мрачна вдругъ касался дна;
Упалъ и пресмыкаюсь низко;
Но былъ и я отъ солнца близко;
Вездѣ встрѣчалъ я все одно:
Коль солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень студено.

Кого фортуна отличаетъ
Отъ прочихъ смертныхъ на вершокъ,
Тотъ тѣмъ ходули обновляетъ,
Что всѣхъ валитъ какъ куколъ съ ногъ.
Чужихъ напастей онъ не смыслитъ;
Кипящи слезы наши числитъ
Какъ-будто бисеръ, иль жемчугъ,
Которымъ онъ блеснуть стремится,
Когда въ чертоги появится,
Гдѣ полкъ предъ нимъ трепещетъ слугъ.

Напрасно дѣды говорили,
Что городъ-де, то норовъ свой.
Не въ наше время, видно, жили,
И нравъ ихъ былъ совсѣмъ иной.
Въ нестройствѣ нашихъ общихъ вздоровъ
Одинъ теперь повсюду норовъ;
Ему никто не измѣнитъ:
Большой бояринъ всѣхъ толкаетъ,
Богачъ безъ умолку болтаетъ,
А бѣдный съёжившись молчитъ.

Склонись, дружище мой любезный!
Вели возокъ свой заложить;
Разсудка внявъ совѣтъ полезный,
Умѣй великодушенъ быть!
Оставимъ вертопрашны нравы,
Простимся съ скукой у заставы, —
Москвѣ челомъ, да и качнемъ.
Полюбишь скоро ты деревню;

Тамъ сердца непорочность древню
И праводушіе найдемъ.

Не встрѣтитъ взоръ нашъ изумленный
Огромныхъ башенъ яркой шпицъ;
Но сколь прелестнѣй видъ почтенный
Крестьянскихъ добродушныхъ лицъ!
Въ семьяхъ у нихъ все ладно, стройно,
Въ избѣ тепло, въ душѣ спокойно,
Разсудокъ бодръ и мысль свѣжа;
Тоска бровей тамъ не насупитъ,
За грань села никто не ступитъ:
Его утѣхи тамъ межа.

Такую красную картину
Вседневно зрѣть стократъ милѣй,
Чѣмъ, дня проспавши половину,
Къ полночи кучу ждать гостей;
Чѣмъ цугъ нанявши по ямскому,
На праздникъ къ барину большому —
Чуть свѣтъ — съ визитомъ покатить,
Изъ дому въ домъ съ билетомъ ткнуться,
Или по лавкамъ повернуться,
Чтобъ чѣмъ-нибудь глаза взманить.

Свѣтила дневна лучъ янтарный
Когда вселенну озаритъ,
Сей мигъ въ природѣ свѣтозарный
Никто изъ насъ там не проспитъ.
Творцу златыхъ небесныхъ сводовъ,
Царю безчисленныхъ народовъ

ьалы тамъ жертву воздадимъ!
этомъ, бесѣдуя съ друзьями,
ыкъ не спрячемъ за зубами,
правдѣ мы не сноровимъ.

Когда за столъ обѣдать сядемъ,
ъ тамъ накроется простой;
о въ игрушки не нарядимъ:
оть щей горшокъ, да самъ большой.
ны московски позабудемъ,
цѣну собственности будемъ
імъ въ полной мѣрѣ ощущать;
онь въ каминѣ раздувая,
оказы дѣтства вспоминая,
изъбыткахъ сердца хохотать.

Въ обширной области природы
кое поле для забавъ!
ушая прелести свободы,
ы свергнемъ иго лютыхъ правъ,
торы женщинамъ надъ нами
ы безразсудно дали сами.
чугунныхъ ползая цѣпяхъ,
гъ нихъ душа тамъ ныть не станетъ,
сердце саднить перестанетъ,
чезнетъ вѣроломства страхъ.

Но ты молчишь, мой другъ, вздыхаешь.
къ ли испорченъ столько ты,
о правдамъ симъ предпочитаешь
олличный вихрь и суеты?

Сиренъ разнѣженные взоры,
Уловокъ полны разговоры
Когда еще тебя манятъ,
Ищи жъ друзей и ошибайся,
Въ любви всечасно рвись, терзайся,
Змѣями ревности объятъ.

А я, твою познавши цѣну,
Тиранъ сердецъ, прекрасный полъ!
Оплакавъ разныхъ чувствъ измѣну,
Хочу спастись отъ новыхъ золъ.
Меня твой умъ не обворожитъ,
Ни взглядъ твой больше не встревожитъ;
Прошу навѣки исключить
Изъ списка тѣхъ страдальцовъ нѣжныхъ,
Твоихъ любовниковъ прилежныхъ,
Которыхъ любишь ты томить!

Да что болтать здѣсь слишкомъ много?
Сквозь слезъ смѣяться тяжело!
Санная выпала дорога,
И мягко ѣхать и свѣтло.
Прости, сосѣдъ! и веселися,
За рѣчь мою не разсердися:
Я правдѣ крѣпостной слуга. —
Велю впрягать свои клячонки,
Въ саняхъ укутавшись въ шубенки,
Урылъ — и вся тѣ не долга!

Морфей.

—

ажеенная способность спать!
і даръ Боговъ неоцѣненный!
бой мы можемъ сокращать
искорбной жизни путь стѣсненный.
гда чрезмѣрною тоской,
ь скукой чувства бременятся,
і смертнымъ жалуешь покой,
ишь пріятно забываться.

снѣ, какъ-будто на шарахъ,
і такъ и сякъ перебиваемъ,
различныхъ видахъ и странахъ
бя внезапно представляемъ.
если бъ такъ какъ Робертсонъ,
да задумалъ, шаръ направилъ,
править могъ и я свой сонъ, —
Москву бъ сей часъ себя поставилъ!

гда не только бы я въ ночь
нуть отъ скуки торопился,
ряды міра кинувъ прочь,
едь бѣла дня бы спать ложился;
іулъ — и видѣлъ бы тотчасъ
бя въ объятіяхъ Дуняши.
вожделѣнный въ жизни часъ!
самыхъ дней небесныхъ краше!

—

Ее всечасно бы ласкалъ,
Огнемъ воспламеняемъ страсти;
Въ сладчайшихъ грёзахъ забывалъ
Моей разлуки съ ней напасти;
Ловилъ бы каждый милый взглядъ,
Которымъ духъ животворила,
И нѣга чувственныхъ отрадъ
Меня бъ у ногъ ея томила.

Но, ахъ! мечтою льстя себѣ,
Суровой правды множу бремя,
Не помогая тѣмъ судьбѣ,
Мученья продолжаю время.
Нельзя ни самымъ крѣпкимъ сномъ
Убить тѣхъ сутокъ скорбь ужасну,
Которы шлетъ небесный громъ
Въ разлукѣ съ милой сердцу страстну.

Какой несчастный въ жизни сей
Не радъ минутѣ сей приятной,
Не жаждетъ, вдругъ забывшись въ ней,
Смягчить судьбы своей превратной!
Ложится боленъ, бѣденъ, сиръ,
И сонъ своимъ очарованьемъ
Влечетъ въ минуту цѣлый міръ
На встрѣчу всѣмъ его желаньямъ.

Любимецъ счастья иногда,
И самъ, уставши, спать захочетъ.
Не вѣрьте случаю всегда!
Не всякъ тотъ веселъ, кто хохочетъ.

Министру также нравенъ сонъ,
Который вдругъ его склоняетъ,
Изъ-за работы да на тронъ
Хоть на минуточку сажаетъ.

Бываетъ часто, скажутъ мнѣ,
Такое страшно привидѣнье,
Что больше вытерпишь во снѣ
Стократъ, чѣмъ на яву, мученье.
Бываетъ — знаю; но тогда
Испугъ такъ сильно чувства тронетъ,
Что вмигъ проснешься, и всегда
Мысль бодрая весь страхъ прогонитъ.

Но случай сей не могъ бы быть,
Когда бъ умѣлъ я снами править;
Все такъ бы зналъ расположить,
Чтобъ мыслямъ страха не доставить;
Воображенія мечтой
Дарилъ кому какой угодно:
Тогда бъ и днемъ колпакъ ночной
Надѣть казалось съ модой сходно.

Кому не страшно сонъ терять?
Его всѣ любятъ въ цѣломъ мірѣ.
Такимъ добромъ пренебрегать
Не станутъ даже въ Кашемирѣ.
Хотя Брамины пишутъ тамъ,
Проснувшись рано, разны вѣсти;
Тѣмъ крѣпче спятъ по всѣмъ домамъ
Отъ усыпительной ихъ лести.

Когда, въ избыткѣ райскихъ благъ,
Владыко, сидя на престолѣ,
Чтобъ встать съ постели, первый шагъ
Чинитъ нерѣдко по-неволѣ;
Когда вельможа, отъ добра
Безмѣрной праздностью скучая,
Желалъ бы съ утра до утра
Дремать, всѣхъ ближнихъ забывая:

То сколько жъ намъ, простымъ умамъ,
Лишеннымъ всѣхъ забавъ на свѣтѣ,
По крайней мѣрѣ по ночамъ,
Пріятно сонъ имѣть въ предметѣ!
Ей-ей, пришлось бы безъ него
Въ своемъ селѣ съ ума рехнуться.
Гдѣ нѣтъ для сердца ничего,
Увы! какъ тошно тамъ проснуться!

Парѳену.

Парѳенъ! напрасно ты вздыхаешь
О томъ, что долженъ жить въ степи,
Гдѣ съ горя, съ скуки изнываешь.
Ты бѣденъ — слѣдственно терпи.

лаженство даромъ достается
'акимъ, какъ ты, на небеси;
и здѣсь съ поклону все дается.
'ы бѣденъ — слѣдственно проси.

Іоль баринъ на смѣхъ подымаетъ,
Іцѣняй то въ честь и не ропщи:
Гобой онъ тѣшиться желаетъ.
Гы бѣденъ — слѣдственно молчи.

Іе смѣй отнюдь тѣмъ обижаться,
Іто некогда ему тобой
Іъ своей уборной заниматься:
Гы бѣденъ — такъ въ сѣняхъ постой.

Іной шага не переступитъ,
Съ софы не тронется своей,
А сходно все достанетъ — купитъ.
Гы бѣденъ — бѣгай и потѣй.

О, бѣдность! горько жить съ тобою!
Іельзя и чувствамъ воли дать,
І, разсуждая самъ съ собою,
Іе могъ вовѣкъ того понять,

Какъ могутъ люди быть такіе,
У коихъ множество всего,
І въ томъ же свѣтѣ есть другіе,
У коихъ вовсе ничего?

Іной въ прекраснѣйшей палатѣ
Даетъ вседневный пиръ друзьямъ;

А рядомъ съ нимъ въ подземной хатѣ
Другой не ѣстъ по цѣлымъ днямъ.

Богачъ теряетъ десятину,
И всѣ кричатъ: — какой уронъ!
А бѣдный выронитъ полтину —
И ни кому не жалокъ онъ.

Обиженъ сильный — шумъ, тревога;
Обиженъ сирый — быть должно!
Иль въ области всесильна Бога
Парфенъ и Крезъ це все равно?

Ужъ ли различны всѣмъ на свѣтѣ
Удѣлъ судьбы, природы даръ?
Инымъ все радости въ предметѣ,
Другимъ, что шагъ — то и ударъ.

Ахъ, нѣтъ! нельзя, чтобъ Провидѣнье,
Создавъ меня, тебя, его,
Пролило все благотворенье
Изъ насъ изъ трехъ на одного.

Равно насъ матери утроба
Равно и носитъ и родитъ;
И всѣмъ, въ свой часъ открывъ дверь гроба,
Равно насъ смерть туда валитъ.

За что жъ? — Опять позабываешь,
Что ты не долженъ разсуждать.

ю всѣмъ вопросы посылаешь;
ı зналъ бы ты, Парфенъ — молчать.

Герпи свое тихонько горе,
I знай, что наша жизнь была
I будетъ впредь такое море,
Въ которомъ гадовъ несть числа.

Разсудкомъ тщетно ты хлопочешь
Iредразсужденье одолѣть;
I если волею не хочешь,
Iасильно будешь же терпѣть.

Гакъ вѣрь ты мнѣ, Парфенъ! держися
Iословицы казачьихъ странъ;
Iо ихъ системѣ жить учися:
Герпи — и будешь атаманъ.

——◦●◦——

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

СТИХИ,

ОСВЯЩЕННЫЕ ОТКРЫТЫМЪ ЛИЦАМЪ.

[illegible]

ПОСВЯЩЕННЫЯ [illegible]

С. Л. [illegible]

А. И. Вилковой.

Ко счастью путь лежитъ одинъ —
Любовь, — другого нѣтъ въ природѣ;
И самый знатный господинъ,
И низшій рабъ въ простомъ народѣ,
Любовью движутся, живутъ.
Не слава дни даетъ блаженны;
Мгновенья жизни вожделѣнны
Отъ сердца нѣжнаго текутъ.

Для славы тошно вѣкъ прожить;
Для сердца радъ бы жить два вѣка;
Воспламеняться и любить
Есть рокъ и свойство человѣка.
Дадимъ царямъ земной весь шаръ,
И пусть на немъ все покоряютъ;
Но что потомъ? — Они скучаютъ,
Когда любви въ нихъ стынетъ жаръ.

Любовь есть искра Божества,
Непостижимая причина
Началъ и дѣйствій естества,
Любви конецъ — души кончина.

Вездѣ находимъ суету,
И славы гибнутъ возглашенья;
Въ одномъ любовномъ восхищенья
Безсмертныхъ благъ мы зримъ черту.

Взгляните вы вокругъ себя
На все, что міръ сей населяетъ:
Все ищетъ счастія любя,
Восторгамъ чувства посвящаетъ.
Тѣснитъ ли врагъ, вельможа, дворъ,
Сама ль спиной фортуна стала:
Подруга сердца приласкала —
И вся печаль какъ-будто вздоръ.

Творецъ такъ свѣтъ образовалъ,
Что въ немъ любви все строитъ сила;
Примѣровъ опытъ не казалъ,
Чего бъ она не побѣдила.
Всѣ дань платили страсти сей
И въ спискахъ слугъ ея стояли;
Монархи въявъ пренебрегали,
А тайно жгли кадило ей.

Тебѣ одной принадлежитъ
Самодержавіе вселенной!
Тебѣ во слѣдъ вся тварь бѣжитъ;
Ты узелъ мира совершенный!
Когда злостраждетъ скорбный духъ,
Въ тебѣ онъ ищетъ утѣшенья;
Любовь, источникъ наслажденья,
Обворожаетъ взоръ и слухъ.

рады жъ теперь въ поникшій домъ
ѣдить со мной невзгоды міра;
ебѣ давно уже знакомъ
есчаный садъ, каминъ мой, лира!
е ту же бѣдность ты найдешь;
о чудеса тебѣ не чужды:
ь богатство превратятся нужды,
небо тамъ, гдѣ ты живешь!

ВОСПОМИНАНІЕ ВЪ РАМЗАѢ *).

Н... М... Заг...ной.

D' un souvenir que rien n' efface
Mon coeur est toujours prévenu,
Mon coeur à chaque instant qui passe
Redemande — un plaisir perdu.

отъ путь, которымъ я, раскланявшись народу,
зъ Пензы на *Рамзай* ѣзжалъ вкушать свободу.
ту же здѣсь душу въ небесномъ сводѣ зрю,
ому же на зарѣ внимаю соловью,
тѣхъ же вкругъ себя пріятелей встрѣчаю,
хъ ласку, ихъ пріязнь, какъ прежде, ощущаю;

*) Вотчина Н. М. З. подъ Пензою.

Но, ахъ! я самъ [illegible] и время [illegible]
Промчало много: [illegible] въ семнадцати годахъ!
Очарованія сердечныя пропали,
Заботы на лицѣ моемъ нарисовали
Ужасно явственно, что пятьдесятъ мнѣ лѣтъ.
Погибъ веселый духъ; какъ вянетъ нѣжный цвѣтъ!
Всѣ рѣзвятся, шумятъ, другъ дружку взапускъ
ловятъ;
А я сижу какъ пень, какъ тучи думы бродятъ.
Сберется ль молодежь подъ скрыпку поплясать,
Въ посыльны короли, иль въ фанты поиграть,
Повѣся носъ, въ углу гляжу на ихъ забавы,
И съ завистью ворчу: о времена! о нравы!
Хотѣлъ бы къ нимъ пристать, — не прежняя пора.
Никто не возвратитъ того души добра,
Которое съ своей мы юностью теряемъ,
А время не щадя безъ пользы убиваемъ
Ребенокъ хочетъ быть скорѣе женихомъ,
Женихъ невѣсту взять, мужъ сдѣлаться отцомъ,
Отецъ, женя сынка, торопится быть дѣдомъ, —
И къ старости летимъ мы всѣ такимъ же слѣ-
домъ.

Извѣстно, что нельзя сего перемѣнить;
Но зря могилу, какъ въ [illegible] люлькѣ не тужить?
Коль жаль бываетъ намъ имѣнья, денегъ, вздору,
Который даетъ безъ всякаго разбору,
Водя насъ по путямъ и счастія и золъ,
Сынъ случая слѣпой, фортуны произволъ,
То какъ намъ не жалѣть о времени протекшемъ,
О каждомъ даже томъ мгновеньи мимошедшемъ,
Котораго Творецъ протягиваетъ нить,

самъ, его прервавъ, не силенъ возвратить?
адыки и цари земли порабощенной,
разные мотки дѣля клубокъ вселенной,
е могутъ, что хотятъ; указъ ихъ имянной
рочаетъ людскимъ карманомъ и судьбой:
дако же, хотя всѣхъ смертныхъ выи клонятъ,
кунду на бѣгу они не остановятъ.
О время! — отъ чего жъ тобой не дорожатъ?
деньги всякой скупъ, на время тороватъ.
ной сочтетъ за грѣхъ убить копѣйку даромъ,
ѣлковый потерявъ — кончается ударомъ
ъ страха, чтобъ его рубля не сглазилъ кто;
день, недѣлю, годъ не ставитъ ни во что.
прозы, ни стиховъ не пишетъ, ни читаетъ,
тягиваетъ пуншъ, лѣнится и зѣваетъ. —
О, дѣтушки мои! — блюдите каждый часъ,
коль въ васъ огонь сердечный не погасъ!
ивемъ мы два мига — сказалъ Княжнинъ пре-
красно;
съ нимъ же повторю и коротко и ясно:
томъ счастья весь секретъ, чтобы любить
впопадъ,
любовью жизнь — баршъ, а безъ любви —
накладъ.

П... П... Нарышкину *).

Vallons, fleuve, rochers, plaisante solitude,
Si vous fûtes témoin de mon inquietude,
Soyez le désormais de mon contentement.

Зачѣмъ, скажи, мой другъ, поѣду я въ Москву? —
И здѣсь мнѣ хорошо — тихохонько живу.
По милости Творца, вокругъ меня не пуста;
Читаю по утрамъ Бесѣды Златоуста;
Непостижимаго постигнуть не ищу,
Лишь вѣрю и молюсь, — и духъ надеждой льщу,
Что Богъ, Который благъ и кротокъ безконечно,
Пріемлетъ какъ отецъ раскаянье сердечно;
Безъ роскоши пустой проводимъ мы свой день,
Не мучатъ насъ труды, не развращаетъ лѣнь:
Умѣренность во всемъ полезну сохраняя,
Живемъ, на черный день копѣйку сберегая;
Что въ землю посадилъ и что съ нее собралъ,
То поваръ намъ сваритъ — и сытъ, чѣмъ Богъ послалъ.
Чувствительности здѣсь ничто не нажимаетъ;
Природа въ простотѣ разсудкомъ управляетъ.
Каминъ и *Филиберъ* **) въ теченье цѣла дня

---

*) Писано въ деревнѣ.

**) *Филиберъ*, романъ, сочиненный г. Коцебу, который я переводилъ.

...мно скуку прочь гоняють отъ меня.
...невлѣ, чѣмъ въ Москвѣ, дрова здѣсь покупаю,
...ржинному къ огню пристрастию угождаю;
съ крѣпкой думой я при камелькѣ сижу,
, въ руки взявъ перо, романъ перевожу.
...галъ ли *Коцебу* ты, новое творенье,
...екрасное его (по мнѣ) произведенье,
которомъ описалъ онъ кистію живой
...ображенья власть надъ пылкою душой,
...галъ ли, говорю, прилежно *Филибера?*
...къ сходны въ немъ черты живого характера
природою самой и съ тѣмъ, что цѣлый свѣтъ
...мъ въ опытахъ явилъ незрѣлыхъ нашихъ лѣтъ!
...ъ! подлинно вся жизнь проходитъ въ отно-
шеньяхъ?
...вижу ихъ въ бѣдахъ, я зрю ихъ въ наслаж-
деньяхъ.
...но продлится день, другое цѣлый годъ;
отношеніямъ весь движется народъ!
...дружба и любовь, и ненависть и злоба,
...е гибнетъ, — ничего нѣтъ твердаго до гроба;
...цѣпь, что съ дѣтскихъ лѣтъ соединяетъ насъ,
...мѣрѣ, какъ растемъ, все рвется каждый
часъ;
...дъ старость точно то жъ — обманъ во слѣдъ
обману,
...омнитъся не даетъ и точитъ свѣжу рану.
кто не испыталъ сей истины большой,
...о зло всегда бѣжитъ за доброю душой?
...ъ! сколько я и самъ, при случаяхъ лукавыхъ,
трѣчалъ, какъ Филиберъ, министровъ сухощавыхъ,

Которыхъ почиталъ друзьями въ двадцать лѣтъ!
Они же, въ пятьдесятъ, настроили мнѣ тму бѣдъ,
Съ холоднокровною язвительной насмѣшкой:
Въ несчастіи моемъ играли мной какъ пѣшкой.
Богъ съ ними, — я на нихъ гляжу какъ на звѣрей;
Прекраснѣйшій урокъ для головы моей,
Что связи людей всѣ житейскія не вѣчны,
Бѣгутъ какъ облака пріязни скоротечны,
Что сильныхъ нашихъ чувствъ красивыя мечты
Обманы суть ума и сердца суеты!

Но гдѣ же мой предметъ? — въ какое раз-
мышленье
Далеко увлекло меня воображенье?
Къ пріятелю пять строкъ сбираяся написать;
Чего грѣха таить — я самъ люблю мечтать:
Когда перо въ рукахъ, въ глазахъ огонь камина —
Отвлечься отъ себя всегда какъ тутъ причина.
Но возвратимся мы на первую рѣчь, мой другъ;
Моихъ занятій здѣсь хочу окончить кругъ.

По чести говорю, въ деревнѣ намъ не скучно:
Мы всѣ между собой живемъ единодушно;
Одни лишь вечера несносно тяготятъ.
Почти во весь день, ночь, — но подъ носомъ го-
рятъ
Четыре вещества: дрова, воскъ, масло, сало *),
Чтобъ ночи озарить густое покрывало.
За то мы въ *казино*, въ бостонъ между собой

*) У насъ подлинно дрова жгутъ въ каминѣ, намъ подаютъ восковыя свѣчи, дѣтямъ сальныя, а по стѣнамъ, въ лампахъ, горитъ масло.

раемъ иногда до полночи глухой;
гамъ, чтобъ возбудить покрѣпче усыпленье,
полчасика мечу одинъ долготерпѣнье *);
думавшись, люблю я масти подбирать,
карты какъ сойдутъ, зѣваю — и лягу спать.
на, мой вѣрный другъ, меня не покидаетъ;
крайности мила, но тѣмъ лишь досаждаетъ,
въ вистъ ко мнѣ всегда пойдетъ безъ ко-
вырей,
правитъ своихъ дамъ на счетъ моихъ царей.
трица, — та всегда о всѣхъ объ насъ въ печали,
о въ домѣ для потребъ деньженочекъ хватало;
чь Варинька, дабы скорѣе время шло,
списывать взялась мой почеркъ на-бѣло;
Іюйка-философъ труды свои имѣетъ,
дъ путешествіемъ моей руки потѣетъ
ина иногда мнѣ пѣсенку споетъ
милымъ голоскомъ къ восторгамъ увлечетъ;
бойкой Рафаэло въ пріятностяхъ свободы
чели лѣпитъ намъ изъ карточной колоды.
ѣ барышни: одна насмѣшлива, рѣзва;
въ зеркало глядитъ, то путаетъ канва;
угая — той я далъ прозванье Анемона —
авнѣе красотой Надировой короны,
каждая изъ нихъ, чтобъ молвить въ добрый
часъ,
дой не замутятъ подъ крышкою у насъ.
ассонъ мой пожилой, пріятель нашъ старинный,
ей нашей слободы строжайшій благочинный,

*) Я такъ перевелъ французское названіе: grande patience.

Со мной всегда готовъ на жарній выйти споръ,
Когда дерзну сказать, что Галлё *) поретъ вздоръ;
Еще одна вдова, житейскими волнами
Прибитая въ нашъ домъ, давно уже все съ нами;
Да добрая моя старушка мадамъ Варчь,
Безъ мала 30 лѣтъ съѣдая здѣсь свой харчъ,
Въ каморочкѣ одна чулки втихомолку вяжетъ,
А въ праздникъ во весь день на Библію налягетъ.
Сверхъ нашихъ грѣшныхъ душъ еще два существа,
Переселились къ намъ изъ царства естества:
Болоночка-Азоръ въ ногахъ моихъ играетъ
И шелковой своей волною щеголяетъ,
Межъ тѣмъ, какъ у меня надъ самой головой
Снигирь клюетъ зерно и брызжется водой.
Тепла въ мятель искать къ намъ пташка прилетала,
Слуга ее словилъ, и въ клѣточку попала.
Рѣчистая тутъ вся и безсловесна тварь,
Надъ коей здѣсь въ сельцѣ я самый мелкій царь.
Сосѣди у насъ есть, но рѣдко посѣщаютъ,
Куда ихъ Богъ несетъ, — гдѣ тихо — тамъ скучаютъ.
Да я и не тужу. Что лучше, какъ семья?
Пускай укажутъ мнѣ, гдѣ внѣшніе друзья?
У насъ съ тобой онъ есть, и прямо закадышный,
Добротами богатъ, но участи не пышной.

---

*) Извѣстный провозвѣстникъ черепословной системы, о которой я нѣчто помянулъ въ сочиненіи: Вопль на Судьбу.

гдѣ его искать? — онъ въ дальней сторонѣ;
ъ тошно всѣмъ по немъ, а больше прочихъ — мнѣ.

I. такъ я провожу въ деревнѣ жизнь пріятно,
годаря Творца небеснаго стократно
то, что, искусивъ терпѣнье до зѣла,
ъ разъ на мѣстѣ семъ поднесъ мнѣ чашу зла,
рилъ мой пылкій нравъ путемъ уничиженья,
горгъ изъ суеты, далъ духъ уединенья
средство показалъ въ самомъ себѣ стяжать
іра, какого намъ цари не могутъ дать.
сколько зрю вокругъ себя людей радушныхъ
корности, любви и жертвъ великодушныхъ!
поздней ночи вплоть отъ ранняго утра
ъ много соберу моральнаго добра,
ъ подвигахъ людей, привыкнувшихъ къ страданью,
імѣровъ обрѣту къ сердечну назиданью!
ъ вѣкъ не развернетъ своихъ душевныхъ силъ —
ѣрь ты мнѣ — кому мятежъ мірской лишь милъ.
Дай срокъ! — вотъ Новый годъ подходитъ; я пріѣду
дать Москвѣ поклонъ, съ тобой вести бесѣду.
только, чтобъ тебя не пропала тоска,
ранѣй знай, что ты найдешь во мнѣ дичка;
ѣ кажется, у васъ самъ воздухъ смѣшанъ съ скукой —
ы! ужъ я совсѣмъ не прежній Долгорукой,
горый никакихъ забавъ не пропускалъ.

Во всякую толпу безъ памяти скакалъ,
Не могъ спокоенъ быть минуты постоянно,
Любилъ смѣшить, и самъ смѣялся безпрестанно.
О, нѣтъ! ужъ далеко сей полдень отъ меня,
И сумерки прошли, — добился ночи я...
Огнемъ своихъ страстей сожженъ во всякомъ смыслѣ,
Подъ старость лишь одной придерживаюсь мысли:
Чтобъ дѣтямъ и женѣ еще полезнымъ быть,
Для нихъ существовать, для нихъ однихъ и жить.

М... Н... М...ву.

Охотно бы готовъ, но право силы нѣтъ,
Стихамъ твоимъ писать стихами же отвѣтъ.
Опять сверкнулъ булатъ въ рукѣ Наполеона;
Въ умѣ у всѣхъ война, — кому до Аполлона?
Пегасъ мой не везетъ ни прозы, ни стиховъ,
Во всѣ журналы вдругъ не дѣлаетъ прыжковъ.
Едва переводилъ нашъ бѣдный міръ одышку,
Москвичъ и такъ и сякъ чинить свою сталъ крышку,
И паки Вавилонъ коварный возопилъ,

[illegible] ясныхъ дней [illegible]
если бы не рокъ, положимъ вдругъ прекрасный,
ушилъ мой досугъ желанный и пріятный,
да бы не читалъ вседневно я газетъ,
конкъ ясно зрю, сколь зло поражаетъ
[illegible] свѣтъ,
гчасъ бы переслалъ къ тебѣ съ попутнымъ
[illegible] вѣтромъ.
сибо въ длинный листъ широкимъ гекзаметромъ,
[illegible] ромъ,
ъ немъ бы изъяснилъ получше, сколько могъ,
ъ я люблю читать твой гладный, чистый
[illegible] слогъ.
Інѣ многіе твердятъ, что, братецъ, ты такъ
[illegible] — [illegible] скученъ;
кая намъ печаль, что смертныхъ родъ замученъ
[illegible] ченъ?
скай деругся тамъ; — надъ нами бы гремело,
шь только бы примкнуты сердцамъ не доплелось!
кія племена не трогь злодѣи губятъ;
нашу тысячу, — видь, слава Богу! рубятъ»
екрасный эгоизмъ! — Я, грѣшный человѣкъ,
съ мыслить иногда не выучуся вѣкъ:
добнаго себѣ люблю равно съ собою,
какой бы онъ климатъ ни брошенъ былъ
[illegible] судьбою;
ѣхъ вѣръ и языковъ, *своихъ, чужихъ ли странъ,*
азетовой на немъ, сермяжный ли кафтанъ;
ѣно мнѣ ближній милъ, равно о немъ жалѣю,
коль онъ гражданинъ спокойный, — разумѣю;
сколько же теперь такихъ злодѣи бьютъ,

Которыхъ сироты кровавы слезы льютъ,
Которыя, во злѣ не будучи участны,
Всей тягостію зла подавлены несчастны!
Колико робкихъ душъ въ сей самый кроткій часъ,
На томъ концѣ земли, въ виду ста тысячъ глазъ,
Плотской сатанаилъ мечами поражаетъ,
Имущества, семьи и родины лишаетъ!
Какъ можно, слыша гулъ тревогъ, не трепетать,
Смѣяться въ тишинѣ, ѣсть сладко, крѣпко спать?
Есть древняя, мой другъ, Россійскаго народа
Пословица у насъ: — *въ семьѣ не безъ урода.*
Такъ думалъ, да и могъ такъ думать старый вѣкъ,
Затѣмъ, что былъ тогда незлобенъ человѣкъ;
И всякой, кто чужимъ невзгодьемъ наслаждался,
По рѣдкости своей — уродомъ всѣмъ казался:
Но нынѣ вѣкъ другой.—Съ изнанки мы возьмемъ
Пословицу свою, и такъ перевернемъ:
Въ толпѣ лихихъ людей и-добрый попадется.
Кто жъ добрый, зря его въ бѣдѣ, не содрогнется?
Но дѣло не о томъ, забудемъ на часокъ, —
Ты въ Пронскѣ, а въ Москвѣ—и западъ и востокъ;
Займемся лишь собой! — Послушай же, пріятель,
Княженья безъ князей свободный обыватель!
Прекрасно ты поддѣлъ на старости меня!
Спросилъ на дняхъ, гдѣ ты? — и слѣдъ простылъ, — а я
Лишь только за тобой послать вчера сбирался
(Вчера полвѣка мнѣ и съ годикомъ промчался),
И думалъ, что̀ съ тобой за рюмкою вина,
Еще кой съ кѣмъ въ кругу, я, дѣти и жена,

вздорѣ нашихъ дней пріятелями посмѣемся,
пустимъ въ кровь огня и сердце раззадоримъ;
китъ къ тебѣ слуга,—а между тѣмъ на дворъ
гтарь несетъ ко мнѣ различныхъ писемъ оборъ,
въ нихъ одно твое. — Откуда? — Изъ Рязани.
ь на, куда твои по лужамъ плыли сани! .
изнаться, я качнулъ разъ пять, шесть голо-
вой;
ять не простясь, — какой обычай злой!
рочтя письмо, гляжу: стихи, стихи прекрасны,
собственно ко мнѣ, — всѣ оправданья ясны;
диться не могу, — быть такъ, простилъ его
вратъ:
хвалить, тотъ когда бываетъ виноватъ;
ты же весь причетъ моихъ Раидъ возносишь,
тъ мило, такъ остро въ винѣ прощенья про-
сишь,
не хотя его перо тебѣ даетъ, —
винной головы и мечъ вѣдь не сѣчетъ.
все-таки мнѣ жаль, что мы съ тобой раз-
стались;
ось, сойдясь на часъ, чтобъ году не видались:
знаетъ, что родитъ грядущій съ неба день?
ня прижметъ нарвадъ, тебя задержитъ лѣнь,
будемъ слышать мы другъ о другѣ лишь вѣсти.
крайней мѣрѣ дай ты слово мнѣ по чести
ъ изрѣдка писать. — Я правиломъ себѣ
ставилъ навсегда, скажу то жъ и тебѣ:
чная пріязнь перомъ лишь только дышетъ;
кой тотъ къ чорту другъ, кто строчки не
напишетъ!

Въ грѣхѣ такомъ ты мнѣ не будешь, чай, пѣнять,
Смотри, какой я листъ изволилъ намарать!
Но если надоѣстъ посланіе ужасно,
Меня ты не вини, пожалуй, въ томъ напрасно;
Во всякомъ есть изъ насъ свой собственный изъянъ,
И самолюбья червь всеобщій нашъ тиранъ.
Прекраснѣйшій, приславъ картель мнѣ стихотворный,
На поединокъ сей пріятель твой покорный
Съ плохимъ своимъ перомъ явиться принужденъ;
И знаю напередъ, что буду побѣжденъ,
Но трусить не велитъ ни чести долгъ надменный,
Ни рыцарскій уставъ, ни Музъ соборъ священный.
Довольно ли въ строкахъ начальныхъ погрустилъ?
Довольно ли, мой другъ, въ концѣ письма шутилъ?
Прости! дай Богъ тебѣ и здравья и покоя!
Желаю, чтобы ты, дѣла свои устроя,
И жатвою былъ сытъ и деньгами богатъ;
Въ пріязни никогда лукавствомъ виноватъ;
Еще хочу, чтобъ мать всѣхъ благъ земныхъ — натура,
Хранила бы тебя подъ крылышкомъ амура:
Амуръ еще твой другъ, а мой — ужъ явный врагъ,
Отъ Лилы при тебѣ не отлеталъ на шагъ,

юбъ *Лила*, коей ты, какъ кажется мнѣ, таешь
пламенно еще до-сихъ-поръ обожаешь;
обила пѣть съ тобой ту пѣсенку мою,
оторую ужъ я едва, едва пою.

И. . Н.

Классону.

Ede, bibe, lude; post mortem nulla voluptas.

съ Віалой распрощался,
ой любезный другъ, Классонъ!
олько поздно догадался,
егодяю крикнуть: вонъ!
ать, что Богъ съ начала вѣка
творилъ такъ человѣка,
рдце вставилъ глубоко,
шу спряталъ далеко,
о и ловкой сплошь дѣтина
рака не разберетъ;
оль нерѣдко здѣсь скотина
онкой умницей слыветъ;
е потомки въ нашемъ братѣ!
ѣтеки вселенну вскачь,
здѣ встрѣтишь вопль и плачь,

То жъ во всякомъ ты климатѣ.
Мудрена природа въ насъ,
Мудренѣе во сто разъ,
Чѣмъ въ звѣряхъ, во птицахъ, въ рыбѣ,
Чѣмъ металла въ твердой глыбѣ;
Жаль, что въ сердцѣ иногда
Слуховаго нѣтъ окошка,
И нельзя взглянуть немножко,
Что̀ творится въ немъ когда.
Но природа такъ слѣпила
И въ народѣ учредила,
Чтобъ, зажмурясь весь свой вѣкъ,
Теръ дорогу человѣкъ:
Смотритъ много — видитъ мало,
Ѣстъ въ меду змѣино жало,
Яму видитъ лишь тогда,
Когда свергнется туда.
Кчему рѣчь моя стремится
Хоть сказать бы не хотѣлъ,
Да пришло ужъ повиниться,
Что меня Французъ поддѣлъ —
Да какой? — увы! безчестной
Поваришка-басурманъ,
Моихъ денежекъ тиранъ,
И изъ слугъ слуга почетный.
Ты знавалъ его искусство;
Ты приправъ его ѣдалъ;
Объяденья тронутъ чувства,
Правда, мастеръ онъ бывалъ.
Помнишь славные паштеты,
Пирожки a l'Antoinette,

ь Субиковы пошлеты,
я вспомни винегретъ:
-то нѣжное питанье,
брозія лже-боговъ!
ѣ художнѣй сочетанье
жно зрѣть земныхъ плодовъ?
стить однако жъ не намѣренъ,
ть хвалить его люблю.
ртелъ былъ ему невѣренъ,
о суповъ не терплю;
рочемъ, столъ убрать богатый,
шню въ слойкѣ показать,
акъ надѣть щеголеватый,
vous êtes servi сказать,
о жъ другой всему съумѣетъ
къ проворно сноровить,
одночасьѣ кто поспѣетъ
и столѣ и въ кухнѣ быть?
ѣтъ, прошу меня уволить,
авду мнѣ сказать позволить,
о каковъ Віала былъ,
ръ такихъ двухъ не родилъ.
ъ! напрасно сожалѣнье
общаю вамъ свое;
о нагло поведенье
рдце взорвало мое.
ынче въ ярмарку какъ съ нами
ъ при кухнѣ пріѣзжалъ,
яволъ снесъ его съ купцами,
мляка къ нему наслалъ.
игъ другъ друга распознали,

Оба женъ своихъ помчали,
И въ квартиру къ намъ пришли:
Лучше мѣста не нашли
По-французски напроказить,
Съ-пьяну женъ обезобразить;
Въ банкъ играли цѣлу ночь
И во всю бѣсились мочь.
А назавтра я хватился
Для гостей готовить столъ,
Мой Віалъ запропастился,
Не спросясь, чуть свѣтъ ушелъ.
За такія мнѣ досады,
Въ годъ пятьсотъ рублей платить
Не найдя большой отрады,
Я рѣшился его сбыть.
Чортъ тебя возьми, *Віалъ!*
Поищи другихъ, какъ я,
У кого разсудка мало
И ума, какъ у меня.
Онъ, съ двора отъ насъ съѣзжая,
За долги попалъ въ тюрьму;
Цѣпь чугунна пудовая
Не понравилась ему:
Сидя въ стулѣ, неудобно
О поварнѣ разсуждать.
Часового неспособно
Винегретомъ обольщать.
Такъ-то въ свѣтѣ семъ судьбина
Всякимъ средствамъ учитъ насъ;
Съ плута падаетъ личина,
Когда гибнуть ступитъ часъ.

ъ обманывалъ три года
ня всякому на смѣхъ;
ного теперь урода
ндалы кружатъ за грѣхъ.
убытокъ въ наказанье
ѣ остался одному;
зей слабости позванье
льза важная уму!
ть теперь и не французской
дадутъ на столъ ragout;
тернику и каши русской
петитъ придаетъ du goût.
петитъ лишь бы продлился,
лько онъ бы не лишился
именами мнѣ служить,
зъ Віалы можно жить;
какъ онъ-то насъ покинетъ,
гъ, любезный другъ, бѣда!
стъ вселенная вся гинетъ,
ль прескучная ѣда!

Н. Ф. Остолопову.

Есть городъ на Руси по имени Борзна,
которомъ не найдешь ни сливокъ, ни вина;
нако жъ иногда почтовы, эстафеты
ивозятъ и сюда журналы и газеты; —

Хоть не чѣмъ живота со вкусомъ накормить,
По крайности есть чѣмъ головушку вскружить.—
Пока моихъ коней во градѣ тамъ кормили,
Мы, сидя у Жида, газеты проходили,
И вдругъ какой сюрпризъ пріятный я нашелъ:
Отъ Остолопова стихи къ себѣ прочелъ,
Которыхъ разсудилъ онъ быть меня достойнымъ
За то, что я воспѣлъ, хоть голосомъ нестрой-
нымъ,
Но твердымъ, отъ души, невинности хвалу
И видѣлъ не страшась летящу въ грудь стрѣлу.
Судить о мастерствѣ стиховъ не разумѣю,
Бывъ самъ предметомъ ихъ, и права не имѣю;
Но долженъ и хочу отвѣтъ въ нихъ сочинить
Тому, кто сдѣлалъ честь мнѣ трудъ свой по-
святить:
Признательности дань плачу чистосердечно!
Въ сношеньяхъ между насъ пристрастья нѣтъ,
конечно,
Затѣмъ, что хоть его плѣняюся перомъ,
Однако жъ съ нимъ совсѣмъ донынѣ не знакомъ.
За что жъ другъ другу льстить? — Вѣдь дѣло
не невольно.
Онъ чувствуя писалъ, я также — и довольно!
Стихи одинъ размѣръ,— мысль вывѣска души;
А въ комъ она добра, тотъ всячески пиши:
Въ искусствѣ заслужить хвалу какъ ни пріятно,
Но въ чувствѣ сходство зрѣть пріятнѣе сто-
кратно.
Для славы и любви, съ тѣхъ поръ, какъ созданъ
міръ,

тысяча одна настроивалась лиръ;
ъ. витязямъ! — пора пѣвцамъ ихъ утомиться,
невинности пора съ свирѣлью обратиться.

'акъ, Остолоповъ, такъ! она источникъ благъ,
'отораго взмутить не въ силахъ лютый врагъ!
лгать ее себѣ способны и злодѣи, —
ли мы не разъ подобныя затѣи;
какъ ни лакируй порочнаго пятна,
лянецъ вмигъ сойдетъ и мерзость ихъ видна:
невинность себя подложной не увѣришь,
овѣсти гнилой всѣхъ прежде бездну смѣришь.
гъ виравду, иль прослыть — какая разнота!
ю души есть рай, другое — пустота,
гъ тонкой, да и тотъ чрезмѣрно скоротечный.
маномъ уловленъ быть можетъ міръ безпеч-
ный,
съ честнымъ иногда бездѣльника сравнять,
вана въ мишурѣ героемъ называть;
гласъ души не лживъ: ему хоть поздно внем-
лютъ,
очи совѣсти непоминутно жъ дремлютъ;
винности прямой приспѣетъ торжество,
стъ цѣну ей народъ — прославитъ Божество!
къ солнце послѣ бурь, разбивши тучи мрачны,
чъ яркой ниспошлетъ на нивы всюду злачны,
къ, съ помощью Творца, Его заемля духъ,
винность клеветы разгонитъ подлый слухъ. —
вѣрь мнѣ, нѣтъ сребра и злата столько въ
мірѣ,
еча нѣтъ у вождей, ни силъ въ самой порфирѣ

Которыя бъ могли невинность погубить
И мзды ей отъ Небесъ назначенной лишить.

Награда въ насъ самихъ, — но горе подо-
зрѣнью!
Оно всегда летитъ во слѣдъ предубѣжденью,
И качествамъ души не смѣя вѣры дать,
Въ порочный видъ спѣшитъ невинность искажать,
Чтобъ самолюбія заносчива тирана
Вѣка не помрачить, ставъ жертвою обмана.
Сей гидръ силу далъ намъ мнимо-славный вѣкъ,
Сталъ хитростью великъ — малъ въ духѣ чело-
вѣкъ;
Сердечну доброту расчетамъ покоряя,
Благоразуміемъ коварство называя,
И въ людяхъ и въ вещахъ онъ видитъ только зло,
И снисхожденіе свирѣпствомъ зарасло.
Чугунны времена! — увы! — Своротимъ взоры!
Не пользу, вредъ родятъ подобные укоры.
Довольны будемъ тѣмъ, что можемъ иногда,
Чужая ли, своя — коль тронетъ насъ бѣда,
Подъ кровъ уединясь, въ молитвѣ сокрушенной
На помощь призывать къ себѣ Творца вселенной;
А книги, а перо — какой богатый кладъ
Для сердца, жаждуща чувствительныхъ отрадъ!

Посланье прочитавъ, однако жъ, Остолоповъ,
Не ставь меня въ число тѣхъ жесткихъ мизан-
троповъ,
Которые грѣхомъ смертельнымъ даже чтутъ
И то, за что ребятъ ужъ въ школахъ не сѣкутъ,

дъ чьимъ провозгласятъ судилищемъ ужас-
нымъ
острое словцо — мятежникомъ опаснымъ,
ъ коими вовѣкъ пріязни не сведешь,
оль ихъ странности отъ нихъ не переймешь;
ай меня, — нѣтъ, я десятка не такова:
мъ добрымъ людямъ другъ — и только золъ
на слова.
ъ молодъ и пѣвалъ волшебную любовь;
время ужъ прошло — [illegible] стынетъ кровь,
ольно сѣдина смиряться научила;
пытовъ стезей съ разсудкомъ примирила;
ъ всякому изъ насъ Природа въ свой чередъ
ъ метафизики укажетъ путь впередъ. —
жу я о себѣ: — С[illegible] всѣ кости!
! скоро, можетъ быть, земельки двѣ-три горсти
рецъ міровъ и мнѣ велитъ [illegible]!
да ужъ ничего не буду я писать;
коятся мои превыспреннія вопли
лятвъ ихъ отражать не будетъ [illegible] мо-
гилы.
пріятеляхъ я нищъ — въ гонителяхъ богатъ
ты къ ней подойдешь, во Аполлонѣ братъ,
вспомнивъ пѣснь мою невинности правдиву,
шлешь отъ сердца вздохъ, слезу прольешь
[illegible]ньстиву!

КНЯЖНѢ В. П. ВОЛКОНСКОЙ.

I.

На именины.

—

Дай Богъ, княжна! чтобъ ты отнынѣ
Счастливо дни свои вела,
И въ лучшей смертнаго судьбинѣ
По волѣ сердца бы жила:
Съ утра до вечера смѣялась
Севодни, завтра, всякой день,
И скуки мрачной не касалась
Тебя ниже малѣйша тѣнь!

Дай Богъ, чтобы разсудокъ вѣрный
Твой пылкій нравъ остерегалъ,
Ума совѣтъ нелицемѣрный
Ошибки чувствъ предупреждалъ!
Чтобъ случай тѣсный не встрѣчался
Необходимости съ тобой,
И нѣжный взглядъ не орошался
Болѣзни горькою слезой!

Дай Богъ, чтобы въ семьѣ согласной,
Въ кругу достойнѣйшихъ друзей,
Считала радостью всечасной
Число бѣгущихъ нашихъ дней!
Они чтобы въ виду имѣли
Твоимъ желаньямъ угождать,

бъ всѣ въ глаза тебѣ глядѣли,
ія и взоръ ихъ отгадать!

Богъ, чтобъ горестну измѣну
пріязни, въ дружбѣ не познавъ,
жизни всю вкушала цѣну,
ння взаимностей уставъ!
бы съ тобой ведя бесѣду,
отъ, кто вовсе нелюдимъ,
залъ бы нѣжныхъ чувствъ побѣду
ъ свойствомъ пасмурнымъ своимъ!

Богъ, чтобы въ твоей онъ долѣ
хъ благъ собраніе вмѣстилъ!
о жъ еще желать мнѣ болѣ?
юсти, еще одно забылъ:
Богъ, чтобы сама Природа,
е пристрастье чтя къ лунѣ,
ѣла бъ ей во всѣ дни года
ать съ тобой въ твоемъ окнѣ!

II.

На новый годъ.

рѣчай, княжна! временъ обнову
спокойствѣ духа, въ тишинѣ!
Богъ мой старъ — но въ рифму нову
ть его нѣтъ силъ во мнѣ;

Сказавъ тебѣ въ избыткѣ чувства,
Что̀ я въ Варваринъ день сказалъ,
Я всѣ стиховъ моихъ искусства
Тебѣ тогда въ даръ сердца далъ,

Тебѣ, чье сердце такъ умѣетъ
Подарокъ дружества цѣнить,
Способность рѣдкую имѣетъ
Внимать пріязни и любить.
На то, чтобъ нѣжно изъясняться,
Не нужны вовсе тамъ мечты,
Гдѣ духъ влекутъ нашъ восхищаться
Прямыя права красоты.

Онѣ-то всѣхъ въ тебѣ плѣняютъ,
И не увянутъ никогда.
Года лишь случаи мѣняютъ;
А добрый нравъ хорошъ всегда.
Съ нимъ всѣ взаимности пріятны,
Онъ дружбѣ самый твердый щитъ;
Ума движенья коловратны
Хорошій нравъ всегда смиритъ.

Не ставлю я въ моемъ предметѣ
Похвалъ пріятностей твоихъ;
Пріятныхъ женщинъ много въ свѣтѣ,
Достойныхъ мало, — ты изъ нихъ.
Я даръ хвалы воздать стремлюся
Однимъ чувствительнымъ сердцамъ,
Я къ нимъ съ восторгомъ отношуся;
Блаженствомъ ихъ блаженъ я самъ.

е да будетъ совершенно —
емъ, дай Богъ, я повторю,
льстя, какъ все обыкновенно,
тронутъ сердцемъ говорю:
ı первомъ утрѣ нова года
Богъ (скажу я въ сотый разъ),
бъ все тебѣ дала природа,
счастіемъ слыветъ у насъ!

III.

Въ день Свѣтлаго Воскресенья.

—

тлый день Христовъ явился,
нимъ сопутствуетъ весна;
ней ночи мракъ сокрылся,
знь природѣ отдана:
ы плещутъ, льдины таютъ,
литъ Бога всяка тварь;
радостяхъ сердца играютъ,
дется любви алтарь.

тлый день Христовъ встрѣчая
безмятежной я судьбѣ,
жбы тихой рай вкушая,
хъ желаю благъ тебѣ:

Чтобы такъ, какъ день сей красный,
Текли жизни твоей дни;
Чтобъ очей твоихъ видъ ясный
Казалъ радости одни.

А когда сама ты будешь
Въ жизни счастье находить,
Тверда въ дружествѣ пребудешь
И престанешь слезы лить, —
Въ безпрестанно красномъ лѣтѣ
Обновлюсь тогда и я;
Тогда всякой день на свѣтѣ
Будетъ свѣтелъ для меня.

IV.

На именины.

Я, годъ назадъ, въ сей день молился
Творцу безчисленныхъ міровъ,
Чтобы твой рокъ обогатился
Избытками Его даровъ,
И тѣмъ же духомъ паки нынѣ
Его о томъ же я молю,
Въ твоей участвуя судьбинѣ,
Тогдашній стихъ возобновлю.

і Богъ, княжна, чтобъ ты здорова
счастлива всегда была;
объ никакая мысль сурова
вѣкъ на умъ тебѣ не шла;
объ всѣ желанья исполнялись,
кія бъ ни имѣла ты;
объ даже въ истинѣ сбывались
іятныхъ сновъ твоихъ мечты.

й Богъ, чтобъ ты, несчетны годы
оживъ во множествѣ утѣхъ,
винной прелести свободы
эгда вкушала безъ помѣхъ,
чтобъ, родившись столь способна
себѣ привязывать людей,
ла сама себѣ подобна
тѣмъ на свѣтѣ всѣхъ милѣй!

й Богъ, чтобъ всякой случай въ мірѣ
залъ тебѣ столь ясный видъ,
оль ясенъ цвѣтъ небесъ въ эѳирѣ,
торый взоръ твой веселитъ!
къ любишь ты, княжна, отмѣнно
ъ всѣхъ цвѣтовъ цвѣтъ голубой,
объ такъ любила неизмѣнно
узей и сердцемъ и душой!

ій Богъ, чтобъ Ангелъ кроткой, мирный
зой каждый шагъ располагалъ,
гъ язвы зависти пронырной
ебя во всѣхъ путяхъ спасалъ!

Будь, словомъ, всѣхъ счастливѣй въ свѣтѣ!
Мнѣ больше нечего желать.
Что я сказалъ въ прошедшемъ лѣтѣ,
Готовъ всечасно повторять.

Мои желанья, мое чувство,
Одни съ тѣхъ поръ и по сей часъ;
Не нужно клятвы въ томъ искусство,
Что опытъ оправдалъ сто разъ.
Что преданъ я тебѣ сердечно,
Во всѣхъ движеньяхъ зришь моихъ;
Дай Богъ, чтобъ могъ и я быть вѣчно
Достоинъ милостей твоихъ!

V.

Дочернія любви достойный образецъ!
Всей нѣжностью души природой одаренна,
Живи ты долгій вѣкъ спокойна и блаженна
Ко счастью всѣхъ тебѣ приверженныхъ сер-
децъ!

КНЯЖНѢ В. Н. ДОЛГОРУКОЙ.

I.

Приношеніе.

—

Княжна! позвольте мнѣ поднесть вамъ бездѣ-
лушку:
Она сочинена для васъ, для васъ однихъ.
Я въ прозѣ не богатъ, еще бѣднѣй мой стихъ;
Но въ пѣсенкѣ простой дарю лишь я игрушку.

Гитары вашей звукъ плѣнить меня умѣлъ;
Я слышалъ, какъ на ней пріятно вы играли:
Чтò голосъ произвелъ, то струны выражали;
А я стоялъ, молчалъ, дивиться только смѣлъ.

Довольно я давно замѣтилъ, что природа
Дала вамъ даръ сердца кàкъ струнки шевелить;
Меня лишь тѣмъ она хотѣла надѣлить,
Чтобъ, видя васъ, забыть, чтò въ чувствахъ есть
свобода.

II.

Пѣсня.

Почто напоминаешь
Протекшіе года?
Почто ты заставляешь
Себя любить всегда?

Дай волю мнѣ скрываться
Отъ прелестей твоихъ,
Дай смѣлость не бояться
Заразъ очей драгихъ!

Вездѣ меня находитъ
Твой образъ дорогой;
Онъ каждый шагъ мой водитъ
Туда, гдѣ былъ и твой.

Въ тоскѣ моей ужасной
Сокроюсь ли куда, —
Побѣгъ мой — трудъ напрасный:
Гдѣ ты, тамъ я всегда.

Въ пещерѣ дикой, мрачной
Убѣжища мнѣ нѣтъ;
Въ струѣ воды прозрачной
Твой взоръ меня найдетъ.

Лишь только разнесется
Твой голосъ по горамъ,
То въ слѣдъ ему несется
Мой вздохъ — вся мысль — я самъ.

Я самъ, прервавъ унылый
Моихъ вздыханьевъ стонъ,
Бѣгу къ тропѣ той милой,
Гдѣ слышался мнѣ онъ.

Бѣгу къ немилосердой,
Чтобъ духъ ея склонить;
Но, нѣтъ! ты камень твердый, —
Не знаешь ты любить.

Ты страстныхъ чувствъ волненья
За счастіе не чтишь,
Ты вздохомъ изъясненья
Понять не дорожишь.

Въ разсѣянности свѣта
И въ пышности пустой
Ищи забавъ предмета,
Губи свой вѣкъ златой;

А я, въ любовной страсти
Не зная благъ иныхъ,
Люблю ея напасти
Сносить у ногъ твоихъ...

III.

На имянины.

Варварѣ въ небесахъ сегодни я молился,
Чтобъ Варинькѣ земной Богъ счастье ниспослалъ;
То съ вѣрою къ одной я духомъ возносился,
То сердце все къ другой съ любовью досылалъ.

Варвара въ небесахъ свята и преподобна;
Варвара на землѣ, какъ Душенька, мила!
Геройствомъ Вѣры та явилась безподобна;
Земная—весь свой полъ въ пріятствѣ превзошла.

Та голову свою за Бога положила,
И горней славы тѣмъ пріобрѣла вѣнецъ;
Ты головы другихъ всегда съ ума сводила
И дань брала со всѣхъ чувствительныхъ сердецъ.

Еще прибавлю стихъ — и всѣ тебя узнаютъ:
Достойна, хороша, чувствительна, умна,
Теперь гдѣ ни прочтутъ, въ минуту отгадаютъ,
И скажутъ, встрѣтя всѣ:—такъ, это ты, княжна!

ПЕРЕПИСКА ВЪ СТИХАХЪ СЪ КНЯГИНЕЮ В. А. ТРУБЕЦКОЙ.

I.

Акростихъ ея.

—

Какъ твои творенья внятно
Наставляютъ разумъ мой!
Я бесѣдую пріятно,
Занимаяся тобой.
Ими смыслъ мой просвѣщаю,
Въ нихъ утѣхи находя;
Ароматный сокъ вкушаю,
На затѣйной слогъ глядя.
Много замысловъ въ немъ вижу;
И любуюсь остротой;
Хитрыхъ козней ненавижу,
А плѣняюсь чистотой,
И искусствомъ объясняться,
Легкимъ средствомъ умъ питать,
Отъ кощунства удаляться, —
Вотъ искусство, какъ писать!
Имъ перо твое водимо,
Чту пріятность чувствъ твоихъ;
Даръ имѣешь ты нельстимо
Объясняться сладко въ нихъ;
Лиру строишь ты согласно,

Гласнымъ строемъ слухъ плѣня,
Объясняешься прекрасно
Рѣдкимъ слогомъ для меня.
Услади еще тѣмъ пѣньемъ,
Коимъ стройный тонъ даешь!
Обучи твоимъ умѣньемъ
И меня, какъ ты поешь!

II.

Акростихъ мой.

Кто, честности прямой уставы понимая,
Незлобія въ очахъ пріятный носитъ видъ,
Язвительныхъ укоръ за умъ не почитая,
Гордится тѣмъ однимъ, чтобъ не чинить обидъ,
И славы блескъ прямой, почтенный человѣкъ,
Находитъ не въ чинахъ, а въ качествахъ прямыхъ.

Я чаялъ, что уже въ испорченномъ семъ вѣкѣ
Вотще бы было мнѣ искать людей такихъ.
Ахъ, нѣтъ! и въ наши дни я зрю, что Провидѣнье,
Ревнуя показать величество свое,
Въ особѣ той, что здѣсь прочтется нареченье,
Атличіемъ тѣхъ свойствъ украсилъ и ее.
Разсудка на пути ставъ твердою ногою,

Атъ всѣхъ страстей себя геройски сберегла;
Ана, и надъ самой возвысившись судьбою,
Лютѣйшихъ среди бѣдъ всегда равна была.
Ей нѣтъ иныхъ заботъ, иной за нихъ награды,
Какъ только зрѣть свое семейство въ тишинѣ;
Согласіе и миръ — вотъ всѣ ея отрады!
Анѣ превыше всѣхъ въ сей смертной сторонѣ.
Нѣжнѣйшей дружбы въ ней вся скромность обитаетъ;
Душа ея чиста, какъ лѣта ясный день;
Разсѣянная жизнь ее не обольщаетъ.
О, сколько отъ нее далеки праздность, лѣнь!
Въ часы, какъ отъ трудовъ домашнихъ свободится;
Нерѣдко и въ стихахъ и въ прозѣ, говорятъ,
Ана своимъ перомъ умѣетъ веселиться;
Тщеславной похвалой ее не изумятъ.
Рисунокъ бѣденъ сей; но если бъ украшеньемъ
Умѣлъ бы я его поэзіи убрать,
Безцѣннымъ бы почелъ для сердца утѣшеньемъ
Ей чувствъ моихъ сію дань первую воздать!
Цѣпями моего незнанія стѣснѣнный,
Картины сходной я не смышлю довершить;
А подлинникъ ея, въ добротахъ совершенный,
Я буду, пока живъ, съ почтеніемъ любить!

III.

Возраженіе ея.

—

Полезный для меня урокъ твой получила.
Прочтя его, тотчасъ себя я вопросила:
Похожа ль на портретъ, который начерталъ,
Когда въ умѣ твоемъ меня воображалъ? —
Со всѣхъ сторонъ себя я разсмотрѣть хотѣла;
Чтò видишь ты во мнѣ, найти я не умѣла.
Увы! къ несчастію, и тѣни не нашла,
Взглянувъ на подлинникъ, когда въ себя вошла.
Но въ пользу для меня урокъ твой обращаю,
Изъ заблужденія тебя я возвращаю.
Не думай обо мнѣ, какъ началъ мыслить ты;
Очисти зрѣніе — исчезнутъ красоты,
Наполнилъ коимъ ты твое воображенье,
Когда хотѣлъ писать о мнѣ изображенье.
И если подлинно добра кажусь совнѣ,
Повѣрь, что не найдешь добра того во мнѣ.
Какая же тому, ты спросишь, есть причина?
Моя наружная притворная личина,
Который, можетъ быть, притворный кроткій видъ
Спокойство внутренно и тмы добротъ сулитъ.
Знай, твой урокъ велѣлъ себя мнѣ прикоснуться,
Въ зерцало совѣсти велѣлъ онъ мнѣ взглянуться;
Въ кристаллѣ чистомъ тамъ увидѣла себя.
Ты путь мнѣ показалъ; благодарю тебя!

IV.

Мой отвѣтъ.

Нѣтъ! Истина сама перомъ моимъ водила,
Въ стихахъ къ тебѣ она тебя изобразила.
А если видишь въ нихъ несходство ты съ собой,
Не мысли, чтобы я плѣняемъ былъ мечтой;
Но это (извини простое изреченье)
Есть паче гордости одно уничиженье.
Прими, княгиня, ихъ, равно какъ и сіи,
Того почтенья въ знакъ, которое твои
Достоинства во мнѣ навѣки поселили,
А милости его съ любовью съединили.
Когда жъ бы (но сіе никакъ не можетъ быть)
Я долженъ былъ обманъ въ лицѣ твоемъ найтить,
Или пристрастія движенью скоротечну
Отдать на счетъ мою хвалу чистосердечну,
Тогда бы Небеса молить вседневно сталъ,
Чтобъ истиной меня никто не просвѣщалъ.
Но, нѣтъ! обманъ такой не нуженъ здѣсь ни мало;
Достоинство твое давно всѣхъ привлекало:
Оно, какъ скромно скрыть его ни ищешь ты,
Души твоей вездѣ являетъ красоты
Твой взоръ коварныхъ душъ отнюдь не возвѣщаетъ;
Душа его зажжетъ, а сердце посылаетъ;
И ими научивъ, княгиня, знать себя,
Путь правды кажешь мнѣ; благодарю тебя!

V.

На любовь *).

—

Какое я на дняхъ прекрасно
Стихотворенie читалъ!
Признаться должно безпристрастно,
Давно такого не слыхалъ,
Судить объ немъ не смышлю строго;
Но каждый, вкусъ имѣя свой,
Божусь, что какъ ни пишутъ много,
Никто не трафилъ такъ на мой.

Съ какимъ въ немъ авторъ восхищеньемъ
Любви изображаетъ власть!
Съ какимъ подробнымъ наблюденьемъ
Онъ вникъ въ сiю всеобщу страсть!
Во всей связи пространна свѣта
Влiянье кажетъ намъ ее;
Коснувшись каждаго предмета,
Животворитъ любовью все.

А больше всѣхъ мнѣ полюбилось
Четверостишie одно;
Чье сердце бъ имъ не восхитилось!
Послушай, другъ мой, вотъ оно!

---

*) Сiи стихи поднесены мною княгинѣ по прочтенiи написанныхъ ею на любовь.

Изъ слова въ слово не возможно
Его тебѣ мнѣ сообщить;
Но содержаніе неложно
Потщусь всемѣрно изъяснить:

Люби ты тварь (онъ такъ вѣщаетъ) *)!
Сія любовь живетъ въ тебѣ:
Любить Творецъ повелѣваетъ;
Но той любви не трать въ себѣ,
Который пламень человѣка
Съ его Творцемъ соединилъ;
Въ которой Богъ любви отъ вѣка
Ему свой рай опредѣлилъ.

Какая истина глубока
И усладительна для всѣхъ!
Она мягчитъ суровость рока,
Она невинныхъ мать утѣхъ!
Отъ сихъ стиховъ я въ восхищеньи;
И съ ними для меня ничто,
Ничто не можетъ быть въ сравненьи!
А авторъ ихъ не знаю кто.

Я слышалъ, будто ихъ писала
Одна любезныхъ свойствъ жена;

*) Въ ея сочиненіи другой мѣры были стихи, и вотъ они слово отъ слова:

«Люби ты тварь, любить Творецъ повелѣваетъ;
Не только той любви въ себѣ не потеряй,
Которая тебя съ Творцемъ соединяетъ,
Въ которой Богъ любви тебѣ устроилъ рай.

И въ томъ сомнѣнья нѣтъ ни мала:
Весь городъ знаетъ, что она
Не только думать такъ умѣетъ,
Но къ мыслямъ чувства приложить,
И даръ во всѣхъ сердцахъ имѣетъ
Любовь къ себѣ производить.

Ахъ! если бъ я не побожился
Стиховъ впередъ не сочинять,
Сію жъ минуту бы рѣшился
Ей благодарность написать
За то, что разумъ убѣдила
Своимъ пріятнѣйшимъ перомъ,
И почитать любовь склонила
Первѣйшей степени добромъ.

Я ей навѣки тѣмъ обязанъ:
Она согрѣла духъ во мнѣ.
Боявшись къ людямъ быть привязанъ
До нынѣ, даже и во снѣ,
Я вдругъ теперь раждаюсь снова,
И начинаю находить,
Что счастье въ томъ, чтобы другова
Съ собою наравнѣ любить.

VI.

На надежду *).

Ты любовь намъ описала
Восхитительнымъ перомъ;
Ты надежду показала
Превосходнѣйшимъ добромъ.

Будь еще, поэтъ любезный!
Будь еще готовъ писать,
И рисунокъ столь полезный
Не лѣнися докончать.

Покажи намъ свойство вѣры,
Воспали въ насъ ею кровь;
Безъ нее — увы! — химеры
И надежда и любовь.

Если я, любовью тая,
Не повѣрю самъ ни чьей,
То какая мука злая
Поравняется съ моей?

Точно такъ же погибаетъ
И надежды лучъ навѣкъ,

*) Послѣ вышеписанныхъ стиховъ на любовь, ею же сочинены другіе на надежду.

Если вѣрой не бываетъ
Подкрѣпляемъ человѣкъ

Вмѣстѣ всѣ сіи три чувства
Суть единый путь къ добру;
Сядь писать — на что̀ искусства?
Силу дастъ душа перу.

Кто съ надеждою способенъ
Ощущать любовь, какъ ты,
Всеконечно тотъ удобенъ
Вѣры выразить черты.

И кому жъ (скажу нелестно)
Свойство сей семьи святой
Можетъ больше быть извѣстно,
Какъ не матери самой?

Все сіе тебя склоняетъ
Сію третью дщерь списать;
Кто жъ ихъ всѣхъ короче знаетъ?
Натурально — ты ихъ мать!

VII.

Стихи, присланные ею же ко мнѣ въ 1809 году, по случаю изданія мною книжки, подъ названіемъ: «Сумерки моей жизни.»

—

Богъ порядки учредилъ,
Чтобы дневное свѣтило
Всю вселенну озарило,
Когда день Онъ сотворилъ.

Къ ночи сумерки явились;
Въ сумеркахъ — лишь слабый свѣтъ
Съ неба намъ луна ліетъ;
Тмою небеса покрылись

Что же видимъ мы во тмѣ?
То, что̀ кажетъ вображенье:
Грусти, горести, мученья!
Что вгнѣздилося во мнѣ

А какъ день опятв настанетъ,
Появится солнца лучъ,
Онъ прогонитъ мраки тучъ, —
Человѣкъ отъ сна возстанетъ.

Онъ почувствуетъ тогда,
Что онъ мракомъ окружался,

Когда въ горести вдавался,
И что сумерки — бѣда

Для того, кто унываетъ,
Кто не ищетъ самъ въ себѣ
Облегчить тоски въ бѣдѣ,
И тоской себя питаетъ.

Ты Евгеніи забыть,
Вѣрю, никогда не можешь;
Тѣмъ къ тебѣ почтенье множишь,
Что умѣлъ ее цѣнить.

Она въ вѣчность преселилась!
Не тоска по ней нужна;
Твоя милая жена
Въ домъ покоя возвратилась.

Гдѣ тоски и грусти нѣтъ?
Гдѣ спокойство обитаетъ?
Чего всякой здѣсь желаетъ, —
Но не здѣсь, а тамъ найдетъ. . . .

Богъ отрадъ насъ не лишаетъ,
Покорися лишь судьбѣ;
Твой покой найдешь въ тебѣ:
Время горесть утушаетъ.

Перенесши тяжко бремя,
Воли грусти не давай,

Но спокойства ожидай, —
Днесь къ тому настало время.

Чувства новыя найдя,
Счастливъ будь съ твоей супругой,
Съ милой, нѣжною подругой,
Въ ней отраду находя!

VIII.

Отвѣтъ мой на нихъ.

Кто жаркой прожилъ день, тотъ ночи ждетъ прохладной,
А послѣ черныхъ тучъ громовыхъ ярыхъ стрѣлъ;
Не вѣдая пути въ долинѣ безотрадной,
При сумеркахъ какой прохожій не робѣлъ?

Для счастливыхъ сыновъ изнѣженной природы
Вездѣ приноровленъ благопріятный рокъ;
Отъ нихъ туманъ бѣжитъ съ потьмами. Въ антиподы,
Для нихъ и въ *Колѣ* день зимой не коротокъ.

Но тотъ, кому велитъ твердынь Создатель чудный
По лѣстницамъ крутымъ злосчастія шагать,

На гладенькой стезѣ тотъ путь находитъ трудный;
Судьба ему вездѣ ударъ готова дать.

Хоть лѣтъ моихъ нельзя считать предѣломъ вѣка,
Хоть, можетъ быть, еще далекъ отъ смерти я;
Но въ язвахъ сердца всѣ болѣзни человѣка
Случайность испытать заставила меня.

И вотъ зачѣмъ нарекъ я сумерками жизни
Мой горькой плачъ въ стихахъ и сердца тяжкой вздохъ
Въ честь той, чье существо, безъ всякой укоризны,
Подобно Своему образовалъ самъ Богъ.

Вотще бы сталъ я ждать, обманомъ обольщенный,
Востока солнца вновь и краснаго утра;
Пусть юношу дивитъ позорище вселенной,
А мнѣ о небесахъ помыслить ужъ пора.

Доволенъ буду я и той судьбы услугой,
Коль вечеръ жизни дастъ спокойно проводить
За книгой у огня съ любезною подругой,
И ей сердечну дань послѣдню заплатить.

Споръ.

«Изъ двухъ свѣтилъ, что Богъ устроилъ
На освѣщенье тверди сей,
Луну хоть ночи Онъ присвоилъ,
Но солнца мнѣ она милѣй.»

Такъ мысль свою мнѣ изъясняла
Одна любезная жена *)
За солнце мнѣ досадно стало;
Вошелъ я въ рѣчь — и вотъ она:

Лучъ солнца грѣетъ и питаетъ;
Что можетъ быть его свѣтлѣй?
Онъ съ неба въ руды проникаетъ.
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Когда весной оно проглянетъ
И верхъ озолотитъ полей,
Все вдругъ цвѣсти, раждаться станетъ.
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Огнемъ его животворится
Вся связь вещественныхъ вещей,
Душа стихіевъ веселится. . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

---

*) Кн. Вар. Алек. Тр.

Его всѣ твари ощущаютъ:
И хищный звѣрь и муравей;
Въ моряхъ чудовища играютъ. . , .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

Съ какимъ желаньемъ тотъ, кто боленъ,
Въ избѣ своей ждетъ ясныхъ дней!
Увидитъ солнышко — доволенъ. . . .
«Все такъ! — да мнѣ луна милѣй.»

За что жъ вы такъ къ ней пристрастились?
Позвольте, говорилъ, спросить:
Какимъ въ ней свойствомъ столь плѣнились? —
Всему должна причина быть.

«Вы очень сильно расхвалили,
Она сказала, солнца свѣтъ;
Но лишь примолвить позабыли,
Что солнце жжетъ, — а мѣсяцъ нѣтъ.

«Лишь сводъ небесъ имъ озарится,
Съ нимъ встанутъ суеты всѣ вдругъ,
Весь смертныхъ родъ зашевелится,
Вездѣ начнется недосугъ:

«Тутъ всѣ заботы, попеченьи,
Житейскихъ дѣлъ мятежъ пойдетъ,
Умы и чувства въ развлеченьи,
И всякой внѣ себя живетъ.

»Когда жъ луна чело подъемлетъ,
Тогда природа въ тишинѣ,

Какъ-будто въ утомленьи, дремлетъ;
Тогда и я — я вся во мнѣ.

«Къ ней взоръ мой смѣло простираю:
Она, какъ солнце, не слѣпитъ;
Живу, люблю, и размышляю, —
Ничто меня не суетитъ.

«Сложивъ неволи всякой бремя,
Полна я мыслію моей,
И ни въ какое такъ я время
Души не чувствую своей.

«Конечно, если бы не знали
Мы неба и земли Творца,
Луну боготворить бы стали
Чувствительныя всѣ сердца.»

Пришлось мнѣ съ нею согласиться
На мѣсяцъ солнце промѣнять,
Ея рѣчами убѣдиться
И самому себѣ сказать:

Впередъ не спорь, да будь умнѣе,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнѣе
Любезной женщины слова.

СТИХИ

НА

РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Я.

Ты хочешь знать меня? — Изволь, мой другъ, скажу,
И съ радостью тебѣ портретъ мой покажу;
Со всѣмъ, что Богъ ни далъ, на сцену я представу;
Пороковъ убирать моихъ отнюдь не стану.
Такъ слушай же теперь, кто я, чей сынъ, чей внукъ,
И въ правдѣ словъ моихъ повѣрь мнѣ безъ порукъ.

Я мелкая кроха князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавныхъ
Великому Царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чета былъ князь и громкой человѣкъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ, отцу его былъ другомъ.
Внукъ этого — мой дѣдъ — познавъ, какъ говорятъ,
Что вправду близъ царя — близъ смерти всѣ стоятъ.
Монархъ его любилъ, вельможи величали;

Тамъ сосланъ и казненъ—и поминай какъ звали!
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ взялъ Богъ)
Душею былъ богатъ, а счастіемъ убогъ.
Моя почтенна мать тяжелый крестъ свой носитъ,
Въ недугахъ изнурясь, вседневно смерти проситъ.
А я Jeannot tout court и голъ, такъ какъ соколъ.
Служа 18 лѣтъ, въ четвертый классъ вошелъ.
Жена моя добра, люблю ее какъ душу,
Люблю—но и подчасъ трясу ее какъ грушу.
Дѣтей вокругъ себя привелъ Богъ восемь счесть;
Но двухъ спросилъ назадъ; осталось только шесть.
Творецъ да будетъ имъ прибѣжище и сила,
И что восхочетъ Онъ, чтобъ съ ними то и было!
За Нимъ, увѣренъ я, ни что ни пропадетъ:
Молитва, вздохъ, слеза—все мзду свою найдетъ.
Доволенъ будь, мой другъ, ты сею родословной!
Займу тебя теперь я описью подробной
Всего того, что здѣсь своимъ могу назвать. —
Снаружи напередъ начну я рисовать:
Натура маску мнѣ прескверну опустила,
А нижню челюсть такъ запасну припустила,
Что можно бъ изъ нея по нуждѣ, такъ сказать,
Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать;
Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу,
То есть я близорукъ, — лорнета ненавижу;
Хоть ростомъ никогда не буду великанъ,
Но въ рекрутской наборъ и мой пойдется станъ.

Вотъ все, что мнѣ на крестъ природа положила!
Увидимъ ниже, чѣмъ душонку снарядила,
Но вмѣстѣ все смѣшавъ, нельзя ей попѣнять,
Чтобъ мѣтила во мнѣ товаръ лицомъ продать.
Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно:
Учился я всему, чему придумать можно;
Да что-то я на все тупенекъ смалу былъ:
Иное не далось, иное позабылъ.
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки,
На разныхъ языкахъ мололи мнѣ азъ, буки;
Латынь, одну латынь — по складу, по толкамъ,
Твердилъ семь битыхъ лѣтъ—и все по пустякамъ;
Что денегъ Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю,
А Математики совсѣмъ, мой другъ, не знаю,
И сколько мастеровъ ни смучалъ я за ней,
Дошелъ до дѣлежа, и въ пень сталъ у дробей.
Учился фехтовать за дорогую цѣну,
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну.
Бивалъ всѣ въ барабанъ бои до одного,
А нынѣ, хоть убей, не помню ничего.
Въ манежѣ три зимы меня ль не муштровали,
Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно пріучали;
Но всуе затѣвать, чего нѣтъ на роду:
Не только что съ коня, съ кляченки упаду.
Ты видишь, что я льстить ни мало не намѣренъ,
Итакъ въ моихъ словахъ пожалуй будь увѣренъ.
Учился я всему, но былъ успѣхъ въ томъ плохъ;
Наука въ сторонѣ, а я сталъ скамарохъ:
Пляшу, пою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ по нуждѣ промы-
шляю.

Спасибо, что хотя на что-нибудь да гожъ! —
До сихъ поръ мой портретъ со мною очень
схожъ;
Жаль только, что моя пропала штукатура!
Посмотримъ, чѣмъ внутри снабдила мать-натура.
Слыхалъ я отъ жены, что-будто я уменъ;
Быть можетъ, что и впрямъ въ своемъ углу
смышленъ.
Когда о чемъ-нибудь я съ ней перебиваю,
Скажу безъ хвастовства, не все же повираю.
Да въ этомъ велухъ нельзя признаться мнѣ ни-
какъ;
А то вить скажутъ всѣ: какой-ста онъ дуракъ!
Пусть буду я таковъ, я право не сержуся
За то, что въ списокъ вашъ, людъ умной, не
гожуся.
Не чванъ ли я? — О, нѣтъ! и если бъ знатенъ
былъ,
За всякой бы поклонъ поклономъ я платилъ.
Самолюбивъ ли я?—Къ несчастью, очень много,
И сей порокъ во мнѣ хоть школятъ очень строго,
Но что же дѣлать съ нимъ, коль слабъ его унять?
Во всѣхъ частяхъ собой кто можетъ управлять?
Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но льзя ли быть иначе
Съ развратными людьми, съ такими наипаче,
Которымъ, говоря о правдѣ каждый часъ,
Все бойся, какъ бы имъ не трафить камнемъ въ
глазъ?
Пріятно ль встрѣтить вдругъ на рыцарской хо-
дули
Того, кто въ цѣлый вѣкъ не видывалъ и пули?

Что хочешь говори, бичуется вся кровь,
Когда иной подлецъ вздымаетъ горду бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ вѣсть что мечтаетъ,
Увѣрить хочетъ всѣхъ, что звѣзды онъ хватаетъ;
А ты, когда предъ нимъ какъ подлый рабъ стоишь,
Внутри своей души въ алтынъ его цѣнишь.
Я гибкости въ себѣ ни мало не имѣю,
Въ клубокъ ни передъ кѣмъ свернуться не умѣю;
Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ велитъ,
И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть подкрѣпитъ.
Я вспыльчивъ, но во мнѣ духъ злобы не гнѣздится
И мщеніемъ моя душа не возгорится.
Коварствовать ни съ кѣмъ не смыслю никогда,
И съ чувствами языкъ согласенъ мой всегда.
Здоровьемъ не богатъ, однако же доволенъ,
И, слава Богу! я не очень часто боленъ.
Въ герои не влечетъ меня мой тихій шагъ;
По склонности ушелъ отъ рыцарскихъ отвагъ.
Не зная, лучше что изъ этихъ двухъ игрушекъ:
Пырнуть ножемъ въ углу, иль дать туза изъ пушекъ,
По логикѣ моей давно расположилъ,
Что такъ ли, или сякъ, да плохо, какъ убилъ.
Мнѣ мамки натвердя: вонъ, батюшка-князь, бука!
Пугнули такъ, что я боялся долго жука;
А нынче, какъ ужъ сталъ немножко смышленѣй,
Такъ только лишь однихъ боюсь, мой другъ — людей,
И для того отъ нихъ поодаль часто жмуся,
Изъ-за угла на ихъ проказы я смѣюся: —

Подобно какъ въ лѣсу громовою стрѣлой
Падетъ, разбитъ въ щепы, кудрявый дубъ большой;
Громадою его весь мелкій лѣсъ разится;
Что прежде защищалъ, то вмигъ стремглавъ валится;
Въ то жъ время деревцо въ кустарникѣ глухомъ,
Гдѣ чуть-чуть раздались стихіевъ пря и громъ,
Отъ солнышка въ тѣни, отъ бурь въ уединеньи
Разгнѣванныхъ небесъ не чувствуетъ волненьи.
Природа не дала мнѣ больше сихъ даровъ;
Весь тутъ, какъ видишь ты, и безъ обиняковъ.
Но спросишь ты меня, чѣмъ въ жизни наслаждаюсь,
И въ праздности какой забавой занимаюсь? —
Мой другъ! отъ картъ меня уволить я прошу,
Бостону жертвы я совсѣмъ не приношу;
За зайцемъ по полямъ съ собаками гоняться, —
Симъ правомъ сильнаго не мастеръ величаться.
О, женщины! лишь васъ съ пристрастіемъ люблю;
За васъ—для васъ—по васъ я многое стерплю!
Лишь взвижу гдѣ карнетъ, — пропалъ душой и тѣломъ!
Не думай, чтобъ шутилъ; нѣтъ право, самымъ дѣломъ.
Какихъ краевъ и лицъ я женщину ни зрю,
Готовъ для всякой храмъ и сердцемъ всѣхъ дарю.
Премудрости боговъ, о ты, залогъ прекрасный! —
О, женщины! какой не любитъ васъ несчастный?
При васъ я и крохамъ сухого хлѣба радъ;
Безъ васъ — не надо мнѣ и мраморныхъ палатъ.

Причины у всего просилъ я околотка,
Почто я весь не свой, какъ встрѣтится кра-
сотка;
Всякъ бредитъ свой доводъ, а кажется всѣ врутъ.
Что нужды, пусть меня Сердечкинымъ зовутъ;
Купиду, вѣрь мой другъ, никто не одолѣетъ,
И всякъ изъ насъ его по-своему лелѣетъ.
Доколѣ свѣтъ стоитъ и смертныхъ родъ жи-
ветъ,
Отъ женщинъ насъ ничто нигдѣ не отвлечетъ.
Всѣ моды проходя, одна другой мѣнялись:
Мужчины то въ шишакъ, то въ шали наряжались.
Бывало, какъ изволь, вездѣ безъ пошлинъ ври;
А нынѣче сядь за столъ, и дѣлай de l'esprit.
Вѣкъ на вѣкъ не придетъ: то вдругъ затѣютъ
драться,
То примутся пахать, хозяйствомъ заниматься;
Теперь же посмотри (когда весь міръ вверхъ
дномъ),
Мужчина за канва, а женщина верхомъ. . .
Прости — я отъ моей матеріи отбился;
Но къ слабостямъ людскимъ отчасти устремился
На тотъ одинъ конецъ, чтобъ дѣломъ показать,
Что тотъ же вкусъ всегда не можетъ насъ плѣ-
нять.
И такъ среди всего, что толь непостоянно,
Амуръ! хоть отъ тебя сердцамъ людскимъ изъ-
янно,
Амуръ! одинъ лишь ты съ Адамовыхъ временъ
Дань бралъ и будешь брать со всѣхъ земныхъ
племенъ.

Адамъ въ раю одинъ за Еввою гонялся,
Потомство тѣмъ взманилъ, — весь свѣтъ съ
тѣхъ поръ влюблялся,
Но съ той по временамъ и людямъ разнотой,
Что всѣ любезны быть имѣли способъ свой.
Лѣтъ триста, напримѣръ, назадъ тому, я чаю,
Любовникъ не пѣвалъ: Ахъ! я васъ обожаю!
Гуляфною водой расприсканный Синавъ
Славянскимъ красотамъ не трафилъ бы на нравъ;
Детрейшѣ Генрихъ самъ не такъ бы полюбился,
Когда бы прочь усы и въ фрачекъ нарядился;
И также врядъ теперь понравится паша,
Который, снявъ чалму, проскачетъ антраша.
Но, впрочемъ, всякъ свою красоточку голубитъ!
Владыка подъ вѣнцомъ, мужикъ въ отрепьяхъ
любитъ.
За что же одного винить въ любви меня?
Желалъ бы посмотрѣть, кто жъ въ этомъ и не я?
Я думаю, что ты, мой другъ нелицемѣрный,
Доволенъ долженъ быть картиною столь вѣрной.
Прости!... : пора письмо на почту отсылать;
Въ Москвѣ всему свой часъ, боюся опоздать.
Люби Jeannot; хоть онъ дѣтина незадорный,
Но будетъ навсегда слуга твой всепокорный.

НИЗОВАЯ ПОВѢСТЬ.

Аніа!

> — Quel plaisir au retour!
> Quand le soir près du feu on se raconte ensemble
> Ce qu'on a vu tel jour, en tel endroit: il semble
> Qu'on le revoye encore, en se le racontant.

—

Я люблю путешествовать. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ въ ясное лѣто переноситься съ мѣста на мѣсто, разсматривать безчисленныя красоты природы, разбросанныя всюду на лицѣ земли, и въ чувствѣ сладкаго удовольствія дивиться дѣламъ небеснаго Верхотворца. Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ располагать временемъ въ полной свободѣ, отсрочивать отъѣздъ свой тамъ, гдѣ ему нравится, и уѣзжать немедленно оттуда, гдѣ соскучилось! Какъ весело, летая такимъ образомъ изъ края въ край, узнавать, что̀, гдѣ, когда случилось примѣчательнаго!

Нѣкогда въ первой молодости моей случилось мнѣ странствовать, изъ одного любопытства, по берегу Волги-рѣки въ селеніяхъ, лежащихъ между Саратовымъ и Астраханью. По привычкѣ, родившейся во мнѣ отъ меланхолическаго свойства, я любилъ всегда отыскивать дикія мѣстоположенія. Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ лѣтнихъ дней, проѣхавъ преднамѣренное разстояніе, я, за

нѣсколько верстъ отъ ночлега, вышелъ изъ кибитки и пошелъ до мѣста пѣшкомъ. Солнце было на закатѣ, луна выходила на горизонтъ и блѣдный лучъ ея посеребрялъ тихія воды исходящаго изъ Волги протока. Тутъ овладѣло мною какое-то внутреннее предчувствіе, что, вѣрно, въ сихъ мѣстахъ встрѣтится глазамъ моимъ предметъ, достойный особеннаго вниманія; ускоривъ шагъ, я дошелъ до прелестной лужайки. Попадались мнѣ четы юношей и взрослыхъ мужиковъ съ ихъ женами. Иные сокращали путь свой (видно, не близкой) деревенскими пѣснями, сими непорочными свидѣлельствами чувствъ поселянина; другіе съ нахмуреннымъ челомъ, бесѣдуя между собою, показывали наружными знаками свое изумленіе. Шумъ и толпа мѣшали мнѣ углубляться въ свои мечты; я шелъ отъ нихъ стороной и пробирался прямо въ тотъ лѣсокъ, изъ котораго возвращались по домамъ своимъ добрые сіи жители глухихъ азіятскихъ степей. По нѣсколькихъ шагахъ увидѣлъ колодецъ. Разбросанныя вокругъ его ведра и всякая посуда, омоченная еще водою, показывали мнѣ, что путешественники тутъ отдыхали и прохлаждались. Вблизи колодца стоялъ бѣлый простой камень съ надписью: «*Онъ былъ, и нѣтъ его.*» По надписи такой мудрено было мнѣ, безъ помощи другого, дознаться, кому сей камень служилъ мавзолеемъ. Осматривая все вокругъ себя съ примѣчаніемъ, я мысленно вопрошалъ небеса: кто кости свои положилъ въ такомъ

уединенномъ мѣстѣ? кто почилъ навѣки при семъ потокѣ водъ прозрачныхъ? — Ничто не отвѣчало моему воображенію. Рѣшился идти далѣе, не теряя однако изъ виду сказаннаго памятника. Еще отошелъ немножко, еще ступилъ два раза, — и новая явилась очамъ моимъ картина: подъ тѣнью многихъ ивъ, сплетшихъ густыя свои вѣтви и дающихъ пѣшеходу отъ дождя и зноя защиту, стояла бѣдная хижина, отъ древности своей приклонившаяся къ землѣ, и внутрь ея входить, казалось, уже не безопасно. Я осмѣлился туда проникнуть. Ближе двухъ шаговъ отъ порога прислоненъ къ стѣнѣ убогій одръ, надъ которымъ вырѣзаны были изъ прекраснѣйшаго розоваго деревца, въ тамошнихъ краяхъ весьма обыкновеннаго, по имени *катöрий*, три буквы; слагающій ихъ выговаривалъ: *Ана*. Сильнѣе всего удивило меня въ этомъ сокрытомъ отъ наукъ убѣжищѣ (ибо какъ иначе можно было судить о немъ по описанной наружности?) цѣлый листъ бумаги, исписанный кругомъ. Я развернулъ свитокъ, нашелъ стихи, и къ нимъ служу читателю настоящимъ предисловіемъ. Прочтя ихъ съ жадностью разъ и два, но не смѣя надѣяться на свою память, съ другой стороны; не желая бросить ихъ безъ вниманія, еще менѣе готовъ будучи похитить, почитая все, что тутъ находилъ, какъ жертву, принесенную безподобному созданію чувствительнымъ пустынникомъ, я разсудилъ воспользоваться сіяніемъ луны, чтобъ сохранить списокъ, вышелъ изъ хижины, увы-

дѣлъ близко холмъ, взбѣжалъ на оный съ хартіею въ рукахъ, и, ставъ на одно колѣно предъ лучезарнымъ свѣтиломъ ночи, а другимъ замѣняя столъ, вынулъ изъ записной своей книжки лоскутокъ бѣлой бумаги, карандашъ,—и въ минуту копія стиховъ была моимъ пріобрѣтеніемъ; потомъ, отнеся подлинникъ во храмину неизвѣстнаго мнѣ старца (но нѣтъ, они уже не его; кто умеръ, тотъ ни чѣмъ не владѣетъ), оставилъ его у возглавія одра, и съ подобающимъ нѣкоему божеству уваженіемъ трикратно поклонясь начертанному слову, воротился къ своей повозкѣ. Трудно ли отгадать, что мнѣ не столько хотѣлось найти и достигнуть до ночлега, успокоиться, располагать новыя затѣи къ завтраму, описывать гдѣ былъ сего дни, для чего же не прибавить — и отуживать, какъ узнать, что все это значило. Жаль было мнѣ, что я не догадался взять съ собой проводника изъ попавшейся толпы гулякъ; вѣрно, думалъ я, они здѣсь были и часто сюда ходятъ; вѣрно, они всю тайну знаютъ волшебнаго этого края; для меня по истинѣ волшебнаго потому, что ничего не могъ въ немъ понять догадкою. — Кто она? кто онъ? безпрестанные были самому себѣ вопросы. — Придумывая тысячу вѣроятностей, добрелъ я до повозки, сѣлъ на блукъ, ударилъ тройку и тотчасъ очутился въ деревушкѣ. Мелькающіе сквозь маленькихъ стеклышекъ огоньки помогли мнѣ разглядѣть, гдѣ спокойнѣе я могъ пріютиться. Наконецъ вводитъ меня слуга въ избу.

Нахожу благословенную патріархальную семью престарѣлыхъ родителей, двухъ сыновей съ женами, двухъ дочерей съ мужьями, нѣсколькихъ внучатъ и двухъ правнучатъ въ люлькѣ. Всякой членъ сего почтеннаго общества занимался своимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ старички, подобящіеся Авraаму и Саррѣ, слушали изустную повѣсть отъ старшаго ихъ внука о самомъ томъ мѣстѣ, съ котораго я пріѣхалъ. Сѣвши съ ними рядомъ я, не безпокоясь дымомъ отъ лучины, спрашиваю: Скажи, мой другъ, и мнѣ, что это за пещера, что за камень? кто она? кто онъ? — Сѣдой мужичекъ съ нѣжной ласкою пробормоталъ внуку: «Начни, Петруша, сызнова: пусть баринъ послушаетъ.» Петруша бросился къ старикамъ на шею; дѣдъ и бабка его облобызали, и я, стократно благословляя добродушное семейство, готовился слушать занимательный разсказъ. Не намѣренъ будучи ничего къ нему прибавить, помѣщаю здѣсь въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія юноша умѣлъ употребить въ своемъ разговорѣ. Когда сердце тронуто, наборъ словъ пустое преимущество. Прекрасно изъясняется всякой тотъ, кто, много чувствуя самъ, почувствовать заставляетъ и другого. «Видишь ли, баринъ! года за два умеръ здѣсь, въ «избенкѣ, подъ ветлами, старикъ. Богъ знаетъ «изъ какого онъ роду; только человѣкъ былъ «хорошій и добра дѣлалъ много. Лѣтъ съ 20 «какъ онъ здѣсь поселился; по зимамъ приставалъ у насъ, а лѣтомъ живалъ въ хижинѣ. Какъ

«пришло ему отдавать душу Богу, онъ узналъ «свой конецъ и пошелъ къ колодцу, а подъ «тотъ часъ ѣхала барыня въ Москву, такая пре«красная! весь околотокъ величалъ ее красави«цей, да и проѣзжая наши боярченки ино мѣсто «пріѣзжаютъ изъ Москвы въ свои вотчины, всѣ «и нахвалиться не могутъ; ну знаешь, что такое «хороша: такъ вотъ она-то подлинно, баютъ, «хороша.—Старикъ нашъ ее увидѣлъ; она долго «на него смотрѣла, вышла къ нему изъ кареты, «а онъ что-то ей долго разсказывалъ, да съ раз«говору-та, што ли, надсѣлся, или такъ уже на«писано было на роду его, пришелъ къ колод«цу, подышалъ немного—и умеръ. Боярыня по«плакала надъ нимъ, дала въ деревнѣ денегъ, ве«лѣла при себѣ похоронить, и бумагу-то, что «въ хижинѣ лежитъ, она же, какъ съ ней онъ «говорилъ, такъ и написала; послѣ и камень «этотъ изъ вотчины своей прислала; а намъ «крѣпко-на-крѣпко наказала, чтобы ни бумаги въ «шалашѣ и ничего тамъ не трогали; а сама те«перь живетъ въ Москвѣ. Мы сюда всяной «праздникъ ходимъ гулять, старичка поминаемъ, «а ей долгихъ лѣтъ у Бога молимъ.» —

Прослушавъ повѣсть, сообразя ее съ стихами и взявъ всѣ нужныя о той красотѣ свѣдѣнія, пріѣхалъ я въ началѣ осени въ Москву. Разсѣянная столичная жизнь, безпрерывныя забавы, многочисленныя собранія доставили мнѣ случай найти такъ называемую *Ана*. — Имѣвъ счастіе съ ней познакомиться, узнавъ качества ея души,

нэжщность характера, чувствительное сердце, образованный умъ и прекраснѣйшія черты лица, я согласился скоро съ умершимъ ея обожателемъ, что Ана есть одно имя, которымъ ее называть можно. — Знакомые мои часто отъ меня слыхали: Ана была тутъ, Ана сидѣла тамъ, Ана-то то сказала на вопросы всѣхъ; да кто жъ Ана? Я не умѣлъ ничего иного отвѣчать, какъ повторять стократно Ана. Чѣмъ постояннѣе я давалъ такой отвѣтъ, тѣмъ сильнѣе любопытствовали вопросчики; и наконецъ день ото дня больше и больше почти всѣ видавшіе ее привыкли соглашаться со мною, и съ тѣмъ, съ кѣмъ я соглашался, что безпримѣрная красота не равняетъ ее ни съ кѣмъ, и что, будучи единственна въ своемъ полѣ многими рѣдкими пріятностями, ей нѣтъ наименованія приличнѣе, какъ Ана: Истина сія столь общественно всѣми принята, что нынѣ всякой, или всякая, сказавъ другу и подругѣ своей Ана, увѣренъ, что особа, такъ названная отгадана безъ ошибки.

Нашлись между знакомыми моими люди, кои желали все это прочесть; угождая имъ, я написалъ и напечаталъ мою повѣсть. Жаль, что не далъ мнѣ Аполлонъ дарованій россійскаго Флоріана; всякой играетъ на своей дудкѣ какъ умѣетъ. Истина произшествія и снисходительное мое послушаніе пусть извинятъ недостатки слога. Всѣмъ извѣстно, что судъ надъ моей прозой любителями словесности произнесенъ; что лежитъ до найденныхъ мною стиховъ, съ которыми, по сказа-

нію одного ученаго, *я лучше управляюсь*, нежели съ прозой, я ихъ выдаю здѣсь точно такими, каковы они лежатъ въ хижинѣ. Всякой можетъ ихъ самъ прочесть, если кому угодно отъ избытка денегъ—ибо нынѣ путешествовать не дешево, — съѣздить до мѣста. По необходимости, я прибавилъ послѣдній стихъ; разумѣется, что мертвецъ говорить о себѣ не можетъ. Все въ этой піесѣ подвержено критикѣ, я это знаю, и защищать противъ оной не берусь. — Къ извиненію старичка, скажу только, что, изнурившись долговременною жизнію, достигши недужной старости въ такія лѣта, когда многіе еще бодрствуютъ и къ жизни новыми узами привязываются, онъ не могъ страсти своей изъяснить по правиламъ грамматики и по внушеніямъ стихотворскаго духа, напитаннаго эстетическими правилами. Не умъ его, душа лишь говорила, а на чувства Синтаксиса еще никто не сочинилъ; всякой заимствуетъ ихъ отъ природы. — Я написалъ мою сказку, или быль, какъ кому угодно, въ память путешествію, которое доставило мнѣ различныя пріятности. Когда читать ее буду, стану воображать, что я тамъ, гдѣ все описанное случилось; представлю себѣ хижину, блѣдныя уста уединеннаго старца, къ которымъ хладъ смерти уже прикоснулся, но отверзающіяся еще для произношенія слова *люблю*; представлю ту руку, лобзаніями московскихъ жителей обремененную, которая начертала послѣднія его признанія, и трупъ его землей покрыла —, мечты сіи дадутъ

и мнѣ вновь почувствовать, что сердце мое еще бьется для тѣхъ же чувствованій. — Читая повѣсть сію въ кругу моихъ пріятелей, въ семьѣ своей лѣтомъ въ саду, зимой у камина, я буду убѣждаться и утверждать другихъ въ той непреложной истинѣ, что любовь непорочная есть лучшее достояніе человѣчества; что чувство ея родится вмѣстѣ съ нами и провожаетъ насъ въ могилу; что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всякомъ возрастѣ, на всякомъ мѣстѣ, въ улыбкахъ юношества и въ стенаніяхъ скорбной старости любовь владычествуетъ надъ нами, и сердце наше перестаетъ огнемъ ея пылать тогда только, когда гробовая доска скрываетъ оледенѣлый трупъ нашъ въ мрачное земли упокоеніе.

1.

Не въ громкой одѣ прославляю
Тебя, владычицу сердецъ,
Не въ пѣсни томной напѣваю
Моихъ унылыхъ дней конецъ;
Кто прямо чувствовать умѣетъ,
Любви прямой кто жаромъ тлѣетъ,
Тотъ молча страсти кажетъ видъ:
Не красными любовь рѣчами,
Но пламенными лишь очами
Отъ сердца сердцу говоритъ.

2.

Любовь! . . . тебя я не боялся.
Смиря въ пустынѣ яркій нравъ,

Уже вратъ смерти я касался,
Недуги старости узнавъ;
Въ моемъ убѣжищѣ смиренномъ,
Ветлою мрачной осѣненномъ,
Твои тревоги забывалъ;
Міровъ Создателю превѣчну
Повѣдавъ тайну всю сердечну,
Конца своей кончины ждалъ.

3.

Кто знаетъ, думалъ я, иль нынѣ,
Иль завтра мой послѣдній день;
По общей смертныхъ всѣхъ судьбинѣ
Съ лица земли сотрусь какъ тѣнь.
Въ такомъ печальномъ размышленьи
Забывъ мірскія наслажденьи,
Я вышелъ въ близлежащій путь —
Къ источнику воды холодной,
Простеръ послѣдній шагъ свободный,
Чтобъ разъ на солнышко взглянуть.

4.

О, Боги! сонъ ли мнѣ явили,
Или самихъ себя вы тамъ?
Чьимъ зракомъ духъ мой возмутили
Отверзтымъ сущимъ небесамъ?
Подобно Ангелу видѣнье,
Природы лучшее творенье
Я въ видѣ женщины узрѣлъ!
Собранье всѣхъ красотъ небесныхъ,

Доселѣ смертнымъ неизвѣстныхъ,
Мнѣ поздно рокъ познать велѣлъ.

5.

Скажи, кто ты? въ тебѣ съ кѣмъ вижусь?
О, безподобная жена!
Полвѣка я на свѣтѣ движусь,
А не встрѣчалась мнѣ Ана.
Ана! но кто? недоумѣю,
Назвать ее я не умѣю.
Ана подобна лишь себѣ.
Земля тебѣ престолъ поставитъ,
Твою красу трубой прославитъ,
Но имени не дастъ тебѣ.

6.

Чело, покрыто сѣдинами,
Я преклоняю предъ Тобой:
Продли еще хотя часами
Животъ, о, Боже! скорбный мой!
Твоихъ чудесъ все совершенство,
Грядуща царствія блаженство
Я зрю и ощущаю днесь;
Дай мнѣ симъ взоромъ насладиться,
Какъ новымъ свѣтомъ озариться!
Не гробъ, но рай мой будетъ здѣсь.

7.

Умы строптивыхъ обличатся,
И гордаго смирится бровь;
Во нравы ею насадятся
Щедроты, кротость и любовь.

Ея глаза всѣхъ глазъ умнѣе,
Ея уста всѣхъ устъ скромнѣе:
Все благо, мило, важно въ ней;
Ея душа какъ твердый камень,
Котораго безстудства пламень
Не тронетъ пылкостью своей.

8.

Но я, носимъ волнами жизни,
Уже къ пристанищу притекъ;
Спѣшу въ предѣлы той отчизны,
Куда влечется человѣкъ.
Я много лицъ прекрасныхъ знаю;
Но что въ твоихъ чертахъ встрѣчаю,
Того ни въ чьемъ я не видалъ!
Едва въ небесномъ вертоградѣ
Быть можетъ духъ въ такой отрадѣ,
Какую мнѣ твой образъ далъ.

9.

Житейскихъ бѣдъ понесъ бы бремя,
Презрѣвъ злосчастья тверду связь,
Хотѣлъ бы вѣчности жить время,
Когда бъ дышалъ, любовью льстясь;
Но коль любезну быть неложно,
И самому любить не можно,
Что пользы землю тяготить?
Безъ нѣжныхъ чувствъ взаимной страсти
Чужія радости — напасти,
А собственнымъ нельзя и быть.

10.

Свершай свой путь, о, диво міра!
Тебя повсюду жертвы ждутъ.
Бояровъ сонмъ, піитовъ лира
Хвалы стократны воздадутъ.
Вкуси соблазны громкой славы;
Но не забудь среди забавы,
Что взоръ твой старца здѣсь плѣнилъ,
Который радость быть съ тобою
Цѣнилъ престоловъ всѣхъ цѣною,
И мало тѣмъ еще цѣнилъ.

11.

Когда жъ мои зеницы ока
Сомкнутся смерти вѣчнымъ сномъ,
И запустенья тма глубока
Падетъ на сей древесный домъ, —
Приди мой прахъ омыть слезою,
Вселить во гробъ своей рукою,
Сказавъ, что жаль меня тебѣ!
Сію чувствительности жертву
Воздай, молю тебя, мнѣ мертву!
— — — — —
Онъ рекъ, вздохнулъ, и се не бѣ.

Самому себѣ.

Одинъ, размысляясь въ кабинетѣ,
Спросилъ отчета у себя:
За что между всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ
Одну лишь я люблю тебя!

Въ тебѣ что̀ такъ мнѣ полюбилось?
За что̀ ты прочихъ всѣхъ милѣй?
Или ты для того родилась,
Чтобъ былъ я жертвою твоей?

А ты, чтобъ, бывъ одна безстрастна,
Имѣла случай показать,
Что ты любовника несчастна
Способна мучить и терзать?

Въ тебѣ такое что-то вижу,
Чего въ другихъ совсѣмъ не зрю;
И что̀ въ иныхъ я ненавижу,
Въ тебѣ то жъ самое люблю.

Съ другими часто въ разговорѣ
Бываю веселъ и шутливъ:
Съ тобой при всякомъ твоемъ взорѣ
Я что-то робокъ и стыдливъ.

Когда заочно представляю
Твои пріятности себѣ,

Я сердца сколь ни увѣряю,
Что много равныхъ есть тебѣ;

Мой умъ ихъ сотнями считаетъ:
Но лишь тебя завижу —
Сравненье тотчасъ пропадаетъ,
И ты милѣй всѣхъ для меня.

Что жъ дѣлать мнѣ теперь осталось?
Коль сердце борется съ умомъ,
Велѣть, — чтобъ сердце покорялось;
Хочу — да нѣтъ удачи въ томъ.

И силъ довольныхъ не имѣю
Біенье сердца утолить.
Я ими живъ; я лишь умѣю
Тебя, какъ жизнь мою, любить!

Какое злое состоянье,
Изъ бѣдъ первѣйшая бѣда:
Терять любовное вздыханье,
Не зря взаимности слѣда.

Но, знать, судьбинѣ такъ угодно,
Готовя адъ мнѣ въ жизни сей,
Чтобъ чувство, всѣмъ намъ столько сродно,
Души не трогало твоей;

Чтобъ ты милѣй мнѣ всѣхъ казалась,
Чтобъ отъ тебя съ ума сходилъ;
Чтобъ ты отъ глазъ моихъ скрывалась,
А я — чтобъ все тебя любилъ!

Дружбѣ.

Amitié! tu regnas dans les beaux jours de Rhée.

Colardeau.

О, дружба! кто тебя не знаетъ,
Не знаетъ тотъ и красныхъ дней,
Въ минутахъ скучныхъ убиваетъ
Все время сладкой жизни сей.
Ужъ ли, раждая смертныхъ боги,
Бываютъ къ нимъ толико строги,
Что тартаръ здѣсь хотятъ создать?
Не вѣрю. — Жизнь есть даръ священный,
А дружба — способъ драгоцѣнный
Ее спокойно провождать.

За что мы жизнію скучаемъ,
Найдемъ причину внутрь себя,
Природѣ вѣчно досаждаемъ,
Живемъ другъ друга не любя.
Мы дышемъ въ зависти и злобѣ
И съ сердцемъ каменнымъ въ утробѣ
Одинъ другому строимъ ковъ.
Когда бъ лукавства не имѣли,
И къ ближнимъ дружбой пламенѣли,
Не такъ бы былъ нашъ рокъ суровъ.

Вы сами, люди, въ томъ виною,
Что вамъ приходитъ тошно жить;

Вы такъ убиты клеветою,
Что уже не смѣете любить!
Взгляните въ отдаленны вѣки.
Тамъ просто жили человѣки,
Какъ-будто бы одна семья;
Между собой, не ставя въ муку,
Дѣлили временную скуку,
Въ услугахъ радость находя.

Любили со вниманьемъ строгимъ
Въ чужой участвовать судьбѣ;
Тогда бывало грустно многимъ,
Коль одному не по себѣ:
За то стояли тверже грады,
Спокойства были въ нихъ ограды
Страхъ Божій — стыдъ — и трепетъ зла;
Граждане въ бунтахъ не кружились,
Цари спокойно спать ложились,
Любовь народъ и тронъ брегла.

За что мечтать напрасно мнѣ,
Что наше время — время бѣдъ?
Что предковъ нашихъ лишь судьбинѣ
Присвоенъ былъ ко счастью слѣдъ?
Природа видъ свой не мѣняетъ:
Насъ то же солнце освѣщаетъ,
Небесъ насъ кроетъ тотъ же сводъ,
Подъ коимъ дѣды наши жили; —
Тому жъ Творцу они служили;
Ихъ Богъ есть нашъ — онъ Богъ щедротъ!

Люби — и будешь счастливъ въ мірѣ . . .
Чего иного въ немъ желать,
Хоть въ низкой долѣ, хоть въ порфирѣ,
Какъ духъ свой дружбою питать?
Она съ небесъ на землю сходитъ,
Съ собою рай отрадъ низводитъ:
Что выше искренней любви? —
Не о страстяхъ здѣсь разсуждаю;
Ребячій бредъ сей забываю:
Угасъ ихъ жаръ въ моей крови.

Но другъ—что̀ можетъ съ нимъ сравниться!
Онъ стражъ сердечной тишины.
Когда нашъ рокъ отяготится,
Когда страдаемъ безъ вины
Во обстоятельствахъ насчастныхъ
И въ разныхъ случаяхъ опасныхъ, —
Онъ намъ совѣтъ, опора, щитъ;
Онъ скромныхъ нашихъ тайнъ хранитель,
Онъ нѣжный нашъ благотворитель,
За насъ и жизни не щадитъ.

Врага ли сильнаго робѣю,
Убожество ли я терплю,
Въ совѣтѣ ль надобность имѣю,
Подъ игомъ немощей скорблю, —
Къ кому прибѣгну, какъ не къ другу?
Онъ мнѣ готовъ явить услугу
Заочно такъ, какъ и въ глаза;
А если слабъ помочь найдется,

По крайней мѣрѣ хоть сольется
Съ моей слезой его слеза.

Слеза любви — она дороже
Милльоновъ многихъ въ лютый часъ.
Въ участьи друга вижу, Боже!
Всещедрый промыслъ Твой о насъ.
Когда любя насъ наказуешь,
Непостижимо Самъ врачуешь;
То чувство дружбы намъ явитъ.
Съ ней золъ безъ гнѣва сносимъ бремя,
Съ ней жизни скоротечно время
Какъ чистый ключъ воды бѣжитъ.

Колико бъ мы счастливы были,
Когда бъ, сей истиной плѣнясь,
Узлами дружества скрѣпили
Необходиму смертныхъ связь!
Тогда бы жизнь намъ полюбилась,
Благопріятство бъ водворилось
Равно въ шалашѣ, какъ и въ чертогѣ;
Престали бъ мы роптать напрасно
И безъ ума твердить всечасно:
На что меня Ты создалъ, Богъ?

Такой вопросъ мнѣ не понятенъ;
Онъ выше смысла моего.
Мнѣ всякой въ жизни день пріятенъ,
И не кляну ни одного.
Я утру радъ, когда проснуся,
Въ гостяхъ и дома веселюся;

Живу въ кругу честныхъ людей;
Чужому счастью не ревную,
На жребій свой не негодую,
Люблю, любимъ въ семьѣ моей.

Пускай иной мнѣ не повѣритъ;
Кто недовѣріемъ снущенъ,
Тотъ мнитъ, что всякой лицемѣритъ.
Что хочешь мни, — но я блаженъ!
Сіе сокровище велико!
Не царь, — царей даетъ Владыко;
Оно со мною родилось.
Веселый нравъ, воображенье,
Простое сердца обращенье,
Все это даромъ мнѣ пришлось.

Не въ кучѣ толстыхъ книгъ мудреныхъ
Души спокойство я стяжалъ —
Оно бѣжитъ людей ученыхъ;
А я изъ опытовъ узналъ,
Что много вѣдать есть лишь мука;
Что всѣхъ нужнѣй одна наука,
Дабы счастливу въ свѣтѣ быть,
Царя небеснаго бояться,
Царю земному покоряться,
Блюсти свой долгъ, людей любить.

Иной не требую морали;
Съ ней счастливъ добрый человѣкъ:
Она смягчитъ его печали,
Онъ въ клятвахъ не окончаетъ вѣкъ.

Тебѣ я сердце посвящаю,
Тебя въ немъ, дружба! заключаю;
Будь въ немъ, пока въ немъ жизни духъ!
И сколько злоба всѣхъ ни жалитъ,
Во мнѣ спокойства не умалитъ;
Залогъ мнѣ въ томъ — душевный другъ!

Восхищенье.

Pour moi je l'avouerai soit raison ou foiblesse,
J'aime à deifier tout ce qui m'interesse,
Et quand un plaisir pur vient animer mon coeur
Enyvré du bienfait, cherche le bienfaiteur.

Дня, въ который ты родилась,
Вожделѣнная заря
Въ третій разъ возобновилась,
Во мнѣ чувства тѣ же зря;
Съ новой радостью встрѣчаю
Милой день душѣ моей,
Съ новымъ жаромъ ощущаю
Быстрый взоръ твоихъ очей.

Оторвись отъ недосуга
Для меня хотя на мигъ;

И позволь, чтобъ голосъ друга
До тебя въ сей день достигъ,
Чтобъ отъ сердца постоянна
Онъ успѣлъ тебѣ сказать,
Сколь готовъ я безпрестанно
Твоей волѣ угождать.

Каждый шагъ мой есть залогомъ,
Что всечасно мысль моя
Предъ тобой, какъ передъ Богомъ,
Безъ лукавствъ, открыта вся;
Всѣ дѣла до днесь казали
Самымъ опытомъ тебѣ,
Что я всѣ твои печали
Взялъ охотно бы себѣ.

Ты свидѣтель всѣхъ вѣрнѣе,
Сколько я тебя люблю;
Ты всѣхъ вѣдаешь скорѣе,
Когда веселъ, иль терплю;
И какъ много человѣки
Друбы нѣжность ни цѣнятъ,
Не восчувствуютъ вовѣки
Со мной равныхъ въ ней отрадъ.

Если можетъ другъ нашъ милый
Успокоить нашу грудь,
Удержать въ ней вздохъ унылый,
Такъ увѣрена въ томъ будь,
Что ни кто во всей вселенной
Не имѣетъ правъ, какъ ты,

Въ полной мѣрѣ преблаженной
Вкушать жизни красоты.

Оставляю равнодушнымъ
Долгъ обычая хранить
И съ привѣтствіемъ имъ скучнымъ,
Безъ любви, къ тебѣ идтить.
Я и сердцемъ и словами
Отличаюся отъ нихъ;
Не бѣгу къ тебѣ съ дарами,
А несу мой бѣдный стихъ

Когда въ немъ я упражнялся,
Всю подсолнечну забылъ,
Лишь тобою занимался,
И хвалой не дорожилъ;
Не просилъ сокровищъ тлѣнныхъ
Я у Бога для себя;
Но чтобъ Онъ щедротъ безцѣнныхъ
Пролилъ рѣки на тебя;

Чтобы дни твои прекрасны,
Уподобясь неба днямъ,
Отъ злодѣевъ безопасны,
Были бъ радостны друзьямъ!
Съ сей молитвой прибѣгаю
Къ Богу искреннихъ сердецъ,
И надѣяться дерзаю,
Что ей внемлетъ мой Творецъ.

Ты, дражайшая причина
Восхищенья моего!

Ты пребудешь вѣкъ одна
Для меня милѣй всего!
Вѣрь любви моей неложной,
Вѣрь, что жертвы нѣтъ такой
Въ человѣчествѣ возможной,
Гдѣ бъ не презрилъ я собой.

Никакихъ владыкъ на свѣтѣ
Не завидую судьбѣ;
Я имѣю лишь въ предметѣ
Всегда нравиться тебѣ:
Иныхъ благъ я не желаю,
И дабы счастливымъ быть,
Одно средство только знаю:
Всей душой тебя любить!

Каминъ въ Пензѣ.

Каминъ, товарищъ мой любезный!
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю.
Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ

Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ,
Тогда, какъ листъ, и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю,
Играю съ нимъ, уединенъ.

Хотя безъ всякаго убранства
Изъ камней грубыхъ ты сложенъ,
Не монументомъ гордымъ чванства
Въ моемъ углу ты быть судденъ;
Тебя не мраморъ одѣваетъ,
Не стали лучъ въ тебѣ сіяетъ,
Не грань хрустальная блеститъ;
Пріятство ломкаго фарфора
Толпы невѣждъ не тѣшитъ взора;
За то ты грѣешь, потъ давитъ.

Какъ ночь войдетъ ко мнѣ въ окошко
И дня прогонитъ бѣлый свѣтъ,
Внесутъ ко мнѣ дровецъ лукошко —
Въ моемъ быту затѣевъ нѣтъ;
Вельможамъ я не подражаю,
На корабляхъ не добываю
Ни знатныхъ угольевъ, ни дулъ;
Дубовыми топлю дровами
Своими попросту руками
И самъ расклалъ, и самъ раздулъ.

Пока еще не разгорится
Костеръ моихъ дешевыхъ дровъ,
Мой взоръ съ пріятностью дивится,
Смотри на быстрый бѣгъ дымовъ,

Смотря, какъ искра искру тронетъ,
Какъ, изсыхая, влага стонетъ
И мѣсто пламени даетъ;
Огонь всѣ поры распираетъ,
Дрова трещатъ, а онъ пылаетъ,
И что ни встрѣтитъ, мигомъ жжетъ.

Одинъ въ потьмахъ, ногу на ножку,
Я въ креслахъ нѣжусь у огня;
То сонъ вкушаю понемножку,
То мысль къ мечтамъ зоветъ меня:
Высоки замки шпанскіи строю;
Стада рабовъ зрю предъ собою,
Готовыхъ манію внимать;
Вселенну всю межую взглядомъ;
Царей даю смятеннымъ градомъ,
Гоню морей предѣлы вспять.

Или, наскучивши войною,
Съ досадъ далеко бросивъ шлемъ,
Гонясь за новой суетою,
Спѣшу, въ мечтаніи моемъ,
Судей, корыстью обольщенныхъ,
Судейскихъ чучелъ изумленныхъ
Поганы гнѣзда разорить,
Злыхъ ябѣдъ жало притупляя,
Злодѣйства капища сжигая,
Во храмъ святъ правды обратить.

Или, намыкавшись по свѣту,
Надѣлалъ пропасть славныхъ дѣлъ,

Опять къ любезному предмету
Несу убогой свой удѣлъ:
Каминъ поленьями питаю,
Всѣ думы въ кучу созываю,
И, грезы сонныя прогнавъ,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мірскихъ суетъ тщету познавъ.

«Чего ты хочешь, горделивый,»
Вѣщаю мысленно къ себѣ:
«Ко счастью мужъ несправедливый?
«Чего недостаетъ тебѣ?
«Ты хлѣбъ свой съ прихотью съѣдаешь,
«Жену прекрасную лобзаешь,
«Дѣтей любезныхъ тормошишь;
«Ты младъ и незнакомъ съ недугомъ;
«Отъ стужи печь къ твоимъ услугамъ,
«И въ церкви, сколько хочешь, спишь.

«Ты всуе молишь Провидѣнье,
«Чтобы, какъ Крезъ, ты былъ богатъ;
«Сребро и злато — обольщенье:
«Бѣднякъ покойнѣе сто кратъ.
«Кто мѣръ желаніямъ не ставитъ,
«Тотъ, сколько золота ни сплавитъ,
«Все будетъ бѣденъ передъ тѣмъ,
»Кто, по прибаскѣ русской, ножки
«Тянуть умѣетъ по одёжки,
«И мѣдный грошъ цѣнитъ рублемъ.

«Напрасно и о томъ скучаешь,
«Что не живешь въ иномъ краю;
«Не ужъ ли ты воображаешь,
«Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
«Ахъ, нѣтъ! во всѣ года и вѣки
«Вездѣ тѣ жъ были человѣки. —
«Богъ міру далъ все по поламъ;
«Нигдѣ нѣтъ яснаго блаженства,
«Нигдѣ нѣтъ благъ всѣхъ совершенства:
«Есть смѣху часъ, есть часъ слезамъ.»

Такъ думу думалъ, и вздыхая
Воображалъ нашъ краткій вѣкъ;
Съ собой бесѣду продолжая,
«Не прахъ ли» мнилъ я «человѣкъ?
«Постигнетъ и его кончина
«Такъ точно, какъ среди камина
«Теперь огонь щепы палитъ.
«Вчера сей дубъ былъ знатенъ, славенъ,
«Въ лѣсу ни съ чѣмъ онъ не былъ равенъ;
«Севодни срубленъ, — и горитъ.

«Колико мы ни хлопотимся —
«Одинъ другого выше стать,
«Напрасно, право, суетимся;
«Хоть титло въ лиотъ, а умирать!
«Рожденья мигъ есть шагъ къ могилѣ:
«Нельзя противиться намъ силѣ
«Законовъ вѣчныхъ естества;
«Конца достигнетъ вся вселенна,

«И скотъ и тварь одушевленна
«Въ свой часъ лишатся существа.»

И такъ, то бредя въ кабинетѣ
Межъ многихъ мертвыхъ мудрецовъ,
Я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ
Тоску осеннихъ вечеровъ;
То рубль одинъ милльономъ множилъ,
То всю Сибирь на фракахъ проживалъ,
То пиръ Лукулліевъ давалъ;
Иль философіи стезею,
Простясь съ гостившею душею,
Червей въ могилѣ ожидалъ.

Каминъ! къ тебѣ я обращаюсь!
Ты въ скукѣ мнѣ великой другъ!
Коль въ мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдругъ;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокія волненья
На память тотчасъ мнѣ явишь;
Чего напомнить не умѣешь!
Со всякимъ вздоромъ вмигъ посѣтишь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательствъ
Тебѣ я въ жертву приносилъ!
Любовныхъ клятвъ и отрицательствъ
Тебѣ стопами я дарилъ;
Нерѣдко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты

Съ лучиной вмѣстѣ зажигалъ,
Огонь физической съ моральнымъ,
Въ угоду случаямъ печальнымъ,
Со всякой скромностью вѣнчалъ.

О, сердца сладкіе обманы!
Что можетъ съ вами быть равно?
Не вы спокойствія тираны;
Вамъ царство радостей дано.
Сто кратъ благословенны годы,
Въ которы красоты природы
Влюбляютъ снова каждый день!
Все въ мірѣ лживо насъ плѣняетъ.
Гдѣ жъ правда? — Въ небѣ обитаетъ;
Въ низу ея лишь только тѣнь.

Учитесь, смертные! учитесь
Во всемъ средину познавать,
И буи міра умудритесь!
Чего Богъ не далъ, гдѣ же взять?
Кто свѣтъ такимъ, какъ есть онъ, создалъ,
Кто всѣмъ изъ насъ свой жребій роздалъ,
Предъ Тѣмъ виніся всяка тварь.
Во всемъ на власть Его надѣюсь,
А между тѣмъ сижу и грѣюсь;
Каминъ мой дворъ, при немъ я царь.

Я вижу часто, какъ родится
Отъ искры пламенной пожаръ;
Не такъ ли царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мелкихъ сваръ.

Но тамъ камины зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не зальетъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станетъ,
Графина одного достанетъ:
Спросилъ, да влилъ — погасъ каминъ.

Каминъ въ Москвѣ.

Еще мы лѣта не видали,
А ужъ опять зима какъ тутъ!
Морозы въ комнату вогнали
И долго выдти не дадутъ;
Краса природы измѣнилась,
Завѣсой ночи обложилась.
Ахти — что дѣлать? — что начать?
Придвинусь къ милому камину,
И съ нимъ мою тоску, кручину,
Какъ прежде, стану раздѣлять.

Въ какихъ краяхъ я ни шатаюсь,
Великъ ли, малъ ли былъ мой домъ,
Въ высокихъ замкахъ величался,
Иль крылся внутрь своихъ хоромъ, —

Каминъ мой зимній благодѣтель,
Вездѣ былъ дѣлъ моихъ свидѣтель —
По суткамъ съ нимъ живалъ одинъ;
Тоску, печали и досады,
Утѣхи, радости, отрады,
Все мой завѣдывалъ каминъ.

На всѣ судьбы людскія въ свѣтѣ
Когда я мысленно гляжу,
И у камина въ кабинетѣ
О человѣчествѣ сужу,
Съ трудомъ въ моемъ воображеньи
О счастьи общія всѣхъ мнѣньи
Могу я съ правдой согласить.
Весь міръ шумитъ и колобродитъ;
Но вмѣсто счастья что̀ находитъ?
Лишь новы способы тужить.

Цари, по самой доброй волѣ,
Оставя тронъ, бѣгутъ къ ружью,
Въ своей толь знаменитой долѣ
Клянутъ нерѣдко жизнь свою.
Бояра, сколько ни тучнѣютъ,
А также въ счастіи бѣднѣютъ,
Какъ самый ихъ послѣдній рабъ.
И тотъ въ своей огромной сферѣ,
И сей въ землянкѣ, иль въ пещерѣ,
Равно противъ напасти слабъ.

Вездѣ о счастіи писали,
И будутъ вѣчно толковать;

Нигдѣ его не отыскали,
Ахъ! трудно счастіе стяжать!
И я, мужикъ хоть немудреный,
Сказать то также, какъ ученый,
Могу: оно въ самомъ во мнѣ.
Да гдѣ и какъ найтить? Не знаю;
Въ печали — на яву страдаю;
А веселъ — все будто во снѣ.

Противъ страстей возставши лихо,
Чело нахмуря, какъ Катонъ,
Когда въ душѣ его все тихо,
Философъ свой даетъ законы:
«На что страстямъ порабощаться?
«Разсудку должно покоряться;
«Всѣ наши прихоти мечты;
«Все здѣсь, о люди! скоротечно;
«Ищите въ небѣ счастія вѣчно,
«А міръ — суетъ есть суета.

«Коль сытъ однимъ — на что три блюда?
«Коль есть кафтанъ — на что ихъ пять?
«Къ чему потребна денегъ груда?
«Умрешь — съ собой вѣдь ихъ не взять.
«Стѣсни ты нуждъ своихъ границы,
«Бѣги въ деревню изъ столицы,
«Живи спокойно малый вѣкъ,
«Терпи обиду равнодушно,
«Сноси печаль великодушно,
«Будь выше, нежели человѣкъ.»

Да самъ ты что̀, мой поучитель?
Ты Богъ, иль Ангелъ во плоти?
Глубокой мудрости рачитель!
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не умъ одинъ, но чувства,
Вѣщай безъ всякаго искусства,
Ужъ ли таковъ ты вправду сталъ?
Я вижу — тщетно лицемѣришь;
Сей проповѣди самъ не вѣришь,
И вышелъ ты — пустой кимвалъ!

О, если бъ люди всѣ такъ жили,
Какъ имъ разсудокъ повелѣлъ!
Когда бы чувства тише были,
Источникъ крови бъ не кипѣлъ,
Куда бы было жить прекрасно!
Все было бъ мирно, безопасно,
Любовь была бъ союзъ всѣхъ странъ;
Другъ друга люди бъ не ѣли,
Ужиться межъ собой умѣли
Французъ, Арабъ и Мусульманъ.

О, если бъ — это только слово
Когда въ заглавьи положу,
Одну ли землю — небо ново
Тотчасъ перомъ моимъ рожу.
Всѣ царства будутъ изобильны,
Всѣ люди будутъ равно сильны;
Нигдѣ ни снѣга, ни зимы,
Цвѣты расти вседневно станутъ,

Къ каминамъ бѣгать перестанутъ, —
Совсѣмъ переродимся мы.

Ахъ, нѣтъ! мнѣ жаль камина стало!
Оставимъ лучше все, какъ есть:
Того, что мнѣ на разумъ вспало,
Никакъ не можно произвесть.
Пускай себѣ кружится сфера,
И пусть различная химера
Играетъ каждаго умомъ!
Творецъ все къ лучшему устроитъ;
Насъ нынѣ стужа безпокоитъ,
За то не страшенъ лѣтній громъ.

Молву я слышу повсечасну
О свойствѣ добрыхъ поселянъ:
Какую жизнь ведутъ прекрасну!
Законъ природы не попранъ.
У нихъ грубѣй, твердятъ мнѣ, нравы,
Но несравненно ихъ забавы
Простѣе, нежели у насъ:
Другъ съ другомъ водятся въ свободѣ,
Не пьютъ и не ѣдятъ по модѣ.
Неправда! — такъ же, каковъ часъ.

Когда даются серенады
У васъ въ прекрасный лѣтній день,
Шумятъ прозрачны водопады,
Отъ зноя кроетъ кедровъ тѣнь,
Тогда мужикъ коня впрягаетъ
И плугомъ землю раздираетъ,

Или беремя дровъ тащитъ;
Или сквозь тусклыя окошки,
Въ которы не видать ни крошки,
Зимою на мятель глядитъ.

Жену хочь часто онъ цѣлуетъ,
Но коль обманъ подстережетъ,
Жесточе насъ вознегодуетъ
И за невѣрность сильно бьетъ.
Онъ милъ быть хочетъ по неволѣ,
Не смысля правъ надъ нею болѣ,
Какъ то, что вѣнчанъ — пѣтой кусъ *).
И такъ какъ мы передъ министромъ,
Такъ точно онъ передъ бурмистромъ
Застѣнчивъ, робокъ — тотъ же трусъ.

Согласенъ я, что наши страсти
Не нарушаютъ ихъ покой;
За то у нихъ свои напасти:
Уроки, порча, домовой.
И такъ они въ словахъ разбились,
Но въ вещи мало отличились.
Грущу и я, грустить и онъ.
А что мы модой называемъ,

---

*) Можетъ быть, сіе выраженіе покажется многимъ странно; но мнѣ точно случилось видѣть въ отдаленной отъ Москвы деревнѣ бабу, которая, будучи прибита мужемъ, на вопросъ мой: любитъ ли она его? отвѣчала мнѣ и съ нѣкоторымъ сердцемъ: какъ же, мой батька! вить мы повѣнчались; онъ пѣтой кусъ.

Мы точно то жъ у нихъ встрѣчаемъ:
Обычай ихъ въ селѣ — законъ.

Одно лишь умствованье наше
Влечетъ насъ бѣдныхъ разбирать,
Чья участь чьей судьбины краше,
Что лучше: ползать, иль пахать.
Ахъ! всякой ношу свою тянетъ,
Вседневно въ мѣру силъ устанетъ,
Отъ дроворуба до царя.
Тотъ мнитъ, что я богатъ и тученъ,
А я — что онъ благополученъ;
Но все умовъ пустая пря!

Я тутъ себя не исключаю,
Подобный прочимъ человѣкъ;
Въ желаньяхъ также убиваю
Безплодный мой и краткой вѣкъ:
Чужой ревную часто долѣ,
Въ воображаемой неволѣ
Кружу съ досады весь мой умъ;
Бываю многимъ недоволенъ;
Дни два грущу, да дней пять боленъ
Отъ бури безпокойныхъ думъ.

Каминъ! тобой не промѣняюсь
На всѣ сокровища вельможъ!
Тобою часто утѣшаюсь;
Всегда мнѣ милъ — вездѣ пригожъ.
Пускай печали неизбѣжны,
Но съ ними смѣхи часто смежны.

Ты будь престолъ моихъ забавъ;
А книгъ моихъ съ меня довольно;
Отъ нихъ ни тѣсно мнѣ, ни больно:
Читаю то, что мнѣ на нравъ.

Когда же книгу я оставлю
И углублю въ каминъ мой взоръ,
Съ какимъ веселіемъ представлю
Различныхъ случаевъ соборъ!
Моей всей юности картину,
Суетъ успѣхи и причину
Тотчасъ въ умѣ воображу;
На Сѣверъ, Югъ, и на столицу,
И на финляндскую границу
Какъ-будто я теперь гляжу.

Винюсь, мой Боже! предъ Тобою,
Я праздно молодость убилъ,
Влекомъ обычая волною,
И день и ночь мечтамъ дарилъ.
То тамъ, то сямъ я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслилъ: — «это все заемъ,
«Которымъ я кого ссужаю;
«Современемъ сей долгъ, я знаю,
«Красенъ мнѣ будетъ платежемъ.»

Ошибся я въ моемъ расчетѣ,
Пропалъ весь трудъ мой ни во что,
И изъ людей мнѣ на примѣтѣ,
Въ комъ я искалъ тогда, никто —

Не говорю благодѣянье —
Ниже малѣйшее вниманье
Ко мнѣ съ тѣхъ поръ не показалъ;
И коль встрѣчать мнѣ ихъ случалось,
То — вѣроятно ль бы казалось? —
Иной меня не узнавалъ.

Таковъ сей свѣтъ, такіе люди,
И сбитенщикъ не спроситъ Степанъ,
Конечно — что плыветъ, все суди,
Что ни дадутъ, клади въ карманъ.
Два слова *я* и *онъ* вовѣки
Въ одно не свяжутъ человѣки,
И врядъ найдешь ли гдѣ кого,
Кто бы, сосѣда невстрѣчавши,
Не мыслилъ, руку ему жавши:
Мнѣ все — другому ничего!

Пора ко нравамъ примѣниться,
Мнѣ скоро будетъ сорокъ лѣтъ,
Пора изъ опытовъ учиться
Цѣнить людей, узнать сей свѣтъ.
Искать друзей есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася въ наши дни
Людского равнодушья мѣра;
Не требуйте на то примѣра *):
Увы! — во множествѣ они.

---

*) На сихъ днях два меня поразили. Молодой мужчина застрѣлился, и нѣкоторые изъ пріятелей его, съ ко-

Въ глаза другъ друга всѣ расхваляютъ;
Но случай лишь придетъ помочь,
Тотчасъ цѣны твоей умалятъ;
Пойдутъ, не моля слова, прочь.
Уменъ ли кто, — тотъ такъ задавитъ,
Что цѣлый вѣкъ тебя заставитъ
Объ немъ съ слезами вспомянуть.
Дуракъ, — тотъ гдѣ ни повстрѣчаетъ,
Каменьевъ пропасть накидаетъ
И ими заградитъ твой путь. —

А вы, которы безъ умолку
Чувствительностію хвалясь,
Предразсудительному толку
Несете въ жертву сердца связь,
На что вы такъ дары небесны,
Любезность, умъ, черты прелестны, —
Употребляете во зло?
Почто надъ чувствами другова
Толико ваша власть сурова,
Что жить не въ силу намъ пришло?

ими онъ обращался и въ кругу которыхъ почитаемъ былъ необходимымъ, поговоря объ этомъ, какъ о странномъ случаѣ, сутки, на другія поѣхали на балъ и плясали. — Умеръ также нѣкто скоропостижно, и вмѣсто кого-либо изъ родныхъ, или друзей, на снисканіе коихъ онъ лѣтъ съ 60 своего вѣка употребилъ, глаза ему закрыла сердобольная старая иностранка а въ гробъ прибрали рабьи руки. Тутъ также ни чья дружеская слеза на трупъ его не канула. . . . Какая сильная для чувствительныхъ сердецъ наука!

Отъ золъ такихъ моя отрада
Единый Богъ, — Богъ твари всей;
Мнѣ ничего уже не надо:
Не жду блаженства отъ людей.
Стократъ пріятнѣй, дома сидя,
Соблазновъ свѣта въ немъ не видя,
Съ своей семьею просто жить;
И, скромно время провождая,
Разсудку здраву угождая,
Дрова въ каминѣ шевелить!

Война каминовъ.

Собравшись съ мыслями своими,
Каминъ я новый сочинилъ;
Съ стихотвореньями своими
Его въ бюро мой положилъ.
Каминъ тамъ прежній встрепенулся;
Онъ, гостя встрѣтивши въ сердцахъ,
Высокомѣріемъ надулся,
И рѣчь повелъ въ такихъ словахъ:

Куда, скажи, каминъ московской,
Несетъ нелегкая тебя?

И кстати ль въ сей бюро господской
Со мною въ рядъ кладешь себя?
Хоть я въ провинціи родился,
А ты въ Москвѣ произведенъ,
Но сколько бъ симъ ты ни гордился,
Со мной не можешь быть сравненъ.

Ни въ чемъ, повѣрь, ты мнѣ не пара, —
Я шлюся въ томъ на общій судъ;
Въ тебѣ той связи нѣтъ, ни жара,
Какія всѣ во мнѣ найдутъ.
Вѣдь намъ здѣсь въ ящикѣ съ тобою
Свободно можно разсуждать,
И что мы молвимъ межъ собою,
Того никто не будетъ знать.

Пускай того жъ отца мы дѣти;
Но, ахъ! какая разнота!
Давно мой вѣсъ поставленъ въ свѣтѣ;
Ты мнѣ лишь именемъ чета.
По мнѣ отецъ мой сталъ извѣстенъ;
Въ печати два раза я былъ.
Суди, колико рокъ мой лестенъ:
Меня Французъ переводилъ!

Ты все вчернѣ на свѣтѣ видишь,
А я и черное бѣлю;
Ты съ желчью смертныхъ ненавидишь,
А я всѣмъ сердцемъ ихъ люблю;
Ты путь ко счастію теряешь,
А я по немъ иду всегда;

Вездѣ коварство ты встрѣчаешь,
А я, напротивъ, никогда.

Напрасно мой отецъ старался
Дитя такое произвесть;
Пускай бы тѣхъ дѣтей держали,
Отъ коихъ онъ пріемлетъ честь.
Себя, Меня, Авось, Глафиру
И Эгоиста написавъ,
Онъ долженъ былъ оставить лиру
И не искать надъ нею правъ.

Когда жъ, въ несносной нашей долѣ,
Пришелъ его паденья часъ,
Не мучь по крайней мѣрѣ болѣ
Своимъ присутствіемъ ты насъ!
Съ тебя здѣсь ящиковъ довольно;
Переберись изъ нихъ въ любой:
Но, право, намъ ужасно больно
Въ одномъ быть обществѣ съ тобой!»

Каминъ московскій догадался,
Что съ самохваломъ труденъ споръ;
Онъ очень скромно отмолчался
И презрѣлъ весь его задоръ.
А я, чрезъ то познавъ упадокъ
Моихъ во стихотворствѣ силъ,
Дабы все въ должный ввесть порядокъ,
Тотчасъ ихъ порознь разложилъ,

И самъ себѣ на замѣчанье
Сей случай безъ досады взялъ;

На что жъ плѣнять? — Чтобъ насъ любили,
Чтобъ сердцемъ насъ своимъ дарили;
А мы, владѣя сердцемъ ихъ,
Владѣя тѣмъ, всего что краше,
Блаженство находили наше
Во счастьи женщинъ намъ драгихъ.

Безъ нихъ пріятныя бы чувства
Оледенѣли вовсе въ насъ,
Исчезли бъ всѣхъ родовъ искусства;
Свѣтильникъ разума погасъ;
Мы стали бъ дики, своенравны,
Одной жестокостію славны;
Повсюду видѣли бъ раздоръ;
Какъ звѣри пищу восхищая,
Другъ друга тишины лишая,
То зло бы дѣлали, то вздоръ.

Куда бы дѣлося геройство,
И къ храбрымъ подвигамъ любовь,
Сіе сердецъ великихъ свойство,
Воспляменяющее кровь?
Къ какой бы милости склонились?
Какого буйства устыдились,
Когда бъ, достойныхъ женъ хвала,
Сія единственная мѣта
Всего подсолнечнаго свѣта,
Къ дѣламъ отличнымъ не влекла?

Въ огонь и полымя летаемъ,
Ни язвъ, ни смерти не страшась;

Въ которомъ не было бы дамъ?
Гдѣ могутъ быть онѣ помѣха,
Благопристойная утѣха
Уже не существуетъ тамъ.

Еще такихъ диковинъ въ мірѣ,
Какъ свѣтъ стоитъ, я не слыхалъ,
Чтобы съ сумой, или въ порфирѣ,
Мужчина женщиной скучалъ.
Пристойно нашему лишь вѣку,
На посмѣянье человѣку,
Такую блажь въ немъ допустить,
Чтобъ естеству сопротивляться
И съ прилежаньемъ обучаться
Безъ женщинъ время проводить!

Ужъ ли, въ столь странномъ заблужденьи
Ума, кто хочетъ выдать знакъ,
Чувствъ вредны злоупотребленья?
Но быть безъ нихъ нельзя никакъ.
Такую чудную химеру,
Превосходящу всяку вѣру,
Едва придумать я могу.
Въ какомъ умѣ вообразилась,
Въ какой душѣ она родилась?
Съ ней надо міра быть врагу.

Куда безъ женщинъ мы годимся,
Прошу злодѣевъ ихъ сказать?
Весь вѣкъ хлопочемъ, суетимся,
А изъ чего? — Чтобъ ихъ плѣнять.

На что жъ плѣнять? — Чтобъ насъ любили,
Чтобъ сердцемъ насъ своимъ дарили;
А мы, владѣя сердцемъ ихъ,
Владѣя тѣмъ, всего что краше,
Блаженство находили наше
Во счастьи женщинъ намъ драгихъ.

Безъ нихъ пріятныя бы чувства
Оледенѣли вовсе въ насъ,
Исчезли бъ всѣхъ родовъ искусства,
Свѣтильникъ разума погасъ;
Мы стали бъ дики, своенравны,
Одной жестокостію славны;
Повсюду видѣли бъ раздоръ;
Какъ звѣри пищу восхищая,
Другъ друга тишины лишая,
То зло бы дѣлали, то вздоръ.

Куда бы дѣлося геройство,
И къ храбрымъ подвигамъ любовь,
Сіе сердецъ великихъ свойство,
Воспламеняющее кровь?
Къ какой бы милости склонялись?
Какого буйства устыдились,
Когда бъ, достойныхъ женъ хвала,
Сія единственная мѣта
Всего подсолнечнаго свѣта,
Къ дѣламъ отличнымъ не влекла?

Въ огонь и полымя летаемъ,
Ни язвъ, ни смерти не страшась,—

Успѣхи жизнью покупаемъ,
Препятствіями раздражаясь
Какую жъ ищемъ мы отраду
Такихъ трудовъ себѣ въ награду?
Восхитить женскіе умы;
И если овладѣли ими,
Трофеи брося передъ ними —
О, сколь благополучны мы!

Нельзя безъ женщинъ обойтиться,
Когда безъ нихъ и часъ какъ вѣкъ;
Чрезъ нихъ и съ ними веселиться
Природой призванъ человѣкъ.
Онѣ забавы умножаютъ,
Онѣ печали уменьшаютъ,
И бремя живота легчатъ:
Отъ нихъ искать уединенье
Такое сердца преступленье,
Въ которомъ я не виноватъ...

Напрасно, право, вы, мужчины!
Хотите свѣтъ перемудрить,
И вонъ изъ общей всѣхъ судьбины
Систему новую сложить.
Живите такъ, какъ жили прежде;
Любите женскій полъ въ надеждѣ,
Что онъ и нашему не врагъ:
Сей цѣпью Богъ вселенну вяжетъ
И твердостью ее намъ кажетъ,
Колико Онъ великъ и благъ.

Пускайте ихъ въ свои собранья,
Присутствіе ихъ ставя въ честь;
Сердецъ смѣшайте воздыханья:
И (буде счастье въ свѣтѣ есть)
То вѣрьте мнѣ — его неложно
Сыскать иначе не возможно,
Какъ только въ родѣ жизни томъ,
Гдѣ женщина, любя мужчину,
А сей, любя ее едину,
Не мыслятъ ни о чемъ другомъ.

Не лесть пристрастными устами
Точу я здѣсь въ моихъ словахъ;
Вы опытъ истины сей сами
Всегда имѣете въ глазахъ.
Мы сплошь на женщинъ негодуемъ,
За вздоръ вспылимъ и приревнуемъ;
Непримиримы имъ враги!
Но чуть лишь милая взоръ кинетъ,
Тотчасъ досада вся простынетъ,
И мы — покорные слуги.

Конечно, женщины имѣютъ
Способность насъ всегда вскружить,
И недостатки чувствъ умѣютъ
Ума проворствомъ замѣнить:
Въ нихъ сердце часто легковѣрно;
Но если мило намъ чрезмѣрно;
То что же дѣлать намъ съ своимъ?
Бѣжать въ пустыню? — Тяжко средство!

Тамъ тотчасъ насъ постигнетъ бѣдство,
И мы воротимся же къ нимъ.

Онѣ все это твердо знаютъ;
Имъ всякой помыслъ нашъ знакомъ;
Онѣ въ глазахъ у насъ читаютъ,
Въ кого когда имъ бросить громъ.
А намъ надлежитъ быть покорнымъ
И нравомъ вспыльчивымъ, задорнымъ
Ни злобить ихъ, ни огорчать,
Любить всѣмъ сердцемъ — но съ искусствомъ,
Стараяся по ихъ къ намъ чувствамъ
И наши къ нимъ соразмѣрять.

Кто такъ себя располагаетъ,
Въ счастливой тотъ живетъ судьбѣ;
Кто женщинъ вовсе убѣгаетъ,
Не имъ злодѣй тотъ — самъ себѣ.
А я, уставы чтя природы,
Унылой не ищу свободы,
И быть въ бесѣдахъ ихъ люблю;
Лицемъ пригожимъ восхищаюсь,
Умомъ и сердцемъ наслаждаюсь,
И розно съ ними — только сплю.

Коль Богъ въ совѣтѣ самъ съ Собою,
Сложивъ Адама одного,
Хотѣлъ украсить рай женою
И создалъ Еву для него,
То какъ юдоль земная слезна
Могла бъ безъ женщинъ быть любезна?

И какъ бы свѣтъ безъ нихъ стоялъ?
И такъ, не умствуйте напрасно;
Ищите женщинъ повсечасно,
И пусть Lequain *) даетъ имъ балъ!

Противъ женщинъ.

> Tel glose hélas sur vos foiblesses
> Qui brule des les partager.

—

За что на женщинъ намъ сердиться,
Когда не любятъ онѣ насъ?
Всего глупѣй о томъ крушиться,
Что въ нихъ извѣдали сто разъ!
Боговъ написано въ совѣтѣ,
Чтобъ имъ плѣнять, а не любить;
И такъ несчастливъ тотъ на свѣтѣ,
Кто хочетъ имъ угоденъ быть.

Иной противу ядръ воюетъ,
И сто смертей бездѣльной чтитъ;

---

*) Имя иностранца, открывшаго академію музыки въ Москвѣ, отъ котораго нѣкоторые члены требовали, чтобъ не было въ оной баловъ и чтобъ одни мужчины могли въ нее входъ имѣть.

Снявъ латы — рыцарь мой горюетъ —
О чемъ? — Дѣвчонка не глядитъ.
Другой законы возглашаетъ,
Судомъ и милостью великъ;
Пришелъ домой — судья вздыхаетъ:
Вскружилъ головушку парикъ *)!

Тамъ зрю — съ огромною трубою
Подъ игомъ скуки — астрономъ
Бѣжитъ, бѣдняжка, за звѣздою,
Предвидитъ дождь, и снѣгъ, и громъ;
Но чуть лишь женщина попалась
Хоть мало-мальски по глазамъ:
Наука вся въ трубѣ осталась,
И инструменты всѣ къ чертямъ!

Или, въ горахъ одинъ скитаясь,
Унынья сгорбленъ тяготой,
Пустынникъ, свѣта укрываяся,
Владѣетъ кое-какъ собой;
И тотъ, въ часокъ погоды ясной
Изъ горъ чуть выйдетъ погулять,
Попался женской взоръ прекрасный:
Пошелъ любить — пошелъ страдать!

Однимъ лишь женщинамъ удобно
Въ умахъ такой хаосъ творить;
Кому иному столько сродно
Въ насъ кровь, какъ лужу возмутить?

---

*) Дамы ввели въ моду носить разныхъ цвѣтовъ парики.

Чѣмъ больше право понимаю
Умовъ ихъ складъ и сгибъ сердецъ,
Тѣмъ я сильнѣе пребываю,
Что въ гнѣвѣ создалъ ихъ Творецъ.

Напрасно я разговорился;
Иной подумаетъ и впрямъ,
Что, можетъ быть, я разсердился
На нихъ за что-нибудь и самъ.
О, нѣтъ! сказать по правдѣ должно:
За что̀ досадовать на нихъ?
Любить никакъ имъ не возможно;
У нихъ есть пропасть дѣлъ другихъ.

Любить! — Смѣшно, такой бездѣлкой
Прервать ихъ важный недосугъ;
Любить душѣ прилично мелкой...
Ну! что за диво вѣрный другъ?
Еще его когда-то станетъ
По-римски дружбу показать,
А между тѣмъ, какъ шмель, пристанетъ —
И лучше бъ вѣкъ его не знать.

Повѣрьте мнѣ, о, человѣки! —
Любви и дружбы нынѣ нѣтъ.
Она родилась въ прежни вѣки
И не дошла до нашихъ лѣтъ.
Послалъ ли Богъ бѣды, печали?
Мы ради вефмъ — мы любимъ всѣхъ;
Но тѣ же люди скучны стали,
Когда на насъ играетъ смѣхъ.

Ищи отъ женщинъ быть въ свободѣ,
Не будь ихъ другъ — не будь ихъ врагъ;
Ласкайся къ той, котора въ модѣ
Но безъ любви — иныхъ нѣтъ благъ,
Какъ пить и ѣсть и веселяться.
Будь кстати шутъ — вездѣ поспѣй,
Остро солги, — но лишь дружиться
Привычки глупой не имѣй.

На балѣ какъ-то мнѣ случилось
Бесѣду слышать двухъ дѣвицъ;
Она мнѣ очень полюбилась
Ma chère! — онъ хочетъ небылицъ.
Eh quoi! mon coeur? — та отвѣчаетъ;
А между тѣмъ тутъ вальсъ поспѣлъ.
Подруга жметъ — danseur терзаетъ —
Mais attendez . . . — какъ надоѣлъ!

Пока другіе вальсируютъ,
Онѣ опять за разговоръ: —
Взгляни — какъ эти двѣ танцуютъ:
Ah! quelle horreur! — и! что за вздоръ!
Да что жъ ты давеча сказала?
Ахъ! какъ онъ éxigeant! — Онъ? кто?
Другая пара подбѣжала.
Я ждалъ конца — да гдѣ? — паръ сто.

Рѣзвитесь, милыя вертушки!
И не заботьтесь ни о чемъ;
Мужчины ваши здѣсь игрушки,
Швыряйте ими какъ мячемъ!

А мнѣ простите, коль обидѣлъ
Прекрасный полъ картиной сей:
Я написалъ, что слышалъ, видѣлъ,
И нѣтъ тутъ выдумки моей.

Прошли мои весенни годы,
Уже я къ осени лечу;
Терпѣлъ я сердца непогоды,
И успокоиться хочу.
Уважить женщинъ — чту закономъ;
Почесть — обязанъ ихъ всегда;
Служить имъ — радъ всѣхъ силъ съ урономъ;
Любить — хоть тресну — никогда.

Балъ.

—

Былъ на праздникѣ огромномъ,
Что̀ намъ принцъ вчера давалъ,
И въ кругу людей отборномъ
Своей любушки искалъ.
Тамъ по всѣмъ угламъ совался,
Встрѣтить взоръ ея хотѣлъ;
То сквозь кучу къ ней бросался,
То ни съ мѣста я не смѣлъ.

Что жъ такое въ насъ родится,
Когда любимъ мы кого?
Гдѣ весь городъ шевелится,
Тамъ намъ сплошь ни до чего.
Куда глазъ своихъ ни кину,
Все богато, все свѣтло;
На всѣхъ вижу ясну мину,
Одному мнѣ тяжело.

Долго ль будешь, страсть любовна,
Покорять сердца себѣ?
Ты лишь мучить ихъ способна,
А они все льнутъ къ тебѣ.
Хоть и видимъ, что мы гинемъ,
Идучи тебѣ во слѣдъ,
Но зажмурившись идемъ
Часто въ пропасть лютыхъ бѣдъ.

Я читалъ въ мой вѣкъ не мало,
Много слышалъ отъ людей —
Сколько умныхъ погибало
Отъ твоихъ, любовь, затѣй!
Часто разумъ мнѣ пѣняетъ:
Для чего я то терплю?
Сердце ноетъ, отвѣчаетъ:
Что жъ мнѣ дѣлать — я люблю.

Да, люблю! — любить родился,
Не дышать хочу, лишь — жить!
Чего бъ въ свѣтѣ ни лишился,
Буду вѣчно я любить.

Пока жаръ любви безцѣнной
Будетъ каплю крови грѣть,
Я и въ участи стѣсненной
Буду рай на свѣтѣ зрѣть.

Долго, долго не случилось
Мнѣ сойтиться съ дорогой,
Долго сердце мое билось,
Долго духъ стѣснялся мой;
Вдругъ какъ молнія блеснула —
То былъ взоръ ея очей,
Вспыхла кровь, душа вздохнула,
Ожилъ — и летѣлъ я къ ней.

Въ самомъ праздничномъ собраньи
Для любви есть мигъ вездѣ;
Передать свои вздыханья
Нѣтъ помѣхи намъ нигдѣ.
Тутъ же тотчасъ я на балѣ
Съ ней къ сторонкѣ отошелъ,
И въ стихахъ на опахалѣ
Ей булавкой накололъ:

«Нѣтъ милѣй тебя на свѣтѣ
«Для меня нѣтъ ничего!
«Если бъ царство зрѣлъ въ предметѣ
«Въ замѣнъ сердца твоего,
«Если бъ всѣ порфиры міра
«Мнѣ судьба сейчасъ дала,
«Моя любушка, хоть сира,
«Верхъ надъ ними бы взяла.

«Сколько лицъ здѣсь суетится,
«Посмотри! я говорилъ;
«А никто не веселится:
«Всякой радъ, что день убилъ.
«Пустота, унынье, скука,
«Право, всѣхъ ихъ здѣсь губитъ;
«Безъ любви животъ нашъ мука,
«Безъ любви душа въ насъ спитъ.»

Она слушать не стыдилась
Непорочныхъ сихъ рѣчей,
Безъ жеманства согласилась
Вѣрить истинѣ моей.
Я съ тѣхъ поръ въ блаженствѣ новомъ
Встрѣчу день и провожу,
Въ пути жизни сей суровомъ
Я занозъ не нахожу.

Съ той минуты благотворной
Отъ печали я ушелъ,
Молвя ей: слуга покорный!
Я къ блаженству слѣдъ нашелъ;
Веселъ всякою порою,
Жизнь моя утѣхъ полна,
Храмъ любви вседневно строю;
Богъ въ немъ, — любушка одна.

Ah! il n'est point de fête,
Quand le coeur n'en est pas.

Взманилъ меня на дняхъ знакомый малый, вздорный,
В деревню къ богачу на праздникъ престольный;
Тамъ стерляди, хвасталъ онъ, аршина въ полтора;
Къ тому же, говорилъ, живого осетра
Съ курьеромъ во весь духъ изъ Волги притащили;
Вчера его при мнѣ въ садокъ здѣсь посадили;
Вина — хоть окунись — какого хочешь есть,
И, словомъ, лишь была бъ охота пить и ѣсть,
А впрочемъ, всякой тамъ найдетъ, чего желаетъ;
Гостямъ хозяинъ радъ, какъ принцевъ ихъ принимаетъ.
Я слушалъ и молчалъ, смѣкая самъ съ собой;
Ни крошечки не [illegible] дорогой.
Зачѣмъ поѣду я обѣдать въ дальни гости?
Верстъ тридцать отъ Москвы ломать напрасно кости
Нѣтъ нужды никакой; а если сила въ томъ,
Чтобъ стерлядь запивать диковиннымъ виномъ

И въ кучѣ разныхъ лицъ незнаемыхъ шататься,
То, право, лучше мнѣ въ своей семьѣ остаться.
Дворянской нашъ базаръ меня ужъ не дивитъ;
А кашею крутой я также буду сытъ.
Но вдругъ поѣхать съ нимъ мнѣ чтото разсу-
дилось,
Иль лучше отъ того, что мнѣ въ тотъ день скру-
стилось!
Вскочилъ я, такъ и быть, поѣдемъ! я сказалъ,
И гусемъ заложить коляску приказалъ.
Пока мой экипажъ къ походу снаряжался,
И Колобовъ *) какъ бѣсъ по всѣмъ избамъ про-
щался —
(У всякаго своя примѣчка въ свѣтѣ есть:
Любовь не все одну боярску холитъ честь,
Не все она къ одной прекрасной тянетъ рожѣ;
Бродяга часто въ ней поспоритъ и вельможѣ;
А что до красоты, то свѣтъ давно пустилъ
Пословицу въ Руси: не по хорошу милъ,
А по милу хорошъ) — и такъ, пока впрягали,
Намъ просто безъ затѣй завтракать собрали;
Мы, съѣвши хлѣба край, хлебнули молочка.
Прекрасенъ былъ тотъ день — ни тучъ, ни об-
лачка;
Посовѣстились брать съ собой въ дорогу
книжку;
Отъ голоду въ запасъ взялъ вяземску коврижку!
Не къ чему здѣсь хочу для книжки прибирать —
Нѣтъ; истинно люблю я пряники жевать.

*) Слуга мой.

Межъ тѣмъ уже въ подъѣздъ коляску подвезли;
Мы прыгъ въ нее тотчасъ — тряхнули — покатили:
Безъ цѣли тридцать верстъ скакать, Богъ вѣсть зачѣмъ.
Едва ль, опричь меня, случалось это съ кѣмъ?
Ахъ! если бъ я умѣлъ здѣсь живо и прекрасно
Перомъ то написать, что мнѣ мололъ всечасно
Товарищъ на пути . . . увѣренъ бы я былъ,
Что повѣстью такой и мертвыхъ разсмѣшилъ.
Лишь сѣлъ и закричалъ: пошелъ! Какъ тихо ѣдемъ!
Мы этакъ никогда до мѣста не доѣдемъ —
Помилуй! пять минутъ лишь только со двора —
Какое пять минутъ! часа ужъ съ полтора. —
Фу! что за пекла здѣсь! нѣтъ мочи — задушился!
Вели спустить хоть верхъ. — Ты очень запалился. —
Пожалуй прикажи! — Слуга лишь соскочилъ;
Постой, постой! — Что тамъ? — Я тросточку забылъ. —
Не ужъ-то намъ за ней турить домой лакея?
Добро; ужъ такъ и быть — пошелъ, да поскорѣя.
Отъѣхали сажень; — ай! ай! вонъ косогоръ;—
Коляска на боку. — Пустое, братецъ, вздоръ! —
Вотъ такъ-то онъ блажилъ; и я все съ нимъ [illegible]ился:
Наскучилъ мнѣ сумбуръ, и я за умъ хватился:
Не слушалъ ничего, что далѣе ни вралъ.

Ахъ, Боже мой, какъ онъ меня тогда залгалъ!
Вѣстей не есть конца, — всего и вѣкъ ко-
снулся!
Скакали три часа, хоть въ словѣ бы запнулся;
Да пуще-то всего онъ тѣмъ мнѣ надоѣлъ,
Что сряду двухъ минутъ въ покоѣ не сидѣлъ;
Какъ живчикъ, — то и знай въ коляскѣ онъ
вертится;
Вдругъ крикнетъ: ну, пошелъ! — вдругъ: дай
остановиться!
Тамъ кочка, тамъ бугоръ — ой! вывалятъ тот-
часъ;
Подъѣдемъ ли къ рѣкѣ, — прости, уходитъ насъ!
Я только-что спрошу, когда заколобродитъ:
Да часто ль на тебя такая дрянь находитъ?
Какъ стали мы къ селу верстъ за пять подъ-
ѣзжать;
Постойте! закричалъ. — Когда теперь стоять!
Что тамъ Богъ далъ еще? — Вонъ въ рощѣ не-
забудки;
Сорви ее, слуга! — И! полно, что за шутки!
Не слушайтесь его! я людямъ закричалъ,
И кое-какъ въ село къ обѣду прискакалъ.
Оправились, взошли. — Въ прекраснѣйшемъ
строеньи
Художества вездѣ находимъ превращенье.
Хозяинъ изъ-за картъ à bras ouverts бѣжитъ;
Хозяйка на софѣ разнѣжившись лежитъ.
Французскихъ слова два она намъ отпустила;
Товарищъ мой тотчасъ: Ахъ! какъ у васъ все
мило!

Мы видимъ возлѣ насъ Олимпъ среди полей.
И подлинно тогда набѣгъ къ нимъ былъ гостей:
Иной кричитъ бостонъ, иной сампрандру про-
ситъ;
Тотъ пѣсенку поетъ, другой стихи подноситъ;
Французовъ, Немчуры — безчисленный народъ,
По всѣмъ угламъ торчитъ иноплеменный сбродъ.
Товарищъ мой ко всѣмъ съ привѣтствомъ под-
бѣгаетъ;
Иному руку жметъ, другого обнимаетъ.
Дѣвицъ прекрасныхъ строй, любезныхъ женщинъ
тма,
И было бъ, можетъ быть, съ чего сойти съ
ума:
Но, къ счастію моему, умъ дома я оставилъ,
А сердце на житье въ Рандѣя отправилъ,
И тутъ среди гостей вздохнулъ объ ней тогда:
Съ ней розно не могу быть веселъ никогда.
Пошедши на балконъ взглянуть [illegible] виды,
Нечаянно нашелъ въ диванѣ Аониды,
Раскрылъ — и мой первой взоръ Парашу повстрѣ-
чалъ:
Подъ именемъ ея тебя тогда мечталъ.
[illegible]! не страшись въ преданіи ты измѣны;
Всѣ пали предъ тобой Параши Селимены.
Другъ дома между тѣмъ, гляжу, ко мнѣ катитъ,
И двухъ въ подмогу нѣмъ бостонщиковъ тащитъ.
Но двери настежъ въ залъ — когда жъ играть
садиться?
Народъ повалилъ — давно всѣмъ стерлядь
снится.

И увертюръ и у нихъ безъ мала со сто рѣчей!
Какой огромный домъ! какой богатый столъ!
Покоемъ пребольшимъ хотя онъ былъ поставленъ,
При всемъ томъ ихъ сервизъ не могъ быть весь уставленъ.
Я подъ-бокъ къ своему товарищу подсѣлъ.
Во весь обѣдъ звукъ трубъ и бой литавръ гремѣлъ.
И рыбы, и мяса, и всякія приправы,
Для пищи животамъ и зрѣнья для забавы,
На блюдахъ въ два ряда носили вкругъ стола;
А стерлядь всѣмъ сама хозяйка раздавала.
Отъ пращуровъ у нихъ посуда та осталась,
Въ ломбардныхъ кладовыхъ доселѣ не валялась;
Откуда ни возьми на пробу и на вѣсъ,
Добра со всѣхъ сторонъ, и лишнихъ нѣтъ примѣсь;
Попутчикъ мой невдѣ глазами восхищался,
Какъ самой тонкій духъ, на воздухъ поднимался;
А я молчалъ, какъ пень, и крѣпко лишь тужилъ,
Что такъ некстати тутъ я цѣлый день убилъ.
Покушавши, когда немножко тоще стали,
Другъ къ другу наклонясь, какъ мухи зажужжали;
Часъ отъ часу потомъ и громче и сильнѣй
Гость каждый рѣчь свою запѣлъ, какъ соловей:
Иной, схватя пирогъ, въ двѣ щеки уплетаетъ,
И думаетъ, что онъ Моро на штыкъ сажаетъ;
Индѣечье крыло терзая тамъ другой,
Разсказываетъ всѣмъ про Макдональдовъ бой;

Мы видимъ вновь весь Олимпъ среди полей...
И подлинно тогда набѣгъ къ нимъ былъ гостей:
Иной кричитъ бостонъ, иной сампрандру проситъ;
Тотъ новому поэту другой стихи подноситъ;
Французы, Немцы, Турки — безчисленный народъ,
По всѣмъ угламъ чернитъ иноплеменный сбродъ.
Товарищъ мой ко всѣмъ съ привѣтствомъ подбѣгаетъ;
Иному руку жметъ, другого обнимаетъ.
Дѣвицъ прекрасныхъ строй, любезныхъ женщинъ тма,
И было отъ чего, можетъ быть, съ нею сойти съ ума;
Но, къ щастью моему, ужь дома я оставилъ,
А сердце навсегда въ Рандѣ я [illegible],
И тутъ среди гостей вздохнулъ объ ней тогда:
Съ ней розно не могу быть весел никогда.
Пошедши на балконъ, взглянувъ глазомъ виды,
Нечаянно нашелъ въ диванѣ Аониды,
Раскрылъ — мой первый взоръ Парашу повстрѣчалъ;
Подъ именемъ ея тебя тогда мечталъ.
Рандѣ! не страшись въ [illegible] ты [illegible];
Всѣ пали предъ тобой Параши Селимены.
Другъ дома между тѣмъ, гляжу, ко мнѣ катитъ,
И двухъ въ подмогу нейтъ бостонщиковъ тащитъ.
Но двери настежъ вышли — когда же играть садиться?
Народъ мы повалилъ — давно всѣмъ [illegible] снится.

И уверховъ и у нихъ безъ мала со столечёлъ.
Какой огромный домъ! какой богатый столъ!
Покоемъ пребольшимъ хотя онъ былъ постав-
ленъ,
При всемъ томъ ихъ сервизъ не могъ быть весь
уставленъ
Я подъ бокъ къ своему товарищу подсѣлъ.
Во весь обѣдъ звукъ трубъ и бой литавръ гре-
мѣлъ.
И рыбы, и мяса, и всякіе приправы,
Для пищи животамъ и зрѣнью для забавы;
На блюдахъ въ два ряда носили вкругъ стола;
А стерлядь всѣмъ сама хозяйка раздавала.
Отъ пращуровъ у нихъ посуда та осталась;
Въ ломбардныхъ кладовыхъ доселѣ не валялась;
Откуда ни возьми на пробу и на вѣсъ,
Добра со всѣхъ сторонъ, и лишнихъ нѣтъ при-
мѣсь;
Попутчикъ мой невдѣ глазами восхищался;
Какъ самой тонкій духъ, на воздухъ подымался;
А я молчалъ, какъ пень, и крѣпко лишь тужилъ,
Что такъ некстати тутъ я цѣлый день убилъ.
Покушавши, когда немножко толще стали,
Другъ къ другу наклонясь, какъ мухи зажуж-
жали;
Часъ отъ часу потомъ и громче и сильнѣй
Гость каждый рѣчь свою запѣлъ, какъ соловей:
Иной, схвативъ пирогъ, въ обѣ щеки уплетаетъ,
И думаетъ, что онъ Моро на штыкъ сажаетъ;
Индѣечье крыло терзая тамъ другой,
Разсказываетъ всѣмъ про Макдональдовъ бой;

Надъ жирной ветчиной уѣздный Бушма прѣетъ;
И крайне о долгахъ дворянскихъ сожалѣетъ;
Потягивая пуншъ, беззубыхъ двое тутъ
Грустятъ, что скоро дни послѣдніе придутъ;
Никто ни съ кѣмъ ни въ чемъ не хочетъ быть
согласнымъ,
А всякой свой доводъ считаетъ распрекраснымъ.
Хозяинъ, чтобы вдругъ всѣ мысли согласить,
Спросилъ большой бокалъ — и ну здоровье пить.
Онъ наше, мы его пока шампанскимъ пили,
По нотѣ много лѣтъ намъ пѣвчіе сулили.
Потомъ со всѣхъ сторонъ пошли десертъ тас-
кать.
Всего, что было тутъ, нельзя пересказать.
Желая истощить всей нѣги услажденья
И самыхъ тонкихъ чувствъ растрогать въ насъ
движенья,
На арфѣ двухъ пѣвицъ заставили играть
И нѣжны голоса со звукомъ струнъ сливать.
Хозяйка между тѣмъ, жеманяся непутно,
Болтала всякой вздоръ французской поминутно;
Дѣвицы про себя: ты знаешь chez Pierrsohn
Препропасть навезли bonnets à la Nelson.
И вотъ ужъ — быть нельзя — тотчасъ, вѣдь,
спорить стала;
А я вчера за нимъ нарочно заѣзжала. —
Поѣду же и я. — Сегодня ужъ когда? —
Такъ завтра. — А какъ всѣ раскупятъ — вотъ
бѣда!
Какая здѣсь cohue! терпѣнья не достанетъ.
Нѣтъ! маменька меня впередъ ужъ не заманитъ.

А маменька въ ушко сосѣдкѣ: Ахъ! мой свѣтъ!
Взгляни-ка, шепчетъ ей, не снялся ль мой корсетъ?
Чадъ винный между тѣмъ объявши всѣ утробы,
Проснулись страсти въ насъ, вскипѣлъ въ устахъ ядъ злобы.
Мой хватикъ далъ сигналъ, возвысясь первый тонъ;
Исчезли рѣчи всѣ — сталъ слышенъ ревъ и стонъ.
Хозяйка — Ah! j'ai peur! взвизжала и умчалась,
За нею вмѣсть толпа въ минуту разбѣжалась, —
И тутъ-то начался порядочный содомъ,
А люди-то и знай, что всѣхъ поятъ виномъ,
Въ иномъ углу дрались, въ иномъ еще бранились;
Кой-гдѣ гостей ужъ нѣтъ — давно подъ столъ свалились.
За женщинами въ слѣдъ и я было-урылъ;
Да пьяный мой сосѣдъ за фалду ухватилъ:
Постой! послѣ стола спектакль намъ покажутъ. —
Какой тебѣ спектакль; ужъ въ лыко всѣ не вяжутъ.
Подъ эту рѣчь *Мортимеръ* *), проснувшися со сна,
Дворецкому кричитъ: дай сладкаго вина!
Пристали всѣ рабы, съ попырокъ у рту пѣна;
Да пьянымъ, говорятъ, и море по колѣна.
Не вѣдаю, какъ я не пьяной уцѣлѣлъ.
Мой хватикъ нагрузясь, едва уже сидѣлъ.

*) Имя хозяина.

По рюмкѣ поднесли еще намъ дрей-мадеры, —
Тутъ новыя у всѣхъ родилися химеры:
Кто въ шахи захотѣлъ, кто въ знатны господа,
Кто хочетъ милліонъ имѣть рублей всегда,
Иной стрѣльнуть въ Мадридъ съ Испанцами подраться,
Другой готовъ весь вѣкъ съ сосѣдами тягаться,
Тотъ весь индійскій скарбъ въ баулъ свой положилъ,
А этотъ въ свой чуланъ сераль перетащилъ:
Что разумъ, то расчетъ; что сердце, то желанье.
Хозяинъ посреди сихъ пьяныхъ восклицаній
Ко мнѣ оборотясь: «А вы, гость дорогой!
Чего бъ хотѣлось вамъ!» — Домой, сударь, домой,
Отвѣтствовалъ ему я очень равнодушно.
— Такъ рано! — «Да мнѣ здѣсь, помилуй Богъ, какъ скучно!»
Пострѣлъ мой унимать: — Пожалуй, погоди,
На фейерверкъ ужо немножко погляди!
Такого, мнѣ повѣрь, не видывалъ вовѣки:
Фонтаны, бураки и пламенныя рѣки;
Съ соборъ Успенской щитъ, и тысячъ сто фузей. —
Ахъ! полно, братецъ, врать! По милости твоей,
Я слышалъ ужъ и такъ, какъ лжешь ты превосходно;
И далѣе съ тобой транжирить мнѣ несходно. —
Такъ я останусь здѣсь. — О! хоть до утра
Пожалуй пей и жди живого осетра;
А мнѣ пора въ Москву. — Ни съ кѣмъ я не прощаясь;

Вскочилъ изъ-за стола, на цыпочкахъ убрался;
Не долго на крыльцѣ своей коляски ждалъ,
И въ городъ во весь духъ скакать я приказалъ!
Дорогой размышлялъ: бѣды есть же въ свѣтѣ люди,
Которы островомъ хотятъ ловить на уды.
Къ Раидѣ прискакалъ, — Раиды милый взглядъ
И путь мнѣ и обѣдъ вознаградилъ стократъ.
Свободенъ отъ чиновъ, безъ всякихъ принужде-нiй,
Блаженъ, когда могу ей дѣлать угожденьи!
Съ ней малъ и цѣлый день, съ другою длиненъ часъ!
И тутъ я испыталъ уже не въ первый разъ,
Что гдѣ мнѣ ни польститъ въ утѣхахъ разны виды;
Ахъ, нѣтъ! я не могу быть счастливъ безъ Ра-иды!

1790 годъ.

Le bonheur en une chimère
Tout fut formé pour la douleur
Et le destin nom fit un coeur
Pour mieux sentir notre misère.

Еще промчали годъ, и новый начинаемъ!
Что было, то прошло; что будетъ — ожидаемъ.
Текутъ рѣкою дни одинъ другому въ слѣдъ:
То радость промелькнетъ, то туча грянетъ бѣдъ;

Какъ волны на морѣ, мигъ съ мигомъ соединится
И вѣчности въ туманъ придутъ онѣ сокрыться.
Минута, жизни дробь! рѣзва ты и скора!
Далекъ отъ насъ тотъ день, который былъ вчера.
О, вѣчность! отъ тебя хоть я и не робѣю,
Но что такое ты, постигнуть не умѣю;
Гдѣ былъ твой первый пунктъ, гдѣ будетъ твой конецъ!
На что хотѣть узнать, что скрылъ отъ насъ Творецъ?
Покорствуя Ему въ безмолвіи глубокомъ,
Да будетъ всякъ изъ насъ своимъ доволенъ рокомъ.
Онъ времени велѣлъ придти, пройти, бѣжать,
А намъ опредѣлилъ пожить и умирать.
Премудрости своей Онъ свѣта руль оставилъ,
А смертнымъ повелѣлъ, собой чтобъ каждый правилъ.
Труднѣй сто кратъ свершить столь важный подвигъ намъ,
Труднѣе, чѣмъ познать кругъ неба, путь звѣздамъ.
Какъ вѣтры въ корабли, когда въ насъ страсти дуютъ,
И сердце не щадя, тѣснятъ, мятутъ, волнуютъ.
Блаженъ, кто самъ себѣ вскричалъ тогда: постой!
Отъ пропасти свернетъ, и сохранитъ покой.
О семъ бы каждый день намъ думать надлежало;
Отъ опытовъ ума и сердце бъ тише стало.

Но, нѣтъ! лишь новый годъ Москвы,
Что всѣхъ заботитъ насъ? — Парикъ и — маскерадъ.
Игрокъ ли обыгралъ, кокетка ли плѣнила,
Или каррикатуръ на балѣ много было, —
Кричатъ: счастливый годъ! — Но что мнѣ до кого?
Спрошу теперь себя, спрошу я самого:
Поживши тридцать лѣтъ во храминѣ стѣсненной,
Я, мелкой человѣкъ, забытый во вселенной,
Подобно какъ и всѣ, хоть лишній годъ прогналъ;
Умнѣй ли я другихъ, спокойнѣе ли сталъ?
Ахъ, нѣтъ! Я не солгу: какъ маленькія дѣти,
Обманами живу и вязну въ разны сѣти;
Не такъ какъ въ двадцать лѣтъ, не въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ,
Иначе — но всегда запутанъ въ суетахъ.
По утру, какъ Катонъ, съ собою разсуждаю,
А днемъ въ кругу красотъ весь умъ и толкъ теряю.
О, женщины, мой врагъ! что съ вами дѣлать мнѣ?
Бѣжалъ бы, — да нельзя — я вѣчно въ западнѣ.
Оставимъ мы любовь, источникъ злоключенья,
Посмотримъ на плоды всеобща просвѣщенья:
Умнѣй ли нынѣ сталъ не я одинъ — весь свѣтъ,
Хоть близокъ онъ къ концу не года лишь — ста лѣтъ?
Взгляну ли въ мірѣ я на царство колобродно,
Гдѣ свѣтъ наукъ блисталъ донынѣ превосходно, —
Что вижу тамъ? Царей любимыхъ свержены тронъ!

Что слышу тамъ? Дверей темничныхъ страшный
звонъ!
Танталъ и Иксіонъ не такъ, какъ тѣ, страдали,
Которыхъ небеса Французу въ жертву дали;
Онъ, грады разоря, селенья истребилъ,
И кровію гражданъ Ѳемиды храмъ кропилъ.
Гдѣ мудрости его плодъ зрѣлый и прекрасный?
Гіены зѣвъ на свѣтъ извергъ тебя, несчастный!
Ты Людвига убилъ, ты Бога не позналъ!
Осьмнадцатый сей вѣкъ того ли ожидалъ; —
Тотъ славный вѣкъ для насъ, которой въ на-
чалѣ,
Устами прилагать судьба печали къ печали,
Петру вручила скиптръ — сей въ мужествѣ ко-
лоссъ
Царямъ далъ ощутить, что̀ значитъ сильный
Россъ?
Тотъ вѣкъ, въ который благъ изящная причина,
Великая въ Мужахъ, о Ты, Екатерина!
Прославя свой народъ, полсвѣта побѣдивъ
И звукомъ громкихъ дѣлъ всю землю оглушивъ,
Не въ трепетѣ рабовъ приятство зря короны,
Оградой царскихъ правъ не чтя подвластныхъ
стоны,
Душой, умомъ жила, и не мѣшала жить?
Но мнѣ ли моихъ Владыкъ достоитъ восхвалить?
Куда влечетъ меня перо мое свободно?
Лучъ солнца разбирать Богамъ единымъ сродно.
Пристойно ль воробью орлиный брать полетъ?
Гдѣ слава одного, другого гибель ждетъ.
Херасковъ! лишь тебѣ дано съ орломъ равняться,

Въ поэзіи небесъ превыспреннихъ касаться,
Согражданъ въ ней своихъ дивить и увѣрять,
Царей прямой хвалой безъ лести возвышать!
Вотще ревную я тебѣ въ воображеньи;
Я чувствами богатъ, но бѣденъ въ изъясненьи.
Не всякъ, кто стишкъ сложилъ, на Парнассѣ господинъ;
Тамъ карла никогда не будетъ исполинъ.
О! если бъ я тебѣ, Херасковъ, былъ подобенъ
И кистію твоей владѣть бы былъ способенъ,
Я пламеннымъ перомъ и въ радужныхъ чертахъ
Здѣсь Павла бы воспѣлъ, какъ солнце во царяхъ!
Но нѣтъ! рука, и мысль, и духъ мнѣ измѣняютъ.
Сойду къ моимъ друзьямъ, — тамъ новый годъ встрѣчаютъ:
Бѣги прошедшій прочь! — ты былъ для нихъ жестокъ,
Да снидетъ нынѣ къ нимъ благопріятный рокъ.
Тамъ пляшутъ безъ затѣй, бесѣдуютъ въ свободѣ,
Хоть жаль, что и у нихъ парикъ проклятый въ модѣ.
Но женщинамъ чего любезнымъ не простишь?
Смѣешься отъ ума — отъ сердца къ нимъ горишь.
Оттуда я въ мое семейство возвращаюсь;
Здѣсь рай души моей, здѣсь счастьемъ наслаждаюсь.
Любезная жена и дѣти всѣ въ глазахъ.
Спокойство и любовь! превыше вы всѣхъ благъ!
Я съ вами Января день первый начинаю,
Всещедрому Творцу моленья возсылаю,

Да счастливо свершитъ наставшій нынѣ годъ!
А счастливъ по моимъ понятіямъ здѣсь тотъ,
Кто совѣсти прямой, закону Божью внемлетъ,
Сообществъ не мутитъ и троновъ не колеблетъ;
Кто, власти надъ собой разумно зная вѣсъ,
Предъ наглостью даетъ смиренью перевѣсъ;
Чиноначалья зря уставъ въ самой природѣ,
Отъ общихъ должностей не ищетъ быть въ свободѣ;
Кто всѣмъ благотворитъ, какъ можетъ, и когда;
Кто правду языкомъ и сердцемъ чтитъ всегда;
Кто, съ ней сообразивъ поступокъ свой пристойно,
Умѣетъ всѣмъ воздать, что каждаго достойно:
Тотъ счастливъ, тотъ блаженъ, тотъ міра красота!
Его, какъ и другихъ, потѣшитъ суета,
Потѣшитъ, — не прильнуть она къ нему не можетъ;
Улыбку въ немъ родитъ, а духа не встревожитъ.
Заботы отъ него бѣгутъ съ печалью прочь;
Ему не скученъ день, ему не страшна ночь.
Вотъ счастье! Я инымъ его не постигаю;
Себѣ и смертнымъ всѣмъ, какъ другъ, его желаю.

Весна.

—

Весны настали дни блаженны!
Ужъ въ рощахъ соловьи поютъ;
Огнемъ природы оживленны,
Повсюду птички гнѣзды вьютъ;
Лучъ солнца льдины проникаетъ,
Водамъ свободу вновь даетъ;
Струя съ струей въ рѣкахъ играетъ
И въ челнокахъ пловцовъ несетъ.

Врата столичны затворились,
Всѣ скачутъ жить по деревнямъ;
Съ театромъ, съ балами простились,
Обманъ наскучилъ ихъ очамъ:
Природа всякаго искусства
Художныхъ рукъ цѣннѣй стократъ.
Въ поляхъ все нѣжитъ наши чувства;
Въ Москвѣ все маска и нарядъ.

Въ бесѣдѣ дружеской, пріятной,
Помѣщикъ жизнь начнетъ вести;
Коварства чуждъ души развратной,
Онъ будетъ въ радостяхъ цвѣсти.
И тамъ онъ всякой день познаетъ,
Что счастья нѣтъ безъ простоты;
Что все, чѣмъ городъ ублажаетъ,
Ничто, какъ вздоръ и суеты.

Блаженъ, кто можетъ устраниться
И у кого есть уголокъ,
Куда придетъ онъ схорониться,
Столицу бросивъ на часокъ!
Мое село, мое имѣнье
Въ саду песчаномъ и пустомъ;
Но гдѣ любви есть услажденье,
Не нуженъ тамъ и царскій домъ.

Я здѣсь въ осьмидесятомъ лѣтѣ *)
Младого кедра посадилъ;
На немъ, чтобъ онъ мнѣ былъ въ предметѣ,
Я вензель милой нарубилъ.
Мой кедръ растетъ и зеленѣетъ,
И уже нынѣ въ лѣтній день,
Когда насъ солнце слишкомъ грѣетъ,
Онъ мнѣ даритъ прохладну тѣнь.

Расти, мой кедръ, и возвышайся,
Коснись главою облаковъ,
И твердымъ корнемъ расширяйся,
Готовь мнѣ къ старости покровъ!
Доколѣ живъ, приду вседневно
Къ тебѣ вздыханьями почтить
Я имя той, кого душевно
Любилъ и буду вѣкъ любить!

---

*) Т. е. въ лѣто 1780 года, а не на моемъ 80 году отъ рожденія, какъ нѣкоторые подумали-было, читая сіи стихи въ первомъ изданіи. О! нѣтъ, я надѣюсь, что Богъ избавитъ меня скуки дождаться столь поздней кончины.

Еще вчера, при блескѣ лунномъ,
Самъ-другъ съ печалью здѣсь сидѣлъ,
И на органѣ пятиструнномъ
Игралъ, какъ лѣсъ вокругъ шумѣлъ.
Звукъ струнъ по вѣтру раздавался,
А я бесѣдовалъ съ луной;
Къ ней быстрымъ взоромъ устремлялся,
Дѣлился съ ней моей тоской.

За что, скажи, за что Зефира
Престала другомъ быть моимъ?
Давно ль ей былъ милѣе міра,
До гроба чая быть такимъ?
Ужъ ли она измѣну знаетъ?
Ужъ ли, ни съ кѣмъ не бывъ равна,
Другимъ женамъ уподобляетъ
Ея невѣрность лишь одна?

Не страстенъ тотъ, кто увѣряетъ
Въ любви лишь клятвою одной,
Котору вспыльчивость раждаетъ,
Волнуя въ юности покой.
Любовь не клятвы громкимъ словомъ
Въ сердцахъ чувствительныхъ растетъ;
Но нѣжнымъ вздохомъ, томнымъ взоромъ
Она въ нихъ дѣйствуетъ, живетъ.

Нѣтъ пользы хитры выраженья
Съ трудомъ стараться находить,
Чтобъ сердца страстны возмущенья
Своей любезной изъявить.

Люблю тебя, сказавъ Зефирѣ,
Я все, что чувствовалъ, вѣщалъ;
Когда бы зрѣлъ ее въ порфирѣ,
Я, право, то жъ бы ей сказалъ.

Хотя, какъ прочіе, съ богами
Тебя, Зефира, не сравню;
Но вѣрь, что сердцемъ и устами
Тебѣ, мой другъ, не измѣню.
Играть любовію не смѣю
Предъ тѣмъ, кого я не люблю;
Сей даръ небесъ я чтить умѣю,
Во зло я не употреблю.

Но тщетно я къ тебѣ взываю,
Луна, несчастныхъ другъ прямой!
Зефиры тѣмъ не возвращаю;
Зефиры нѣтъ нигдѣ со мной.
Померкни, блѣдное свѣтило!
Навѣкъ затмися для меня!
Что можетъ быть мнѣ въ свѣтѣ мило,
Когда Зефира не моя?

Она меня позабываетъ,
Со мной здѣсь рядомъ не сидитъ;
Ужъ голось мой ее пугаетъ
И жертвы сердца не цѣнитъ.
А я, любя ее всѣхъ болѣ,
Приду и завтра тосковать,
Отрадой чтя въ моей злой долѣ
Дражайшій вензель лобызать.

——

Мои имянины.

—

Въ отечествѣ Гречанъ есть островъ, иль бывалъ,
Въ которомъ,—коль тому повѣрить, что читалъ,
И что Анахарсисъ объ немъ намъ утверждаетъ,—
Осьмое Мая всякъ Діанѣ посвящаетъ.
Делосомъ былъ онъ званъ, а Дьяной названа
Со времени боговъ языческихъ луна.
Луна, изъ всѣхъ свѣтилъ нѣжнѣйшее свѣтило,
Которое сердцамъ чувствительнымъ такъ мило!
Вездѣ ты въ нихъ найдешь и жертвы и алтарь;
Ты ночью идолъ душъ и мыслей нашихъ царь.
Позволь сей самый день, полночная планета,
Живущему совсѣмъ въ другомъ предѣлѣ свѣта
День имянинъ моихъ тебѣ же подарить!
Кому могу его пристойнѣй посвятить,
Какъ не тебѣ, луна, несчастныхъ благодѣтель,
Заря идущихъ въ путь — безмолвныхъ чувствъ свидѣтель,
Уединенныхъ другъ, врагъ шума, суеты,
Очей слезящихъ свѣтъ, богиня чистоты!
Да если бъ ты была хоть пунктъ малѣйшій въ мірѣ,
Любилъ бы и за то, что нравишься Глафирѣ.
Что мило для нея, то мило для меня;
Отъ склонности ея раждается моя.
Не въ Греціи одной, вездѣ твой лучъ сіяетъ;
Онъ хижину равно съ чертогомъ озаряетъ.

Вельможа въ городахъ, въ степяхъ мужикъ простой,
Равно просвѣщены, равно живутъ съ тобой.
На что воображать, что я въ чужомъ народѣ?
Найду тебя и здѣсь; оно въ моей свободѣ.
Поставить не могу великолѣпный храмъ;
Природа развѣ здѣсь не та же, какъ и тамъ,
Предъ свѣтомъ тѣхъ круговъ, въ которыхъ ты сіяешь,
Откуда темный лучъ къ намъ долу посылаешь?
О! сколь ничтоженъ видъ огромныхъ тѣхъ трофей,
Что̀ зиждетъ въ честь богамъ художество людей!
Мой садъ да будетъ храмъ твой, жертвы приношенье —
Любви чистѣйшій огнь, — восторгъ ума — служенье!
Узрю Діану тутъ не въ дѣлѣ нашихъ рукъ,
Но въ истинѣ самой, и звѣздъ милльоны вкругъ,
Не мысленный лишь взоръ, покорствуя обману,
Къ изваянну простру нѣмому истукану.
Хотя со мною здѣсь и Аполлона нѣтъ,
Все то же, — у меня Хераскова портретъ.
Но прежде, чѣмъ мой взоръ въ Діану углубится,
Уставу естества я долженъ покориться,
И до вечера день въ мірскихъ обрядахъ гнать,
Несносную толпу гостей увеселять;
Привѣтствовать того, кто больше прочихъ знатенъ,
Въ объятія принять, кто вовсе непріятенъ;
Принудить чувства, мысль, придумать разговоръ,

Пріязни взявши видъ, болтать красивый вздоръ.
О, солнце! ты свѣтло; но какъ съ тобою скучно!
Далеко — студено, вблизи — чрезмѣрно душно.
Хоть выгоды твои я прежде защищалъ
И долго за тебя противъ луны стоялъ;
Но женщины съ умомъ доводомъ убѣдился,
И общимъ съ ней къ лунѣ пристрастіемъ плѣнился.
Приличья права нѣтъ несноснѣй ничего,
И бѣдный какаду *) мой чувствуетъ его:
При людяхъ выходить изъ клѣтки вонъ боится;
Онъ видитъ все чужихъ, и въ робости дичится,
Не смѣетъ на плечо ко мнѣ, бѣднякъ, летѣть,
Ни крылышкомъ взмахнуть, ни пѣсенки пропѣть:
Лишь солнце въ бездну водъ, уставши, погрузится,
Огнемъ его слѣдовъ весь Западъ озарится,
Приду въ мой садъ одинъ сказать тогда лунѣ:
Діана, милый гость! спѣши теперь ко мнѣ!
О, небо! отведи отъ вечера ненастье,
Не возмущай мое минутное ты счастье!
Все скрылось отъ меня, мнѣ чуждъ сталъ цѣлый свѣтъ,
Воздыханіямъ моимъ свидѣтелей здѣсь нѣтъ.
Пріятной тишиной всѣ чувства упоены,
Уймите быстрый бѣгъ, минуты драгоцѣнны!
Явись на горизонтъ и стань въ свой чинъ, луна!
Ужъ близокъ часъ ея — ужъ близокъ. — Вотъ она!

---

*) Какаду называется одна изъ американскихъ птицъ, близкая къ роду попугаевъ.

Мнѣ мнится, я живу одинъ въ пространствѣ
міра:
Въ глазахъ моихъ луна, въ душѣ моей Глафира,—
Глафира, коей ты мила, такъ какъ и мнѣ,
И кою, можетъ быть, ты зришь наединѣ
Въ сей часъ, въ сей самый часъ, когда по ней
вздыхаю,
Вселенну всю забывъ, объ ней лишь помышляю.
О! если вмѣстѣ съ ней мы на тебя глядимъ,
Какой и чей восторгъ сравняется съ моимъ?
Ты скажешь ей, луна, моей любви всю силу,
Повѣдаешь ей мысль и пѣснь мою унылу,
Что въ жизни безъ любви—лишь скука, тягота,
Обмановъ опытъ злой, соблазновъ суета.
Безстрастный человѣкъ съ досадой неразлучно
Живетъ, какъ хищный звѣрь, разсѣянно и скучно;
Пристанища ему въ природѣ нѣтъ нигдѣ,
Вселенна для него могилою вездѣ;
Изъ мѣди въ немъ душа, на сердцѣ горы льдины,
И къ радостямъ себѣ ни въ чемъ не зритъ при-
чины.
О, нѣтъ! съ Глафирой я не чувствую того;
Не въ тягость мнѣ по ней вздохъ сердца моего.
Грустна ль о чемъ она — я съ нею огорчаюсь;
Обрадована ль чѣмъ — я съ нею восхищаюсь.
Твои здѣсь, Пиѳагоръ, напомню я слова:
Мы съ другомъ ни одни, мы съ другомъ и не два.
О, тайное друзей сердечныхъ отношенье!
Чье можетъ постигать тебя воображенье?
Не станетъ ни чьего искусственна пера
На то, чтобъ изъяснить величество добра,

Которое Творецъ съ начала еще вѣка,
Всѣ слабости щадя скудельна человѣка,
Во сладостяхъ любви взаимныхъ показалъ
И въ нихъ, что будетъ рай, предчувствовать намъ далъ.
Я зрю сей рай среди вещественнаго міра:
Небесный создалъ Богъ — земной творитъ Глафира.
Доколь моя любовь угодна будетъ ей,
Доколь ея душа приблизится къ моей,
Дотолѣ всяку ночь приди ты, мѣсяцъ ясный,
Животворить мой садъ, тобою лишь прекрасный!
И праздникъ мой тебѣ и будни я дарю;
Всегда я въ торжествѣ, когда Діану зрю.
Лучамъ твоимъ въ предметъ мою поставлю лиру,
Взыграю — воспою боговъ — любовь — Глафиру.
Не ратныхъ силъ успѣхъ прославлю я на ней;
Такъ много славятъ ихъ на свѣтѣ безъ моей.
А къ вечеру, когда отъ солнечнаго всхода
Закатишься въ лѣса, куда влечетъ природа,
Гдѣ ждетъ тебя въ свои объятья Эндиміонъ,
Тогда, узнавъ и я убогой лиры звонъ,
Приду къ себѣ домой, и въ сладкомъ утомленьи
До утра обтеку Морфеевы владѣньи;
Оттуда возвратясь, тѣмъ день начнется мой,
Что буду вновь желать увидѣться съ тобой.

Осень.

День зачалъ убывать,—простился я съ весною;
Вздохнулъ ей тяжко въ слѣдъ и такъ вѣщалъ съ собою:
Сирены отцвѣли, весна какъ мигъ прошла,
Любезная моя погода отошла,
И игры унося съ собой воображенья,
Лишила чувства всѣ сладчайша восхищенья!
Три мѣсяца въ году весенними слывутъ;
Но часто ли они всѣ ясными живутъ?
Изъ возраста въ другой такъ наша жизнь проходитъ,
На кругъ годичной все столѣтіе походитъ.
Ахъ! если бъ, отъ суетъ свободный, человѣкъ
Исчислить захотѣлъ, великъ ли его вѣкъ,
И внесъ бы въ свой итогъ тѣ скорбныя годины,
Въ которыхъ онъ страдалъ подъ гнетомъ злой судьбины,
Тогда-то бы позналъ всю истину тѣхъ словъ,
Которы произнесъ старинный философъ:
«Мнѣ семьдесятъ ужъ лѣтъ природа насчитала,
Но счастливыхъ лишь семь судьба въ нихъ даровала;
А прочихъ шестьдесятъ совался, хлопоталъ,
Былъ нуждами стѣсненъ, въ недугахъ воздыхалъ.»
Какъ правильно для всѣхъ такое изреченье!
Оно раждаетъ въ насъ полезно размышленье.

О, мужи древніе! о, твердые умы!
Какія истины у васъ встрѣчаемъ мы!
Вы свѣтомъ насъ прямымъ разсудка озарили,
Правдиво мысля вы, правдиво говорили,
И истины, что вамъ случалося познать,
На опытѣ самомъ любили показать.
Хоть общая молва твердитъ во всей вселенной,
Что нынѣ-де вездѣ народъ сталъ просвѣщенный,
Я признаковъ того нигдѣ не нахожу,
Хоть зорко на людей вокругъ себя гляжу.
У дѣдовъ назади во многомъ мы остались
И всуе льстимъ себя, что съ ними поравнялись.
Кто нынѣ, напримѣръ, рѣчь сильну сочинитъ,
Какою Цицеронъ, бывало, возгремитъ?
Кто мысли такъ свои прекрасно въ риѳмахъ свяжетъ,
Какъ древній тотъ пѣвецъ Энея намъ укажетъ?
Дерзнетъ ли кто себя съ Сократомъ поравнять?
Кто твердостью готовъ Камиллу подражать?
Кто такъ, какъ Аристидъ, по правдѣ побораетъ?
Къ отечеству въ любви кто такъ, какъ Регулъ, таетъ?
Или, какъ Сципіонъ, красавицу въ плѣнъ взявъ,
Лѣтъ въ 20 съ небольшимъ страсть нѣжну обуздавъ,
Кто сниметъ такъ, какъ онъ, невольничьи оковы
И узницу отдастъ въ объятья жениховы?
Кто почестямъ мірскимъ такъ мало будетъ радъ,
Какъ царство получивъ на пашнѣ Цинциннатъ?
Кто, пользою своихъ соотчичей плѣняся,
Пожертвуетъ имъ всѣмъ, и смерти не страшася?

Сыщите между насъ и Сюлліевъ портретъ.
Увы! такихъ гражданъ на свѣтѣ больше нѣтъ!
Мы Минина вѣнчать умѣемъ похвалами,
И Долгорукова похвастаться дѣлами;
Но людямъ и странамъ что пользы отъ похвалъ,
Когда примѣрамъ ихъ никто не подражалъ?
Мы блесками ума на пиршествахъ любезны,
Тѣ подвигомъ души бывали намъ полезны;
Во дни свои себя заставя уважать,
Умѣли образцемъ и въ наше время стать.
Но дурны стали мы, и дурны чрезвычайно!
Зло было искони, но было лишь случайно;
А нынѣ вообще противно всѣмъ добро.
Не честь владыка нашъ, но злато и сребро.
Но, ахъ! въ какое думъ собраніе плачевно
Влечетъ меня временъ позорище вседневно?
Сиренъ завялыхъ видъ удобенъ ли раждать
Унылу столько мысль и духъ такъ волновать?
Одна весна прошла, такъ что жъ? и годъ промчится,
И новою весной шалашъ мой озарится,
Сиренъ моихъ кусты опять здѣсь расцвѣтутъ.
Все такъ . . . Но буду ль я тогда? . . . и буду ль тутъ,
Гдѣ геній мой теперь меня отъ золъ спасаетъ,
Щадитъ мою жену и нашихъ чадъ питаетъ,
Гдѣ цвѣтъ, послѣдвій цвѣтъ сиренъ моихъ щиплю,
Гдѣ всю вокругъ себя природу я люблю?
Услышу ль тѣхъ же птицъ, чьимъ голосомъ плѣняюсь,
Увижу ль тѣ струи, въ которыхъ я купаюсь?

Кто скажетъ это мнѣ: доколь весна придетъ,
Какъ много здѣсь воды дотолѣ утечетъ?
О, Боже! Ты мои вздыханія исчисли!
Всѣхъ смертныхъ предъ Тобой желанія и мысли.
Не долгой вѣкъ прошу, но краткой въ тишинѣ,
Чтобъ ясной жизнь моя подобилась веснѣ;
Чтобъ жилъ всегда я тамъ, гдѣ дни мнѣ не постылы;
Чтобъ видѣлъ тѣхъ людей, которы сердцу милы;
Женѣ моей, друзьямъ чтобъ дорогъ былъ всегда;
Сирены чтобъ мои не вяли никогда;
Чтобъ, мѣру лѣтъ свершивъ Тобой опредѣленну,
Безъ ужаса сію оставилъ я вселенну,
И чтобъ потомокъ мой, увидя гробъ мой, рекъ:
Ахъ! жаль его! онъ былъ хорошій человѣкъ!

Спасибо 1799 году.

Шумитъ потокъ временъ и бездна лѣтъ играетъ,
Осьмнадцати вѣковъ Сатурнъ конецъ свершаетъ;
Ужъ перваго числа послѣдня Января
Коснулась нашихъ вѣждъ студеная заря.
Московскимъ красотамъ въ пріятныхъ грезахъ снится,

Что счастіе чѣмъ свѣтъ въ боскеты къ нимъ
свалится.
Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, уже задатокъ взятъ:
Сегодни имъ даютъ театръ и маскерадъ.
А я, при встрѣчѣ сей годичныя денницы,
Мечтаніямъ моимъ опредѣля границы,
Творца благодарю, благодарю сто разъ
За то, что новый годъ дошелъ еще до насъ;
Что старый провели спокойно и здорово,
Прогнавши то, что въ немъ казалось намъ су-
рово.
Но если онъ умчалъ и скуку и печаль,
То сколько жъ и такихъ минутъ, которыхъ жаль!
По свойству моему впередъ не устремляться,
О прошломъ сожалѣть, а сущимъ наслаждаться,
Пожду, пожду еще я новый годъ хвалить;
Посмотримъ, какъ его удастся намъ прожить.
Пускай на громкой ладъ во всѣхъ языкахъ міра
Піитовъ въ днешній день настроенная лира
Гремитъ, плѣнясь его лишь новостью одной,
Что онъ-то къ намъ несетъ Астреинъ вѣкъ зла-
той;
Что въ каждомъ его днѣ къ намъ благъ рѣка
польется;
Что міръ весь безъ меча и крови уживется;
Безъ дару Судія невинность защититъ,
Пристрастіе уйметъ, злодѣйство сокрушитъ;
Что будутъ люди тѣмъ, чѣмъ вѣчно не бывали—
Безъ желчи и страстей, животъ ихъ безъ пе-
чали;
И, словомъ, пусть сулятъ, что осьмисотый годъ

Во агнецъ превратитъ лукавый смертныхъ родъ;
А я тебя пою, о, время дорогое!
Прими, прошедшій годъ, хваленіе простое!
Хоть мраченъ для меня на первыхъ былъ порахъ;
Но сколь вознаградилъ въ послѣдующихъ дняхъ!
Ни быстрый бѣгъ годовъ, ни сами человѣки
Изъ памяти моей не истребятъ вовѣки
Тѣхъ чувствъ, въ которыхъ далъ ты сердцу испытать,
Что жизнь могу и я во что нибудь считать.
Исчисля всѣ твои кратчайшія мгновенья,
Съ веселыми сложивъ печальны приключенья,
Когда я имъ итогъ сравнительный подвелъ, —
О! сколь счастливымъ я тогда себя нашелъ!
Чего, въ единствѣ мнѣ взятому во вселенной,
Осталось захотѣть для доли совершенной?
Въ семействѣ жилъ весь годъ спокоенъ, безъ докукъ,
Съ женою не терпѣлъ мучительныхъ разлукъ;
Друзья мои со мной вседневно обращались;
Я ими, они мной всѣмъ сердцемъ занимались.
Любя стихи писать, съ Глафирой ихъ читалъ;
Изъ глазъ ея хвалы безцѣнны воспринималъ;
Восторгами любви питаясь несказанно,
Съ ея душой моя свыкалась безпрестанно.
Сокровищъ не имѣлъ въ хранилищахъ моихъ;
Но роскошь не любя, что было бы мнѣ въ нихъ?
Богатъ быть можетъ всякъ; доволенъ — кто умѣетъ,
Кто прихоть различить отъ нужды разумѣетъ.

Злодѣевъ не имѣлъ, или не испыталъ;
Болѣзненныхъ мнѣ ранъ никто не налагалъ.
Горой крутой не шелъ въ храмъ славы превы-
сокой;
Тѣмъ лучше,—не боюсь свалиться въ ровъ глу-
бокой
И гордости во мзду разбиться какъ стекло.
Тщеславіе меня къ бѣдамъ не увлекло.
Безвредною другимъ свободой наслаждался:
Игралъ своимъ перомъ, а въ праздники катался;
Въ прекрасны лѣта дни всѣ способы имѣлъ
Быть тамъ, и столько разъ, колико гдѣ хотѣлъ.
И такъ, коль то, что мы имѣемъ всѣ въ пред-
метѣ
Подъ словомъ счастья здѣсь, коль вправду есть
то въ свѣтѣ,
Признательно скажу, что для меня оно
Въ протекшій было годъ нарочно создано.
Ахъ! дорого бы далъ, чтобъ онъ назадъ вернулся
И вмѣстѣ бы со мной на свѣтѣ протянулся!
Но что жъ бы и тебѣ сказать мнѣ не польстя,
Новорожденное Сатурново дитя,
Дабы противъ меня месть горьку обращая,
На верхъ главы моей бѣдъ кучу созывая,
Не гнулъ бы и меня, и тѣхъ, кого люблю,
За то, что твоего предмѣстника хвалю?
Коль счастье ты мое продлить еще способенъ,
Пожалуйста во всемъ будь прошлому подобенъ!

Приказъ швейцару.

Андрюшка! кинь топоръ! я въ знать тебя ву-
стилъ;
Изъ русскихъ мужиковъ швейцаромъ окрестилъ:
Живи теперь въ сѣняхъ, опрятно одѣвайся,
Носи большую трость и шпагой величайся;
Будь ловокъ, будь учтивъ, умѣй сказать отвѣтъ,
И здѣсь, вѣдь, ужъ большой открылся нынѣ свѣтъ:
Всѣ по уши въ долгахъ, всѣ знаютъ толкъ въ
уборахъ,
И купчикъ завелся каретой на рессорахъ.
Лишь только кто ко мнѣ пожалуетъ на дворъ,
Ты встрѣть его тотчасъ, вступай съ нимъ въ
разговоръ.
А что кому сказать на разный спросъ придется,
Однажды навсегда инструкція дается:
«Для знатныхъ баръ меня во весь день дома нѣтъ;
«Пріятелей зови на дружеской обѣдъ;
«Купцамъ скажи, что я въ нихъ нужды не имѣю;
«Попамъ—что и безъ нихъ спастись одинъ умѣю;
«Приказныхъ и судей къ мѣстамъ ихъ посылай;
«А нищихъ и сиротъ всегда ко мнѣ пущай.»
Я требую, чтобъ ты былъ низокъ передъ ними;
Жалѣй о ихъ судьбѣ, и не ругайся ими:
Пускай, увидя твой привѣтливый пріемъ,
Пойдутъ они ко мнѣ, увѣрены въ моемъ.
Кто дряхлъ, кто притѣсненъ, кто пищи не имѣетъ,

Того согнать съ двора никто да не посмѣетъ.
Намъ знатность, власть, чины цари даютъ на то,
Чтобы въ подданствѣ ихъ не бѣдствовалъ никто;
Чтобъ люди, не страшась пить скорби чашу люту,
Блажили свой удѣлъ на каждую минуту,
И нищему велятъ съ тѣмъ руку протянуть,
Чтобъ шагъ ихъ поддержать, а не въ оврагъ столкнуть.
Я князь не для того, чтобъ чваниться породой,
Другой богатъ не съ тѣмъ, чтобъ жить согласно съ модой;
На то ль иной въ звѣздахъ, чтобъ камней нанизать
И, къ солнцу ими ставъ, какъ пряникомъ играть?
Породою своей кто выситься желаетъ,
Благотворенью тотъ весь вѣкъ свой посвящаетъ;
А кто лишь знатенъ тѣмъ, что знатный носитъ санъ,
Тотъ прахъ предъ Божествомъ, предъ трономъ— истуканъ.

Андрюшка! бойся ты сказать: теперь не время
Тому, кто терпитъ золъ различныхъ тяжко бремя.
Пріятно ль мужику, вздыхая тяжело,
Дождаться у судьи, чтобъ въ спальнѣ разсвѣло?
Стоять въ его сѣняхъ, покамѣстъ онъ проснется,
Причешетъ паричокъ и кофею напьется?
Зимой мужикъ озябъ, а лѣтомъ недосугъ:
Собрать онъ долженъ хлѣбъ, скосить онъ долженъ лугъ.

Какъ нѣжный сынъ къ отцу въ объятія стремится,
Лобзаніемъ его въ немъ сердце обновится,
Такъ точно и къ судьѣ поселянинъ бѣжитъ.
Прямой судья примѣръ въ Екатеринѣ зритъ:
Ей всѣ часы равны, какъ днемъ, такъ и средь ночи,
На пользы странъ Ея всегда отверзты очи;
Несчастливыхъ судьбинъ въ ея державѣ нѣтъ:
Ей Россы тѣмъ должны, чѣмъ долженъ Богу свѣтъ.

У многихъ здѣсь господъ, я знаю, что швейцару
Приказъ данъ различать четверку, цугъ и пару,
Провесть иного въ верхъ, иному отказать,
Иного за порогъ передней не пускать;
Однако, чтобъ швейцаръ отъ этого разбору
Не сдѣлалъ иногда какого-нибудь вздору,
Купца не распознавъ, затѣмъ, что онъ обритъ,
Не молвилъ бы врасплохъ, что баринъ еще спитъ,
То велѣно уже торгующу народу
Во всяку дверь входить дать полную свободу.
Хозяина любя отъ искренней души,
Несутъ къ нему наверхъ чай, сахаръ и гроши;
А сей, пріемля даръ тихонько въ кабинетѣ,
Благодаритъ боговъ: не худо жить на свѣтѣ!
И вправду, вѣдь, нельзя того грѣхомъ назвать,
Чтобъ Богу и царю обоимъ вдругъ солгать.
Присяга въ старину считалась важнымъ дѣломъ;

А нынѣ все пустякъ, всѣ люди пишутъ мѣломъ:
Сегодня присягнулъ и крестъ разцѣловалъ;
Назавтра обманулъ, обидѣлъ и укралъ.
Блаженъ, стократъ блаженъ, кто въ бѣдности почтенной
Судъ праведный творитъ, на мадѣ не положенной,
Кто чести смыслитъ вѣсъ и милости предѣлъ,
Кто истину судьей своихъ поставилъ дѣлъ,
Чье имя съ похвалой по стогнатъ раздается,
Отъ коего нигдѣ прискорбныхъ слезъ не льется!
Вотъ истинный мой другъ! вотъ я кого люблю!
Съ коварствомъ никогда водиться не терплю.
И что за прибыль мнѣ, что страхъ какой вельможа,
Отъ коего подчасъ трещитъ на многихъ кожа,
Пріѣдетъ не ко мнѣ, а къ чину моему,
Вводитъ въ соблазны духъ и ставитъ сѣть уму?
Въ добрѣ ли отъ меня онъ ищетъ вспоможенья?
Ахъ, нѣтъ! ему мое лишь нужно преступленье.
Я совѣстью своей не жертвую страстямъ
И должность покорить не смѣю прихотямъ;
Ходатаевъ снискать злодѣйствами не жажду:
Предъ всей вселенной чистъ, хоть въ тѣсной нуждѣ стражду.
Случалось мнѣ видать — и право я не лгу,
Какъ знатный господинъ, согнувшись весь въ дугу,
Зывалъ къ себѣ въ село судей уѣздныхъ кушать;
По нуждѣ, хоть не радъ, готовъ ихъ вздору слушать;
Вина имъ рѣки льетъ, подноситъ тму плодовъ,

И смучилъ цѣлый полкъ французскихъ поваровъ;
Про дѣло имъ свое съ доводами толкуетъ,
И каждому въ карманъ подарки разны суетъ.
Вся челядь вдругъ ему въ одинъ вѣщаетъ гласъ:
Хоть дѣло и съ душкомъ, но мы оправимъ васъ....
Металлъ! ты мудрецовъ коверкаешь душами,
Коробишь совѣсть въ нихъ и движешь всѣхъ умами!
Такъ можно ли хотѣть, чтобъ на чужой алтынъ
Чиновникъ безъ души не городилъ свой тынъ?
Судьи, обворожась сіяньемъ знатной славы,
Рѣшились портить въ даль свои худые нравы,
И правиломъ пріявъ боярскія слова,
Смѣшали въ честь ему законъ и всѣ права.
А тотъ же господинъ, я самъ слыхалъ нерѣдко,
За тридевять земель такъ подчиваетъ ѣдко
Тѣхъ самыхъ, передъ кѣмъ, за то, чѣмъ ихъ язвитъ,
Съ поклоновъ и теперь еще спина болитъ.
На что же мнѣ съ такой почетной чернью знаться,
И ядомъ льстивыхъ словъ на что мнѣ упиваться?
Чѣмъ выше на степень входящихъ я видалъ,
Тѣмъ больше къ нимъ мое почтеніе терялъ.
Злодѣйство назовутъ они предразсужденьемъ,
На скорбь и тѣсноту глядятъ съ пренебреженьемъ.
Какъ рѣдко сердце въ нихъ займетъ благой предметъ,
Иль сроднику помочь, иль другу дать совѣтъ!
Онъ самъ все для себя. Разруша связь природы

Запутался въ цѣпяхъ мечтательной свободы;
Всѣ средства хороши, невинны для него,
Лишь только бъ удалось, желаетъ онъ чего.
Отъ гнусныхъ дѣлъ стыда въ лицѣ его нѣтъ краски;
Съ женою и съ дѣтьми, съ глухими даже въ маски.

Андрюшка! въ толкъ возьми, что̀ я тебѣ сказалъ,
И рабски исполняй, что я ни приказалъ.
На водку за докладъ просить не покушайся,
Не трися вкругъ мѣщанъ, съ купцами не якшайся;
Будь по-просту холопъ. Не мысли никогда,
Кого бы въ кабинетъ пустить ко мнѣ когда:
Проситель ни въ какой мнѣ часъ не помѣшаетъ:
Онъ, нужду объяснивъ, не медля отъѣзжаетъ.
А въ гости никого къ себѣ я не зову;
Не чванства ради здѣсь, по должности живу.
Зачѣмъ ко мнѣ придетъ охотникъ до попойки?
Что̀ дѣлать и тому, кто вѣкъ сидитъ на двойки?
Зачѣмъ того ко мнѣ нелёгка понесетъ,
Кто всякой дрязгъ и вадоръ изъ дому въ домъ несетъ,
Кто, скромности презря любезнѣйши уставы,
Какъ аспидъ злой, мутитъ сердца и портитъ нравы?
Сихъ качествъ человѣкъ соскучится со мной.
Бесѣду всякъ на вкусъ пріискиваетъ свой.

Довольно міра я плѣнялся суетою,
Довольно міру я давалъ играть собою;
Хочу отнынѣ впредь я жить уединенъ.
На балы торопясь, я меньше былъ блаженъ,
Чѣмъ нынѣ, въ тѣ часы, въ тѣ сладкія минуты,
Когда, скорбящихъ душъ унявши вздохи люты,
Окончивъ тяжкой срокъ рекрутскихъ злыхъ часовъ,
Домой я прихожу свободенъ отъ трудовъ,
И бросившись къ женѣ, стократъ ее лобзаю,
А дѣтокъ вкругъ нея и тѣшу и ласкаю.
О, сладкая стократъ замѣна тѣмъ пирамъ,
На коихъ я бывалъ не радъ и жизни самъ!
Съ почтеніемъ внималъ несвязную бесѣду,
Желая поскорѣй узрѣть конецъ обѣду;
Что въ мысли мнѣ вошло, сказать не могъ никакъ,
Коль не былъ я готовъ кричать со всѣми: такъ.
Что счастіемъ зовемъ, то разно всѣ толкуютъ,
И часто на судьбу напрасно негодуютъ.
Я въ добродѣтели блаженство полагалъ;
Я въ ней его ищу, и въ ней всегда искалъ. —

Довольно! . . . Но уже . . . . какая-то карета
Пріѣхала на дворъ, и ждетъ слуга отвѣта;
Поди и поступай, какъ я тебѣ велѣлъ.
Мой жребій кабинетъ, а сѣни — твой удѣлъ.

Нѣчто для весельчаковъ.

—

Скажи пожалуй мнѣ, любезный мой пріятель,
Обрядовъ календарь и модъ образователь!
Кто выдумалъ законъ, который всѣ такъ чтутъ
И пышнымъ титломъ здѣсь *приличія* зовутъ?
Не читывалъ о немъ въ уставахъ я церковныхъ,
Ни въ Правахъ у Римлянъ, ни въ книгахъ басно-
словныхъ,
И думаю, что онъ уставленъ для людей,
Наскучившихъ другимъ свободою своей. —
Охотно дань платить готовъ связямъ сердечнымъ,
Обязанностямъ всѣхъ народовъ вѣковѣчнымъ,
Безъ коихъ намъ нельзя между собою жить,
Ни людямъ, ни властямъ, ни Небу угодить.
Позволь однако мнѣ обычаямъ смѣяться
И явно противъ тѣхъ изъ нихъ вооружаться,
Которые людей безъ пользы тяготятъ,
И часто старику мальчишкой быть велятъ!
Любить велѣлъ намъ Богъ отъ чиста сердца
ближнихъ,
Покорствовать властямъ и миловати нижнихъ,
Сносить свою судьбу, какая намъ дана,
И совѣсть уберечь отъ всякаго пятна,
Простой душою чтить родства священны узы,
На чести основать житейскіе союзы,
Чужого ничего себѣ не присвоять,
Убожество снабдить, несчастью сострадать,

И, словомъ, такъ собой управить осторожно,
Чтобъ счастья въ тишинѣ достигнуть было можно.

Законъ сей сколько разъ и въ книгахъ я читалъ,
И въ школахъ натвердилъ, отъ батюшки слыхалъ;
Морали долгъ прямой я очень понимаю,
Совѣтъ ея цѣню, восторги ощущаю:
Но что съ обрядомъ въ ней есть общаго, скажи,
Коль можешь, растолкуй, — коль мастеръ, докажи?

Я знаю тму людей воспитанныхъ прекрасно,
Обширнаго ума, хваленыхъ всѣми гласно,
Которые проказъ своихъ теряютъ счетъ,
А весь обрядовъ листъ у нихъ наперечетъ;
Иные же совсѣмъ обычаевъ не знаютъ,
Различныхъ сихъ причудъ оковы низлагаютъ,
И чистое добро за правило принявъ,
По немъ кроятъ и мысль и образуютъ нравъ,

Приличіе въ глазахъ моихъ ни что иное,
Какъ модныхъ сорванцевъ условіе пустое.
Шагни лишь чуть не такъ, какъ всѣ они хотятъ,
Не принято, бѣда — тотчасъ и закричатъ:
Не принято! — Да кѣмъ? — Господь ихъ, право, знаетъ, —
И этотъ деспотизмъ чрезмѣрно досаждаетъ.
Будь честенъ, добръ, уменъ, — но ежели не такъ
Живешь, какъ всѣ, — прощай — навѣки сталъ чудакъ.

Какъ-будто, чтобъ имѣть отраду наслажденья,
Я мученикомъ быть сужденъ предубѣжденья.
Не смѣй надѣть кафтанъ такимъ покроемъ сшитъ,
Который въ Декабрѣ отъ стужи защититъ;
Какъ мальчикъ въ двадцать лѣтъ издрогни на диванѣ,
И вѣтеръ пропусти сквозь десять диръ въ кафтанѣ;
Не смѣй купить сукна, коль любишь яркой цвѣтъ, —
Чтобъ теменъ былъ твой фракъ, еще темнѣй жилетъ;
Чтобъ воротъ былъ похожъ на выкройку такова,
И будь одѣтъ на вкусъ совсѣмъ не свой — другова.
На балъ ли позовутъ, — не ѣзди въ семь часовъ;
Какая старина! — нашъ вѣкъ ужъ не таковъ:
Старайся трафить такъ, чтобъ около полночи,
Прiѣхавши торчать до бѣла дня сверхъ мочи;
А тамъ, какъ повалитъ къ заутренямъ народъ,
Ступай назадъ домой, — и спи хоть цѣлый годъ, —
Хворай, лежи, умри, знакомства не бывало,
Прiѣхать навѣстить не вздумаютъ ни мало.
Общественный законъ ни въ чемъ не порони!
Обѣдать въ два часа — Владыко сохрани!
А голодъ коль пройметъ — ему, вѣдь нѣтъ, уставу —
Съ бифштексомъ заказавъ хорошеньку приправу,
Тарелочку спроси, безъ лишнихъ прихотей
Пожуй минутъ пятокъ, да водочкой запей;

Потомъ, какъ позовутъ къ вечернямъ преподоб-
ныхъ,
Въ карету — и качай искать обѣдовъ сдобныхъ;
Хоть кушай, хоть не ѣшь, да только не молчи,
Сентенціями плюй и въ горло хохочи. —
Такъ въ свѣтѣ жить большомъ уставщикъ пре-
восходной
По конституціи приказываетъ модной;
И Боже упаси, опомнясь какъ-нибудь,
Къ забавамъ захотѣть другой назначить путь.
Да только ли нарядъ, иль суточное время
Такое выносить обязываютъ бремя;
Нѣтъ, цѣлу жизнь хотятъ по-своему вертѣть,
И дома не дадутъ спокойно усидѣть.
Ты какъ бы поскромнѣй подъ крышку запе-
ретьея —
Двѣ трети года снѣгъ, вѣдь надобно погрѣться—
А наши молодцы одно свое несутъ:
Не принято, не такъ—и весь догматъ ихъ тутъ;
Руби вѣнцы насквозь, тяни во всю палату
Гостиныхъ цѣлый рядъ, — что нужды до кли-
мату!
Рукъ сотню вдругъ заставь ударить въ топоры,
Окошкамъ свѣту дай сажени полторы,
Чтобъ вѣтеръ въ Ноябрѣ взывалъ какъ на па-
ромѣ,
А баринъ бы не зналъ куда дѣваться въ домѣ:
Въ Италіи-де такъ вѣками введено.
Злодѣи!—тамъ печетъ—тамъ можетъ быть оно;
А здѣсь, когда мятель съ полей траву всю сдер-
нетъ,

Не только въ жилахъ кровь, — и ртуть на стѣнахъ мерзнетъ.
Пожалуй имъ толкуй, что Негру рожу мыть,
Такъ точно ихъ на ладъ другой переучить.
А болѣе всего мѣня визитъ замучитъ!
Кому сей площадной обычай не наскучитъ!
Изъ края въ край гоняй безъ пользы, безъ утѣхъ,
Чтобъ только показать пріязни видъ на смѣхъ.
Не ѣхать — зашумятъ: да жить онъ не умѣетъ,
Почтенья къ старикамъ и къ роду не имѣетъ!
Хоть вовсе не люби, да лишь въ завѣтный день
Толкися къ нимъ присѣсть на полчаса, какъ пень.
Или, еще того забавнѣе затѣя,
Отправь по всѣмъ домамъ съ каретою лакея:
Онъ съ именемъ твоимъ колоду картъ возьметъ,
Въ знакъ дружбы, къ господамъ — швейцарамъ ихъ свезетъ.
За вздоръ готовы стать врагами человѣки;
Визиту не отдай — поссоришься навѣки;
При нуждѣ бросятъ всѣ, и бабушка, и дѣдъ,
Травою зарастетъ къ твоимъ хоромамъ слѣдъ.
Но смѣй объ Рождествѣ и на Святой недѣли
Кататься на горахъ, явиться подъ качели,
А къ нимъ не завернуть — хоть не зачѣмъ, да такъ, —
Прощенія себѣ не ожидай никакъ;
На память приведутъ старинное знакомство,
И предковъ воскресятъ, и разродятъ потомство.
За что, скажи, всѣмъ тѣмъ пріязнью долженъ я,
Которы какъ-то мнѣ случилися родня? —

Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его другомъ,
Быть съ нимъ не отзовусь подложнымъ недосугомъ,
Копѣйку раздѣлю; — а это кто сказалъ,
Чтобъ въ жизни часъ одинъ я попусту терялъ,
И столько-то разъ въ годъ оказывалъ бы ласки
Тому, о комъ слыхалъ отъ мамы вмѣсто сказки,
Что дѣдушку его, когда Петръ I жилъ,
Съ моимъ въ одну купель приходской попъ грузилъ?
Роднымъ зову того, кто мыслитъ благонравно,
Во счастьи твердый другъ, — въ несчастіи подавно;
А тѣмъ отнюдь нельзя въ душѣ согрѣть любовь,
Что пращуровъ однихъ смѣшалася въ насъ кровь.

Намедни на пиру, не помню гдѣ-то, званомъ,
Нечаянно попалъ я съ моднымъ истуканомъ;
На этотъ же предметъ онъ много говорилъ,
Ѣлъ плотно ветчину, прилежно пиво пилъ,
Да хвастался еще, что можетъ по-французски
Свободнѣй говорить гораздо, чѣмъ по-русски;
Охотникъ всякой споръ пословицей рѣшить,
И тотчасъ отпустилъ: съ волками надо выть;—
Еще что? — въ монастырь чужой, какъ говорится,
Съ своимъ уставомъ вамъ мѣшаться негодится.
Конечно, — я и быть отнюдь не хлопочу
Уставщикомъ нигдѣ, не этого хочу:
Весь свѣтъ перемудрить мечтаютъ лишь уроды;

Я только самому себѣ прошу свободы.
Не вамъ законъ пишу, а вы, напротивъ, мнѣ
Препятствуете жить съ разсудкомъ наравнѣ:
Хотите, чтобы я и ѣлъ, и спать ложился,
И нюхалъ, и дышалъ, и Богу бы молился
Такъ точно, какъ и вы, и въ тотъ же самый часъ,
Когда нашлется мнѣ обычая указъ.
Нѣтъ, слишкомъ тяжело! Живите какъ угодно,
Да волю дайте жить другимъ, кому какъ сходно!
Но кто жъ вамъ не велитъ, — ударилъ какъ въ набатъ,
Подслушавъ нашу рѣчь, душистой отоматъ,
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на ваткѣ,
Мурашки не стрехнетъ безъ лайковой перчатки,
Чинится день и ночь, напудренный скелетъ,
Поношенъ какъ букварь и старъ какъ этикетъ;
Лишь чуть пахнетъ зефиръ, перхота не умолкнетъ,
И съ кашлемъ васъ въ глаза послѣднимъ зубомъ щелкнетъ: —
Да кто же вамъ велитъ, твердитъ мой молодецъ,
Снимать съ другихъ для васъ противной образецъ?
Какъ, кто, сударь? какъ кто? Приличіе проклято,
Которое, Богъ вѣсть, откуда въ жизни взято!
Насмѣшки попрыгушъ и страшный судъ повѣсъ,
Въ которыхъ, на бѣду, вселился модный бѣсъ,
Такой трезвонъ дадутъ и фраку и жилету,
Что завтра жъ попадешь, какъ чучело, въ газету.
Сидите дома. — Ахъ! душею бы я радъ;

Да хвостъ великъ, нельзя — ребята тормошатъ:
Имъ хочется вездѣ на праздникахъ болтаться,
И я за ними въ слѣдъ повиненъ тамъ шататься.
Сто разъ бы лучше звалъ къ себѣ гостей со-
домъ, —
По милости Творца, большой имѣю домъ, —
Умѣлъ бы кое-какъ еще пирушку сладить,
Разсохшiй въ залѣ полъ велѣлъ бы стругомъ
сгладить;
И были по зимѣ рога у насъ въ торгу:
Бѣда! такихъ потѣхъ сносить я не могу,
Попросишь въ семь часовъ, ждешь въ восемь,—
ошибешься;
Устанешь, — отдохнешь, — задремлешь и про-
снешься,
А милые мои голубчики точь-въ-точь,
Ни ранѣй, ни позднѣй, какъ въ самую полночь
Аравою къ тебѣ какъ шавочки нагрянутъ,
Поклонятся едва и по ранжиру станутъ.
Начнется толкотня — и не подстереги
Лихова слова врагъ — хоть со двора бѣги,
Хоть тресни параличъ, не жди себѣ покою,
Пока бурливый вальсъ не выпуститъ изъ строю;
И сколько прихотей приложится къ тому!
Посмѣшище за все, — не ради ни чему:
На что встрѣчать гостей, и требовать поклона?
Учтивость такова худого признакъ тона.
Зачѣмъ горятъ свѣчи? — сто кратъ милѣй
кинкетъ;
Кчему огроменъ столъ, — какъ свадебный бан-
кетъ;

Не лучше ли кругъ дамъ, взявъ вилку, наудачу
Съ тарелокъ ихъ ловить пріятную подачу,
И въ страшныхъ торопяхъ, какъ-будто сводъ летитъ,
У стѣнки прислонясь, потѣшить аппетитъ?
Короче, если ихъ уважить предложенья,
Откажешься ей, ей, отъ вотчинъ, отъ имѣнья,
Или за каждый балъ схлебнешь горячекъ пять;
И вся потѣха въ томъ, чтобъ нагло осмѣять.
Повѣрьте, имъ нейдетъ на разумъ веселиться,
Лишь только бъ язычкомъ насчетъ другихъ остриться.
И такъ-то нынѣ всѣ, въ народѣ егозя,
Мечтаютъ, что живутъ; а прямо жить нельзя.
Въ отвѣтъ ко мнѣ тотчасъ на проповѣдь жестоку
Пословица летитъ: — не всяко лыко въ строку. —

Межъ тѣмъ одна изъ дамъ свой голосъ вознесла,
Поступковъ прочихъ всѣхъ она превыше чла
Искуcство на себя принять добра личину,
И грѣшниковъ щадя, любить грѣха причину,
Живой роднѣ помочь не тронется ногой,
По мертвымъ то и знай, что правитъ упокой,
Нижайшая раба, какъ скоро зазритъ ленты,
И даже на медаль особы комплименты, —
Помилуйте! рекла, прихоливщись она:
Не лѣвой ли ногой воздвиглись вы отъ сна,
Или, какой-нибудь въ угодность Дульцинеи
Хотите расплодить Жан-Жаковы идеи? —

Когда изъ пустяковъ такъ желчь у васъ кипитъ,
Зачѣмъ живете здѣсь? — Бѣгите лучше въ скитъ;
Съ медвѣдями вы тамъ попробуете силы,
Докажете имъ вѣсъ чудесной русской вилы;
А ель, береза, дубъ въ награду за труды
Листами зашумятъ, — бесѣда хоть куды!

Насмѣшки слышать мнѣ, сударыня! не въ диво,
Отвѣтствовалъ я ей довольно терпѣливо. —
Когда бы жить въ лѣсахъ съ дубинами хотѣлъ,
Товарищей такихъ и здѣсь бы я нашелъ.
Кчему вы объ Руссо теперь напоминали?
Я самъ его читалъ, — вы, можетъ быть, слыхали.
Вселенная надъ нимъ произнесла свой судъ;
Средину потерявъ, испортилъ онъ свой трудъ.
На четверенькахъ ползать нимало не забавно,
Да и зачѣмъ, — когда на двухъ ногахъ исправно
Иной такъ мастерски въ глазахъ у насъ ползетъ,
Что самый гнусный червь того не перейметъ.
Мнѣ сходбища людей нимало не постылы;
Напротивъ, безъ вреда и сплетни даже милы.
Люблю ходить въ театръ, охотно я пляшу,
И чувство всѣхъ забавъ въ груди своей ношу;
Въ деревнѣ жить одинъ не чувствуя отваги,
Скрываться не привыкъ во мрачные овраги;
И паче всѣхъ твержу, и въ прозѣ и въ стихахъ,
Что смерть сама красна бываетъ на людяхъ;
Веселью не злодѣй — кляну лишь принужденье,
Обряды ваши мнѣ Танталово мученье!
И сколько я люблю въ свободѣ суету,
Столь ненавижу модъ ужасну тяготу.

Послушайте меня, — Дельфина въ рѣчь всту-
пила;
Нашъ домъ она давно и искренно любила,
Дельфина, нѣжный другъ, любезная жена,
Которая на то, казалось, рождена,
Чтобъ твердости примѣръ, ума и сердца къ славѣ
Предъ свѣтомъ развернуть въ чувствительнѣй-
шемъ нравѣ:
Свѣтъ созданъ не теперь, — онъ былъ всегда
таковъ;
Вотще хотите вы громадою стиховъ
Исправить смертныхъ родъ, какъ школьника ло-
зою:
Обычая никто не сломитъ головою.
Вамъ должно напередъ весь міръ переродить.
И за-ново потомъ вселенну сотворить;
Иначе, мой совѣтъ: съ приличьемъ соглашаться,
Чтобъ страннымъ чудакомъ въ собраньяхъ не
казаться,
Тѣмъ болѣе, что сколь неволя ни тяжка,
Не людямъ, вѣдь, безъ васъ, — а вамъ безъ нихъ
тоска;
И что за похвальба, при разумѣ немаломъ,
Обычаю на зло прослыть оригиналомъ!
По чести, торжества не вижу вовсе тутъ;
Живите лучше такъ, какъ люди всѣ живутъ. —

Какъ люди! — я вскричалъ съ горячностью
душевной;
Изъ устъ ли вашихъ ждалъ сей общій крикъ
вседневный;

И вы ли, отъ кого назадъ бѣжитъ порокъ,
Со всѣми сговорясь, даете сей урокъ? —
О! если перенять, что въ людяхъ-то ведется,
То, думаю, едва ль и въ Африкѣ найдется
Такой ужасный звѣрь, какимъ въ нашъ мудрый
вѣкъ
Состроенъ на-показъ изящный человѣкъ.
Все въ свѣтѣ прощено намѣреньямъ постыднымъ,
Лишь только ихъ прикрой предлогомъ благовид-
нымъ.
Оставя шутки всѣ, дадимъ уму просторъ,
Коль можетъ быть терпимъ безъ лести разго-
воръ.
Взгляните на людей отличнѣйшаго свѣта!
Душа какъ уголёкъ, — но щегольски одѣта.
Иной у всей родни имѣнье отобралъ,
Прекрасный человѣкъ! — онъ праздники давалъ;
Другой съ своихъ крестьянъ сдираетъ по три
кожи,
Не тронь его — смотри съ нимъ всѣ за свой
вельможи;
Мондоръ почасту пьетъ, да только по нóчамъ,
А днемъ любезенъ всѣмъ за колкость эпиграммъ;
Въ кругу большихъ господъ, разсыпавъ денегъ
слишки,
Проигрывай шутя все, до послѣдней нитки;
Ты принятъ какъ родной, зовутъ тебя вездѣ,
Лишь карты подадутъ—да гдѣ же онъ? да гдѣ?
Невинность оболги поносной клеветою,
И добродушія ругаясь надъ слезою,
Безсовѣстнымъ лицемъ,—вдругъ рѣжъ и лобызай,

Мышонка бей съ плеча, а крысу не замай, —
Ты будешь слыть дѣльцомъ и станешь въ рядъ чинами
Со всѣми лучшими отечества сынами;
Тихонько, безъ ножа, шпіонскою тропой,
Любова приколи, — да вслухъ молебны пой.
Вотъ что̀ между людьми, кощунствуя безбожно,
Временщики зовутъ жить въ свѣтѣ осторожно!
Будь на это похожъ, и страннымъ въ наши дни,
Не бось, не прослывешь; — тѣ странны лишь одни,
Кто правду говорить готовъ непринужденно,
Чтить доблесть въ нищетѣ и рубищѣ смиренно,
Кто друга для того, чтобъ кстати припугнуть,
Въ компаніи не дастъ злорѣчію кольнуть.
Мы въ совѣсти своей хотя всю цѣну знаемъ
Сердечной правоты, но внѣ уничижаемъ;
Ревнивой злобы духъ геройской мѣритъ ростъ,
Подобно какъ лиса, подрѣзавши свой хвостъ,
Хотѣла, чтобъ у всѣхъ лисицъ его не стало.
Я часто примѣчалъ, на пиршествахъ бывало
Явится мужъ какъ лунь, и спросишь: кто таковъ?
Отвѣтъ: Мафусалемъ, педантъ, иль философъ,
И думаю, что тѣмъ возвысили отчизну,
Когда кому-нибудь изволятъ въ укоризну
Такія имена безъ смысла придавать,
Какія древній міръ любилъ провозглашать.

Когда такую часть имѣютъ добры нравы,
Чего же могутъ ждать невинныя забавы,
Къ которымъ, признаюсь, не равнодушенъ я,

И вон реетъ изъ рукъ обычай у меня.
Еще бы иногда, по милости природы,
Я могъ забыть мои пятидесяты годы;
Одышки не страшась, я могъ бы танцовать
И въ обществѣ друзей комедіи играть;
Вреда нѣтъ никому, — да говорятъ, что стыдно,
Благопристойности, приличію противно.
Бесѣду бы завелъ, — да развѣ ты Вольтеръ,
Все хочешь жить на свой особенный манеръ?
Сберешься посмотрѣть въ деревнѣ хороводовъ,
Наскучивши толпой вертлявыхъ сумасбродовъ,
И тутъ всё не въ-попадъ; наскажутъ тотчасъ
всѣмъ:
Сосѣдей разогналъ, — не знается ни съ кѣмъ.
Пошутишь ли въ семьѣ, — пасквиль пресквернный
сложутъ
И къ сочиненіямъ твоимъ его приложутъ.
Отъ шуму не уйдешь, — вертись и такъ и сякъ.
Уменъ ли, — все ты плутъ! а скроменъ - все ду-
ракъ!
Вотъ такъ-то волю жмутъ въ желаніяхъ сердеч-
ныхъ
Законодатели обрядовъ безконечныхъ.

Дельфина! можетъ быть, я вышелъ изъ себя,
И слишкомъ горячо оспоривалъ тебя,
Тебя, въ комъ зрю добротъ столь многихъ со-
вершенство,
Семейства моего, души моей блаженство!
Прости, я виноватъ! — Желалъ бы такъ, какъ ты,
Оставя далеко владычество мечты,

Отъ общества сокрывъ сердечныя вздыханья,
Природы лишь одной внушать очарованья, —
Гулять, писать, цвѣты рукой своей садить,
И чтеньемъ онѣ друзей сладчайшихъ вмѣстѣ
жить;
Но, ахъ! сама велитъ въ томъ истина признаться,
Что въ твердости души съ тобой нельзя рав-
няться!
Не всѣмъ дано сіе небесное добро,
Терпѣньемъ что нарекъ языкъ нашъ и перо. —

Воротимся къ тебѣ, всѣхъ тоновъ провозвѣст-
никъ,
Судилищъ ихъ органъ, держава ихъ намѣстникъ!
И слѣдующій здѣсь опредѣлимъ конецъ:
Чему не учитъ насъ небесный нашъ Отецъ,
Не требуютъ чего гражданскіе законы,
По мыслямъ то моимъ пустыя лишь препоны;
Доколѣ будутъ насъ поддѣльные друзья
Водить на помочахъ, — не будетъ здѣсь житья:
Гдѣ страха вовсе нѣтъ, тамъ нечего страшиться,
Въ чемъ нѣтъ стыда, того напрасно и стыдиться.

Таковъ мой приговоръ внесите въ свой жур-
налъ! —
Піитъ одинъ давно въ побасенкѣ сказалъ:
«Когда мы будемъ всѣ чужія слушать рѣчи,
Придется намъ осла взвалить себѣ на плечи.»
Идею ту же здѣсь хотѣлъ я намекнуть;
И полно! — ужъ пора дать пальцамъ отдохнуть.

Авось.

Хочу стихи писать отъ скуки,
Отъ скуки, точно для себя.
Беру перо теперь я въ руки,
О, ближній мой! не для тебя.
Да что писать? Ей-ей не знаю,
Предметовъ много я встрѣчаю,
Но было писано про все;
За мысль чужую ухватиться,
По мнѣ, такъ это негодится:
Нѣтъ! — лучше выдумать свое.

Любовь! тебя во всѣхъ возможныхъ
Нарѣчіяхъ стихотворятъ;
Боговъ и истинныхъ и ложныхъ
Давно ужъ риѳмами дарятъ;
Давно Псалтирь въ нихъ наряжали,
Царямъ какъ паръ ихъ поддавали;
Что знатный панъ, то акростихъ!
Бездѣлки, рѣченьки, камины,
Измѣну Лизы, вѣрность Нины,
И Ѳеклу кто-то впряталъ въ стихъ.

Съ чего жъ начать свою мнѣ оду,
Покамѣстъ жаръ мой не простылъ,
Чтобы попасться ею въ моду,
Чтобъ всѣ кричали: какъ онъ милъ!

Съ чего? — Или кто милъ безмѣрно,
На вкусы всѣхъ тотъ трафилъ вѣрно?
Нѣтъ, также, чаю, на авось.
Авось! — — что лучше сей обновки?
Твои я стану пѣть уловки;
Какъ браво, кстати ты пришлось!

О, слово милое, простое!
Тебя въ стихахъ я восхвалю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вѣсъ почувствовать даешь.
Куда съ копытомъ конь помчится,
Туда же ракъ ползкомъ тащится;
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Исчислить всѣхъ чудесъ не можно,
Какія строишь ты, авось!
Скажу — и это, чай, не ложно —
Что безъ тебя весь умъ хоть брось.
Трудись, потѣй, слагая темы,
Исчерпай естества системы, —
И все ты съ мѣста никуда;
А тотъ, кто за авось возьмется,
Ни думавъ, ни гадавъ, плетется,
И промахъ рѣдко дастъ когда.

Со мной не хочешь ли поспорить,
Высокомудрый философъ?

Напрасно станешь умъ задорить;
На правду-матку мало словъ. —
Пожалуй разводи бобами,
Слыхалъ я ихъ семи вѣками,
Красны они лишь на письмѣ;
А какъ на дѣлѣ пѣшку сдвинуть,
Къ царю свою ладью придвинуть —
Такъ тутъ у всѣхъ авось въ умѣ.

На свѣтѣ мыкался я много,
Ходилъ, ѣзжалъ и такъ, и сякъ;
Пойдешь авось — вездѣ отлого,
Пойдешь съ умомъ — все буеракъ.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая нынѣ каша,
Что безъ тебя все наплевать.
Наперекоръ разсудку смѣло
Ломай, коверкай всяко дѣло;
Коль тутъ авось — все тишь, да гладь.

Не нынѣ, ахъ! во всяко время
Удача богъ была земной!
Прочтите древнихъ книгъ беремя,
Давно сей сякнетъ ключъ дрянной.
Взгляните вы на Римлянъ, Грековъ,
На бѣлыхъ, черныхъ человѣковъ, —
Откуда что у нихъ взялось?
Что̀ былъ бы Ромулъ, витязь бравый,
Сей Римлянъ царь преведичавый,
Что̀ былъ бы, если бъ не авось?

Коснусь ли здѣсь я, для примѣра,
Вина непьющихъ Музульманъ?
Взгляните тамъ на изувѣра,
Алтарь низвергша Христіанъ?
Что Магометъ Богохулитель,
Востока вредный обольститель?
Что Александръ, весь свѣтъ плѣня?
Что бъ были знатные герои,
Богатырей водящи строи?
Что безъ авось? Точь-вточь, что я!

Колико нѣжныхъ сибаритовъ,
Блестящихъ златомъ и сребромъ,
Дающихъ дань толпѣ піитовъ,
Чтобъ зла ихъ тонкость звать добромъ?
Когда бѣднякъ потъ крови точитъ,
Слезами каждый грошъ промочитъ;
По лѣстницѣ тотъ благъ летитъ:
Авось взойду! себѣ вѣщаетъ,
И гдѣ не сѣялъ, пожинаетъ,
Что̀ восхотѣлъ, то и творитъ.

А сколько тѣхъ сиренъ прекрасныхъ,
Что знать бы вѣкъ не довелось,
Когда бы въ помыслахъ ихъ страстныхъ
Не поселилося авось?
Но въ ростъ пустивъ свои пріятства,
Снискали славу, честь, богатства,
Пошевеляся какъ-то въ часъ. —
Когда иная шить умѣетъ,

Цѣной камзола хлѣбъ достанетъ,
И съѣстъ, не осушая глазъ.

Авось всему и всѣмъ подпора,
Съ нимъ любо и за карты сѣсть;
Не глядя въ нихъ, кричи знай скоро:
Бостонъ! — открылъ — онъ тутъ и есть!
Въ бесѣдѣ миленькой дѣвчонки,
Влюбился ль кто въ ея глазёнки, —
Скажи люблю, скажи, не бось;
И вѣрь, что нѣжно то словечко
Пройдетъ насквозь ея сердечко.
Въ любви премудрость вся — авось.

Вѣщайте, мудрецы! вѣщайте,
Дѣля на классы школьный бредъ!
Птенцамъ его преподавайте;
А тотъ смѣется вамъ, кто сѣдъ.
Вы то, а свѣтъ твердитъ иное,
Хотя и мнится, что пустое,
Да вѣдь его не стать учить;
Не къ намъ обычай примѣнится,
А намъ съ нимъ надо согласиться:
Съ волками надо волчьи выть.

Въ глазахъ у матушки играя,
Ребенокъ иногда шалитъ,
По мѣрѣ лѣтъ обманъ слагая,
Авось она не разглядитъ;
Растетъ — тогда шалитъ важнѣе,
Все съ тою цѣлью, хоть скромнѣе,

Что съ рукъ авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же повадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ.

Сожитель жонку увѣряетъ,
Что онъ чужихъ не терпитъ женъ;
Супруга мужа лобызаетъ,
Твердя, что болѣ всѣхъ милъ онъ;
Скупой свою шкатулку прячетъ;
Бродяга весь свой вѣкъ маячетъ;
Приказный крадетъ, что̀ есть силъ;
А всякой самъ въ себѣ смекаетъ:
Авось никто-де не узнаетъ,
Что я проказу сгородилъ.

Старикъ, одной ногою въ гробѣ,
Мечтаетъ годъ прожить еще;
Онъ, чая жизни новой въ небѣ,
Здѣсь любитъ суеты вотще;
По склонности своей природной,
Въ часокъ, отъ немощи свободной,
Карабкается мыслью вверхъ:
Авось-дескать я знатенъ буду,
И денегъ наживу я груду!
Меня чѣмъ лучше сей извергъ?

За что зовемъ того злодѣемъ,
Кто мастеръ счастье добывать,
Кто случаемъ, какъ дѣти змѣемъ
По вѣтру, смыслитъ управлять?

Чужое благо насъ тревожитъ;
Но развѣ всякъ изъ насъ не можетъ
Одною съ нимъ стезей идти?
Его авось вѣдь удается;
Поди за нимъ, коль не споткнется
Твоя нога на семъ пути.

Авось велико, право, дѣло!
Онъ всѣхъ затѣевъ нашихъ руль;
Лови успѣхъ, чтобъ все кипѣло,
Коль въ мірѣ быть не хочешь нуль:
У всѣхъ такія нынѣ мысли.
По мнѣ, меня чѣмъ хочешь числи,
Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ;
Затѣмъ ни въ тахи не желаю,
И предковъ словъ не забываю:
Законъ мой — правда, Богъ — мой щитъ!

Итакъ, тебѣ хвалу воздавши,
Словцо языка моего!
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
Въ отечествѣ моемъ преславномъ,
Ни съ чьимъ въ подсолнечной не равномъ,
Останься другъ мнѣ навсегда!
А если я подчасъ ряхнуся,
Къ тебѣ подъ крылья подобьюся,
Не посрами меня тогда!

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
Чтобъ дружбу сильно мнѣ явить,

От‍ъ важныхъ дѣлъ своихъ въ свободѣ
Задумаетъ мнѣ яму рыть;
Но средствъ на то честныхъ не зная,
А' на тебя лишь уповая,
Коль станетъ гнуть меня въ дугу:
Ты съ нимъ, пожалуй, не якшайся;
Въ оврагъ спехнуть его старайся,
Вступясь за вѣрнаго слугу.

О, часъ досуга вождѣленна!
Прошелъ, и въ вѣчность канулъ ты;
Съ нимъ вмѣстѣ духа восхищенна
Исчезли пылкія мечты!
Но плодъ сей незабвенъ пребудетъ,
Въ бюро моемъ храниться будетъ,
Доколѣ жить мнѣ довелось!
Созрѣй ты тамъ возлѣ Камина *)!
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ли съ нимъ? . . . Авось!

---

*) Сіе относится къ одѣ моей подъ названіемъ: Каминъ.

Вкусъ.

Я пѣлъ авось и мнѣ сказали,
Что эта пѣсня хороша;
Ее всѣ взапуски читали;
И добрая моя душа,
Не зная по себѣ притворства,
Возмнила, будто стихотворства
Ей боги низпослали даръ;
Съ тѣхъ поръ, хоть изрѣдка бывало,
Стиховъ я писывалъ не мало,
Сдавалъ бумагѣ весь мой жаръ.

Теперь я сталъ мужикъ свободный;
И дѣлать всячину досугъ;
Хотя піитъ не превосходный,
Но все гожусь въ семейный кругъ.
Бумагу цѣлый день мараю,
Перепишу, да прочитаю;
Моя цензура все жуетъ.
Она не смѣетъ бить тревогу,
Затѣмъ, что дома, слава Богу!
Черезвычайно мнѣ везётъ!

Блаженъ не тотъ, кому природа
Даритъ ключи чужихъ сердецъ,
Не тотъ, кому дала порода
Права на знатность и вѣнецъ;

Повѣрьте, — все мечта пустая . . .
Нерѣдко, слезы проливая,
И царь какъ подданный живетъ;
А только тотъ лишь, безъ сомнѣнья,
Во всемъ пространствѣ выраженья,
Совсѣмъ счастливъ, — кому везётъ!

На что̀ чему-нибудь учиться?
Безъ пользы тратить краткій вѣкъ!
И звѣздочетъ подъ-часъ крушится,
Какъ и безъ смысла человѣкъ.
На свѣтѣ что-то есть другое,
Непостижимое, живое,
Чего премудрость не даетъ,
Чего въ рядахъ не покупаютъ,
Ни въ житницы не собираютъ,
Что̀ просто мы зовемъ — везётъ! —

Въ одномъ прекрасномъ этомъ словѣ
Сокрытъ чудесный талисманъ . . .
Вседневно счастія въ обновѣ
Горитъ въ алмазахъ истуканъ.
Убѣй, — украдь, — сожги, — насилуй,
Невинныхъ корчь, — злодѣевъ милуй, —
Какъ съ горъ вода, все съ рукъ сойдётъ.
Любви усердной подъ предлогомъ
Тебя зовутъ всѣ полубогомъ;
Чему дивиться тутъ — везётъ!

Кому не хочется быть знатнымъ
На мѣсяцъ, на день, на часокъ;

Не вѣчно можетъ быть пріятнымъ
Смиренный сельскій уголокъ.
О комъ-то, помню, басня пѣла *):
Онъ спалъ, а у него сидѣла
Сама Фортуна въ головахъ.
Сказать-то можно все гладенько;
Но стоя прямо — мудрененько
Быть въ холѣ въ царскихъ теремахъ.

Римлянъ дни древніе промчались,
Бояръ не видно за сохой,
А мы ихъ сказокъ начитались
И бредимъ тою же мечтой.
Народъ не шлетъ ужъ нынѣ въ поле
Просить на царство по неволѣ,
И Цинцинатовъ не видать.
Фортуны всякой искомъ ищетъ,
Пѣшкомъ, верхомъ, на тройкѣ рыщетъ;
Догналъ — такъ и пошла писать.

Гостепріимства добродѣтель
Напрасно мы даемъ себѣ;
Корысть и страхъ — я самъ свидѣтель,
Одни лишь дѣйствуютъ въ избѣ.
Коль денегъ нѣтъ, коль нѣтъ и власти,
Среди отчаянной напасти
Вы не добьетеся нигдѣ
Ни ѣсть, ни пить, ниже почлегу;

---

*) Сочиненіе Дмитріева.

Вамъ клячи не впрягутъ въ телѣгу,
И нагло вытѣснятъ вездѣ.

Мораль—фальшивая монета,
И уничтожена давно.
Во время ветхаго завѣта
Извѣстно было ужъ оно, —
И новый старъ, что все не видно,
Чтобъ смыслилъ кто, ей безобидно,
Прямую таксу положить;
А на мѣнѣ съ такимъ товаромъ,
Слыхалъ я ходя по базарамъ,
Сегодня врядъ и харчъ нажить.

Осмотримъ весь народъ крещеный —
Вездѣ проказами живутъ:
Арабъ на солнышкѣ копченый,
И замороженный Якутъ;
Съ конца въ конецъ всѣ козни строютъ,
Плетутъ силки, да ямы роютъ,
И князь, и графъ, и баронъ лжетъ;
Но только тотъ уменъ, достоинъ,
Хорошъ, пригожъ, богатъ, покоенъ,
И словомъ, хватъ — кому везётъ.

На это нѣтъ въ законахъ права,
Не схватишь пушкой на-проломъ,
Ни самымъ лучшимъ свойствомъ нрава,
Ни твердымъ духомъ, ни умомъ;
Пускай одно благотворенье,
Твой долгъ и честь и наслажденье.

Прекрасно! — только въ прокъ нейдетъ.
Себѣ тѣмъ счастья не устроишь,
Отъ темной ночи не укроишь; —
За малымъ стало — не везётъ!

Другой за-все, про-все рискуетъ —
И не теряетъ ничего;
Колоду картъ возьметъ, стасуетъ,
Во банкъ пустилъ — и все его;
Надъ нимъ не грянетъ громъ изъ тучи;
При нуждѣ вдругъ червонныхъ кучи —
И тотъ и тотъ въ займы даетъ;
На чай, на балъ откушать просятъ;
Студенты въ риомахъ превозносятъ. —
Вотъ то ли дѣло, какъ везётъ!

Везло и мнѣ, какъ былъ моложе;
Я славно сѣялъ, — чисто жалъ.
Мой конь всего мнѣ былъ дороже;
На цугъ его бъ не промѣнялъ.
Свою сработавъ десятину,
Любилъ запахивать чужбину, —
И въ землю рылся глубоко.
Въ загонцѣ маленькомъ пушистомъ,
На бѣгунѣ моемъ рысистомъ,
Умѣлъ уѣхать далеко.

Везло — когда съ подругой милой
Катался въ шлюпкахъ по Невѣ,
Иль со всей душевной силой
Влюблялся каждый день въ Москвѣ.

Мечтами сердце восхищалось,
Кого ни встрѣчу, — мнѣ казалось,
Что всякой внутренно хорошъ.
Не зналъ, что есть такія души,
Для коихъ на морѣ и суши
Другого Бога нѣтъ — какъ грошъ.

Везло — когда въ дворянску шайку
Попалъ театрить *) во дворцѣ,
Съ богатыремъ играли въ свайку,
Или въ воланы на крыльцѣ;
Ходилъ за столъ его къ обѣду,
И на вечернюю бесѣду
Дверей никто не затворялъ.
А какъ женился я — то права
Такой былъ балъ, огонь, забава **),
Какихъ я вѣчно не давалъ.

Тогда летѣли мы, летѣли,
Неслись на крыльяхъ счастья въ рай;
А нынѣ все пошли мятели,
На ясны дни неурожай.
Пришлось и мнѣ сквозь огнь и воду
Стерпѣть ужасную погоду;

---

*) Слово собственное мое, чтобъ, посредствомъ его, избѣжать цѣлой рѣчи; ибо слово одно играть не значило бы еще точно играть комедію; а это иного ничего разумѣть не даетъ.

**) Свадьба моя была на Каменномъ Острову, во дворцѣ тогдашняго Наслѣдника, въ 1785 году.

Духъ бурный первя все ошибъ,
Со всѣхъ сторонъ бѣды жестоки;
Отверзли горькихъ слезъ потоки:
Но Богъ взглянулъ, — и я не сгибъ.

Ему едину покланяюся
Въ душѣ и совѣсти моей,
Его десницей утверждаюсь,
Живу, дышу и движусь ей. —
Не гнѣвъ бояръ, — гнѣвъ Божій страшенъ;
Не судъ людской, — Его ужасенъ;
Онъ вьюги вѣетъ, — Онъ уйметъ;
Велитъ зарѣ во мглу проникнуть —
Тогда и мнѣ удастся вскрикнуть:
Ура! друзья мои — везётъ! —

Живётъ.

Кто вамъ сказалъ, любезны други,
Что-будто грамота у насъ
Для стихотворческой прислуги,
Когда зарѣзвится Пегасъ,
Бѣдна, подла и такъ ничтожна,
Что даже врядъ ли намъ возможно

Смѣнить съ чужою нашу рѣчь?
Конечно, сей расколъ ужасный
Въ Руси завелъ Французъ опасный;
Пора бы моду сбросить съ плечъ.

На все языкъ россійской годенъ
Тому, кто даръ стяжалъ писать;
Онъ силенъ, звученъ, благороденъ,
И все способенъ выражать.
На немъ читаемъ Россіяду,
Поемъ любовь, печаль, досаду,
Есть Душенька, Фелица, Богъ!
Кому въ какомъ угодно родѣ,
Стиховъ премножество въ народѣ;
По вкусу выбирайте слогъ.

Своя у всякаго есть Муза,
Бумаги пропасть, перьевъ тма,
Идей подъ черепомъ обуза,
Какъ мошки льнутъ вокругъ ума.
Прихожанъ въ храмѣ Аполлона
Такъ много, что отъ ихъ трезвона
Онъ самъ ужъ мѣста не найдетъ.
А я у притолки тамъ стоя,
Худую балалайку строя,
Мурнычу кой-что — и живётъ!

И радъ бы въ рай, какъ говорится,
Да не пускаютъ насъ грѣхи.
Иной надъ стопами трудится,
Кладетъ, какъ зданіе, стихи,

А толку нѣтъ; — да и не диво;
Воображеніе лѣниво,
Въ страницѣ многосложныхъ словъ,
Безъ піитическаго дара,
Безъ мыслей рѣзкихъ и безъ жара
Распустить кучу пустяковъ.

Не всякой можетъ какъ Державинъ
Вспорхнуть — и на небо летѣть,
Быть арфой и свирѣлью славенъ;
Одной тронуть, другой гремѣть.
Изящность прочимъ уступаю,
Я звѣзды съ неба не хватаю;
На откупъ взялъ парнасскій соръ.
Писать пустое — наше дѣло,
За это мы беремся смѣло.
Послушайте жъ мой новой вздоръ!

«Ужъ ли Творецъ подлунной сферы,
Вселенну такъ расположилъ,
Чтобы красотъ однѣхъ примѣры
Повсюду смертный находилъ?
Никакъ; всему различны свойства;
И тѣмъ-то связь благоустройства
Природа въ существахъ блюдетъ:
Иному видъ даетъ нарядный,
Кому простой; кому изрядный,
А гдѣ со всячинкой, — живётъ!

По мыслямъ и слова родятся,
А навыкъ, сей большой деспотъ,

Уча свободно изъясняться,
Знакомитъ съ ними весь народъ;
Во всѣхъ странахъ языкъ природный
Свой духъ имѣетъ превосходный;
Но нашъ всѣхъ за поясъ заткнетъ.
Ну какъ Французъ, Швейцаръ и Нѣмецъ,
Какой хотите иноземецъ,
Посвойски выразитъ: живётъ?

А мы прекрасно вразумились
Въ натуру этого словца,
Играть имъ кстати научились
Отъ самыхъ хижинъ до дворца.
Вездѣ, во всякомъ разговорѣ,
Хоть за-просто, хотя въ уборѣ,
Оно приличіе найдетъ;
И баба въ грубомъ сарафанѣ,
И щеголиха на диванѣ,
Твердятъ частехонько: живётъ!

Плѣня большого господина
Расхожей прелестью своей,
Выпрашиваетъ мужу чина
Наглѣйшая изъ дульциней.
Для сильныхъ есть ли невозможность?
Готовъ и крестъ, и чинъ, и должность —
И вмѣстѣ рогъ на лбу растетъ.
Вотще разсудокъ возражаетъ:
Постой! онъ грамотѣ не знаетъ!
У страсти свой отвѣтъ: — живётъ!

Бояринъ длиннаго заглавья
Готовясь къ праздничному дню,
Когда сберется, изъ тщеславья,
Даритъ убогую родню,
Велитъ сыскать въ рядахъ бездѣлку,
Или лежалыхъ смоквъ тарелку
Съ большими вычурами шлетъ.
Что дрянь такая не годится,
Онъ тѣмъ ни мало не стыдится:
Бормочетъ сквозь зубовъ: живётъ!

Судейка проситъ на крестины
Мелкопомѣстнаго къ себѣ:
Сперва попробуетъ всѣ вины
У ключницы своей въ избѣ,
И лучшихъ сортовъ прочь отставитъ,
А кислыя медкомъ приправитъ,
Смолой замажетъ — и черкнетъ
Своей рукою: дрей-мадера!
Весьма хозяйственная мѣра! —
А гдѣ же лучше взять? — живётъ!

Купецъ, нанявши щель, торгуетъ,
И мѣтитъ какъ бы обмануть;
Повѣса, вздернувъ носъ, гарцуетъ,
И всюду хочетъ заглянуть.
Попалось взору нѣчто мило,
На видъ красно, — на пользу гнило,
Онъ туго денежки даетъ;
Сидѣлецъ фарсы выпускаетъ,

Купите баринъ! приступаетъ,
Товаръ по васъ, сударь! — живётъ.

Мастеровой ли, — тотъ, конечно,
Шага не ступитъ безъ него.
Верстакъ ворочая безпечно,
Путемъ не сладитъ ничего;
У всѣхъ работой заберется
И тѣмъ исторія начнется,
Что весь задатокъ онъ пропьетъ;
Потомъ, съ похмѣлья, кажду штуку
Испортитъ онъ на скору руку,
И кончитъ пѣсенкой: — живётъ!

Отпущенный на госпожинки
Къ отцу домой семинаристъ,
Обнюхавши домашни скрынки,
Нашелъ въ оберткахъ драный листъ,
И ну съ ужасною методой
Потѣть надъ чрезвычайной одой;
Риторика такъ и плыветъ.
А батька, веселясь о чадѣ,
Воркуетъ при умильномъ взглядѣ
Съ улыбкой скромною: — живётъ!

Сосватай сваха мнѣ невѣсту,
Просилъ безчестный женишокъ,
На фижмахъ, сдобную, прелесту;
Я мѣди дамъ тебѣ мѣшокъ.
Старухѣ дѣвки всѣ знакомы;
Она ошмыгала всѣ домы,

Нашла калѣку, и ведетъ
Играть въ игрушку чётъ и нечетъ,
А суженому въ ухо шепчетъ:
Вѣнчайся, батька мой! — живётъ!

На свѣтѣ много штукъ подобныхъ,
А свѣтъ — огромная семья,
И въ ней не безъ людей негодныхъ,
Уродовъ разныхъ видѣлъ я.
Богъ знаетъ, что на нихъ находитъ!
Иной такую дрянь городитъ,
Что Соломонъ не разберетъ;
Другого идеалы мучатъ,
Какъ женщину на сносяхъ пучатъ, —
Родится мышь — и чуть живётъ!

Пускай бы такъ, — но вотъ несчастье!
О, Небо! отврати его!
Исчезло въ родинѣ участье,
И свой не любитъ своего;
Благоутробіе пропало,
Въ устахъ кипитъ змѣиное жало,
А сердце каждый день гніетъ.
Смотря на эту злу картину,
И видя прежнихъ благъ руину,
Никакъ нельзя сказать — живётъ!

Забыли вовсе мы природу,
И отступились отъ нее;
Сулимъ пріязнь, твердимъ свободу,
А какъ до дѣла, — бысть все

Впадешь невольно въ прегрѣшенье,
Фонъ-Визина стихотворенье
Тотчасъ на разумъ набредетъ:
Мы точно на столѣ игрушки;
Вездѣ въ насъ козыряютъ пушки:
А игроки кричатъ: — живётъ!!!

О, суетная горделивость,
Всѣхъ низкихъ побужденій мать,
Почто ты гонишь справедливость,
Не дашь и слова ей сказать!
Скорѣе поитъ оземлешится
И бѣсъ полуденный смирится,
Чѣмъ самолюбіе проститъ
Того, кто въ глазъ его уколетъ!
Ничто кичливыхъ не умолитъ:
Во чревѣ ихъ весь адъ кипитъ.

Но сбился я съ своей дороги,
Совсѣмъ заѣхалъ не туда.
Съ дудою ломится въ чертоги
Нашъ братъ не всякой, не всегда;
Тамъ виртуозы лишь играютъ,
Тамъ двери настежъ растворяютъ
Златымъ пѣвницамъ и трубамъ:
А мнѣ чего же добиваться? —
Я радъ, что любятъ посмѣяться
На площади моимъ стихамъ.

Прощай, дитя новорожденно:
Да не задорься изъ похвалъ;

Не требуй ихъ уничиженно,
Не будь пожалуйста нахалъ.
По чести, я не сокрушуся,
Ни на кого не разсержуся,
Коль журналистъ тебя хлеснетъ. . . . —
Я знаю самъ, что соли мало
Въ мою чернильницу попало;
Но такъ и быть — ступай — живётъ!!!

Въ последнемъ вкусѣ человѣкъ.

—

Люблю пріятельску беседу,
Гдѣ нѣтъ насмѣшки никакой,
Гдѣ можно за столомъ соседу
Сказать словца два, три за свой;
Люблю я тамъ играть, рѣзвиться,
Гдѣ принятъ просто, безъ чиновъ,
Гдѣ не боюсь тѣмъ провиниться,
Что на bon mot я не готовъ.

Бывало, дѣдъ почтенный въ родѣ,
Когда семейный пиръ даетъ,
По чувствамъ сердца, не по модѣ,
Своихъ гостей къ себѣ зоветъ,

Трапезу ставитъ не богату,
Виномъ заморскимъ не поитъ,
Не штофомъ убираетъ хату, —
А всякой веселъ тамъ и сытъ.

Тамъ нѣтъ вѣстей, переговоровъ,
Надутый баринъ не шипитъ;
Не сѣютъ сплетницы раздоровъ,
Богачъ надъ бѣднымъ не трунитъ.
Прошли тѣ годы, какъ любили
Такимъ манеромъ въ свѣтѣ жить;
То дни златого вѣка были,
Какихъ намъ снова не нажить.

Тогда супругъ женѣ былъ вѣренъ,
Сестру любилъ всѣмъ сердцемъ братъ,
Родитель въ дѣтяхъ былъ увѣренъ,
И ближній ближнему былъ радъ;
Но столь похвальные примѣры
Не попадаются ужъ намъ;
Другой всѣ люди стали вѣры,
Себѣ всякъ нынѣ строитъ храмъ.

Мы ближнихъ и друзей не знаемъ;
Куда ни сунься, — все одинъ;
Взаимны связи презираемъ, —
Корысть намъ Богъ и господинъ.
Гдѣ есть хоть малыя выгоды,
Умѣемъ тотчасъ ихъ смекнуть;
Для нихъ чрезъ пропасти и воды
Бездѣлка намъ перешагнуть.

Въ большой великолѣпной залѣ
Посмотришь индѣ — тма людей!
Всѣ пляшутъ до поту на балѣ,
А скука ждетъ всѣхъ у дверей.
Пріятель друга обнимаетъ,
Его ни мало не люби;
Тотъ той же лаской отвѣчаетъ,
И шепчетъ: чортъ бы взялъ тебя!

Видалъ я часто обращенье
Обоихъ половъ межъ собой;
Ихъ вальсъ приводитъ въ восхищенье, } *)
Мазурка рай для нихъ земной;
Повсюду слышатся всечасно:
Ахъ, какъ мила! ахъ, распремилъ!
Все въ ней божественно, прекрасно! —
Гудки съ двора — и жаръ простылъ.

Мужчинъ ли гдѣ кружокъ сойдется,
Тамъ безпорядокъ и содомъ;
Бостономъ день у нихъ начнется,
А вечеръ кончится виномъ.
Потомъ разцѣнка за глазами
Пойдетъ порядочная всѣмъ;
Въ злословьѣ хвастаютъ умами,
Никто не дорожитъ ни кѣмъ.

Вотъ такъ-то жить мы научились!
О, предки! если бъ вы сюда

---

*) Имена плясокъ, тогда употребляемыхъ.

Хоть на минуту къ намъ явились,
Едва повѣрили бъ тогда,
Что ложь, обманъ и лицемѣрство
Умовъ отличныхъ нынѣ знакъ;
Что честь слыветъ за суевѣрство;
Что кто не льститъ, тотъ и дуракъ.

Въ замѣну древня благородства
Взгляните вы на нашу спѣсь,
Взгляните, чада патріотства,
Колико эгоистовъ здѣсь!
Сіе угрюмое созданье,
Лукавства смертныхъ горькій плодъ;
За нашу хитрость въ воздаянье
Возникъ на свѣтѣ сей уродъ.

Ликуй, холодный себялюбецъ!
Твой праздникъ и пора теперь;
Лежи въ диванѣ сластолюбецъ,
Одинъ, какъ въ дебри дикій звѣрь!
Тебя никто, никто не любитъ,
Хотя ты знатенъ и великъ;
Твои дѣла не слава трубитъ,
Но купленный бродягъ языкъ.

Когда желѣзный прутъ судьбины,
Который школитъ смертныхъ всѣхъ,
Пробьетъ на лбу твоемъ морщины,
Тогда болѣзнь уйметъ твой смѣхъ;
Вздохнешь, ума забывъ игрушки;
Никто не повторитъ твой вздохъ;

Обнявъ парчевыя подушки,
Тошнѣй меня ты скажешь: — охъ!!!

Тошнѣй, чѣмъ я, который въ свѣтѣ
Тропинкой узенькой бреду,
Имѣя малое въ предметѣ,
Тихонько жизнь свою веду.
Жена мнѣ другъ, она мнѣ рада;
Дѣтей у насъ полна изба:
Вотъ въ мірѣ семъ Небесъ награда!
Красна простыхъ сердецъ судьба!

О, другъ мой, мать и вождь природа!
Твои дары милѣй всего;
Здоровье, пища и свобода —
Не надо больше ничего.
Пускай въ златую колесницу
Другой садится, а не я;
Пускай крестьянинъ въ поясницу
Не гнется, встрѣтивши меня.

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезовъ свѣтскихъ зрю;
Стяжать мнѣ не дано искусства,
За то Творца благодарю!
А если бъ далъ богатства много,
Когда бъ возвысилъ Онъ мой рогъ, —
Сошедъ убожества съ порога,
Я бъ, можетъ быть, забылъ, гдѣ Богъ.

Итакъ, ты думай, какъ угодно,
Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ!

Но мнѣ съ тобой никакъ не сходно
Своимъ на твой мѣняться вѣкъ.
Я буду жить, какъ жилъ доселѣ,
Твоя пусть жизнь идетъ какъ шла;
Когда жъ не будетъ духа въ тѣлѣ,
Тогда увидимъ — чья взяла! . . .

Семира Болеславна.

Послушайте меня, Семира Болеславна!
Открою тайну вамъ; она весьма забавна. —
Вѣстимо буди вамъ, чтобъ въ добрый молвить часъ,
Что дернулъ сатана меня влюбиться въ васъ.
Не въ мочь уже терпѣть; или сейчасъ жениться,
Иль тяжкой сдѣлать грѣхъ, — на сворѣ удавиться.
А что бы за резонъ? Понять изволь, мой свѣтъ:
Петровъ день на дворѣ — мнѣ стукнетъ двадцать лѣтъ;
У матушки въ селѣ крестьяне въ это время
Всѣ женются. Давно мнѣ жизнь безъ друга — бремя,

Слоняюсь все одинъ; ни бабы, ни дѣтей;
И не кому ходить за пажитью моей.
Нѣтъ, полно! ужъ пора зажить домкомъ господскимъ;
Объ этомъ толковалъ я и съ попомъ приходскимъ,
А къ намъ вотъ на Святой лишь только посвященъ
Какой-то богословъ — и сильно обученъ.
Онъ часто мнѣ твердитъ, что лучше обвѣнчаться,
Чѣмъ страстію любви сушиться и терзаться.
И впрямъ, коль разсудить, голубушка моя,
Что толку одному маячить вѣкъ, какъ я?
Господь благословилъ меня таки достаткомъ:
Крестьянъ за мной въ степи душъ триста и съ остаткомъ:
Скота — не перечтешь! а жита что — а птицы!
Сусѣковъ не стаетъ, — нигдѣ такихъ пшеницъ!
Овса ли, какъ у насъ въ уѣздѣ, не родится;
Что лѣсу на бору, и въ стройку весь годится;
А рыбы-то въ прудахъ — невидано такой,
И наши караси весь круглый годъ съ икрой. —
Ужъ то ли не житье!—Да чтобъ добра ни было,
Безъ милаго дружка на свѣтѣ все постыло, —
И солнце не свѣтло, и мѣсяцъ не на вкусъ,
И въ душу никакой нейдетъ любимый кусъ.
Пойдешь на скотный дворъ — съ навозу станетъ душно,
А съ матушкой сидѣть помилуй Богъ какъ скучно!

Такая лѣзетъ дрянь, такой найдетъ столбнякъ,
Что сутокъ пять лежишь какъ въ стойлѣ аргамакъ.
Лишь только бъ до вѣнца мнѣ какъ-нибудь добраться,
А то я молодецъ могу хоть съ кѣмъ равняться;
Дѣтина на-показъ, натурою счастливъ,
И туловищемъ дюжъ и рожею смазливъ;
Хоть рѣчью говорить заморской не умѣю,
Признаться, и свою тупенько разумѣю, —
Да развѣ тѣмъ однимъ на свѣтѣ только жить,
И бабу цѣловать и дѣтушекъ родить,
Которые, съ тѣхъ поръ, какъ школы появились,
Невѣдомо какой грамматикѣ учились?
Пустое непотачь! — Хоть я не грамотѣй,
Дай сроку, какъ женюсь, и я взведу дѣтей.
Что много разсуждать, Семира Болеславна!
Поди-ка за меня — и заживемъ мы славна!
Все, ягода моя, тебѣ во власть отдамъ,
Прошенье въ земскій судъ по формѣ я подамъ;
Велю въ немъ написать, что весь мой скотъ рогатый,
И закромъ, и подвалъ, и пчельникъ мой богатый
Потомственно тебѣ, сударушка, дарю:
Пускай же знаютъ всѣ, какъ жарко я горю,
И пусть по всѣмъ торгамъ разносится молвою,
Что скоро я вступлю въ законный бракъ съ тобою.
Исправникъ и судьи гурьбой къ намъ налетятъ,
Нацѣдимъ пива чанъ, — нарѣжемъ поросятъ;
Въ день свадьбы подарю волосяно колечко,

И съ перламутрами янтарное сердечко;
А самъ надѣну фракъ, что мой отецъ носилъ,
Когда по сторонамъ амуриться ходилъ.
Кой часъ изъ-подъ вѣнца воротишься со мною,
Велю псарямъ встрѣчать музыкой роговою;
А тамъ я приложуськъ къ малиновымъ устамъ, —
Хе! хе! — и будешь ты, какъ водится, *Мадамъ*.
Назавтра пиръ горой; — мой староста съ наро-
дом
Ударится челомъ, — а бабы хороводомъ
Придутъ вокругъ тебя вѣнки зелёны плесть
И станутъ пѣсни пѣть, что силы въ груди есть.

Какъ праздники пройдутъ, начнемъ сушить
овины,
Подъ ивами гулять мы станемъ вдоль плотины,
Холопей за собой нарядимъ ровно двухъ,
Чтобъ вѣничкомъ они обмахивали мухъ;
Не то — велимъ по насъ пріѣхать дрожкамъ съ
клячей,
Объѣдемъ вмѣстѣ хлѣбъ молоченой, стоячей;
Для случая велю срубить сотъ пять деревъ,
Плотами по рѣкѣ пригонимъ ихъ въ Веневъ,
Чтобъ можно было тамъ, на временну забаву,
Поставить флигелекъ съ свѣтелочкой на славу,
И было бы куда просить гостей къ себѣ;
А ежели и то соскучится тебѣ, —
Такъ что жъ? — неволи нѣтъ: раскланявшися
міру,
Въ коляску — и махнемъ по близости въ Ка-
ширу.

Тамъ станемъ день и ночь по улицамъ катать,
Съ настойкой чаю пить, къ знакомымъ заѣзжать.
Ужъ то ли, я скажу, не разливанно море? —
Какое можетъ насъ тогда постигнуть горе?
Сорокоумники напрасно всѣ твердятъ,
Что Питеръ да Москва одни лишь веселятъ; —
Пустое! — въ этомъ нашъ поспоритъ около-
токъ.
Во-первыхъ, нѣтъ нигдѣ такихъ отмѣнныхъ во-
докъ;
Къ тому же никакой въ столицѣ господинъ
Не осилитъ выпить то, что нашъ братъ, дворя-
нинъ.
У насъ вѣдь то и знай попойкамъ причины:
Поминки ли, сговоръ, рожденье, имянины,
Безъ хмѣлю никакой здѣсь случай не пройдетъ;
Хозяинъ восьмь ковшъ, — а гость всего припьетъ.
По крайней мѣрѣ мы когда набьемъ утробы,
Хоть съѣздишь и въ високъ сосѣда, да безъ
злобы,
Назавтра же и миръ — и снова наливай;
А прочее небось со всячиной, я чай!
Да что намъ до людей, предбудуща супруга!
Мы будемъ ликовать взаимно другъ для друга.

По милости Творца, я полный господинъ!
Все вдоволь у меня, — на что мнѣ важный чинъ?
Я съ роду не служилъ, по вольности дворянства,
И впредь изъ одного лишь только окаянства,
Какъ многіе у насъ, служить я не хочу;
Достаточекъ Богъ далъ, — а вдаль не хлопочу.

Взбредетъ ли мнѣ на мысль: смотрѣть какой по-
тѣхи —
Велѣлъ запрячь коней, и нѣтъ ни въ чемъ по-
мѣхи;
На мѣсяцъ, или два, слетать куда сберусь,
Во власти все моей — и въ отпускѣ не про-
шусь.
Скажу не хвастовски, Сестра Богуслава!
Башка моя дотоль блага и своенравна,
Что ежели въ нее какая дичь влетитъ,
Никто не выбьетъ вонъ, хоть будь митрополитъ;
Но вѣрь, что для твоихъ забавъ не пожалѣю
Ни дворни, ни скота, ничего, что я имѣю.
Убравшись въ красны дни работой полевой,
Мы хлѣбецъ продадимъ, а съ деньгами зимой
Въ широкихъ розвальняхъ, морозу не робѣя,
И совокупно въ нихъ подъ полстью мягкой грѣя,
Мы дернемъ, — напримѣръ, куда бы? — въ
Епифань —
Ужъ не Москвѣ чета! — и Питеръ-то ихъ дрянь.
Тамъ славный есть трактиръ, отмѣнная жерёха!
За гривну серебра увидишь скомороха;
Онъ въ обручъ проползетъ, свернувшися коль-
цомъ,
Иль шпагу на носу поставитъ острiемъ,
И столь онъ кажетъ тамъ ужасныя фигуры,
Что ваши сестры всѣ валяются какъ дуры;
Прахъ вѣдаетъ его, откуда въ полчаса
Непостижимыя берутся чудеса!
Прыгнетъ сперва на столъ, въ отдушину подъ
крышку,

Подпуститъ порошку, и дастъ такую вспышку,
Что инда задрожитъ хоромина та вся.
А фокусъ отойдетъ, подымется возня;
Тутъ стряпчій удалой въ присядку славно пляшетъ,
А засѣдательша надъ нимъ ширинкой машетъ. —
Да мало ли забавъ! Лишь деньга бы была,
Ужъ залюбуешься, красотка, до зѣла.

Свезу тебя къ сестрѣ недѣли на двѣ въ гости;
У ней по вечерамъ играютъ часто въ кости.
Малеваный гусекъ, и восемь гнѣздъ вокругъ,
На каждомъ свой цифирь — раскинуть надо вдругъ;
И если трафишь такъ, что кость числомъ тѣмъ ляжетъ,
Которое гнѣздо гусиное покажетъ,
То ставочка твоя. — Я самъ любилъ играть;
Да больно дома битъ, пришлося перестать,
А то бы и своихъ костей не досчитался.
Я съ этою сестрой съ младенчества свыкался. —
Мой дядюшка ея былъ деверю своякъ,
А ближе довести родства не знаю какъ;
Но слышалъ отъ того, кто насъ училъ Закону,
Что Богъ велитъ любить Далматову Піону
Затѣмъ, что я ей братъ, а мнѣ она сестра.
Родню свою хвалить не гоже — а востра! —

Довольно ль изъяснилъ, Семира Болеславна,
Всѣ выгоды житья со мною вамъ исправна?
Мудреныхъ отъ меня не ждите вы словесъ,

А въ срокъ купить горазд и сѣно и овесъ;
Но если, какъ оселъ, подъ вьюкомъ я вспотѣю,
То лучше ничего сказать вамъ не съумѣю,
Какъ то, что отъ любви шатаюсь безъ ума,
И въ тѣлѣ и въ мозгу ужасна кутерьма. —
Готовъ я и на то, противъ природной лѣни,
Чтобъ, ставши на часокъ предъ вами на колѣни,
Изъ книжки прочитать страницу наизустъ,
Какъ нѣкій описалъ свою любовну грусть
Восточный *Дурилом*, собравшій важну силу,
Чтобъ въ плѣнъ съ собой угнать съ орды княж-
ну *Неилу*;
«О ты, таинственна небесна красота!
«Воображенія сладчайшая мечта!
«Души моей кумиръ и ландышъ благовонный!
«Воззри на гордый духъ, красѣ твоей преклон-
ный! . . .»
Ахъ! какъ бишь тамъ еще? Постойте! да, —
«Луна
«На Сѣверѣ не такъ въ кругу своемъ полна,
«Не столько видно мачтъ на гордомъ Океанѣ,
«Не столько Магометъ сумбуритъ въ Алкоранѣ,
«Не столько далъ добра ости-индскій намъ на-
родъ,
«Колико мнѣ любви, тебѣ далъ Богъ красотъ!»

Каковъ восточный шахъ, — но я косноязы-
ченъ,
И къ вычурамъ такимъ смаленька не обыченъ;
Я попросту одно заладилъ и твержу,
Когда къ тебѣ въ окно съ плотины погляжу:

Вѣнчаться поскорѣй! — и мать сбилъ съ ногъ
родную,
Да высватай же мнѣ сосѣдку дорогую!
А матушка твердитъ всеобщую молву:
Сынокъ! да поѣзжай искать жены въ Москву;
Тамъ дѣвокъ, говорятъ, тма-тмущая въ народѣ,
Какъ рѣпы родилось на нашемъ огородѣ; —
Лишь стоитъ кошелекъ пошире развязать,
Изъ тысячи дадутъ любую выбирать;
Для трехъ сотъ душъ степныхъ одну жеманну
душу
Кто за-мужъ не отдастъ за этакую тушу?
Вотъ мой тебѣ совѣтъ! Надумайся, ступай,
И съ милою женой по ярмаркамъ качай.
Ну, что тебя, скажи, къ плотинѣ привязало? —
Кормилицу спроси — меня приколдовала
Какимъ-то корешкомъ одна ворожея;
Вѣдь драться съ сатаной не станешь, и нельзя,—
На томъ и кончимъ споръ. — Я губу вдругъ на-
дую,
Уйду въ дремучій лѣсъ, да мѣсяцъ и бунтую;
А тамъ опять за то жъ.—Ужъ будетъ ли конецъ?
Или кинжаломъ въ бокъ,—или надѣть вѣнецъ.—
Усовѣстись, прошу, Семира Болеславна!
Грѣхъ смертный волочитъ меня и такъ издавна.—
Подходитъ мясоѣдъ — рѣши мою судьбу!
Я къ свадьбѣ заказалъ миндальную трубу;
Уже готово все: двуспальняя перина,
Подножіе, свѣчи, попу съ дьячкомъ полтина,
Трезвоны на мази — вся дворня маршируй!
Лишь только скажешь: да! — Ісаіе ликуй!!!

Дубина.

Помѣщикъ наряжалъ прикащика въ село,
Велѣлъ позвать Кузьму, и давъ ему дубину,
Ступай! сказалъ, храни мой домъ, крестьянъ,
скотину,
Деревней всею правь! — Кузьма склонилъ чело;
По-рабски стукнулъ въ землю,
И говоритъ: Я внемлю
Боярскій твой указъ, —
И скачетъ на приказъ.
Въ селѣ лишь только то узнали,
Крестьяне съ хлѣбомъ и сотой
Собравшись въ церкви всей толпой,
Начальника встрѣчали,
И какъ быть водится, по-русски величали. . .
На первыхъ онъ порахъ казался нѣшто крутъ,
Однако же и тутъ
Не очень передъ нимъ кто смѣлъ бы ротъ ра-
зинуть:
Дубина-то была велика и жестка,
И разъ лишь ею двинуть;
Такъ тотчасъ сатана изmелетъ всѣ бока.
Годъ за годъ посмирнѣй, а тамъ и полюбился,
За всякую вину медвѣдемъ не ершился, —
Поношеный голикъ не такъ уже мететъ;
Любилъ прикащикъ жить, на брагу не скупился,
Почасту на пирогъ всю вотчину зоветъ. —

Кто подлинно богатъ,
Иль только тороватъ,
Вѣдь міръ не разсуждаетъ,
А знай лишь опиваетъ;
Нерѣдко и бабье,
Составя посидѣлки,
Умѣли брать свое
И въ жмурки и горѣлки;
И, словомъ, стали всѣ прикащика любить,
Или такъ говорить. —
На сходкахъ въ полный слухъ кричали право-
славны:
Спасибо-ста, у насъ прикащикъ благонравный!
По милости своей и кормитъ и поитъ,
Не мучитъ по судамъ, и всячески ща-
дитъ;
Да лучше намъ его и вовѣки ненадо.
Кузьма растетъ — любовь души его отрада;
Покажется ли гдѣ,
Тотчасъ кричатъ вездѣ:
Мы вовѣки твоихъ дѣлъ добрыхъ не забудемъ,
И гдѣ ты ни живи, любить до смерти будемъ!
На все своя пора,
А ябѣда скора. —
За что-то на Кузьму вся дворня разсердчала,
И барина смутя, съ приказу вонъ согнала.
Кузьма и тамъ и сямъ
Слонялся по дворамъ;
Въ иныхъ не дешевъ харчъ, а денегъ онъ не
нажилъ,
Иной отъ грабежа и поломя не зажилъ;

А напослѣдокъ онъ,
Пустивши тяжкій стонъ,
Рѣшился тамъ искать убѣжища, покоя,
Гдѣ прежде счастливъ былъ, чужое счастье
строя. —
Уже ли, думалъ онъ, не призрятъ тамъ меня,
И буду сиротой вездѣ скитаться я?
Еще людей на свѣтѣ много,
Которые боятся Бога;
Хоть знаю я, что нравъ
Людской весьма лукавъ,
Что алчная корысть во всѣхъ душенкахъ пышетъ,
И клятвы на водѣ народъ по часту пишетъ;
Однако же нельзя,
Чтобъ волость, натвердя
Всечасно и вседневно,
Что милъ я ей душевно,
Умыслила бы мнѣ въ избенкѣ отказать.
Чего же я прошу? — Ночлега — и довольно.
Ужасно будетъ больно,
Когда и тамъ его судьба не дастъ сыскать. —
Нѣтъ, нѣтъ!—колико душъ считается ревизскихъ,
Толико тамъ найду людей мнѣ къ сердцу близ-
кихъ! —
Въ телѣгѣ на пути мечтаетъ такъ Кузьма;
Ужъ близко и село, ужъ видитъ и дома.
Вскочилъ — туда, сюда, —
Крестьяне съ нимъ не баютъ,
На дворъ, на полдвора, въ подклѣти не пуска-
ютъ,
Какъ-будто никогда

Не слыхано слыхомъ о немъ въ той сторонѣ.
Крестится мой Кузьма, не грезится ль во снѣ?
Бѣжитъ въ гурьбу крестьянъ, кричитъ: здорово, други!
Оглохли всѣ!—Давно ль у васъ такъ уши туги?
Припомните, какъ вы клялись меня любить,
Меня, по мнѣ самомъ, до смерти не забыть,
За что же вдругъ теперь ворочаете рыло?
Вѣдь, кажется, со мной вамъ жить не худо было?
Взгляните на меня! я тотъ же все Кузьма,
И, право, не сошелъ еще совсѣмъ съ ума;
Я къ вамъ пріѣхалъ жить—отъ бури пріютиться.—
Куда те Богъ несетъ? Здѣсь тѣсно, негодится,—
Дворовъ лишь про себя;
Куда дѣвать тебя?
Рехнулся ты, конечно!
Ну жаль же мнѣ сердечно,
Что могъ я безъ вины вамъ сдѣлаться постылъ.
За что же въ старину, скажите, былъ такъ милъ?
За что? На это есть причины. —
Какія же? чего во мнѣ недостаетъ?
Весь міръ ему въ отвѣтъ: —
Дубины. —
Едва ли и вездѣ не такъ насъ любятъ точно,
По мѣсту, — по чинамъ, — ей-ей! всегда нарочно.

Баркасъ.

У пристани баркасъ, привязанъ, колыхался,
Безъ груза, безъ снастей, — погоды дожидался,
На днѣ его бурлакъ какъ дюжій песъ храпѣлъ,;
И парусъ некошной на шестикѣ висѣлъ:
Вдругъ сверху внизъ бѣжитъ большой построй-
ки судно,
Оснащено совсѣмъ, расписанное чудно;
Отъ мачты въ три ряда склоняяся къ ребру,
Шумѣли паруса, какъ листья на вѣтру;
Широкій равендукъ, гордяся красотою,
И тму своихъ заслугъ считая самъ съ собою,
Съ насмѣшкой усмотрѣлъ вкругъ тонкаго шеста
На суднѣ присталомъ лоскутишко холста.
Откуда рѣчь взялась,—вѣдь гордость чудотворна;
Она и не въ холстахъ, помилуй Богъ! задорна:
Уже ли и тебя равно со мною чтутъ,
Гнилое ветошье, и парусомъ зовутъ?
Смотри, какъ шибко я весь воздухъ разсѣкаю,
Бѣгу — и зданье все собою погоняю.
Земля чистѣйшій ленъ на ткань мою дала,
Работа многихъ рукъ меня произвела.
Сквозь мѣдное зубье основу пропускали,
Утокъ въ два челнока четыре руки гнали,
И вышло изъ меня прекрасно полотно,
Что фламскимъ въ языкѣ торговомъ крещено.
Сравнитъ ли кто въ умѣ твое съ моимъ издѣлье?
Дерюга ты, вотъ все; я знатно рукодѣлье! —
Ну, полно же, уймись, любезный мой землякъ!
Холстина полотну отвѣтствовала такъ:

Некстати ты весьма породою кичишься
И славѣ у людей неправильной дивишься.
На томъ же стебелькѣ съ тобою мы взошли,
Подъ тѣмъ же дождичкомъ и рядышкомъ расли,
Давали вмѣстѣ цвѣтъ и сѣмя вмѣстѣ зрѣло,
Однимъ лицемъ на насъ и солнышко глядѣло.
Что тонѣе меня сработанъ и нѣжнѣй,
Оспоривать нельзя: я грубъ, да и прочнѣй;
За всѣмъ однако тѣмъ, и всякой это знаетъ,
Не качество насъ двухъ на суднѣ расширяетъ.
Коль тихо на дворѣ, ты кажешься тряпьёмъ;
А дунетъ вѣтерокъ, и я стою шатромъ.
Сказалъ — и въ мигъ примѣръ: — бурлакъ давно проснулся,
Пора уже и въ путь, — съ казной своей смекнулся;
Покамѣстъ я писалъ, онъ судно нагрузилъ,
Пока большое шло, и онъ свое снастилъ,
И парусъ навязавъ посредственнаго кошту,
Летитъ какъ на крылахъ по водяному мосту.
Борей распучилъ холстъ, — и легкой на ходу
Плыветъ уже баркасъ съ товарищемъ въ ряду;
Уже опередилъ, ужъ глазъ не видитъ друга...—
Когда попутенъ вѣтръ — велика и дерюга...—

Случалось, чаю, вамъ
Видать и тамъ и сямъ,
Какъ, вздернувъ носъ, дуракъ шагаетъ,
Рѣшитъ, велитъ, опредѣляетъ . . .
У всѣхъ передъ беретъ! —
Что за диковина — — везетъ!!!

Исповѣдь грѣховодника.

Охота вамъ любить,
Забывъ себя, другова?
Что пользы все тужить
О бѣдствіяхъ чужова?
По мнѣ — пусть ближній мой
Живетъ, какъ Богъ поможетъ;
Что рветъ его покой,
Меня то не тревожитъ.

Довольно горевать
О собственной кручинѣ,
И небу не спускать
Въ отчаянной судьбинѣ;
А впрочемъ, вкругъ меня
Будь моръ, пожаръ, ненастье,
Безъ горя вижу я
Всеобщее несчастье.
На дняхъ къ сосѣду въ домъ
Летѣла съ вихремъ туча,
Внезапу грянулъ громъ, —
И все развалинъ куча;
А я въ тотъ самый часъ
Въ бесѣдѣ наслаждался,
Отъ двухъ прекрасныхъ глазъ
Любовью заражался.

Недавно мертвеца
Подъ окнами моими

Съ земли на небеса
Попы переносили,
А я игралъ въ бостонъ,
И картъ изъ рукъ не кинулъ,
Услышавъ плачъ и стонъ,
Лишь столъ поотодвинулъ.

Въ лохмотьяхъ нищебродъ
Меня не поражаетъ;
Домашній мой народъ
Его съ двора гоняетъ.
Больной мнѣ незнакомъ,
Съ печальнымъ не съѣзжаюсь,
Безсовѣстнымъ займомъ
Съ богатыми равняюсь.

Хоть судятъ, что не такъ
Мораль намъ жить велѣла,
Не слушаю сихъ вракъ;
До нихъ какое дѣло.
Я молодъ и здоровъ,
Къ чему спѣшить спасаться;
Бѣгу отъ всѣхъ трудовъ:
Въ нихъ тяжко отличаться.

Но вотъ чему ей-ей!
Никакъ не надивлюся,
И въ томъ столицы всей
На публику пошлюся:
Меня и тамъ, и сямъ
Хоть скаредомъ злословятъ,

А праздникъ только дамъ,
То всѣ въ объятья ловятъ.

На карточки мои
Отказъ совсѣмъ не въ модѣ;
Чужіе и свои
Летятъ ко мнѣ въ свободѣ,
Мое здоровье пьютъ,
Столъ, домъ, услугу хвалятъ,
Съ пріязнью руку жмутъ,
А послѣ — крѣпко жалятъ! —

Что я имъ всѣмъ постылъ,
Я это точно знаю,
Что мнѣ никто не милъ,
То имъ извѣстно, чаю;
На что жъ такой обмѣнъ
Поступковъ пренегодныхъ?
Ума ли онъ безменъ
Въ сословьи благородныхъ?

У опыта спросись,
Увидишь очень ясно,
Что какъ ни суетись
Для ближнихъ, — все напрасно.
Любви не наживешь,
Довѣренности то же;
Всю жизнь въ трудахъ убьешь —
На что это похоже? —

Коль Богъ, Который далъ
Природу, жизнь, вселенну,

За то во мзду пріялъ
Лишь смерть уничиженну, —
Чего же отъ людей
Ждать долженъ имъ подобной?
Трегранныхъ ста ножей
И ямы безнадгробной.

Нѣтъ, нѣтъ, не положу
Животъ свой за другова;
Я тутъ не нахожу
Веселья никакова!
А лучше всякой день,
Гостей созвавъ араву,
Вкушать пріятну лѣнь
И всѣмъ дарить забаву.

Внемлите, господа!
Здѣсь пуншъ, картежъ и бубны. —
Пожалуйте сюда
Хвалить во гласы трубны
Меня, мою мораль,
И послѣ скажемъ вмѣстѣ:
Какой хозяинъ враль!
Какая жъ дрянь и гости!

Старость не радость.

Такъ точно, такъ, сѣдые мужи!
Заставилъ опытъ вѣрить вамъ,
Что ничего нѣтъ въ свѣтѣ хуже,
Какъ шибко слѣдовать страстямъ. —

Но въ двадцать лѣтъ, скажите сами,
Кому воздержность не скучна?
Увы! — проходитъ все съ годами;
Лишь зубы вонъ — какъ тутъ она.

Живалъ я самъ какъ баринъ знатный,
Все было вдоволь у меня!
Съ Амуромъ день встрѣчалъ пріятный,
Съ Венерой спать ложился я;
Морозъ ли, слякоть за стѣнами,
Меня всегда кидало въ жаръ . . . . —
Увы! проходитъ все съ годами:
Я сталъ и хилъ, и слабъ, и старъ.

Затѣи всяки удавались,
Сбывался каждый милый сонъ;
При мнѣ забавы начинались,
При мнѣ печаль бѣжала вонъ;
Любилъ душой, умомъ, глазами,
У милыхъ дѣвушекъ въ кругу . . . —
Увы! — проходитъ все съ годами;
И радъ любить, да не смогу. —

За чашей крѣпкой дрей-мадеры
Готовъ былъ пиръ тянуть до свѣчъ,
Въ бреду паровъ раждать химеры,
Въ пылу страстей всю душу жечь;
Смѣшавши недруговъ съ друзьями,
Кто ихъ узнаетъ, хохочу.
Увы! проходитъ все съ годами:
Теперь смиряюсь и кряхчу.

На деньги глядя безъ вниманья,
Когда копѣйку Богъ пошлетъ,
И ту на балъ, театръ, катанье
Въ минуту дьяволъ унесетъ;
Что нужда сплошь не за горами,
О томъ не грезилъ и во снѣ. —
Увы! — проходитъ все съ годами:
Пришлось о черномъ плакать днѣ.

Вотъ какъ любезная природа
Распоряжается всегда:
Потѣшитъ часъ — да два, три года,
Или до гроба иногда,
Перешептавшись съ небесами,
Въ аптеку выучитъ ходить.
Увы! — проходитъ все съ годами:
Ерв-фиксв и мнѣ велятъ ужъ пить *).

Врачи войну мнѣ объявили,
Во флангъ, и въ центръ, и въ тылъ гнетутъ,
Такъ точно, помню, говорили,
Ямщикъ заштатный, спрятавъ кнутъ,
На тройку яркихъ коней глядя,
Летящихъ быстро до Москвы,
Кричитъ, усы въ задорѣ гладя:
Ѣзжали парень-ста и мы!

---

*) Меня лечили отъ камня.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

НАПИСАННЫЯ ПОСЛѢ ИЗДАНІЯ

БЫТІЯ СЕРДЦА МОЕГО.

Гласъ Вѣры.

—

Внемлите истинѣ священной
Судьи, владыки и жрецы!
Внушите проповѣдь вселенной,
Во всѣ гремящую концы!
Есть Богъ, нечестія каратель,
Благимъ дѣламъ мздовоздаятель! —
Есть Богъ, — есть судъ — и казнь, и рай!
Не суемудрствуйте, народы!
Отъ дня послѣдня нѣтъ свободы!
О, тварь! Творца не раздражай!

Есть Богъ; — Его я ощущаю,
Куда свой взоръ ни обращу.
Какъ плоть — колѣна прегибаю!
Какъ духъ — горѣ къ Нему лечу!
Куда бъ мое воображенье
И мыслей быстрое паренье
Меня въ мечтахъ ни увлекло;
Во глубину-ль низринусь бездны,
Иль вознесусь надъ кровы звѣздны, —
Вездѣ Богъ зритъ мое чело!

—

Вездѣ на семъ челѣ надменномъ
Онъ тайный грѣхъ души прочтетъ;
Въ изгибѣ сердца сокровенномъ
Онъ беззаконіе найдетъ.
Сколь разумъ смертныхъ ни кичится
Въ коварствѣ мыслей обличится
Ослушникъ дерзостный Творца;
Не сыщетъ темной той пещеры,
Куда бы могъ хулитель Вѣры
Сокрыть стыдѣнія лица.

Есть Богъ! — Взгляну-ль на чинъ природы,—
Міровъ зиждителя въ ней зрю.
Десной небесны движетъ своды;
Творитъ въ стихіяхъ миръ и прю;
Бросаетъ молніи на землю;
Въ громахъ Его я гласу внемлю,
И въ огнедышущихъ жерлахъ,
Отколь колеблетъ всю вселенну.
Кто власть Его неизреченну
Не ощутилъ во всѣхъ странахъ!

Вотще язычникъ своевольный
Главу кумирамъ преклонялъ,
Иль новыхъ дней мудрецъ крамольный
Его безумно отвергалъ;
Доколѣ шаръ земной кружится
И ось подъ нимъ не сокрушится,
Дотолѣ тварь возопіетъ:
Есть Богъ! — Онъ крѣпкихъ посрамляетъ

И худородныхъ избираетъ,
И силу въ немощахъ даетъ.

Не тотъ Его достоинъ взора
И можетъ къ благости склонить,
Кто хитростью словесна спора
Его непщуетъ равнымъ быть;
Кто за предѣлы умозрѣнья
Помѣшанна воображенья
Проникнуть ищетъ Божество;
Подобно солнечну свѣтилу,
Творца мірьядъ измѣривъ силу,
Опредѣляетъ существо.

Не тотъ Всевышнему угоденъ,
Кто, отвергая цѣлый свѣтъ;
Какъ мертвый трупъ въ землѣ безплоденъ,
Любовью къ ближнимъ не согрѣтъ,
Ни съ кѣмъ сообщества не водитъ,
Стезей кривой въ пустыняхъ ходитъ,
Блазнитъ, — и соблазняетъ самъ;
Прочтя ученыхъ бредней томы,
Онъ чрезъ монады и атомы
Продраться мыслитъ къ небесамъ.

Текли до насъ огромны вѣки,
И послѣ насъ ихъ не сочтутъ;
Но любопытны человѣки
Предвѣчной тайны не поймутъ;
Во испытаніяхъ глубокихъ
И заблужденіяхъ жестокихъ

Лишатся свѣтозарна дня.
Все въ Богѣ намъ непостижимо,
Одною вѣрой ощутимо.
Онъ Богъ, — довольно для меня!

Я въ мірѣ тлѣнномъ и духовномъ
Зрю въ Богѣ всяческихъ Творца;
Я въ чувствѣ совѣсти спокойномъ
Въ немъ чту Создателя — Отца;
Отъ нечестивыхъ удаляюсь,
Съ строптивыми не препираюсь,
Ни рая долу не ищу.
Коварства ядъ и тонкость злую
Премудростью не именую,
Какъ беззаконникъ трепещу.

Почто намъ, бѣднымъ, домогаться,
Доколь въ земной оберткѣ мы,
Съ духами горними равняться,
И безразсудные умы
Простря въ заоблачныя сферы,
Искать того, чего отъ Вѣры
Одной горячей должно ждать?
Когда насъ хищный міръ тревожитъ,
Одна лишь успокоить можетъ
Божественная благодать.

Такъ, такъ, я вѣрю несомнѣнно,
Что Богу только тотъ одинъ
Угоденъ будетъ совершенно,
Кто надъ страстями господинъ,

Кто духъ смиренія имѣетъ,
И съ добротой души умѣетъ
Ума невинность съединить;
Не любопытствуя ни мало,
Откуда міръ влечетъ начало,
Позналъ, какъ въ немъ правдиво жить!

Супругъ — обѣту сердца вѣренъ;
Отецъ — не раздражая чадъ,
Коль сынъ съ отцомъ нелицемѣренъ,
Сосѣдъ — помочь сосѣду радъ;
Владѣлецъ — благъ къ поселянину;
Слуга покоренъ господину,
И ближнимъ всѣмъ радушный другъ:
Вотъ долгъ людей — залогъ спасенья.
Одушевленнаго творенья!
Для Неба нѣтъ иныхъ заслугъ!

Когда бы такъ мы поступали
Во храмѣ внутреннемъ сердецъ,
О, вѣрно бы не обуяли;
И грѣхъ, сей первородный льстецъ,
Плѣняя насъ міра красотами,
Съ богоподобными душами
Не попустилъ бы въ тину пасть,
Изъ коей насъ извлечь насильно
Богатствомъ благости обильна
Одна лишь можетъ Божья власть.

О семъ молитеся прилежно,
Служители земныхъ царей!

Не увлекайтеся небрежно
Въ кумирницы отъ алтарей!
Держите помыслы на стражѣ!
Во смертныхъ смертнаго нѣтъ гаже,
Какъ изувѣръ и суесвятъ.
Всему есть вѣсъ, число и мѣра.
Одна спасетъ разумна вѣра,
Чей духъ намъ искушать велятъ.

Живи средь ближнихъ осторожно,
Какъ змѣй будь мудръ, какъ голубь цѣлъ!
Сей гласъ, гласъ истины неложной,
Изъ устъ Христовыхъ возгремѣлъ.
Когда съ душей придетъ разлука,
Ей уготованъ рай, иль мука!
Межъ тѣмъ, какъ плоть погубитъ тля,
Насъ въ тѣлѣ степень раздѣляетъ;
Но въ духѣ тамъ Богъ всѣхъ равняетъ:
И царь, и рабъ — предъ Нимъ земля.

Взглядъ старца на заходящее солнце.

—

Красно солнышко садится,
Слышу колоколъ донской;
Изъ очей слеза струится,
Духъ объемлется тоской. —

Скоро, скоро, солнце красно,
Я послѣдую тебѣ;
Окончавши вѣкъ ненастно,
Заплачу свой долгъ судьбѣ!

Скоро духъ угомонится:
Злые вѣстники пришли,
Подзываютъ спать ложиться
На сыру постель земли. —
Жизнь какъ молвія сверкнула;
Гдѣ ты, призракъ дорогой?...
Буря смертная подула;
Громъ гремитъ; — онъ роковой!

Новый мѣсяцъ народился.
Робко смотритъ изъ-за тучъ.
Частымъ дождичкомъ обмылся. —
Вижу тотъ же томный лучъ,
Коимъ прежде, вдохновенный,
Счастье юныхъ дней пѣвалъ,
И, восторгомъ увлеченный,
Имъ конца не ожидалъ!

Тотъ же мѣсяцъ озаряетъ
Садъ и хижину мою;
Тщетно чувства возбуждаетъ,
Геній скрылся, — не пою;
Слабымъ перстомъ движу лиру:
Звукъ исчезъ! — кому внимать?
Тщетно кличу я Глафиру,
Отголоска не слыхать.

Жизнь есть рай, когда любовью
Сердце сердцу вѣсть даетъ,
Пылкій умъ съ горячей кровью
Радость неба въ душу льетъ.
Жизнь есть адъ, когда взаимной
Связи нѣтъ у двухъ сердецъ,
Тутъ природы всей противной
Милъ становится конецъ.

Что въ картинѣ мнѣ прекрасной
Міозданія всего?
Безъ любви въ восторгахъ страстной
Вся вселенна — ничего!
Если должно — но боюся —
Нитку дней моихъ продлить;
Провидѣніе! молюся,
Силу дай всегда любить!

Нѣтъ, сей даръ не возвращаетъ
Царь природы никому;
Въ юну грудь огонь кидаетъ,
Въ сердце старца вноситъ тму;
Такъ и я въ послѣдни годы
Суетамъ сказавъ: прости!
Жду отъ узъ земныхъ свободы,
Стоя смерти на пути.

Не минетъ меня лихая:
Гнется выя — серпъ готовъ;
Лютымъ недугомъ страдая,
Вижу гроба близкій кровъ.

Какъ щепа въ рѣкѣ съ волною
Притекаетъ къ берегамъ,
Такъ и я, влекомъ судьбою,
Проплылъ жизнь, — и скоро тамъ!

Тамъ, гдѣ всѣ, сливаясь, вѣки
Временамъ кладутъ предѣлъ;
Гдѣ пріемлютъ человѣки
Казнь, иль славу здѣшнихъ дѣлъ.
Все по мнѣ пребудетъ то же;
Паки солнышко взойдетъ; —
Другъ придетъ, — заглянетъ въ ложе,
Но души ужъ не найдетъ!

Онъ почтитъ меня слезами,
Тяжкій вздохъ мнѣ подаритъ,
И нельстивыми устами
Тризну мирну сотворитъ;
Скажетъ: былъ и онъ на свѣтѣ,
Мыслилъ, чувствовалъ, вѣщалъ,
Вѣренъ былъ друзьямъ въ обѣтѣ,
И любилъ — пока дышалъ!

Чистый Понедѣльникъ.

1.

Прошла недѣля суматохи;
Умолкли гусли и пѣвцы,
И покаянья тяжки вздохи
Разносятся во всѣ концы;

Спѣшатъ пресвитеры избранны
Лечить сердецъ глубоки раны
И пятна совѣсти смывать;
Безбожныхъ къ Вѣрѣ Православной,
Порочныхъ къ жизни благонравной
Постомъ съ молитвой обращать.

2.

Какая смѣшенна картина
Является въ дѣлахъ людей!
Предметы розны; но причина
Одна и та жъ: игра страстей. . . .
Вчера я пѣлъ, игралъ, прелыщался,
Ни съ кѣмъ судьбою не мѣнялся,
И видѣлъ небо на земли: —
Сегодня всѣ мечты пропали,
И мрачной совѣсти печали,
Какъ камень на сердце легли.

3.

Давно ль, доволенъ самъ собою,
Забывъ недугъ, и лѣтъ число,
Я съ вѣчно-пламенной душою
Искалъ тамъ благъ, гдѣ было зло?
Плѣнялъ свой слухъ небеснымъ пѣньемъ,
Глаза — красотъ всѣхъ лицезрѣньемъ;
Всего себя страстямъ отдавъ,
Я мнилъ: восторгъ очарованья
Есть рай души — есть цѣль созданья;
Что радость — Богъ; міръ — храмъ забавъ

4.

И вдругъ волшебство исчезаетъ! — —
Едва народъ глаза смежилъ,
Иванъ Великій возбуждаетъ,
И томный благовѣстъ завылъ.
Какъ-будто преставленье свѣта,
Съ минутой первою разсвѣта,
Великій Постъ уже насталъ;
Во мракѣ ночи сердце бьется,
Угаръ прошелъ — душа мятется,
И тайный гласъ мнѣ такъ вѣщалъ:

5.

«Съ какимъ отчетомъ ты предстанешь
Къ повѣренному Божества?
Предъ нимъ оправдывать чѣмъ станешь
Дѣла разумна существа?
Любилъ — не Небо, прелесть міра;
Святилъ — не Бога, но кумира;
Прощалъ — кому отмстить не могъ;
Богатъ — съ убогимъ не дѣлился;
Высокъ — предъ нижними гордился;
Къ себѣ былъ благъ—къ другимъ былъ строгъ!»

6.

О! сколь мы слабы, малодушны,
Когда, лобзая суеты,
Владычню Промыслу преслушны,
И помрачаемъ въ насъ черты,
Самимъ Творцемъ изображенны,
Его подобьемъ освященны,

Въ которыхъ долженъ духъ витать;
Но духъ — замѣтимъ осторожно —
Не тотъ, какимъ гордимся ложно,
А Духа Свята благодать.

7.

Когда бъ мы чаще разсуждали,
Прогнавъ туманы нашихъ грезъ,
За мигъ веселья бъ не дерзали
Удары рока, гнѣвъ Небесъ
Предпочитать тому блаженству,
Непостижиму совершенству,
Какое любящимъ его
Богъ мира, непреложнымъ словомъ,
Предуготовалъ въ царствѣ новомъ
Сынамъ наслѣдья своего.

8.

Но мы, привыкнувъ заблуждаться,
Легко бѣды переносить;
Чтобъ мигъ одинъ лищь наслаждаться,
Готовы цѣлый вѣкъ тужить;
Подъ игомъ сладостнаго чувства,
Мы истощаемъ всѣ искусства
И дѣятельность всю ума
На то, чтобъ жизнью скоротечной
Утратить блага жизни вѣчной,
Гдѣ ждетъ насъ жупелъ, червь и тма.

9.

О, люди! съ тлѣнной сей юдоли
Простриte къ вѣчности вашъ взглядъ,

Доколѣ въ вашей еще волѣ
Стяжать въ ней рай — избѣгнуть адъ!
На геній свой не полагайтесь,
Хвалой людской не соблазняйтесь!
По смерти слава — звукъ пустой.
Земное все въ землѣ истлѣетъ.
Блаженъ стократъ, кто разумѣетъ
Науку — править самъ собой!

10.

Блаженъ, кто чувствуетъ всечасно,
И съ убѣжденіемъ прямымъ,
Что все, что̀ въ мірѣ ни прекрасно,
Есть тусклый призракъ, мрачный дымъ;
Что персти сынъ не для забавы,
Не для своей безплодной славы,
Всему творенью предпочтенъ;
Что онъ, какъ царь всея природы,
Съ дарами разума, свободы,
Во славу Божью сотворенъ.

11.

Къ сему единственно предмету
Теките сверстники мои!
Мы долго дань платили свѣту;
Пора бѣлить дѣла свои!
Пора готовиться къ жилищу,
Въ которомъ кесарю и нищу
Нѣтъ очистительныхъ седьмицъ,
Гдѣ духъ, оставя здѣсь заботы,
Постигнетъ Господа субботы
Въ единосущіи Трехъ Лицъ.

Посланіе къ пріятелю.

Ужъ осень на дворѣ и снѣгъ перепадаетъ;
Зима своихъ предтечъ на Сѣверъ посылаетъ.
Бывало, въ эти дни, на праздникъ храмовой,
Несется пыль столбомъ, летитъ гостей къ намъ рой;
Для каждаго на вкусъ забавы тамъ готовы,
Приличія не жмутъ тиранскія оковы.
Всѣ за-просто — свои, чужіе и родня;
Не ищемъ кое-какъ убить лишь только дня;
Играемъ безъ причудъ, бесѣдуемъ радушно,
Весь домъ идетъ вверхъ дномъ, никто не молвитъ: скучно.
Бывало, пиршество отправя такъ въ селѣ,
И новы сѣмена покинувши въ землѣ,
На нивы испрося Небесъ благословенья, —
Хозяйства день, другой, займетъ насъ упражненье.
Въ скирды сложивши хлѣбъ, въ стога сметавъ траву,
Бывало, мы теперь сбираемся въ Москву.
Проживши лѣто все въ деревнѣ, на свободѣ,
Безъ всякихъ лишнихъ тратъ, въ угодность глупой модѣ,
Объявимъ свой отъѣздъ; и тотъ, и тотъ сосѣдъ
На проводахъ даютъ прощальный намъ обѣдъ;
Покаломъ чокъ да чокъ, наполненнымъ до края,

Другъ съ другомъ мы опять прощаемся до Мая:
А ты межъ тѣмъ, мой другъ, въ Узоровѣ своемъ
То жъ дѣлая, что я, и вечеромъ и днемъ,
Епистолы ко мнѣ стихами посылаешь,
На встрѣчу отъ меня такія жъ получаешь;
Но шуму не любя и волею принявъ
Уединенья крестъ, философа уставъ,
Живешь одинъ въ семьѣ, какъ пастырь домовитый,
И орошаешь самъ свой садикъ плодовитый.
Ботаникѣ учась не тщетно много лѣтъ,
Умѣешь сохранить и дерево и цвѣтъ,
Отъ нихъ и ароматъ и пользы добиваться. —
Я, бѣдный, не въ тебя: люблю въ толпѣ сло-
нятьcя;
Я суетенъ какъ червь, охотно въ томъ винюсь,
Лишь ползать не гораздъ, а все-таки рѣзвлюсь;
Но время и ко мнѣ немилосердо стало! —
Не даромъ затвердилъ: бывало, да бывало?
Я нынѣ круглый годъ въ деревню не съѣзжалъ,
На Вражкѣ у себя Пометномъ прохворалъ. —
Хоть лѣтомъ моему завидуютъ всѣ дому,
Но, ахъ! и красный день не взмилится больному.
Поклонная-Гора съ окрестностью своей,
Фили, Москва-рѣка, хоть куры бродятъ въ ней,
Прекраснѣйшій ландшафтъ; но кто жъ не согла-
сится,
Что то жъ, да то же все и въ Римѣ пригля-
дится? —
Какъ послушникъ скажу, что басня говоритъ:
Для проходящаго какой прекрасный видъ!
Признаемся, мой другъ, оставя всѣ затѣи,

Которыми въ восторгъ приводятъ грамотѣи,
Что мало для того, чтобъ человѣкъ былъ радъ,
Смотрѣть на пейзажъ и слушать водопадъ;
Шафгаузъ, Чатырдагъ, Темпейскія Долины
Прекрасны для писца фламанскія картины.
Не спорю; но душа — о! вѣрь мнѣ, для нее
Безъ сообщенія мертво на свѣтѣ все.
Умъ, сердце, голова суть органы такіе,
Которыхъ не взманишь, какъ стеклышки глазныя:
Имъ нуженъ не раёкъ — бесѣда, разговоръ. —
Поѣдетъ ли въ Москвѣ къ больному кто на дворъ!
Въ печали и тоскѣ друзей не дожидайся;
Дай праздникъ: — ихъ тутъ тма; а слегъ — одинъ валяйся.
Но толку нѣтъ роптать; объ этомъ ужъ давно,
И въ прозѣ и стихахъ, вездѣ говорено.
Философы, жрецы, не проходило вѣка,
Старались исправлять безъ пользы человѣка.
Во времени своемъ, я помню, говорилъ
Мнѣ то же мой отецъ, а я за нимъ твердилъ.
Сердилися до насъ, зря въ ближнемъ вѣроломство;
Пришлось сердиться намъ, озлится и потомство;
Вертится такъ весь міръ; не сыщешь наконецъ
Ты въ сотнѣ хитрыхъ душъ двухъ добренькихъ сердецъ.

. . . .

У многихъ, я слыхалъ, есть проповѣдь прекрасна.
Какъ скуку знать въ семьѣ, когда она согласна?
На что тебѣ скликать со всѣхъ сторонъ гостей?
Съ женою вообще воспитывай дѣтей,
Пиши, читай, своимъ хозяйствомъ занимайся,

Для воздуха выйдь въ садъ, природой наслаждайся.
Такъ точно, господа! вся ваша рѣчь красна,
И Кондильякова въ ней логика полна; —
Но маленькое мнѣ позвольте возраженье:
Мнѣ нужно чувство въ васъ, отнюдь не умо-
зрѣнье;
Такія же гораздъ балясы я точить
И, можетъ быть, другихъ съумѣю научить;
Но дѣло не о томъ: хоть все благополучно
Въ семьѣ моей, хоть я готовъ съ ней неразлучно
Въ чухонскомъ дымовьѣ, въ темницѣ мрачной
жить,
Судьбу, какую Богъ пошлетъ, съ ней раздѣлить;
Блаженство нахожу среди семейна круга;
Любовью всѣхъ ко мнѣ богатъ подъ крышкою
моей,
Повѣрьте, точно такъ; но знаете ли скуку,
Несносную сію однообразья муку?
Взгляните, какъ Дамонъ доволенъ у себя!
Лѣнивое свое спокойствіе любя,
Онъ счастливъ, у него все есть, онъ не хлопо-
четъ;
Казалося бы рай; зачѣмъ же не хохочетъ?
Онъ пасмуренъ, унылъ: вотъ скука, господа!
Царь рядомъ съ ней сидитъ на тронѣ иногда.
Мы можемъ у себя быть счастливы, довольны,
Въ издержкахъ широки, въ поступкахъ очень
вольны;
Но недостаточно спокойства одного. —
Чтобъ скуку имъ изгнать изъ сердца своего,
И слова и пера, какъ ни хитри искусство,

Веселости нельзя изобразить намъ чувство.
Умѣя ощущать, не можемъ изъяснить;
Ни славой, ни честьми ее нельзя купить.
Ее не привлечешь ни баломъ, ни обѣдомъ,
И часто въ деревняхъ сосѣдъ съ своимъ сосѣ-
домъ
Стократно веселѣй въ свѣтелочкѣ сидитъ,
Чѣмъ тотъ, чей въ златѣ домъ, какъ жаръ въ
Москвѣ горитъ.
Веселость! ты одна животворишь созданье.
Отвергнешь ли твое волшебное вліянье?
Шепни мнѣ на ушко: куда ты скрылась, гдѣ?
То въ насъ самихъ, то внѣ; то всюду, то нигдѣ.
Я помню, какъ бывалъ я очень, очень молодъ,
Повѣса, какъ и всѣ, терпя безъ шубы холодъ,
Лишь только поутру одѣнусь, приберусь,
И задними дверьми коё-какъ увернусь
Отъ злыхъ ростовщиковъ, замученъ сильнымъ
страхомъ,
Нанявъ четверку въ долгъ, лечу орлинымъ ма-
хомъ
Рѣзвиться тамъ и сямъ, комедію играть:
Улыбки цѣлый день не могъ я потерять.
Былъ веселъ, не смотря на всѣ мои заботы; —
Насталъ и для меня вѣкъ тягостной работы.
Казалось, отъ земли сажени полторы
Честолюбивые взнесли меня пары;
При всемъ однако томъ величіи и славѣ,
Путь терніемъ заросъ къ весельямъ и забавѣ:
Былъ счастливъ, не таюсь, спокоенъ, даже радъ,
Но скука вкралась въ духъ - пошло все на разладъ.

О, нѣтъ, мой другъ, о, нѣтъ! веселость есть
стихія,
Которой не дадутъ ни камни дорогіе,
Ни канцлерскій дипломъ, ни тысячи крестовъ.—
Что опытъ доказалъ, на то не нужно словъ.
Людей спокойныхъ лѣнь, а мудрыхъ осторож-
ность
Веселости всегда суть противоположность.
Намъ надо для нее—Богъ знаетъ что!—всего:—
Шумъ, роскошь, суета, а часто — ничего!
Безъ зова къ намъ на дворъ ее случайность вво-
дитъ;
Иной порой зовешь, зовешь, и не приходитъ.
Итакъ, сколь ни гордись семьею ты своей,
Спокойство въ ней найдешь, но веселъ безъ лю-
дей,
Безъ общества никто, конечно, быть не можетъ,
И скуку разогнать бесѣда лишь поможетъ.
Бесѣдой я зову пріятный разговоръ.
На то ль даръ слова данъ, молоть чтобъ всякій
вздоръ?
День цѣлый толковать о травлѣ, картахъ, модахъ.
О сплетняхъ по домамъ, о свадьбахъ и разводахъ?
И съ вѣтра подцѣпя на рынкахъ анекдотъ,
О немъ повѣствовать, не зажимая ротъ?
Разсказъ не разговоръ; иной промелетъ сутки
О томъ, что между бабъ послышалось у будки.

Да, если бъ, напримѣръ, не смысля вовсе зла,
О важномъ чемъ-нибудь въ семействѣ рѣчь за-
шла,

Подобный разговоръ не долго продолжится.
И тотчасъ да, иль нѣтъ, на языкѣ родится;
Иначе быть нельзя; какъ разумъ ни точи,
Вседневно, всякій часъ, другъ съ другомъ живучи,
Знакомы до того идеи всѣхъ и чувство,
Что разговорное теряется искусство.
Я знаю, что другой мнѣ будетъ возражать,
А тотъ, чѣмъ я готовъ его опровергать,
И кончится успѣхъ домашнихъ разговоровъ
Лишь выразительной *словесностію взоровъ*

Согласная семья — обитель есть друзей;
Довольство, миръ, покой, мы все находимъ въ ней.
Тутъ искреннихъ сердецъ сливаются всѣ тайны,
Тутъ подвиги любви бываютъ обычайны;
При встрѣчахъ роковыхъ участіе, совѣтъ,
Или въ семьѣ найдешь, или нигдѣ ихъ нѣтъ!
Такъ чувствую и самъ; но это не мѣшаетъ
Тому, кто отъ людей и обществъ убѣгаетъ,
Скучать иной день такъ, что Боже упаси!
Коль хочешь веселъ быть, людей къ себѣ проси,
Самъ ѣзди по гостямъ, не будь Анахоретомъ;
Нѣтъ легче ничего, какъ связь прервать со свѣтомъ,
И замуравиться навѣкъ въ своихъ стѣнахъ;
Ищи спокойства въ нихъ, веселья — въ суетахъ.
Частехонько острякъ, хотя безъ характера,
Скорѣй развеселитъ, чѣмъ дружба безъ примѣра.

Начавъ сіе письмо, я взялъ себѣ въ предметъ,
По прошлогоднему тебѣ прислать отчетъ,
Чѣмъ тамъ, гдѣ полагалъ ты насъ, я занимался:—
Ты видѣлъ, что съ Москвой я годъ не разставался.
Недугомъ изнуренъ, унылостью томимъ,
Три мѣсяца почти былъ вовсе недвижимъ.
Аптека всякій день кувертъ мнѣ присылала,
И долго у себя нахлѣбникомъ считала.
Іюля лишь въ концѣ сталъ на ноги опять;
Ужъ поздно было намъ въ деревню помышлять;
Спустивши лѣто, въ лѣсъ кто ходитъ за малиной?
И сей остановленъ невольною причиной,
Сошелъ бы, можетъ быть, съ ума въ пустой Москвѣ,
Ко счастью, тма идей кипѣла въ головѣ.
Съ моленіемъ прибѣгъ я къ Фебу златовласу,
Явиться въ кабинетъ велѣлъ ко мнѣ Пегасу,
И въ области на немъ Фантазьи полетѣлъ.
Ужъ онъ скакалъ, скакалъ; ужъ я потѣлъ, потѣлъ! . . .
Повѣришь ли, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ перо брать въ руки,
Не помню, чтобъ когда, отъ радости ль, отъ скуки,
Такъ много исчернилъ бумажныхъ я листовъ!
Легко ли написать три тысячи стиховъ?
Итогъ имъ подведенъ! вѣсъ тяжкой! ужасаюсь
И самъ, когда на нихъ въ досуги озираюсь;
И думалъ на яву, различны грезя сны,
Что Музы поднесли мнѣ чашу бѣлены,

Нечаянно, что я въ Демьяна превратился,
И за грѣхи мои въ Бедламѣ очутился.

Но риѳма не одна съ ума меня свела;
Рука моя стопу на прозу извела:
На роздыхѣ, шутя и ею занимался.
Мнѣ Богдановича томъ мелочи попался;
Провербы тамъ нашелъ и, глядя на него,
Пословицъ написалъ — полдюжины всего.
Въ семьѣ моей тотчасъ, ихъ выуча исправно,
Похвастаться могу, разыгрывали славно. —
Хотя онѣ и всѣ лишь — на вѣсъ тяжелы,
Для чтенья, не ахти, въ игрѣ не веселы;
Но дѣти при отцѣ и вздоръ когда болтаютъ,
Въ немъ сердце веселятъ и чувства наслаждаютъ.
Вотъ такъ-то, мой дружокъ, я время прогонялъ;
Однако же не все еще я разсказалъ.

Но ты, пожавъ плеча, я вижу, содрогнулся
И вѣрить ужъ готовъ, что въ правду я рехнулся.
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, давно тебѣ знакомъ мой нравъ;
Ты знаешь, для меня пріятнѣй нѣтъ забавъ,
Какъ чтеньемъ и письмомъ вседнѐвно заниматься;
Отнюдь я не ищу стихами прославляться;
Пишу ихъ для себя и прозу точно тожъ.
На нашихъ мудрецовъ я вовсе не похожъ;
До совершенства всѣ они такъ нынѣ падки,
Что въ тысячѣ стиховъ, коль два иль три не гладки,
Творенье и творца на плаху поведутъ,

Анаѳемѣ тотчасъ соборомъ предадутъ.
Богъ съ ними! не для нихъ свое я трачу время.
Изящны письмена мнѣ сладость, а не бремя. —
И то ужъ для меня безцѣнное добро,
Что скуку отогнать поможетъ мнѣ перо.
Пріятель въ смертный грѣхъ ошибки не поставитъ;
Что̀ ладно, скажетъ такъ; что̀ худо, то поправитъ,
Не станетъ за глаза браня, въ глаза хвалить,
Чужія на лету сентенціи ловить.
О! нынѣшни друзья, насмѣшники подспудны,
На это мастера! слыхалъ я судъ ихъ чудный!
Иной на выборъ словъ, другой на риѳму золъ,
Идеи не понявъ, тотъ подлу рѣчь нашелъ;
Не ужъ ли и слова и мысли выраженьи
По смыслу хороши, по звуку лишь въ презрѣньи,
Разставиться должны по классамъ въ словаряхъ
Такъ точно, какъ чины въ адресъ-календаряхъ?
Тотъ, нюхая табакъ, съ таинственной ухваткой,
Прекрасно! возгласитъ; а шепчетъ: слогъ прегадкой;
Тотъ . . . . словомъ, какъ сказалъ Державинъ, богъ стиховъ,
Кто хочетъ леденцу, кто мерзлыхъ огурцовъ.
Оставя сихъ господъ на олимпійскомъ лонѣ,
Разсказъ мой довершу въ моемъ обычномъ тонѣ.—
Я піитическимъ мечтамъ не зрю препонъ,
И вздумалъ сочинить знакомыхъ лексиконъ,
Въ которыхъ собраны сердечны отношенья: —
Тутъ врагъ мой, тутъ и другъ, любовь и заблужденье. —

Актеровъ тму съ собой на сцену вывожу;
Жизнь — драма, міръ — театръ; играю и гляжу;
Гдѣ плачу, гдѣ смѣюсь, тутъ гнѣвомъ я пылаю,
А тамъ, какъ Карашель, на солнышкѣ притаю.
Какъ весело, нельзя тебѣ изобразить,
Біографическій словарь такой чертить!
Вседневно предо мной мѣняются предметы,
И люди, и мѣста, и случаи, и лѣты;
Въ одинъ и тотъ же часъ я сплошь перелеталъ
Изъ Пензы въ Вильманстрандъ, съ Невы и за Байкалъ;
Ребенокъ, школьникъ, мужъ, старикъ, въ одно мгновенье:
То ѣзжу на конѣ, то строю ополченье.

День за день, такъ-то я до осени доплелъ;
Съ гнѣзда не шевелясь, опять каминъ развелъ;
Опять его пѣвецъ, въ пристрастьи постоянной,
Ждать будетъ здѣсь зимы со свитой окаянной;—
Пускай морозъ стучитъ, ему нельзя меня
Веселости лишить: она — здѣсь у огня.

Размышленіе недужнаго.

Для вѣчности намъ Богъ жизнь временную далъ;
За временную скорбь рай вѣчный обѣщалъ;
Тамъ родина души, всѣхъ таинъ совершенство.
Спятъ трупы подъ землей, ихъ въ небѣ ждетъ блаженство;

И кровію Христа обѣтъ запечатлѣнъ.
Вселенна въ лѣпотѣ, одинъ лишь призракъ тлѣнъ;
Колико въ ней красотъ чудесныхъ ни встрѣчаю,
Но міръ назвать Небесъ подобьемъ не дерзаю;
Далеко нашу мысль и чувство превзойдетъ
Тотъ рай, который Богъ для праведныхъ блюдетъ,
Далеко не вмѣститъ и мудрыхъ постиженье
Великаго Творца ко твари снисхожденье.
Сей велелѣпный міръ, чудесъ огромный храмъ,
Оттѣнокъ лишь того, что̀ Богъ назначилъ намъ.
Пускай мы здѣсь цари, пусть въ силѣ торжествуемъ
И предковъ утоптавъ, потомковъ образуемъ,
На долгій рядъ вѣковъ и зиждемъ и творимъ,
Какъ волны безъ бреговъ среди пучинъ кипимъ;
Но міру есть предѣлъ, и — смертному кончина,
Какъ громко бы его ни славилась судьбина!
Ничто не отвратитъ Всевышняго законъ:
Ни доблести, ни мзда, ни покаянный стонъ.
Но ежели судить о жизни человѣка
По подвигамъ его, — ему не будетъ вѣка.
Вотще въ дѣлахъ искать мы вѣчности хотимъ,
Дивяся старинѣ, внучатъ дивить спѣшимъ.
Пока тѣснится духъ въ вещественномъ составѣ,
Ему причастья нѣтъ въ готовящейся славѣ,
Которой, на краю послѣднихъ нашихъ дней,
Достигнуть суждено отъ юности своей.
Утративши ее въ плачевной сей юдолѣ,
Мы тяжкой подъ грѣхомъ подвержены неволѣ;
Недуги и печаль и всякая бѣда

Соблазновъ свѣтскихъ, суть горчайшій плодъ и
мзда.
Состарѣвшись, на гробъ со трепетомъ взираемъ
И, краткой мигъ проживъ, въ немъ скоро засы-
паемъ.
Чего же ради такъ мятемся въ животѣ
И въ жертву небеса приносимъ суетѣ?
Дымъ славы обонять — безъ устали трудимся;
Съ кумирами страстей встаемъ и спать ложимся?
Не смысля, что всему конецъ на свѣтѣ — тля,
Что въ землю снидетъ все, — понеже все земля.

О, Ты, Душа духовъ, превыспреннихъ зиждитель!
Поправшій смертью смерть, Адамовъ искупитель!
Приникни съ высоты въ чертогъ моей души,
Гнѣздящихся страстей волненье утиши!
Какъ Симону Петру, въ моряхъ тиверіадскихъ,
Десницу мнѣ простри, изми изъ пламенъ адскихъ!
Смиряя, научи геройски все терпѣть,
По благодати жить, и — съ миромъ умереть!!!

Воспоминаніе въ Александровѣ, близъ гроба падчерицы моей, Е. А. П.

На мѣстѣ томъ, гдѣ ты родилась
И отцвѣла въ пятнадцать лѣтъ,
Гдѣ мать тобою веселилась,
Ты замѣняла ей весь свѣтъ,

Увы! что вижу? За холмами,
Сквозь оконъ, куполъ тотъ блеститъ,
Подъ коимъ прахъ твой, межъ гробами,
Ужъ восемь лѣтъ отъ насъ сокрытъ.

Все то же здѣсь! куда ни броситъ
Отчаянная мать свой взглядъ;
И всякій шагъ за нею носитъ
Мечту потерянныхъ отрадъ.
Судьба жестокая судила
Здѣсь всѣмъ Елену пережить;
Гдѣ все собой животворила,
Одну ее тамъ не найтить.

Въ тѣни ночной, съ душей стѣсненной,
И я, полмертвый человѣкъ,
Бѣдой такой же пораженной,
Люблю воспоминать твой вѣкъ;
Но въ немъ едва четверту долю
Сочтя моихъ безплодныхъ дней,
Небесъ оплакиваю волю,
Стеню — и покоряюсь ей!

Алёночка! уже ты съ нами
Ни дня, ни вечера не зришь,
И легкими съ саду стопами
За бабочкою не бѣжишь;
Въ объятьяхъ матери счастливой
Ты сердца къ сердцу не прижмешь;
Отъ рѣзвости нетерпѣливой
У ногъ ея не отдохнешь.

Но сколь сугубо ты блаженна
Въ сравненьи съ нашею судьбой!
Жилище смертное: вселенна
Уже не рушитъ твой покой!
Ты въ ликахъ ангельскихъ сіяешь
И, дѣвства чистотой гордясь,
На блага здѣшнія взираешь
Со всей ихъ славой, какъ на грязь!

Но намъ, любезна бывши въ тѣлѣ,
И внѣ твоя душа мила;
Въ твоей безчувственной скудели
Любовь источникъ слезъ нашла;
И мать въ ужасномъ сокрушеньи
Дотоль его не осушитъ,
Доколь благое Провидѣнье
Ея дней тяжкихъ не свершитъ!

СТИХИ ЛЮБВИ.

Подарокъ Ан. Ив. Вил-вой.

Ко счастью путь лежитъ одинъ:
Любовь! — другого нѣтъ въ природѣ.
И самый знатный господинъ,
И низшій рабъ въ простомъ народѣ,
Любовью движутся, живутъ.
Не слава дни даетъ блаженны;

Мгновенья жизни вожделѣнны
Отъ сердца нѣжнаго текутъ.

Для славы тяжко могъ прожить,
Для сердца радъ бы жить два вѣка.
Воспламеняться и любить
Есть рокъ и свойство человѣка.
Дадимъ царямъ земной весь шаръ,
И пусть на немъ все покоряютъ;
Но что потомъ? — Они скучаютъ,
Когда любви въ нихъ стынетъ жаръ.

Любовь есть искра Божества,
Непостижимая причина
Началъ и дѣйствій естества;
Любви конецъ — души кончина.
Вездѣ находимъ суету,
И славы гибнутъ возглашеньи
Въ одномъ любовномъ восхищеньи
Безсмертныхъ благъ мы зримъ черту.

Взгляните вы вокругъ себя
На все, что̀ міръ сей населяетъ:
Все ищетъ счастія, любя,
Восторгамъ чувства посвящаетъ.
Тѣснитъ ли врагъ, вельможъ соборъ,
Сама-ль спиной Фортуна стала:
Подруга сердца приласкала —
И вся печаль — какъ-будто вздоръ.

Творецъ такъ свѣтъ образовалъ,
Что въ немъ любви все строитъ сила.

Примѣровъ опытъ не казалъ,
Чего бъ она не побѣдила.
Всѣ дань платили страсти сей,
И въ спискахъ слугъ ея стояли.
Монархи въявъ пренебрегали,
А тайно жгли кадило ей.

Тебѣ одной принадлежитъ
Самодержавіе вселенной!
Тебѣ во слѣдъ вся тварь бѣжитъ,
Ты узелъ міра совершенной! —
Когда злостраждетъ скорбный духъ,
Въ тебѣ онъ ищетъ утѣшенья:
Любовь источникъ наслажденья
Обворожаетъ взоръ и слухъ.

Приди жъ теперь въ поникшій домъ
Дѣлить со мной невзгоды міра!
Тебѣ давно уже знакомъ
Песчаный садъ, каминъ мой, лира.
Все ту же бѣдность ты найдешь;
Но чудеса тебѣ не чужды:
Въ богатство превратятся нужды,
И небо тамъ, гдѣ ты живешь!

ЭЛЬФРИДѢ.

С..... Н..... За-ной.

—

Коль сердца нѣжнаго довольно,
Чтобы любви достойнымъ быть,
Эльфрида! ты должна невольно
Меня всю жизнь свою любить.
Должна за то, что я съ тобою
Готовъ дѣлить на свѣтѣ все:
Готовъ навѣкъ съ твоей судьбою
Связать все счастіе мое.

Не вѣрь лукавому внушенью
Толпы обманчивыхъ льстецовъ:
Чтобъ дать видъ правды обольщенью,
Языкъ богатъ въ наборѣ словъ.
Я самъ на свѣтѣ прожилъ много,
Страстей тревоги испыталъ;
Страстями былъ наказанъ строго,
Любви прямой не измѣнялъ.

Чета сердецъ и откровенность,
Взаимныхъ чувствъ между людей:
Такая въ жизни драгоцѣнность,
Какой подъ солнцемъ нѣтъ милѣй.
Любовникъ сто побѣдъ исчислитъ,
Но что въ нихъ проку? — пустоцвѣтъ!

Уроковъ опыта не смыслитъ,
Добыча есть — да счастья нѣтъ.

Эльфрида! другъ мой — восхищаться
Не вѣчно можетъ человѣкъ!
Онъ любитъ жить и наслаждаться,
Его такъ кратокъ, — труденъ вѣкъ.
Восторгъ минутный утомится,
Какъ легкій вѣтеръ прелетитъ, —
Любовь до самой смерти длится:
Она и прахъ животворитъ.

Любовь и за предѣломъ жизни
Надежды якорь утвердя,
Въ небесной ангельской отчизнѣ,
Свои отрады возродя,
Зари ждетъ вѣчности прекрасной,
И, милый встрѣтя тамъ предметъ,
Не призракъ дѣлитъ съ нимъ опасной,
Но чистый огнь — и тихій свѣтъ!

Посланіе къ Н. Д. Иванчину-Писареву.

—

Въ альбомъ писать стихи — мое ли, право, дѣло?
Ты требуешь того — я приступаю смѣло; . . .
Но что писать къ тому, кто такъ взрастилъ какъ ты
Неувядаемы поэзіи цвѣты,
Кто *смѣлъ* (твои слова) *близъ ангела молиться,*
И съ образомъ его отъ свѣта удалиться? *)
Хоть два раза почти я старѣе тебя,
Но такъ же горячо и самъ еще любя,
Довѣренности въ знакъ здѣсь молвлю откровенно,
Что пламенной любви въ насъ чувство неизмѣнно;
Оно еще въ раю, какъ самый даръ благой
Дано Творцемъ міровъ съ безсмертной намъ душой.
Пускай смѣется свѣтъ, сіи читая строки,
Что старый хрѣнъ, какъ я, даетъ любви уроки:
Зачѣмъ же нѣтъ? Скажу, душа моя жива,
Ко сладости любви она еще нова.
Ее не умертвятъ ни времена, ни годы,
И старецъ во сто лѣтъ въ пріятный мигъ свободы,
Способенъ иногда блаженства чашу пить,
Въ хороминѣ простой все небо заключить.
Любовь, котора насъ то нѣжитъ, то тревожитъ,

---

*) Относится къ однимъ изъ стиховъ хозяина альбома.

Которой изъяснить ни чей языкъ не можетъ,
Любовь есть нашъ удѣлъ, сокровище души,
Богатство въ нищетѣ — величіе въ глуши;
Отъ прелестей ея какой мудрецъ спасется?
Мы любимъ всякой день, доколѣ сердце бьется,
И даже, признаюсь, подъ крышкой гробовой.
Мнѣ кажется, туда сокроется со мной
Послѣдняя мечта, послѣдній видъ предмета,
Который былъ мнѣ здѣсь всего дороже свѣта.
Законъ души моей въ альбомъ вмѣщаю твой:
Кто любитъ — тотъ въ раю; кто милъ — тотъ
богъ земной!

Сила Генія.

Господинъ Сегюръ, бывши нѣкогда посломъ своего двора при Екатеринѣ, допущенъ былъ въ Ея приватное общество и удостоивался нерѣдко бесѣдовать съ Нею о разныхъ философическихъ предметахъ, въ кругу отборныхъ мужей Ея Имперіи. Сіи часы составляли золотые досуги Екатерины. Думать надобно, что однажды угодно Ей было разсуждать съ французскимъ министромъ о причинахъ моральнаго зла въ мірѣ, и, по поводу сего разговора, онъ написалъ

небольшое сочиненіе въ стихахъ, которое посвящено Императрицѣ въ видѣ посланія, и которое я перевелъ на россійской языкъ.

Напрасно мыслишь Ты, что нравственное зло
Отъ мѣстнаго небесъ вліянья истекаетъ;
Натура, въ простотѣ, какъ чистое стекло,
Намъ кажетъ видъ вещей, но ихъ не созидаетъ;
Она пестритъ цвѣты, питаетъ всякой злакъ,
Даетъ морозъ и зной, свѣтъ солнечный и мракъ;—
Но нравы улучшить, ума дары свободны, —
Законы лишь одни, не климаты способны.
Ты видѣла въ землѣ кремнистой и пустой,
Гдѣ съ нуждой Скандинавъ съѣдаетъ хлѣбъ сухой,
Съ какимъ умомъ, когда Густавовъ родъ тамъ правилъ,
Бояться онъ себя Германію заставилъ;
Ты зрѣла, какъ среди болотныхъ камышей,
Голландія войной и твердостью своей
Умѣла пріобрѣсть довѣренность вселенной,
Отчизну создала, воздвигла сильный флотъ
И, областію ставъ въ расчетахъ несравненной,
Сокровищами свой прославила народъ.
Проникнемъ въ нѣдра мы, владычица полсвѣта,
Чей блескъ еще теперь восторгу стоитъ слезъ:
Взгляни на Римъ и Тибръ—тщеславны два предмета —
Тамъ Зевсовъ куполъ цѣлъ, духъ Цезаревъ — исчезъ!

Сойдемъ въ волшебный край, столь памяти пріятный,
Гдѣ Музъ былъ и витій разсадникъ благодатный,
Прославленныхъ вождей златая колыбель,
Гдѣ каждая пядень утоптанныхъ земель
Есть дива монументъ.... Что съ Греціею стало?—
Подъ тѣнію гробовъ чело ея увяло.
Чего смотрѣть летитъ къ ней любопытный взглядъ?
Развалинъ лишь однѣхъ величественный рядъ,
. . . .
Хотя Пермесъ и Пиндъ еще хранитъ судьбина,
Темпейская цвѣтетъ блаженная долина,
Хотя мѣста все тѣ жъ, но Греціи ужъ нѣтъ!
И въ солнечныхъ лучахъ смеркъ Аполлоновъ свѣтъ!
Изъ сихъ горячихъ странъ прейди со мной въ другія,
Гдѣ вся противна имъ вещественна стихія,
Гдѣ вовсе нѣтъ весны, родится тощій хлѣбъ,
Моритъ въ снѣгахъ свой зракъ оледенѣлый Фебъ:
Тамъ варварствомъ однимъ взлелѣянны народы,
Славянъ и Гунновъ тмы — чудовища природы —
Чугунныя поля оставя за собой,
Текли весь міръ страшить ужасною войной,
И ярости во мзду ихъ витязи суровы
Къ татарскимъ племенамъ попалися въ оковы.
Казалось, вѣчный мракъ забвеніемъ покрылъ
Несмысленной толпы набѣги дерзновенны;
Исплавлены мечи въ серпы порабощенны —

И бить челомъ въ Орду ихъ гордый царь хо-
диль. . . .
Явился Исполинъ! — Все Генію покорно! —
Онъ, само естество преодолѣвъ упорно,
Россію выше всѣхъ широкихъ царствъ возвелъ;
Всякъ подданный подъ Нимъ въ геройствѣ по-
сѣдѣлъ.
Законы начерталъ, Монархію поставилъ,
И тѣхъ, чью цѣпь сломалъ, враговъ ковать за-
ставилъ;
Царей съ престола свергъ, Стамбулъ затрепеталъ
И безднами морей югъ съ сѣверомъ вѣнчалъ.
Стезей Его идя, въ слѣдъ мудру вдохновенью,
Екатерина вдругъ, Европы къ изумленью,
Наказомъ и мечемъ Совмѣстница Петра,
Россіи показавъ ключи ея добра —
Одѣла въ новый блескъ, вела отъ силы въ силу
Ту жъ самую страну, издревле столь уныду,
И въ тѣхъ краяхъ ея поставила предѣлъ,
Куда Филипповъ сынъ проникнуть не успѣлъ;—
У ногъ Ея заглохъ звукъ древней его славы;
Явились при дворѣ художества, забавы,
И снова въ немъ процвѣлъ тотъ Людовика вѣкъ,
Въ которомъ жилъ умомъ и сердцемъ человѣкъ,
Учился размышлять судья и драться воинъ, —
Равно тотъ и другой вниманья былъ достоинъ.
Дымилася Чесма подъ заревомъ побѣдъ
И Турокъ былъ въ грозѣ; смиренъ Полякъ и
Шведъ;
А свой народъ, Ея стяжавъ благотворенья,
Блаженства не искалъ въ софизмахъ умозрѣнья;

Терпимость и законъ, дѣятельность труда
Селятъ въ степяхъ людей и красятъ города.
Итакъ, въ картинѣ сей увидимъ, сколь напрасно
Въ предубѣжденье мы вдаемся ежечасно,
Считая, будто царствъ вѣкъ, такъ сказать, златой
Образовать должны земной съ воздушнымъ слой.
Не почва, а законъ ихъ благо созидаетъ,
И славою престолъ не климатъ озаряетъ.
Державы всѣ равны, а блескъ ихъ отражать
Принадлежитъ тому, ктò знаетъ управлять.
Во всѣхъ вѣкахъ сія намъ истина открылась:
Гдѣ Геній повелѣлъ — натура покорилась!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ
къ
СОЧИНЕНІЯМЪ
ДОЛГОРУКАГО.
ТОМЪ I.

НАДГРОБНЫЯ.

О Д Ы.

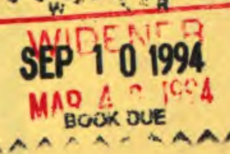
ПОСЛАНІЯ.

ПОСЛАНІЯ КЪ АНОНИМАМЪ.

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТКРЫТЫМЪ ЛИЦАМЪ.

СТИХИ НА РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

3 2044 012 920 542


WIDENER
SEP 1 0 1994
BOOK DUE